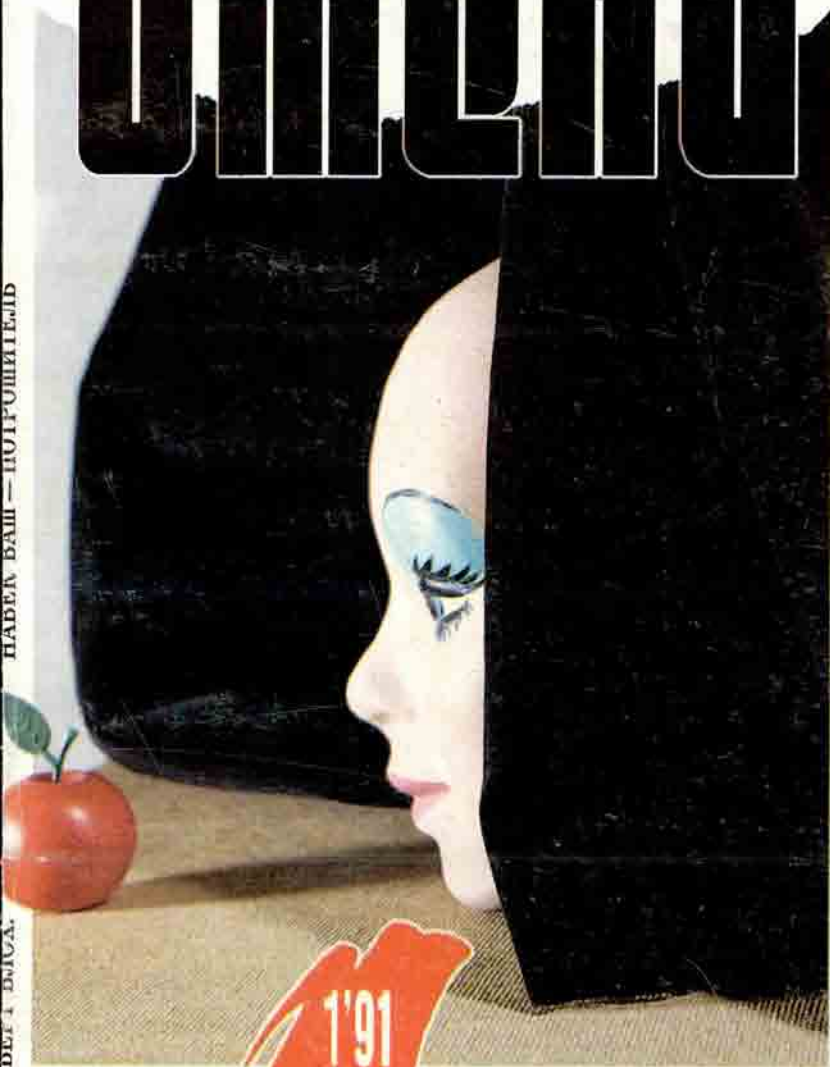

СМОНА

ПАВЕЛ БАШ — ПОЛГОШИТЕЛЪР

ГОДЕТЪ ВЪСА.

СЕРГЕЙ УСТИНОВ.

1'91

КТО НЕ СПРЯТАЛСЯ...

АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ. ИДИ НА ГОЛГОФУ   ВАСИЛИЙ КАНДИНСКИЙ. СТУПЕНИ

Знала бы Екатерина Вторая...

(ЧИТАЙТЕ СТР. 82)

Главный редактор
МИХАИЛ КИЗИЛОВ

Редколлегия:

БОРИС ДАНИУШЕВСКИЙ
(зам. главного редактора)
АЛЬБЕРТ ЛИХАНОВ
ИОСИФ ОРДЖОНИКИДЗЕ
СЕРГЕЙ ПОПОВ
(зам. главного редактора)
ЮРИЙ РАГОЗИН
РОБЕРТ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
ЕВГЕНИЙ РЯБЧИКОВ
ВАДИМ САЮШЕВ
ВИТАЛИЙ СЕВАСТЬЯНОВ
ВЛАДИСЛАВ СЕРИКОВ
ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ
(главный художник)
ТАМАРА ЧИЧИНА

Оформление

ИГОРЯ КЛЮЧНИКОВА

Технический редактор

АЛЕКСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 02.11.90.
Подписано к печати 10.12.90.
Формат 84 × 108 $\frac{1}{2}$.
Бумага газетная «Тампресс».
Печать офсетная.
Усл. п. л. 15,54. Усл. кр.-отт. 17,64.
Уч.-изд. л. 23,10. Отпечатано
1 680 000 экз. (из общего тиража
1 880 000 экз.)
Заказ № 3011. Цена 1 р. 65 коп.
101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14.
212-15-07 — для справок.
212-11-27 — отдел писем.
Ордена Ленина и ордена Ок-
тябрьской Революции типогра-
фия имени В. И. Ленина изда-
тельства ЦК КПСС «Правда»,
125865, ГСП, Москва, А-137, ули-
ца «Правды», 24.
Рукописи, фото и рисунки не воз-
вращаются. Рукописи объемом
более 1 авторского листа (24 ма-
шинописные страницы) редакци-
ей не рассматриваются.

1 (1515) ЯНВАРЬ

© Издательство ЦК КПСС «Правда»
«Смена», 1991.

191
СМЕНА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Основан в январе 1924 года.

В НОМЕРЕ:

4
К ЧИТАТЕЛЯМ «СМЕНЫ»

ПРОЗА

14
АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ. ИДИ НА ГОЛГОФУ

142
СЕРГЕЙ УСТИНОВ. КТО НЕ СПРЯТАЛСЯ...
Повесть

260
РОБЕРТ БЛОХ. НАБЕК ВАШ — ПОТРОШИТЕЛЬ
Рассказ

ПОЭЗИЯ

90
ЗИНАИДА МИРКИНА

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО

6
ЛЕВ ФЕДОРОВ. ОТРАВА
(Драма в Уфе глазами ученого)

82
АЛЕКСАНДР ГАЛАГАН. ЗНАЛА БЫ ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ...

110
ВЛАДИМИР АНИСИМОВ. ЗЕРКАЛЬНЫЙ ПЕЙЗАЖ

116
«СМЕНА» И ВЕХИ. Беседа с председателем Комитета по
делам молодежи Верховного Совета РСФСР
СТАНИСЛАВОМ СМИРНОВЫМ

МОРАЛЬ И ПРАВО

60
АЛИНА ЧАДАЕВА. О ВЕРЕ И БЕЗВЕРИИ

96
ДЕЙВ БАРРИ. «ХЕЛЛО, ТЫ МНЕ НРАВИШЬСЯ!»
Главы из книги «Супружество и/или секс»

КУЛЬТУРА, МУЗЫКА, ИСКУССТВО

65
ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА. Фото ПАВЛА КРИВЦОВА

126
ВАСИЛИЙ КАНДИНСКИЙ. СТУПЕНИ

На нашей
обложке:
фотозюд
ВИКТОРА
БРЕЛЯ

254

АЛЕКСАНДР МАРКЕВИЧ. РОК-И-РОЛЛЬНЫЙ РЕМБО

СПОРТ

286

АНДРЕЙ БАТАШЕВ. СОЛО НА ВОДЕ И ПОД ВОДОЙ

141

ВАШИ ПИСЬМА

280

ШАХМАТЫ. КРОССВОРДЫ

59, 125, 278

РЕКЛАМА

2•91

3

■ **ВИЛЬЯМ БЛЭТТИ** «Изгоняющий дьявола» Роман
Происходившее в доме киноактрисы Кристины Макнеил не укладывалось в рамки здравого смысла. Тяжелая болезнь, поразившая ее единственную дочь Регану, сопровождалась странными и жуткими симптомами, более того, ни врачи, ни психиатр-священник Дэмьен Каррас не могли определить, какой именно недуг поразил девочку. Цель кошмаров все более убеждает мать и окружающих, что произошло невероятное: в Регану вселился дьявол. Двадцатый век и экзерсизм (изгнание дьявола) кажутся участникам события вещами несовместимыми, и все же единственная надежда на спасение девочки — довериться тем, кто знает способы борьбы с «порождением ада»...

■ **ВИКТОР ВОСТОКОВ.** Уроки тибетской медицины
Искусство расслабления

■ **ЕЛЕНА МАСЛАКОВА.** Сколько стоит любовь пионерки?
Датская проституция в столичном интерьере

АНОНС:

ДОРОГИЕ НАШИ ЧИТАТЕЛИ!

Представляя вам первый в этом году номер «Смены», хотели бы вместе с добрыми новогодними поздравлениями и пожеланиями поделиться своими редакционными заботами и планами. Вы — наши верные друзья и помощники, и, значит, вам небезынтересно будет знать, что с нами происходило в минувшем году и, не исключено, будет какое-то время беспокоить нас и в этом.

Самое главное — мы дожили до таких времен, когда впервые за многие годы число наших постоянных подписчиков резко сократилось. Событие, конечно, для нас не очень приятное, но вполне закономерное. Сегодня в стране нет ни одного журнала или газеты, которые бы не потеряли своих подписчиков — явление это для нашей периодической печати стало, увы, массовым.

Но и тут «Смена» оказалась в особом положении: большинство журналов сократили тиражи из-за непомерно высокой стоимости своих изданий, мы же оказались своеобразными заложниками «Союзпечати». Попросив у издательства в начале года «Смену» для продажи в розницу и не получив ее, распространители просто перестали во многих городах страны доставлять наш журнал подписчикам. Вот факты, которые убедительнее всяких слов: на 1 ноября прошлого года в Казани и Калининграде рассылался только пятый номер «Смены», а в Красноярске в этот же период на складах лежали часть третьего и четвертый номера, которые подписчики должны были получить еще в апреле!

В итоге тысячи наших постоянных читателей, выписывающих «Смену» уже многие годы подряд, звонили и писали нам, выясняя, а существуем ли мы вообще, и за что они заплатили свои деньги, если журнал приходит к ним

с опозданием в четыре-пять месяцев. Совершенно справедливые претензии и требования!

Мало того, что в прошлом году мы перешли на новый формат, изменили оформление и увеличили объем журнала, что поставило нас в необычные, можно сказать, экстремальные условия, так еще и вот эти издательско-министерские игры...

Но мы все-таки выжили!

17 сентября 1990 года Государственный комитет СССР по печати выдал нам свидетельство № 166 о регистрации журнала «Смена» в качестве периодического издания, учредителями которого стали ЦК ВЛКСМ, издательство «Правда» и коллектив редакции.

Сейчас уже предприняты все необходимые усилия, чтобы решить вопросы оплаты услуг полиграфистов, печатающих журнал, и связистов, осуществляющих экспедирование и доставку его к подписчикам. Вас, конечно, раздражает возросшая почти в два с половиной раза стоимость «Смены», но переход на новые хозяйственные условия повлек за собой увеличение расходов на бумагу, краски, транспорт, экспедирование, и мы тоже вынуждены повысить цены на свое издание. Но делаем это отнюдь не в погоне за прибылью, а исходя из реально складывающейся рыночной ситуации.

А теперь коротко о наших планах. Мы делали и будем делать честный, интересный, интеллигентный и, надеемся, умный журнал. Не собираемся как-то по-особому рекламировать себя — лучшая реклама, на наш взгляд, качество журнальных материалов. Уверены, что те, кто подписался на «Смену», не ошиблись — как и раньше, вы получите возможность читать лучшие советские и зарубежные романы приключенческого и детективного жанра, захватывающие повести и рассказы писателей-фантастов, остропублицистические статьи и очерки на современные темы. Не забудем мы и наше богатое историческое, философское и литературное наследие — надеемся, вы помните публикации прошлого года.

Планов у нас много — обо всем не расскажешь. Будем работать с надеждой на радость наших встреч с вами, дорогие наши читатели. И пусть радость эта будет взаимной!

ОТРАВА

ЛЕВ ФЕДОРОВ

доктор химических наук

*Министерство здравоохранения СССР
разрешило пропустить через водозаборы
Уфы за год столько диоксида, сколько
американцы распылили его на территории
Вьетнама за девять лет войны...*

Началось вроде бы с малого: из-за попадания содержимого складов ПО «Химпром» в водозабор жителям башкирской столицы пришлось пить воду, загрязненную фенолом. В ответ — демонстрации жителей с требованием закрытия ПО «Химпром», несмотря на то что город от избытка рабочих мест не страдал.

Откликнувшись на естественное беспокойство людей, Президент СССР М. С. Горбачев назначил высокую комиссию под руководством заместителя Председателя Совета Министров СССР В. К. Гусева.

Председатель комиссии начал свое общение с прессой традиционным покаянием: «Мы недооценили размеров катастрофы...», но далее последовал вывод комиссии: «Случаев отравления фенолом не установлено», все самое трудное позади, а вопрос с ликвидацией последствий аварии — это

не более чем дело техники, и постановление СМ СССР на сей счет имеется.

Так что же, и на этот раз все обошлось?!

...Вспомните Вьетнам. Армия США для уничтожения джунглей использовала так называемый «эйджент орандж». Чего-либо таинственного в этом нет — это всего лишь смесь двух гербицидов — 2,4,5-Т и 2,4-Д. Обычно их применяют против вредных растений. Так что уничтожающая способность гербицида 2,4,5-Т пришлась весьма кстати. Очень удобно для выдавливания «врага» с больших территорий. **О гербициде 2,4,5-Т и пойдет речь, а точнее сказать, о его компоненте — диоксине.**

ДИОКСИН — не просто ядовитое вещество, а чуть ли не самый страшный яд, созданный человеком. С его воздействием

первыми столкнулись американцы — сначала на сельскохозяйственных полях, а затем при промышленном производстве. Чем только люди не страдали! От характерного и тяжелейшего заболевания кожи — **хлоракне** — до подавления всей иммунной системы. Даже приняв официальную версию американцев, что диоксиновая война во Вьетнаме была непреднамеренной, факт остается фактом — такая война состоялась.

У нас в ту пору разворачивались иные хлопоты, думали о созидательном труде, бились за урожай.

Так вот, в 1961 году на химическом заводе в Уфе (нынешнем ПО «Химпром») начался выпуск малых партий трихлорфенола — технологического предшественника гербицида 2,4,5-Т и других веществ, а с 1965-го — промышленный выпуск гербицида.

Не помогли статьи ученых из ФРГ и Франции, предупреждавших о диоксиновой опасности. Да и были ли они прочитаны?! Думал ли кто о беде? В 1961 году заболел персонал опытной установки — 15 человек. И это нас не остановило. В 1966—1967 годах, когда на «Химпроме» наладили выпуск гербицида 2,4,5-Т, пострадал весь цех. Из 165 человек 128 заболели хлоракне. Не образумились, узнав, что и в Чехословакии — на «Сполане» — та же беда: болели люди.

Нам бы остановиться, понять, что нужна иная технология, иной подход. Ан нет! Началось латание тришкина кафтана — реконструкция следовала за реконструкцией, росло и производство яда.

Нет, новых данных о пострадавших в последующие годы мы привести не сможем — их попросту прикрыли. Помогли лишь протесты гигиенистов Уфы, потребовавших остановки цеха.

Когда весной прошлого года смыло в речку содержимое складов ПО «Химпром», приоткрылась и тайна. И начались странные вещи, началась игра, поскольку столкнулись непримиримые интересы двух сторон — Системы и рядовых жителей. Система попыталась все скрыть, а когда не вышло — обойтись минимальной полуправдой. И делалось это истово, по всем правилам ведомственно-бюрократического искусства. Не остались в долгу и жители города: они вышли на улицу, потребовав провести честный анализ уфимской воды в Москве и за границей, а ПО «Химпром» — закрыть насовсем.

Но Президент СССР, назначив руководителем правительственной комиссии главу отечественной промышленно-химической пирамиды В. К. Гусева, невольно подыграл Системе. Не смог Владимир Кузьмич Гусев преодолеть свое ведомственное самоощущение, и большое несчастье большого города (да и страны в целом) выродилось в тривиальный фенольный инцидент — об этом говорилось выше.

Впрочем, жители Уфы облапошить себя не дали. Их позиция придала событиям совсем иную окраску.

Рядовые санитарные врачи Уфы, общавшиеся с пострадавшими, а не с отредактированными «историями болезней», поступили в соответствии с врачебным кодексом и долгом гражданина. Найдя «нефенольные» симптомы, они не стали этого скрывать, как некоторые представители официальной столичной медицины. Более того, именно они и предположили диоксиновую природу поражения людей и настояли — при поддержке нового председателя горсовета — на анализе уфимской воды непосредственно на губи-

тельный диоксин. Далось это с кровью. В результате первые пробы уфимской воды на диоксин датировались лишь 15 апреля, когда на радость многочисленным сторонникам «взвешенных решений» немало диоксина уже «сплыло» с водой вниз по реке.

Обеспокоенная группа депутатов Верховного Совета СССР от Башкирии обратилась с запросом непосредственно к Н. И. Рыжкову. Отдадим должное единству руководства нашей страны — запрос поступил к В. К. Гусеву, а не к В. Х. Догужиеву, председателю Комиссии по чрезвычайным ситуациям, что соответствовало бы смыслу событий. Ну, а дальше дело техники: в целом на диоксиновый запрос, направленный в СМ СССР в конце апреля, народные депутаты так и не получили ответа... Пришлось в сентябре повторять.

Конечно, диоксиновый аспект уфимской истории обескураживает, но, согласитесь, никак не удивляет.

Начнем с врачей. На прямую просьбу мэра Уфы сделать анализ воды на диоксин врачи(?) из Минздрава РСФСР ответили длинной бумагой, где ни одного слова о ядовитом диоксине. Столь же длинную бумагу получил и министр здравоохранения Башкирии, но... из ФРГ в ответ на просьбу (через Москву) сделать анализ воды с примечательным, правда, упоминанием, что анализ на диоксин... не проводился «по желанию заказчика».

Ну, а наша, отечественная, наука?

Рекомендую заглянуть во второй том «Химической энциклопедии» (1990 г.). Из статьи, написанной еще до уфимских событий, узнаете, что период распада диоксина в почве от 0,5 до 1 года. (Чтобы не было разночтений, **читатели должны знать, что рецен-**

зент упомянутой статьи задолго до ее публикации указал автору и редакции на вопиющую ложность текста, поскольку цифра занижена в 15 раз!)

И В. К. Гусев, и наш верховный агрохимик Н. М. Ольшанский, и их ближайшее окружение, безусловно, о диоксине знали абсолютно все, знали и об истинной трагедии в Уфе.

Как знали, **что** делали, и принимая спешно постановление правительства СССР по Уфе, не помянув в сообщении для печати ни словом диоксин. И более того: распространилась легенда, что диоксиногенная проблема уже далеко в прошлом, что каких-либо данных, подтверждающих обратное, нет.

Кстати, а как получить эти «данные»? Где аналитические приборы для регистрации диоксина, чтобы распознать: что едим, что пьем, от чего бодем? В свое время ученые буквально умоляли наладить серийное производство таких приборов. Итог налицо — закономерный: до 2000 года диоксиновая опасность будет обнаруживаться нами только с помощью импортных (и ведомственно привязанных) приборов. И недалек час, когда от рядовых советских людей, страдающих от диоксина, ведомства за анализы потребуют ту же валюту.

Вот еще один парадокс — по логике закономерностей. В США после окончания химической войны во Вьетнаме диоксиновая тема не сходила со страниц научной печати. У них, да и во всем мире, было издано несколько десятков монографий, сборников, регулярно проходят научные конференции. К 1981 году напечатано около 1500 научных статей на эту тему (!), а затем — ежегодно — к ним прибавлялось по 300 новых. А мы и тут опоздали(?) аж на 20 лет! **До**

настоящего времени в СССР не напечатано ни одной научной статьи на диоксиновую тему!

Лишь в прошлом году появилось три обзора... по зарубежным данным.

Чтобы продвинуться в этом деле дальше, не вторгаясь в сферу государственной тайны (видимо, с этим имеем дело), я обратился в МИД СССР — ведомство, которое от имени государства ведет переговоры о запрещении химоружия. Ответ однозначный: по данным МИД СССР, ни одно государство мира не имеет гербицидов в своем объявленном арсенале химического оружия. Более того, по смыслу Конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду, гербицидное оружие запрещено еще в 1977 году.

Итак, внешнего врага в химической войне мы вроде бы не имеем. Теперь ясно, что ни о какой тайне в уфимских событиях речи нет, а можно говорить лишь о таинствах отдельных ведомственных пирамид и Системы в целом.

Защитили в Уфе наши «профессионалы» от номенклатуры многое — свой покой, незыблемость своего положения и — не будем забывать — свою собственную ложь, свое кресло. Им было что скрывать. Ведь именно они «посадили» водозабор ниже завода с вреднейшей хлорной химией, задолго до весны 1990 года запрограммировав беду. (О себе, кстати, они позаботились тоже, поставив номенклатурные дома у ручейка с чистой водой.) Они же разместили по сейфам (и в Уфе, в НИИ гигиены и профзаболеваний, и в Москве, в Третьем главном управлении Минздрава СССР) не только правду о диоксиновых заболеваниях на «Химпроме» 60—80-х годов, но и об их неот-

вратимости в будущем, то есть о том, какова будет расплата за обещанный урожай и все наши международные гербицидные обязательства.

Но чем-то располагаем и мы. Например, известно, что в 1983 году один из институтов Уфы с помощью валютного прибора обнаружил на «Химпроме» диоксин — это через 10 лет после закрытия производства гербицида 2,4,5-Т. Он информировал об этом все «заинтересованные» инстанции. Как раз в это время в США после шумного обсуждения конгресс утвердил «национальную диоксиновую стратегию», щедро снабдив исполнителей долларами.

В 1987 году вновь на «Химпроме» находят диоксин. А в США в это же время прошла очередная, 7-я по счету, всемирная научная конференция по диоксину — без наших медиков, ученых. И только в 1987 году диоксинпроизводящее производство трихлорфенола в Уфе встало. Точка, казалось, была поставлена. Но, похоже, мало кого волновало, что диоксин — и в немалых количествах — остался на складах химической продукции и на многочисленных свалках.

А тем временем в медицинских учреждениях Уфы продолжали накапливаться случаи «неопознанных» болезней — тех, что происходят от диоксина и все еще не канонизированы советской медициной (тщетно кто-либо будет искать в наших медицинских изданиях болезнь хлоракне, описанную немецкими врачами еще в прошлом веке и признанную профессиональным заболеванием в цивилизованных странах в середине этого). Только в Уфе заболевших сотни! Но нет болезни — нет лечения. А в США такие люди заносятся в общегосударственный «диоксиновый регистр».

В тех же США к сегодняшнему дню уже 5000 ветеранов вьетнамской войны получают от государства компенсацию, как пострадавшие от химического оружия. И это через 20 лет после окончания войны!

И вот март 1990 года. Половодье. Беда.

Мы упоминали выше, что на первые пробы воды середины апреля, когда почти все уже сплыло (центральная печать тогда со вздохом облегчения известила, что в Уфе «пошла чистая вода»), Минздрав РСФСР ответил длинной и «бездиоксиновой» бумагой. И только после того, как за результатами анализа более поздних проб, взятых в конце апреля — в самый разгар наичистойшей воды, — поехал толкачом рядовой санитарный врач из Уфы, только тогда «вдруг» всплыл диоксин, причем самый ядовитый — тот, который применялся во Вьетнаме.

Всплыл на территории ПО «Химпром». Дабы успокоить жителей, анализ дали «слепой» — без цифр. И не только. Утверждалось, что, мол, в воде южного водозабора Уфы, откуда пьет половина Уфы и куда попадают все сбросы «Химпрома», нашелся не боевой изомер диоксина, а иной, хотя тоже весьма ядовитый.

Успокоили...

А что же более ранние анализы, анализы времен «чистой воды»? Многочисленные телефонные переговоры с абонентами, служащими по ведомству МЗ СССР и МЗ РСФСР, показали, что диоксин был и там. Конечно, все концы в воду, никто так и не вспомнил каких-либо причастных к этому делу имен. Точку поставил начальник одного из управлений Третьего главного управления МЗ СССР. На прямой вопрос, являются ли государственной тайной данные о содержании диоксина в питье-

вой воде Уфы, он сказал: нет, не являются.

Так что же — опять все уперлось в тривиальные ведомственные таинства?..

Известно, что никогда не лгут так много, как до свадьбы, перед войной и после охоты. Но у персонажей этой сентенции хоть есть какая-то цель. Теперь давайте ответим себе, какая очевидная цель была у московских наследников Эскулапа, скрывавших от жителей Уфы трагедию с диоксином?

Не следовало вневедомственный и чрезвычайный вопрос, как-вым, безусловно, является трагедия в Уфе, поручать представителю «заинтересованного» ведомства, то есть В. К. Гусеву. Ничего доброго из этого не вышло.

А есть ведь поучительный опыт. В «национальной диоксиновой трагедии» США официально зарегистрировано 99 мест производства, использования и захоронения отходов трихлорфенола, наиболее опасных для людей с точки зрения диоксина — 17 из них наиболее опасны. У В. К. Гусева в 1990 г. был благоприятный шанс сделать нечто подобное при подготовке постановления правительства по Уфе, и он его упустил.

Нам бы не хотелось, однако, чтобы у читателя создавалось впечатление сплошного мрака. Были и просветы. Ну, например, визит Б. Н. Ельцина на ПО «Химпром» в первой декаде августа. Разговор был жесткий. Но доживем ли до перемен? А наша жизнь — в химической блокаде. Где-то производят полихлорбифенилы, где-то выпускают линдан, где-то хлорируют целлюлозу, где-то сжигают мусор, сэкономив на очистных, где-то борются с сорной растительностью... И одновременно производят и потребляют диоксин.

Большая у нас страна. И напрасно Генеральный прокурор, прочтя эти строки, кинется поручать кому-нибудь вывести злоумышленников на чистую воду. Ничего у него из этого не выйдет. Ведомственно-государственная безнаказанность в СССР неподсудна.

...В 1988 году, учитывая диоксиновую катастрофу в итальянском городке Севезо (1976 — последняя зарегистрированная «диоксиновая катастрофа» в мире; уфимские события еще никто не признал диоксиновыми) и мировой опыт по части ядопроизводства, Национальный токсикологический комитет Италии принял соответствующие нормы, имеющие силу закона. Так вот, по закону Италии, диоксина в питьевой воде не может быть больше (прости меня, читатель, без этих двух цифр не обойтись) 0,0000000005 миллиграмма на 1 литр воды. Это, повторяю, в Италии. В том же, 1988 г. заместитель министра здравоохранения СССР А. И. Кондрусев, он же — главный государственный санитарный попечитель, разрешил всем нам безбоязненно пить воду, если в ней диоксина не больше, чем 0,000035 миллиграмма на 1 литр (документ № 4630—88). Как видите, шесть нулей мы потеряли, а это значит, что нам разрешено потреблять с водой диоксина в 700 000 раз больше, чем им — итальянцам.

И, собственно, надо ли недоумевать, что Главный Государственный Санитарный Врач СССР разрешил пропустить через водозаборы Уфы за один только год столько диоксина, сколько американцы распылили на гигантской территории Вьетнама за 9 лет! Не впечатляет?

Верно, не всю воду люди пьют, что проходит по водопроводу. То-

гда давайте посчитаем. А арифметика такова: выпивать уфимцам с водой за один год разрешено в три раза больше диоксида, чем выбросила безответственная химическая фирма в 1976 году во время «диоксиновой катастрофы» в Севезо на все окружающие земли — на площадь в 17 квадратных километров. А что — Уфа больше?

...Так, с разрешения высокого медицинского начальства химические чины могут делать с нашим

здоровьем все, что захотят. Остается добавить, что и А. И. Кондрусев, и Н. М. Ольшанский — члены комиссии В. К. Гусева.

Вот и встало все на свои места...

P. S. Во второй половине августа фенол снова попал в южный водозабор Уфы, на этот раз с другого завода. Для жителей вновь проблемы с питьевой водой. Что-то не слышно о комиссии из Центра. Наверное, есть дела и поважней фенольного «инцидента»...

АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ

Голгофа на Уду на Голгофу

Еще в ранней юности я обнаружил для себя, что реальный коммунистический строй в России во многом не соответствовал прекрасному коммунистическому идеалу. Вместе с тем всякое иное общественное устройство для меня было неприемлемо. Как жить с такими умонастроениями? Я сказал себе тогда (это был 1939 год), что идеальное общество, которое удовлетворило бы меня полностью, никогда не существовало и не будет существовать. Я решил, что важно не столько то, каким является данное мне общество, сколько то, каким должен стать я сам в условиях этого общества согласно моим представлениям об идеальном человеке. Такая задача казалась мне осуществимой. Но осуществимой ценой жертв и страданий, что меня не пугало, а, наоборот, делало жизнь осмысленной. Я отбросил всякие намерения насчет преобразований общества и начал делать эксперимент над самим собою — создавать идеальное общество из одного человека, то есть из самого себя. Постепенно я выработал свою систему правил поведения, позволявшую мне сохраниться и развиваться в качестве автономной личности в условиях советского (коммунистического) общества. Делал я это исключительно для себя, не помышляя о предании гласности своих идей.

Но судьба моя сложилась так, что в возрасте уже за пятьдесят лет (в 1974 году) я обратился к писательской деятельности. Естественно, многое из того, что я обдумывал и изобретал для личного пользования, стало появляться на страницах моих книг в форме высказываний моих литературных персонажей, причем порою в юмористическом виде. Было бы ошибочно отождествлять меня с героями моих книг. Но некоторые из них в той или иной мере выражали и мои жизненные принципы. Таким, в частности, является главный герой этой книги, Иван Лаптев.

Иван Лаптев принимает коммунистическое общество как данность, как явление природы. Это не значит, что он доволен им. Наоборот, оно вызывает у него отвращение. Но он не хочет его реформировать или уничтожать. Он считает, что любое другое общественное устройство еще хуже его, а всякие попытки его улучшить могут привести лишь к ухудшениям. Он решает изобрести свое религиозное учение («учение о жизни»), благодаря которому человек смог бы жить достойным образом в данном обществе. Говоря его словами, он хотел научить людей, как стать святыми без отрыва от греховного процесса жизни. Я как автор вовсе не призываю читателя следовать примеру и советам Лаптева. Я описал его и его учение как одну из возможных жизненных позиций. Более того, я старался показать, что такой путь не всякому по силам, что это путь страданий — путь на Голгофу.

Я закончил эту книгу уже к началу 1982 года. Просмотрев ее сейчас, я, однако, не нашел в ней ничего такого, что мне захотелось бы изменить. Наоборот, наблюдая события в сегодняшней России, я все более убеждаюсь в правильности избранной мною еще в 1939 году жизненной установки: время великих социально-политических идеалов прошло, пришло время их разрушения, извращения, оплевывания, опошления. Мне это не подходит. Человечество вновь отброшено к самым основам бытия. Мы находимся в самом начале нового цикла истории. Вновь предстоит многовековая борьба за «земной рай» (за «царство божие»). И начинать ее, хотим мы этого или нет, придется с самого фундамента — с преобразования самих себя в соответствии с идеалами такого рода, которые пытался изобрести «русский Бог» Иван Лаптев.

Мюнхен, 15 августа 1990 года

А. Зиновьев

ВЫНУЖДЕННОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга была закончена уже в 1982 году. В дальнейшем она подверглась лишь незначительным переделкам. Моя жизнь в то время сложилась так, что особого рода «почитатели» моего творчества получили доступ к моим рукописям. Помимо рукописи этой книги, та же судьба постигла рукопись другой книги, «Живи», написанной примерно в то же время. Был даже довольно продолжительный период, когда я сам был лишен доступа к моим рукописям, и судьба их мне была неизвестна. Я тогда об этом неоднократно заявлял в моих интервью для прессы. Когда я получил свои рукописи обратно, то по ряду причин не смог опубликовать их немедленно с целью самозащиты, как я это был вынужден сделать в свое время с книгой «Желтый дом». Одна из этих причин состоит в том, что мой издатель выпускал в это время в свет мои другие работы и просто не мог опубликовать еще две.

Я считаю необходимым заявить обо всем этом, так как попытки деморализовать и дискредитировать меня самыми подлыми методами упомянутые «почитатели» моего творчества не прекращали все годы моего пребывания на Западе и, судя по всему, намерены продолжать и впредь.

К счастью, у меня сохранилась рукопись книги «Иди на Голгофу», почти полностью написанная от руки, а также достаточно большое число написанных от руки страниц книги «Живи». Я убежден в том, что криминалистическая экспертиза без особого труда может датировать время написания этих книг. Кроме того, современный лингвистический анализ может подтвердить это со своей стороны. Не исключено, что содержание рукописи следующей моей книги, которая будет называться «Пара Беллум», которую я закончил в конце 1984 года и намереваюсь опубликовать в 1986 году, тоже стало известно упомянутым «почитателям». Я хочу предупредить всяческих охотников до моих рукописей о том, что рукописи или копии рукописей моих книг находятся на хранении в банке, где точно зафиксирована дата, когда они были туда помещены, так что всякие злоупотребления на этот счет теряют смысл.

Думаю, что в конечном счете страна, прибегающая к подлым методам травли негодных ей ее бывших граждан, так или иначе будет за это наказана. Нет ничего тайного, что не стало бы явным. В моих книгах, статьях и устных выступлениях я стремился к реалистическому и объективному описанию советского общества, за что я заработал здесь репутацию апологета коммунизма и даже советского агента. Все эти годы на Западе я жил в атмосфере ложных слухов по моему адресу, клеветы, травли. Участие в этом моих бывших соотечественников было всегда ощутимо, а порою граничило со смертельной опасностью для меня.

И что бы обо мне ни думали и ни говорили живущие на Западе люди, независимо от их мнения, я должен, к моему великому сожалению, признать, что моя бывшая родина не заслуживает никакого морального уважения, что она превратилась в воплощение подлости и пошлости коммунистической тенденции эволюции человечества. В моей дальнейшей литературной и научной деятельности я намерен сделать все зависящее от меня, чтобы изображать советское общество без всякого снисхождения к неким трудным обстоятельствам его истории. Эти обстоятельства давно исчерпали себя. И привычка этой страны ко всеобъемлющей и всепроникающей подлости стала ее подлинной натурой.

Мюнхен, июль 1986 г.

ПРОЛОГ

Солнечный луч выскочил из-за высотного здания гостиницы «Волга», скользнул по лысине В. И. Ленина, высеченного «в натуральную величину» (как сказал сам товарищ Сусликов — первый секретарь Областного Комитета КПСС) из красного гранитного монолита высотой в пятнадцать метров, промчался вдоль по улице Горького мимо купеческих и дворянских особняков, в которых теперь разместились руководящие учреждения области, на миг задержался на здании Областного Управления КГБ, как бы обозначив свою благонадежность, и устремился в Новые Липки — новый жилой район города, воздвигнутый по аналогии с московскими Новыми Черемушками «как знаменательная веха на пути нашего неуклонного движения вперед, к полному коммунизму» (это опять-таки исторически подлинные слова самого товарища Сусликова). Ворвавшись в Новые Липки, вышеупомянутый солнечный луч осветил помойку, в которой уже деловито рылись голуби и кошки, и замер на безмятежном лице Ивана Лаптева — известного в городе Эниске тунядца, пьяницы, поэта и проповедника, отсыпавшегося после вчерашнего перепоя в песочнице на детской площадке. Вчера он слишком поздно вернулся «домой», и жильцы квартиры, где он снимал койку, в наказание не отперли ему дверь. Почувствовав приветливое тепло первого солнечного луча, Лаптев раскрыл свои ясные, как голубое безоблачное небо, очи, вытряхнул песок из бороды и кудрей своих, потянулся, широко зевнул и издал звук, от которого испуганные голуби вспорхнули на крышу ближайшего дома, а кошки стремительно взлетели на деревья. «Боже, как хорошо жить на свете», — прошептал он и побрел к крану, к которому дворничиха присоединила резиновую «кишку» для поливки двора.

18

О том, что произошло дальше, вам расскажет сам Иван Лаптев. Говорить — его призвание и профессия. Как отнестись к его словам, решайте сами. Он искренен и чистосердечен, и потому его слова заслуживают доверия. Но он искренен и чистосердечен по-русски. А мы, русские, утратили критерии различения правды и вымысла. Мы с упоением верим в ложь и с остервенением опровергаем очевидные истины. И потому слова моего рассказчика заслуживают, безусловно, сомнения.

Мюнхен, 1982 г.

МАЗОХИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Именно так и случилось: вчера мы «загулялись» далеко за полночь, и ночевать мне пришлось во дворе, в песочнице, на детской площадке. Холодно, неудобно, но зато гигиенично. И вот:

*Мутит живот. Распухла голова,
И я облечь стараюсь упрямо
В бессвязные похабные слова
Безвыходную жизненную драму.*

Но не пугайтесь, я вас этими словами потчевать не буду. Я же сам Бог, а Бог, выражающийся матом, — это комично и несколько снижает самую идею Бога. Итак, я начинаю. Начинаю в возвышенном стиле (как говорится, за здравие), но надолго меня не хватит, и я закончу в стиле прямо противоположном (за упокой).

Человек! Оставь на минуту свои дела и заботы! Выслушай эту повесть. В ней нет ничего поучительного. Зато в ней есть нечто более важное — страдание. Мы, русские, имеем богатый исторический опыт по этой части.

Страдания стали нашим привычным образом жизни и нашей натурой. Мы страдаем с выдумкой, с талантом, с большим мужеством и терпением, можно сказать — профессионально. И, конечно, с наслаждением. Мы, русские, поставляем в мировую культуру не только коммунистические идеи, шпионов, водку, иконы и «матрешек», но и первоклассных страдальцев. Но не спешите зачислять нас в медицинские мазохисты. Мы бы рады получать удовольствие от вещей приятных. Но они выпадают на нашу долю так редко, что мы относимся к ним с подозрением, когда это происходит, и страдаем оттого, что мы это приятное скоро все равно потеряем. Наше страдание — эпохальное! И оно рождает нового Бога. Но наша эпоха по горло наглоталась противозачаточных средств. И если она в конце концов родит Бога, то это будет Бог-урод, Бог уродов и Бог уродства, Бог самоистязания.

Русский Бог — явление очень странное. Он самые чистые и святые мысли выражает самым грязным и греховным языком в мире. Можете себе вообразить, как выглядел бы Новый Завет, если бы Христос появился в России, да еще в нашем захолустье! Возьмите хотя бы одну Нагорную проповедь и изложите ее в языке русских «храмов»-забегаловок! Нет, лучше не надо. Русский Бог высказывает трезвые суждения лишь в безобразно пьяном виде, а когда он трезв, он порет чепуху. Так что, если в дальнейшем я скажу вам что-то умное, знайте: я был в это время пьян. Ну, а если вам встретится чушь, то порол я ее на трезвую голову.

МИР ВХОДЯЩЕМУ

Известный в городе интеллеktуал, печатающий свои прогрессивные сочинения в столичных журналах, окрестил своего пятилетнего сына. Поскольку у меня репутация человека, причастного к религии, меня пригласили на выпивку по этому поводу. Когда гости основательно упились, меня попросили сочинить стихи в честь новорожденного.

Входи, родившийся, в прекрасный мир земной.

Включайся скорей в людское наше братство.

Входи! И в путь спеши за мной

Познать земное щедрое богатство.

Так начал я свою импровизацию. Мне аплодировали. Потом я говорил о родителях, которые научат новорожденного основам жизни, об учителях, обучающих грамоте, о друзьях, протягивающих руку и подставляющих плечо, о женщинах, сулящих блаженство, о соратниках, зовущих в поход, о развлечениях и прочих атрибутах жизни. Мне опять аплодировали. Потом я сказал: «но». «Но скоро случится так, — сказал я, — что ближние станут чужими, они обвинят тебя в неблагодарности, а ты будешь жесток и беспощаден с ними; учителя проклянут за то, что ты не последовал их заветам, а ты обвинишь их в лжеучении; женщина изменит, наслаждения жизнью породят скуку, опустошение, разочарование. И ты будешь одинок и никому не нужен...» На сей раз слушатели не аплодировали. Одни подавленно молчали: мол, что правда, то правда. Другие гневались: мол, нельзя так мрачно смотреть на жизнь, мол, живем же мы, и не так уж плохо живем, не голодаем, спим не на улице, выпить что имеем.

Испив до дна цветов земли нектар,

Поймешь, что горек он, хотя казался сладок.

И станешь вдруг ты безнадежно стар.

Лицо покроет сеть глубоких складок.

*Увидишь, что назад дороги нет.
Зачем была, ты спросишь, жизнь-морока?
Ты станешь мудр. Ты сам найдешь ответ:
Для никому не нужного урока.*

Так закончил я свою импровизацию. Настроение у гостей окончательно испортилось. Решили, что пора расходиться по домам. Еле стоявший на ногах хозяин сказал на прощание, что «эти сволочи» (он имел в виду реакционные силы нашего общества) наверняка закатят ему выговор по партийной линии с занесением в учетную карточку, так что придется целый год изображать политическую зрелость и активность, чтобы этот выговор снять. По дороге домой меня остановили здоровые парни (их было четверо на одного), обыскали мои карманы; не обнаружив в них ничего, дали мне пару оплеух и пообещали в следующий раз оторвать бороду, если мои карманы снова будут пусты. Я обещал исправиться. Входи, родившийся, в прекрасный мир земной! Входи и вкуси от радостей бытия.

НОЧЬ

Лучше умереть среди людей, чем быть живым и здоровым на безлюдье. Но есть состояние еще страшнее: быть среди множества людей, для которых тебя нет. Это состояние может сравниться лишь с состоянием всемогущего Бога в обществе атеистов. В такие минуты я бьюсь головой о стену. Бьюсь не в переносном, а в прямом смысле слова. Причем бьюсь о кирпичную стену, которая выходит на улицу; не слышно ударов. Я не хочу тревожить соседей по квартире и хозяев комнаты, где я за десять рублей в месяц снимаю «угол». «Боже, — шепчу я, — помоги мне пережить это бесконечное мгновение одиночества!» Но молитва моя тщетна, ибо я сам и есть Бог, а Бог не может облегчить собственные страдания. Он может лишь облегчить страдания других, умножив тем самым собственные. Бог есть всеобщий врач, не способный лечить себя и берущий на себя болезни всех излечиваемых им.

— Ну и жилец попался! — слышу я, как говорит хозяйка мужу, — псих какой-то. Все ночи напролет ворочается. Со следующего месяца пусть на пятерку больше платит или пусть катится к чертовой матери!

УТРО

Жизнь коротка, но каждое ее отдельное мгновение долго. Особенно когда стоишь в длинной очереди к начальнику милиции. В такие мгновения в голову приходят самые дикие идеи.

— Ну, Лаптев, — спросил начальник вместо приветствия, когда наконец-то подошла моя очередь, и я предстал пред его суровым, но справедливым взором, — что ты на сей раз надумал?

— Хочу изобрести новую религию. Чем я хуже Христа, Будды, Конфуция или Магомета? Вот возьму и придумаю. Делать все равно нечего, а от мыслей голова пухнет.

— Насколько я вижу, у тебя не голова, а морда распухла. И, очевидно, не от мыслей. Работать, Лаптев, надо. Тогда не до мыслей будет.

— Мудро сказано. Первая предпосылка всякой религии — мыслящее безделье. Занятой человек не способен придумать даже паршивый анекдот, а не то что религию. Между прочим, Будда полсотни лет бездельничал, пока не додумался до нескольких банальных постулатов своей веры.

— Это было при капитализме, Лаптев. Мы бы такого не допустили. У нас тебе бездельничать и полгода не позволим, не надейся. И зачем тебе, Лаптев, новую религию выдумывать, если мы от старых до сих пор избавиться не можем?

— Имеется много причин для этого. Во-первых, я толком не знаю старых религий. Я пытался познакомиться с ними, но тут же отказался, обуреваемый скукой. Мне легче самому выдумать новую религию, чем изучать старые. Во-вторых, старые религии суть старые в буквальном смысле слова: они суть умирание религии, они просто-напросто устарели. Они суть пережиток прошлого — в этом я полностью согласен с нашей идеологией и пропагандой. А после того, как главу русской православной церкви наградили орденом за заслуги перед советской властью, я окончательно убедился в том, что старые религии утратили религиозную сущность, сохранив лишь ее видимость. Я же жажду подлинности. Лучше кустарная подлинность, чем культивируемая веками видимость. В-третьих, я горд и честолюбив. С какой стати я должен следовать за каким-то индусом, евреем или арабом? Мы, русские Иваны, прокладываем новые пути человечеству. Мы и в космос первыми вышли. Так почему бы нам не стать новаторами и в сфере религии и не изобрести свое собственное, допустим, ивианианство? А лучше по имени создателя — лаптизм или лаптианство.

— Насчет космоса ты правильно сказал. Но ты же, Лаптев, в университете учился. Должен знать, что общество наше антирелигиозное.

— Вы правы, как всегда. Но я думаю, что это явление преходящее. Со временем наши духовные вожди возьмут и дело религиозного прогресса в свои руки. Трудно предвидеть, в какой форме это произойдет — изберут патриарха в Политбюро ЦК КПСС или члена Политбюро назначат патриархом.

— А ты, Лаптев, не дурак! Дельная идея! Непременно расскажу об этом на заседании бюро обкома. Обсмеются! Ну, иди пока. И не забывай: труд — лучшее лекарство от вздорных идей и замыслов. Патриарх — член Политбюро! Ха-ха-ха! Ну и шутник ты, Лаптев!

А между тем я не шутил. Примеров единения церкви и партии я могу привести сколько угодно. Наш главный городской поп, например, имеет высшее гуманитарное образование и ученую степень, за что его не любят высшие чины церкви. Иногда его приглашают на заседания бюро областного комитета партии, когда в очередной раз обсуждается вопрос о борьбе с пьянством и о поднятии морального уровня молодежи. Недавно он напечатал в газете статью, в коей утверждал, что Советская власть от Бога. И его никто не опровергает до сих пор.

Покинув отделение милиции, я подумал, что к старым религиям нельзя относиться нигилистически. Это был бы левацкий загиб. Хотя я их не знаю, но все же в качестве одного из источников моей собственной религии использовать должен. Критически переработав, конечно. В согласии с традицией марксизма-ленинизма, за который я в университете получил «пятерку»: можешь черпать свои идеи из любого источника, только не забудь по использованию последнего плюнуть в него.

Я — БОГ

Будем рассуждать чисто логически. Если Бог, по определению, есть существо, создающее религию, то я, по определению самого понятия

Бога, есть Бог. Какая примитивная логическая операция и какой грандиозный вывод! В нашей жизни вообще результаты неадекватны усилиям. Оглянитесь вокруг! Сколько людей без усилий имеют все и сколько прилагают титанические усилия, чтобы получить в итоге ничего! Слушайте и мотайте на ус! Я уже исполняю свой долг — завлекаю ваши души в сети моей системы жизни. Следуйте за мной, и я научу вас двигать миром, не прикасаясь к нему пальцами.

Да, я Бог. Но не спешите завидовать и возмущаться. Бог — это не очень-то приятное занятие. Если есть Бог, это хорошо для окружающих. Но быть Богом плохо для самого Бога. Ему теперь мало кто верит. Еще многие верят в него. Но это не есть вера ему. Это есть лишь неверие себе и в себя. Люди, далее, могут обращаться к Богу, жаловаться ему, просить его о чем-то. А к кому может обратиться сам Бог? К самому себе? Проверьте это на себе, и вы убедитесь в том, что это бессмысленно. Богу не к кому обращаться, некому жаловаться, не на кого надеяться. Он во всем должен рассчитывать только на себя. Не на людей же ему рассчитывать! Не к людям же обращаться! Он и есть только потому, что на людей могут рассчитывать только идиоты, жулики, проходимцы, одержимые корыстью и тщеславием. Бог есть абсолютное одиночество и абсолютная безнадежность. Я понимаю положение Бога, ибо постоянно испытываю это сам.

Наше революционное во всем время внесло, правда, в это дело свою поправку: теперь Бог может обратиться в административную комиссию по принудительному трудоустройству. Но это — самая крайняя мера. К ней следует прибегать лишь тогда, когда уже не остается ничего другого. Мое положение, скажем прямо, незавидное. А я и то стараюсь от нее уклониться.

Люди! Не завидуйте Богу, ибо быть Богом очень плохо для него самого. И не осуждайте того, кто решился стать Богом, ибо он достоин сочувствия.

Вспомните Христа!

Быть Богом — это значит идти на Голгофу.

МОЕ УЧЕНИЕ

Путь на Голгофу тернист и ухабист. В нашей стране он проходит через питейные заведения, общее имя которых — «забегаловка». Я ничего не имею против этого, ибо забегаловка есть главный храм, где я проповедую свое учение и нахожу учеников. Для них я сочиняю молитвы и назидания, обычно в стихах. Пусть это вас не удивляет. Христос тоже выражался стихами. Будда пел под гитару. А Магомет — тот даже выл со страшной силой. «Молитвы» мои молниеносно расползаются по городу, и уже на другой день я не могу доказать свое авторство. Но я к этому и не стремлюсь. На жизнь этими «молитвами» не заработаешь. А если установят авторство, не оберешься неприятностей. Начальник милиции, который на сей раз обошелся со мной по-отечески, так и сказал: «Пей, с бабами валандайся, трепись, фокусы показывай, но стишки брось! Если узнаю, что стишками балуешься, в два счета выселю из города».

В городе мои стишки называют «Евангелием для Ивана». Говорят, кто-то собирает их как народное, то есть как коллективное творчество. Я сам не собираю и даже не запоминаю. Если я вспоминаю ранее сочиненную молитву, я каждый раз изобретаю ее заново. Со временем

я вас познакомлю с некоторыми моими сочинениями такого рода. Если, конечно, будет подходящее настроение.

Мое учение не сводится к «Евангелию». Оно состоит из «небесной» и «земной» частей. Небесная часть — необязательно стихи, а в стихах есть много из земной части учения. Различие этих частей глубже. В небесной части явно или неявно предполагается существование божественной субстанции в мире — существование чего-то чистого, светлого, возвышенного. Эта часть полна грусти и страдательности, порой в форме призыва к бесшабашной и разгульной жизни. Не понимайте это буквально. Это лишь словесная форма. В нашем обществе такая жизнь в реальности есть грязь, пошлость, убожество. В земной же части я явно предполагаю реальные условия жизни нашего общества. Причем предполагаю как вечный и нерушимый базис нашего бытия. Эта часть состоит из описаний реальности и практических советов, как наилучшим образом прожить жизнь в этой реальности, не вкладывая свою душу в борьбу за существование.

Я постепенно познакомлю вас с обеими частями своего учения. Если, конечно, меня не перехватят власти и не засадят в сумасшедший дом как замаскированного шизофреника, не вышлют из города как хронического тунеядца или не посадят в тюрьму как явного мошенника. Все эти три действия властей одинаково возможны. Меня пока спасает то, что попытки превратить эти возможности в действительность предпринимаются одновременно и соответствующие отделы органов власти либо надеются друг на друга, и потому я выпадаю из поля их внимания, либо вступают в конфликт с теми же последствиями.

МОИ ВРАГИ

Христос, Будда и Магомет начали свой земной путь с приобретения немногих учеников и защитников. Я же начал его с того, что приобрел многочисленных врагов и опровергателей. Я имею в виду не власть: власть есть власть, а не враг. Враг — это твой собрат. В первую очередь это прогрессивные интеллектуалы. Не отождествляйте их с книжниками времен Христа. Ничего подобного в те времена не было. Это специфический продукт современной культуры. Интеллектуалы — особый слой, существующий за счет культуры общества, а не для нее. Их ум извращен, их образованность поверхностна и хаотична, их самомнение и тщеславие непомерны. Они распространяют обо мне мнение, будто я — шарлатан и жулик. Они увлекаются буддизмом, йогой, религиозной русской философией, парапсихологией... Но у них это — дань моде и чисто внешний атрибут некоей культуры. Я их игнорирую.

На втором месте после интеллектуалов идут мои непосредственные конкуренты. Да, представьте себе, конкуренты! В нашем городишке не меньше десятка проходимцев и бездельников, претендующих на ту же роль, что и я. И эти мерзавцы-«боги» причиняют мне массу неприятностей. Поскольку я превосхожу их по своим способностям и популярности, они кипят злобой ко мне, клеветают и строчат доносы. Начальник милиции, о котором я уже упоминал, сказал как-то в порыве откровенности, что им лично на меня наплевать, они лично мне даже симпатизируют, но есть сигналы, и они обязаны на них реагировать. Они ведь тоже не боги, у них ведь тоже есть высшее начальство, им ведь тоже всякая сволота покоя не дает. Я его понимаю.

Судившие Христа тоже лишь выполняли волю народа.

Мои конкуренты грызутся между собой и пакостят друг другу. Но у них все же есть некоторое единство. Они все примерно одинаковы и одинаково ничтожны. Я же и внешне, и внутренне явно превосхожу их и не хочу с ними общаться. Я есть Бог-одиночка. Я из принципа одинок, ибо Бог не может быть членом мафии. Но даже Бог бессилен перед мощью мафии. Я мощь этой мафии ощущаю постоянно. Я пока откупаюсь от нее, предоставляя им возможность обирать граждан материально и довольствуясь для себя лишь крохами. Практически я им не мешаю в этом деле, а злоба их не уменьшается. Почему? Они хотят быть не просто богами, но благополучными, сытыми богами. А мой пример говорит им о том, что Бог не может быть сыт и благополучен.

Конкурентов я игнорировать, как интеллектуалов, не могу. Я должен быть с ними всегда начеку, иначе они подловят и изобьют. А то и убить могут — у нас и такое случается.

МОЯ ПРОФЕССИЯ

Когда я еще был студентом, во дворе дома, где я жил, произошел такой случай. Степенный рабочий, отец троих детей, выпивавший не больше других, убил девочку из нашего же дома. Убил, чтобы взять у нее деньги на водку: ему до зарезу надо было похмелиться. Девочка шла в магазин за продуктами. Денег у нее было меньше десятки. Но убийце хватило на пол-литра. Купив водку, убийца вернулся в подвал, куда он затащил труп, выпил водку и заснул около жертвы мертвецким сном. Там его и нашли. Хотя случай был прозрачно ясен, произошло нечто невероятное: вину на себя взял другой человек, окончательно спившийся и опустившийся забулдыга, из числа тех, кто околачивался в районе винно-водочного магазина. Он заявил, что это он убил девочку, а деньги он пропил вместе с обвиняемым. Забудлыгу осудили. Через несколько дней рабочий повесился, оставив покаянную записку. Судьба забулдыги мне осталась неизвестной.

24

Этот случай глубоко запал мне в душу. Я часто вспоминал и анализировал его. «Как же так получается? — думал я. — Один человек за гроши убивает другого. В нем нет никаких внутренних сдерживающих начал. Будучи уверен в безнаказанности, он делает свое гнусное дело. И он уходит от людского наказания. Однако в нем есть что-то такое, что вынуждает его самого наказать себя высшей мерой наказания — смертью. Что это? Совесть? А что такое совесть? И почему ни в чем не повинный человек соглашается страдать за другого? Он одинок, ничтожен. Никому не нужен. Тот, за кого он решился пострадать, должен растить детей. Допустим, что так. Но ведь в сознании этого человека должна была сложиться эта цепь мыслей, должна была сработать воля. Что обусловило этот процесс?..»

Чем больше я думал над этой проблемой, тем настойчивее мне напрашивался вывод: несмотря ни на что, в человеке есть некое природное начало, которое развивают и эксплуатируют старые религии, которые пытается использовать в своих интересах наша идеология. Но...

Но! Это извечное «но»! «Объяснение банально, — говорил я себе. — Рабочий, очухавшись, начисто отрицал вину. Для милиции важно признание преступника. Они схватили первого подвернувшегося забулдыгу, обработали его так, что для него признание стало единственным доступным облегчением. Рабочий был на хорошем счету на заводе, за него вступился коллектив. Почему он повесился? А кто его знает! Может

быть, с перепоя. Может быть, жена не дала рубль на похмельку, а другую подходящую девочку не нашел. Может быть, ход событий был бы иным, попадись на его пути другая девочка с зажатой в кулачок трешкой... Кто знает?!»

Я на время успокаивался. Все ясно! Человек есть изначально гнусная тварь, а религия — опиум для народа. Только зачем эту тварь поить таким утонченным и не очень-то дешевым напитком? И стала ли лучше эта тварь, когда ее перестали поить этим напитком?

Я рассказал в своей группе об этом кошмарном случае. «Подумаешь, какое дело, — сказал один из моих товарищей. — А вот у нас было дело, так дело!» И он целый день рассказывал о «своем» кошмарном деле, гордился им, хвастался. Ему, наверное, важно было затмить «мое» дело и быть в центре внимания. «Родителей надо наказывать, — сказал другой. — Посылают детей одних в магазин!..» «Милицию надо усилить, — сказал третий. — Народные дружины! Поголовное участие населения в охране порядка! вспомните, чему нас учили классики марксизма!» И никто не подумал о том «некоем начале», которое я заподозрил в изначально гнусной твари — в человеке. «Все-таки чего-то не хватает в людях, — сказал я. — И это «что-то» не заменишь борьбой с пьянством, усилением милиции и поголовным вовлечением населения в охрану порядка, изучением классиков марксизма...» «Чего?! Закуски, — сказал мой друг, сам большой любитель выпивки, — закуски не хватает! Если бы мы заказывали подобающим для человека двадцатого века образом, то, поверь мне, число девочек, которых убивают за трешку, сократилось бы вдвое!» Как человек советский, он мыслил масштабно.

Прошли годы. Теперь я знаю, чего именно нам не хватает. Я стал специалистом по этому дефицитному элементу человеческой жизни — специалистом по разговорам на тему о Душе, Вечности, Боге. Для меня никогда не было проблемы, существует Он реально или нет. Я с некоторыми пор живу со страстным желанием, чтобы Он был. Я понял очень простую истину: если многие люди захотят, чтобы Он был, Он придет. Все дело не в Нем, а в нас. Он — это мы. Все остальное есть суета сует и всяческая суета. Это говорю вам я, Учитель Праведности, — так в шутку прозвали меня мои клиенты и собутыльники.

Прозвали не без оснований. У меня действительно уникальная профессия: я учу людей тому, как научиться хорошо жить и хорошо закончить свою жизнь. Делаю я это, разумеется, нелегально. Легально людей учат жить Партия и Правительство, а в нашем городе — лично товарищ Сусликов и прочие руководители области. Но они учат людей жить для общества, на благо народа (как народ может жить на благо народа?!), ради счастья будущих поколений. Я же учу людей жить для самих себя. Учу, как быть красивым, здоровым, умным, удачливым, молодым и счастливым. Я даю частные уроки и консультации. И беру за них, как за уроки иностранного языка или за натаскивание школьников для экзаменов в институты. Этим я тоже занимаюсь.

ЧТО ЕСТЬ ЧЕЛОВЕК

У меня есть знакомый, который оспаривает любые мои утверждения, — мой Антипод. Заикнулся я как-то о некоем врожденном «святом» начале в человеке. Он усмехнулся и поволок меня в здание областного суда, где слушалось дело группы рабочих с химического комбината. Эти рабочие в день полочки заманивали своих собратьев

в свой цех, обещая выпивку, убивали их, забирали деньги, а трупы бросали в какую-то жидкость, в которой они растворялись бесследно, полностью (вплоть до пуговиц, ключей и металлических зубов). Таким путем они отправили на тот свет больше двадцати человек.

Разоблачили их случайно. «Обрати внимание,— сказал Антипод,— никакого раскаяния, только сожаление, что попались из-за сущего пустяка. Где оно, «святое начало»? Если тебе этого мало, я могу помочь тебе устроиться на работу на химическом комбинате, а еще лучше — в «Атоме» (так называется секретное атомное предприятие в одном из районов области). Ты там такого насмотришься, что концлагеря сталинских времен тебе покажутся гуманными учреждениями». «Не надо,— сказал я.— Я верю тебе. Но если в человеке нет святости от природы, ее нужно вселить в него извне. В этом задача Бога». «Попробуй,— усмехнулся Антипод.— Когда тебе удастся это сделать хотя бы в отношении одного человека, покажи мне его, и я дам тебе власть вселить святость во все человечество».

О ПЬЯНСТВЕ

26 Пьянство не есть мое призвание. Это — моя профессиональная обязанность. Я на этот счет не есть исключение. Тот самый начальник милиции, о котором я уже упоминал, жаловался мне, что не может ни дня обойтись без выпивки, хотя водку ненавидит. А его подчиненные почти сплошь алкоголики. И ничего не поделаешь. Без выпивки у нас ни одно дело не делается. Недавно было совещание в обкоме по поводу борьбы с пьянством. Мириться с этим дальше нельзя. На заводах иногда целые цеха простаивают из-за пьянства. Так, после совещания добрая половина участников оказалась в бесчувственном состоянии в вытрезвителе и в отделениях милиции. А ты говоришь! (Я, между прочим, как раз молчал.) Начальник попросил меня научить, как пить, не пьянея и без последствий для головы и желудка. Я сказал, что я лично отрываю выпитое и сплю, где свалюсь, и до тех пор, пока не очухаюсь естественным образом. Начальник сказал, что спать на службе и на совещаниях ему никак нельзя. Отрывание он отверг как бессмысленный «перевод добра». Велел к следующему разу (что он имел в виду?) придумать для него хотя бы средство, заглушающее спиртной дух изо рта. Я ему это средство изобрел, не дожидаясь «следующего раза». Как выяснили мои враги и разоблачители, регулярное употребление этого средства сокращает жизнь человека на десять лет. Это, однако, не помешало ему овладеть городом в считанные дни. Теперь в городе не увидишь ни одного трезвого шофера. А придумать не к чему. Не будешь же анализ крови делать каждому! После нескольких смертных случаев и крупных автомобильных катастроф «средство» как-то сошло на нет и забылось. Но начальник милиции употребляет его до сих пор и чувствует себя превосходно. Он знает меру! А то, что он не доживет десять лет,— пустяк. Для русского человека лишние десять лет жизни — ничто.

НАЦИОНАЛЬНАЯ РЕЛИГИЯ

Я, конечно, не сразу докатился до такого убогого состояния. Заметьте: убогое состояние у Бога! Но не буду вас утруждать лингвистическим анализом. Сначала я был рядовым пьяницей. Из-за пьянства меня исключили из комсомола. Из-за пьянства прервалась моя успешно

начатая научная карьера. Я был даже не столько пьяницей, сколько инициатором и вдохновителем пьяных сборищ. И что особенно важно: я был теоретиком и поэтом пьянства. Сочиненный мною гимн пьянству приобрел общегородскую известность. Вся армия стукачей была брошена на поиски автора гимна: в это время началась антиалкогольная кампания, и гимн сочли за вражескую идеологическую диверсию. После этого я все свои стихи читал моим собутыльникам как услышанные от других. Хочу внести в связи с этим коррективы к сказанному выше. Мое учение выросло не на пустом месте, не в стороне от столбовой дороги мировой цивилизации, а на самой этой дороге и из вполне реальных источников. Марксизм имел три источника. У меня этих источников тоже три. Первый из них, как вы уже догадались, надо полагать, есть наша национальная религия — наше русское пьянство. Наше пьянство играет роль, принципиально отличную от других стран. Вернее, в других странах пьют и впадают в алкоголизм, но пьянство, как таковое, есть только у нас. Это не алкоголизм (как у американцев, финнов, шведов) и не форма питания (как у французов и итальянцев), а наша фактически национальная религия, адекватная нашему духу и образу жизни. Конечно, наше пьянство обычно переходит в свинство. Но и свинство есть наша национальная черта. Пьянство без свинства — это вовсе не пьянство, а выпивка в западном стиле. Или грузинство. Русский человек пьянствует именно для того, чтобы власть в свинство и учинить свинство. Выпивка предполагает выбор компании, душевное состояние и прочее. Пьянство ничего не предполагает. Пьянство — это когда попало, где попало, что попало, с кем попало, о чем попало. Это — основа для всего прочего: и для компании, и для душевной близости, и для любви, и для дружбы...

Я сказал, что я — организатор и вдохновитель пьяных сборищ. Но я выразился неточно: я есть некое организующее и вдохновляющее ядро этих сборищ. Я никого не уговариваю на выпивку и никого не собираю. Мне достаточно просто появиться в местах, где я могу быть замечен. При виде меня пьяницы бросают все дела и твердо решают «поддаться», у выпивающих появляется идея «А не заложить ли сегодня?!», переходящая в намерение «наклюкаться», а трезвенники впадают в мрачное рефлектирующее состояние, выражаемое формулой: «Жизнь уходит, а я как идиот пью только молоко и чай! Почему я должен отказываться от радостей жизни?! К черту! Эх, и надерусь же я сегодня!»

Я просто стою и с грустью наблюдаю мирскую суету. Или медленно иду, погруженный в свои мысли. И все знают, что это за мысли («Выпить, стервец, собрался!») и куда я движусь («В забегаловку, негодяй, бредет!»). И я постепенно обрастаю собутыльниками, как Христос обрастал апостолами и последователями. Когда я приближаюсь к намеченному значному месту, я уже бываю окружен восторженной толпой, а у того значного места нас уже ждет другая восторженная толпа. И благодать Божия нисходит на нас. Мы, просветленные и любящие друг друга, роемся в карманах, звеним медяками, потираем руки, хлопаем по плечу, обнимаемся, шутим, вспоминаем анекдоты и хохмы. И над нами парит сияние, издали напоминающее по форме водочную бутылку и пивную кружку одновременно. Я воздымаю длань к небу. Наступает тишина. «Дети мои, — тихо говорю я, но голос мой звучит, как труба архангела в Судный день, — предлагаю

сегодня начать с „Мальтуса“» (Мальтус — один из вариантов пьянства, открытых мной. В этом варианте пьется смесь водки и пива, причем порция пива возрастает в арифметической, а порция водки — в геометрической прогрессии). В ответ на мое предложение раздается ликующий вопль народа.

МОИ И ЕГО СТРАДАНИЯ

Первая обязанность Учителя Праведности — не учить других, а быть учимым другими. А для этого надо терпеливо выслушивать всякого, желающего высказаться, и стремиться понимать его и сопереживать с ним рассказываемое. Чужие секреты я всегда храню, и исповедующийся это чувствует с самого начала. И порой рассказывают мне такое, что они не решились бы открыть даже священнику и следователю КГБ. Один человек, тайной профессией которого являются методы разврата, рассказал мне омерзительнейшие факты из своей биографии. Но я все же не стал доносить на него, хотя избавление мира от этого чудовища было бы большим благом для людей. Я до сих пор не знаю, как следует поступать в таких случаях. Пока я прибегаю к самому малодушному средству: стараюсь уклониться от выслушивания исповедей такого рода. Но мне это не всегда удается. И к тому же это не соответствует моему общему принципу: выслушивай всякого, желающего в словах очистить душу свою. Правда, люди часто хотят не столько очистить свою душу, сколько испакостить твою. Но где тут разграничительная линия? Покаяние исповедующегося? Это слишком сильное требование для наших дней. Согласно моему учению, покаяние не требуется, ибо сама потребность высказаться несет в себе покаяние. И этого достаточно.

Иногда мои собеседники о своих душевных тайнах ничего прямо не говорят и крутят вокруг да около. Я их не вынуждаю к откровенности, я придерживаюсь на этот счет правила: не принуждай никого к совершению желаемых тебе поступков даже в мыслях. И опять-таки проблемы: где грань между желаемым и нежелаемым, где грань между отсутствием желания и нежелания, где грань между пресеченным и невозникшим желанием? Я не верю в то, что есть какие-то психологические критерии для этого. Я склоняюсь к тому, что их нет вообще, что они еще только должны быть изобретены. В данном случае я не знаю, есть у меня желание выслушивать откровения собеседников или нет и является мое внешнее равнодушие заглушенным желанием или природным безразличием. Кстати, о безразличии: как быть с ним? Морально оно или нет? Когда оно морально и когда нет? Видите, сколько проблем ставит такой заурядный случай перед существом, обреченным на роль Учителя Праведности. И поверьте мне, для него эти проблемы несут не интеллектуальное развлечение, а страдание. После каждой беседы с теми, кто раскрывает мне свою душу, я впадаю в болезненно-лихорадочное состояние, я буквально бьюсь головой о стенку в поисках решения этих мучительных проблем. И никто не в силах мне помочь, ибо я избран помогать всем и находить решения в себе самом. Поймите, люди: Бог есть прежде всего самострадание и лишь затем сострадание! Быть Богом не столько трудно, сколько мучительно. Лишь в такие минуты я не просто понимаю, а каждой клеточкой своего тела ощущаю смысл христианской идеи, что Он принял страдания людей на себя. Его мучения

перед распятием и распятие суть лишь внешний символ скрытых душевных страданий, доступный вульгарному сознанию масс.

Он, как и я, бился над решением неразрешимых проблем.

НЕ ПРЕЛЮБОДЕЙСТВУЙ

Не прелюбодействуй, учил Христос, на чужих жен не заглядывайся и не помышляй о них. Во-первых, я сомневаюсь в том, что сам Он придерживался этой заповеди. Я понял Его натуру, я уверен, что в отношении с женщинами Он был близок нашему времени. И я не осуждаю Его за это, я Его понимаю: без женщин Он не смог бы проповедовать свое учение и просуществовать больше недели, как и я. А, во-вторых, как быть, если они (то есть женщины) сами помышляют о тебе? Когда я был в зените славы и в расцвете моих удивительных способностей (в газетах писали об «эффekte Л.» или о «феномене Л.»), меня завлекла к себе домой некая дама, захотевшая получить от меня частную консультацию по поводу похудения (в ней было более ста килограммов), улучшения фигуры и душевного состояния. Сначала она меня хорошо накормила. Она страшно рассердилась на то, что я отказался пить спиртное: в то время я должен был воздерживаться от пьянства не столько из религиозных, сколько из медицинских соображений. Удивительные существа наши женщины! Страдают от пьянства мужей, но если попадает трезвенник, прилагают невероятные усилия, чтобы заставить его пить. Почему бы это? Очень просто: порочные ненавидят непорочных. Потом моя дама разделась догола. И я охнуть не успел, как она скинула все свои шмулки и предстала передо мной в виде рубensoвской Венеры. Честно признаюсь, я не могу сказать, что она была безобразна. Скорее наоборот, она по-своему была великолепна. Я так ей и сказал: «Фигура у вас прекрасная, исправлять ее ни к чему, да и худеть я не рекомендую». Она сказала, что сейчас все худеют, что ей хотелось бы талию потоньше, загривок убрать, руки слегка утончить и вообще. Я ей наговорил кучу полезных советов. Она слушала рассеянно. Потом неожиданно попросила, чтобы я оторвал ее от пола, не прикасаясь к ней руками (в это время у меня как раз обнаружались способности такого рода). Я сказал, что она не спичка и даже не чайная ложка. Она сказала, что, если я подниму ее от пола без прикосновения хотя бы на миллиметр, она позволит мне делать с ней все, что я захочу. Я сказал, что даже с прикосновением я вряд ли смогу оторвать ее от пола, ибо я не штангист. Она рассвирепела, сказала, что если я не..., то она навешает мне... Она употребила слово, которое я не решаюсь приводить здесь. Переводится это слово на обычный язык как «оплеухи», «тумаки», «подзатыльники».

Или вот еще случай. Меня, как тунеядца, пригласили в комиссию по принудительному трудоустройству. Члены комиссии — в основном старые члены партии, пенсионеры. Один представитель от районного Совета, один — от профсоюзов, один — от юридических органов, один — от райкома комсомола, один — от райкома партии. И еще какие-то непонятные лица. «Ничего себе, хорош, — сказал председатель комиссии (меня накануне заволокли в милицию под видом пьяного и основательно обработали). — И тебе не стыдно? Такой здоровый молодой парень, а пьянствуешь и черт знает чем занимаешься!» Я сказал, что занимаюсь делами, весьма полезными людям: облегчаю им жизнь. Кончилась эта беседа тем, что представительница райкома партии дала мне «телефон-

чик» и пообещала устроить на хорошую работу. Когда я навестил ее на другой день, она сказала, что либо я буду делать то, что ей нужно, либо она велит отправить меня на работу в урановые рудники, откуда никто не возвращается.

Что мне было делать?

АНТИПОД

Я поделился своими сомнениями с Антиподом. Он посмеялся, конечно. «Хотя ты и Бог,— сказал он,— ты наверняка капитулировал. Есть принципы поведения людей (да и Богов, пожалуй), которые не в силах отменить никто. Вот тебе один из них. Если человек физически способен совершить некоторый поступок и нет никаких внешних препятствий для его совершения, если в голову ему пришла мысль и появилось желание совершить этот поступок, если он надеется извлечь для себя пользу из этого поступка и при этом избежать ощутимого наказания за него, то он совершит этот поступок. В этом смысле в человеке нет никаких внутренних ограничений поведения. Откуда берутся такие ограничения? Только извне данного человека — из его отношений с другими людьми. Люди взаимно ограничивают друг друга».

— А религия? — пытался возразить я. — Религиозные ограничения суть продукт свободной воли человека. Человек берет их на себя сам.

— Ты Бог, а не смог устоять перед старой развратной шлюхой из райкома партии, — усмехнулся он. — Так что уж говорить о простых смертных! Чтобы стать общественной силой, религия должна стать делом определенной категории людей, организованных в некое целое, то есть делом церкви. А церковь как объединение людей подчиняется общим законам коммунального поведения. И святое дело, таким образом, становится делом грешников со всеми вытекающими отсюда последствиями. Так какая разница — будет держать людей в узде церковь или идеологическая организация?

— Разница есть, — говорю я. — Идеология изобретается для масс людей, религия же — для отдельного человека или для человека вне массы. Сила идеологии кончается, когда человек покидает толпу или коллектив.

— Но сила религии кончается, когда человек включается в толпу или коллектив. А что важнее для человека — пребывание в коллективе и в толпе или уединение? И, зная: в одиночку человек может противостоять великим искушениям, но бессилён перед мелкими, — Бог не способен бороться с блохами, клопами, крысами... Это я тебе говорю как специалист.

О ЧУДЕСАХ

Согласно Евангелию от Иоанна (не смешивайте с моим «Евангелием для Ивана»!), Христос начал свою карьеру с того, что превратил воду в вино. И после этого ученики усервовали в него. Еще бы! Если бы я мог превращать воду в водку, я увел бы за собой все население России, а не каких-то двенадцать бездельников. Причем мне не потребовалось бы исцелять больных, воскрешать умерших и творить прочие чудеса. Исцелением больных у нас занимается бесплатная медицина. Мертвых воскрешать ни к чему, ибо и от живых прохода нету. А чудеса творить бессмысленно и даже опасно — в них верит только КГБ, да и то лишь в своих профессиональных интересах. Несколько лет назад я вдруг

обнаружил в себе способность творить чудеса в духе нашего супернаучного века — поднимать мелкие предметы, не прикасаясь к ним руками, и сгибать столовые ложки, вилки и ключи одной лишь силой мысли. Но я не преуспел благодаря ей. На мне нажились лишь проходимцы, организовавшие мои представления. Чем тяжелее предметы я поднимал и чем дальше были мои руки от них при этом, чем больше я сгибал ложек и ключей силой мысли, тем меньше окружающие верили в мои чудеса. Чем больше экспертов безуспешно пытались разоблачить меня, тем подозрительнее становилась моя выходящая из ряда вон способность. Когда я научился одним лишь усилием мысли поднимать на полметра от поверхности стола массивную пепельницу и завязывать узлом метровый кусок водопроводной трубы, моих менеджеров (или антрепренеров) арестовали. И меня вместе с ними. Месяц держали меня в КГБ, пытаясь заставить меня поднять без прикосновения хотя бы спичку и хотя бы на миллиметр, но в присутствии одних сотрудников КГБ. Моя удивительная способность куда-то испарилась. После этого меня направили в сумасшедший дом. Убедившись в моей безобидности и получив мою подпись под обязательством чудес больше не творить, меня выпустили на свободу. Слава моя благодаря этому возросла. Я начал неплохо зарабатывать. К этому времени относится мое посещение комиссии по трудоустройству, о котором я уже упоминал.

Выйдя с той комиссии по трудоустройству (с номером телефона, который мне дала темпераментная и любвеобильная шлюха из районного комитета партии), я воздал хвалу нашему замечательному обществу. Подумать только! Миллионы здоровых людей на Западе не могут найти работу, а у нас запрещено быть безработным. Хочешь не хочешь, а изволь трудиться! Не можешь сам найти работу, тебе ее найдут заботливые представители общественности. Что за жизнь! Христа, между прочим, тоже обвиняли в тунеядстве. Его тоже считали бездельником и кутилой. Но в комиссию по трудоустройству его не вызывали. И пострадал он вовсе не из-за этого. Тут лежит коренное отличие меня от всех создателей и реформаторов религий прошлого.

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

Мои великие предшественники Христос и Будда появились на свет при исключительных обстоятельствах. Насчет Христа — общеизвестно, как. Менее известно то, что Будда появился в результате того, что Слон «трахнул» королеву. Интересно, если я войду в историю как основатель новой религии, какую легенду сочинят обо мне? Для России больше подходит такая: гигантский клоп совратил заведующую сельскохозяйственным отделом обкома партии Евдокию Телкину, прозванную в народе Маоцзедунькой, и в результате их сожительства на свет появился я.

Будда был отличником. Я тоже. Будда знал все языки. У нас, к сожалению, преподавание иностранных языков поставлено так плохо, что я не могу похвастаться ни одним. Впрочем, это мне не мешает давать уроки английского, немецкого и французского местным дебилам, так что я слышу полиглотом. Если бы представилась возможность, я стал бы натаскивать двоечников-школьников в китайском языке. А что, если и Будда знал все языки на таком же уровне? Боюсь, что именно так и было дело.

Будда умер, отравившись мясом. Мне это не грозит: в наших магазинах мясо исчезло сразу после революции и не появилось до сих пор.

Если я отравлюсь, то это будет тухлая картошка в городской столовой.

Учение Будды не годится для наших русских условий. Нам нельзя впадать в нирвану, заниматься медитацией и прочей чепухой: не позволят. Да и климат не тот. И ко всему прочему учение Будды у нас мало кому известно. А те, кому оно известно, излагают его так, что, как говорится, без пол-литра не разберешься. А с пол-литром нам разбираться ни в каком учении не надо: она сама есть высшее учение.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ПРЕДПОСЫЛКА

Я исхожу из такой предпосылки: мы живем в коммунистическом обществе и не имеем шансов его изменить, заменить другим и убежать из него. Мы обречены в нем жить и хотим жить в нем, причем в таком, каким оно нам дано в качестве естественной социальной среды. Но мы хотим жить так, чтобы получить свою долю удовлетворения и счастья и в конце жизненного пути уйти в Ничто с сознанием правильности прожитого и справедливости конца.

Думать об общественных преобразованиях сейчас нелепо. Самые глубокие преобразования уже произошли. Все главное сделано. Все жертвы ради этого принесены. Рухнули самые великие иллюзии и надежды. Социальная история вся позади. С этой точки зрения нас ждет только прошлое. Теперь людям предстоит много копить и много терять, чтобы снова появился интерес к будущему. Никакого Царства Божьего впереди нет, ибо оно уже есть. Оно уже достигнуто. И перед нами стоит проблема, как в нем жить. Как видите, перед Христом проблема совсем не так стояла: Он обещал Царство Божие. Он не смог сдержать обещание: тогда для этого еще не было пролетариата, большевиков, ленинцев и сталинцев. Царство Божие построили другие. Я иду дальше Христа.

— Допустим,— говорю я,— Царство Божие наступило. А дальше что? Как в этом Царстве Божием пребывать, то есть прожить по-человечески? Эта проблема потруднее той, которая стояла перед Христом.

МЕЧТЫ

Иногда я мечтаю о Москве. Москва! Окно в мир. Почти Запад. В Москве я еще ни разу не был. Мог бы в отпуск съездить. Отпуск у меня круглый год. Но поездка такая мне не по карману. И у меня нет паспорта — забрали в милиции и на всякий случай не отдадут. Знакомых, у которых я мог бы переночевать, в Москве у меня нет. В общем, я напрочь прикован к своему городу. Христос в конце жизни подался в Иерусалим. Но у Него не было проблемы паспорта, прописки и ночлега.

ВСЕ СУЕТА

Екклесиаст, сын царя и царь, сказал: суета сует, все суета. И еще сказал он: все — суета и томление духа. Он говорил и многое другое, в частности и такое: кто умножает познание, умножает скорбь; умный умирает наравне с глупым; все произошло из праха и возвратится в прах. Это все тот же Екклесиаст сказал, что нет ничего нового под солнцем: что было, то и будет, и что делалось, то и будет делаться.

Мало кто теперь соглашается с этим. Стоит заикнуться, что, мол, еще Екклесиаст сказал то-то и то-то, как тебе в ответ посыплются контраргументы. А самолеты?! А космические полеты?! А атомная энергия?! А медицина?! А?!. А?!. И если вы не согласитесь со своим оппонентом, он перечислит вам все достижения цивилизации за последние две

тысячи лет. Слушаете вы его, киваете в знак согласия головой: мол, да, да, конечно, — а про себя думаете: суета все это, суета сует, всяческая суета и сплошное томление духа. Да разве не об этом говорил сын царя и царь Екклесиаст?! Взгляни вокруг себя! Вот ученый. Он пятьдесят лет жизни угробил на то, чтобы сделать полезный вклад в науку. Во всем отказывал себе. Ночей не спал. Страдал. А кто знает о его вкладе в науку? Десяток таких же, как он, чудаков: сотня проходимцев от науки, разворовавших его вклад и приложивших огромные усилия к тому, чтобы о нем никто не узнал. А вот певец. Голосок слабый. Да и слух не очень-то. Затянут в джинсы так, что половые органы вот-вот разорвут их. Хрипит в микрофон чудовищную ерунду. Кривляется всеми членами. А миллионы людей неистовствуют, слыша и видя это. И имя его у всех на устах. Вот спортсмен, на долю секунды быстрее всех пробежавший кахую-то дистанцию, на сантиметр выше всех прыгнувший в высоту или на пол-оборота больше других перевернувшийся вокруг себя. Его портрет во всех газетах и журналах. Сильные мира сего почитают за честь встретиться с ним. И вот борец за лучшую жизнь для людей в своей стране, проведший долгие годы в тюрьмах, передумавший все важнейшие проблемы современности и потерявший все. Он скитается в поисках грошовой работы. Выше бесед с низшими чинами служб безопасности он никогда не поднимется. Вот знаменитая на весь мир актриса, которая не знает, как ей истратить миллионы, и вот другая — безвестная, унижающаяся перед самыми ничтожными проходимцами, чтобы заработать копейки. А взгляните на них! Вторая красивее и талантливее первой. Но первая опередила ее на пути в кровать режиссера. Послушайте этого замечательного политика! Даже в нашем мире, сплошь набитом дураками, трудно найти дурака, который превзошел бы его по дурасти. А между тем нет газеты в мире, которая выходила бы без его портрета, его речи, упоминания о нем. И послушайте вот этого, никому не известного человека. Какие глубокие суждения! Какой точный анализ ситуации! Какие верные предсказания! Но укажите мне одного политического деятеля в мире, который хотя бы выслушал его совет, а не то что последовал бы ему! Нет памяти о прежнем, говорит Екклесиаст, да и о том, что будет, не останется в памяти у тех, которые будут после. А Данте! А Шекспир! Помним же мы о них! «Конечно», — соглашаюсь я. А про себя думаю: кто помнит, как помнит и зачем помнит? Не для них помнят, а для себя. И не помнят вовсе, а прикрываются памятью и эксплуатируют ее. Какое дело вот этому Иванову до Шекспира?! Он не понимает Шекспира, он не любит его, ему скучно от Шекспира, он говорит о нем чушь. Но ему важно приобщить себя к Шекспиру, дабы все видели, что он не просто Иванов, а Иванов, посягнувший на Шекспира, причастный к Шекспиру и даже кое в чем превзошедший его. Нет памяти о прежнем — прав этот сын царя и царь Екклесиаст. Есть лишь суета сует и томление духа.

А как же быть, если тебе не удалось не родиться и ты познал, что все есть суета? И даже в этом, то есть в постановке самой проблемы, прав Екклесиаст: нет ничего нового под солнцем. И в решении этой проблемы я в общем и целом следую ему: не принимать участия в житейской суете, остаться в стороне и никому не мешать. Но я не сын царя и не царь. Я — человек конца двадцатого века, живущий в современном, сложном и лихорадочном обществе. И не так-то просто тут остаться в стороне.

И СУЕТА СУЕТ

*Сказал Екклесиаст: «Все — суета и духа есть томление».
Иначе видит мир теперешнее поколение.
Оно не повторяет фразу все ту.
Оно бросается в мирскую суету.
Ему не ведомо ни лично, ни со слуха
Про то, что есть какое-то томление духа.
Оно испытывает лишь томление тела,
Когда слоняется без мысли и без дела.*

И ВСЯЧЕСКАЯ СУЕТА

— Не вижу тут никаких проблем,— говорил мне один из моих учеников.— Пусть все есть суета! И почему надо от нее уклоняться? Я лично поступал и поступаю наоборот: окунаюсь в эту суету целиком и живу в ней, можно сказать, полнокровной жизнью. Ссорюсь с соседями и мирюсь. Интригую с коллегами. Воюю с женой и детьми. Представится случай выпить или с бабами покутить, не теряюсь... Одним словом, мне эта суета сует нравится, и я не хочу иной жизни. Я хочу лишь в этой суете подольше покрутиться и побольше от нее взять. Взять от жизни максимум возможного в моем положении — вот моя задача. Ты, говорят, можешь этому научить. Учи! Я плачу деньги. Выполняю твои наставления. Учи! Я хочу на своих двоих дотопать до могилы, хочу с бабами дело делать до последнего дня, хочу хорошее настроение иметь, хочу кое-кому свинью подложить и кровь попортить... Учи!

И я учу. Учю каждого тому, что ему хочется. Главное — узнать, чего хочет человек в глубине души, и научить его этому. А все, кто приходит ко мне за советом, хотят именно суеты сует и всяческой суеты.

Тот человек, который хотел взять от жизни максимум возможного, хотел на самом деле до смешного мало. Его представления о «максимуме возможностей» оказались такими примитивными, что я мог бы научить его, как взять больше. Но я не стал это делать, ибо тогда он понял бы, что вся его жизнь есть суета сует, и страдание уже не оставило бы его до могилы.

Не учи людей больше того, чего хотят они сами!

Профессия Учителя Праведности многосторонняя. В наше время она много сложнее, чем во времена Христа. В те времена, например, не было таких вечных, общечеловеческих проблем, какие потом были олицетворены в проблемах Гамлета, короля Лира, Карамазовых, Дон Жуана, Печорина, Обломова, Моцарта и Сальери. Между прочим, что это за вечные проблемы, если их тогда не было? Хотя Христос, возможно, был недостаточно интеллигентен и начитан и просто не знал о них. Я же, помимо функций, общих с Христом, обязан разрешать и эти в принципе неразрешимые проблемы. Причем разрешать не за славу и богатство, а за стопку водки, за тошнотворный обед в самой дешевой столовке.

Вечные проблемы. Сколько паразитов кормится за их счет! Проблемы эти неразрешимы, потому они вечны. Неразрешимы они не потому, что необычайно трудны, а потому, что их просто-напросто нет совсем. Они суть мнимые проблемы. Реальные же проблемы банальны. Они практически вовсе не проблемы, поскольку решение их приходит вместе с ними и не волнует умы. Жизнь вообще состоит из банальностей. Мы в своем воображении возвышаем кое-какие из них до уровня эпохальных и даже божественных проблем.

Так ли уж часто перед человеком встает проблема, возведенная в ранг «вечной»? Многим ли удастся родиться королем, принцем, на худой конец — богатым помещиком? Многим ли из этих счастливцев удастся дозреть до этих «вечных» проблем? А если ты не принц, не король, не генерал или иной избранник судьбы, будет ли человечество ломать голову над твоими подозрениями насчет жены, над твоими сомнениями по поводу «быть или не быть», над твоими обидами на детей? Реальные вечные проблемы встают перед всеми и постоянно. Но, повторяю, они банальны. И они не принимают форму проблем. Вот вам характерные примеры тому.

ДОН ЖУАН

— Для литературного Дон Жуана, — говорит мой собеседник, — проблема соблазнения женщины была в большей мере проблемой соблазнения сердца, а не тела. Такими были наши отечественные Евгений Онегин и Печорин. Но времена изменились. Тел полно. Сердец же нету. Некого соблазнять. Не интересно. Эффекта никакого. Я чувствую, что рожден быть выдающимся соблазнителем женщин. И имею данные для этого. А чем я отличаюсь от самого банального бабника нашего учреждения? Ничем! Может быть, лишь количеством баб, с которыми переспал, да и то не в мою пользу. И бабы у нас те же самые. И не скажу, что я опережаю его. Чаще он опережает меня. Я жажду женщину! Прекрасную. Недоступную. Хочу покорить ее сердце. Понимаешь? Не тело, а сердце. Тело тоже, конечно. Но тело потом. Сначала сердце. И покорить исключительно своим мужским обаянием. И чтобы покорить с усилием, чтобы она сопротивлялась сначала, чтобы капитулировала в конце психологической драмы. Найди мне такую женщину, и я тебе заплачу целую месячную зарплату. Перебьюсь как-нибудь на хлебе и чае, а заплачу. Найди! Ты же всех баб города знаешь! Укажи хотя бы, где Она есть, женщина-крепость, достойная осады и штурма!

И вот я перебираю в памяти все известные мне категории (я мыслю не индивидами, а категориями) женщин и не нахожу ничего подходящего. Есть, правда, один вариант, но я его держу для себя. А ему я рассказываю вот что. «В доме, где я раньше снимал комнатушку, живет старая дева. Что она — дева, уверяет она сама. И я ей верю. Она страшная. И у нее мания: она всех мужчин подозревает в том, что они хотят ее обманом соблазнить и затем бросить. Ее безуспешно пытались соблазнить забулдыги, которые крутятся около винного магазина, расположенного в том же доме...» Дон Жуан хохочет до слез. «Если бы она была молода, свежа и прекрасна», — бормочет он сквозь смех. «Не беда, — говорю я, — эти качества можно дополнить воображением. Главное — она неприступна. И пока не покоришь ее сердце, к ее телу не доберешься. Между прочим, она надевает на себя какое-то защитное сооружение. Забудыги пытались ее изнасиловать, но ничего не вышло. Она только хихикала над их усилиями и вопила, что даст им только по любви. Полюби сначала, а тогда она сама позволит. Забудыги заявили, что они лучше отрежут себе детородные органы, чем полюбят такую ведьму, плюнули и ушли выпрашивать гривенники у прохожих».

Насмеявшись вдоволь, мой Дон Жуан договорился о встрече с официанткой. Мне стало грустно. Литературный Дон Жуан — жалкий прими-

тив в сравнении с моим Дон Жуаном, но последнему не суждено стать объектом литературы и породить некую вечную проблему. Почему? Потому что он не разбил и не разобьет ни одного сердца. Он достоин сочувствия, мой Дон Жуан, а не порицания.

ОТЕЛЛО

А вот прямая противоположность Дон Жуану. У него трясутся руки, водка выплескивается из стакана, по щекам текут грязные слезы. «Я ее, стерву, боготворил, — хнычет он, — а она обманывала меня на каждом шагу и оскорбляла. Вместо борьбы с язвами общества я все силы тратил на мелкие домашние склоки. И вот она ушла насовсем». «Это тоже выход», — говорю я. «Выход, — усмехается он. — Она ушла по-нашенски, по-советски. То есть мне пришлось уйти, оставив ей квартиру и все то, что было нажито годами». «Вы еще молоды, — говорю я, — найдете другую». «Пробовал, — говорит он, — не получается. Я, видишь ли, однолюб. Я ее люблю. Я украдкой брожу возле дома, хочу хоть издали увидеть ее. А она на работу и в милицию написала, будто я ее преследую». «К кому же она ушла?» — спрашиваю я для поддержания разговора. «К одному певцу, — усмехается он. — Если бы ты знал, какое это ничтожество. Без посторонней помощи даже штаны расстегивать и застегивать не умеет. Это за него делали поклонницы. Теперь этим занимается она. И гордится этим».

Он опрокидывает стакан водки в рот. Я молчу, подавленный. Кто может облегчить страдания этого человека? Никто. Я — Бог, но и я не способен на это. «Что поделаешь, — говорю я. — Потерпи еще немного, придет Великий Врач, вылечивающий от всех страданий, и ты успокоишься». «Верно, — говорит он, — ничего другого не остается. Но сначала я ее, стерву, пришибу. Подкараулю и трахну кирпичом по башке». «Кирпичом неудобно, — возражаю я. — И вы сейчас в таком состоянии, что кирпичом череп не пробьете». «Верно, — говорит он. — Ты и в самом деле мудрый парень. Надо молотком. Или лучше шилом. Нет, тонкой отверткой». «Только не торопитесь, — говорю я. — Кто знает, может быть, ваши подозрения насчет ее измены необоснованны. Ревность — она слепа». «И то верно, — говорит он. — Торопиться ни к чему. Прибить человека всегда успеется».

— Боже, — говорю я сам себе, — прости нам эту пошлость. Но все другое тут было бы ложь. Проблемы эти невозможно решить. Их можно лишь затоптать в грязь, насмешкой и цинизмом. Люди так и поступают. А каково Богу?

АНТИПОД

— Взгляни на льва, мечущегося в маленькой клетке, — говорю я. — Увеличь льва в тысячу раз, а клетку сократи в тысячу раз. Этот образ даст тебе представление о состоянии Бога. Бог — бесконечно большое, деятельное и жизнерадостное существо, запертое в бесконечно малую клетку бездействия и отчаяния.

— Красиво сказано, — усмехается Антипод. — Только где ты видел льва в нашем захолустье? Муха, бьющаяся о стекло, — это более реалистично. А то — лев! Бесконечно маленькая муха, бьющаяся о бесконечно большое стекло, за которым ее ждет не свободный и светлый мир, а ледяной холод, — подходит тебе такая модель твоего Бога? Дарю ее тебе даром. Я не тщеславен.

О ТЩЕСЛАВИИ

А так ли это? Рассмотрим феномен славы. Как целое он включает в себя сознание известности, определенные блага за это (материальные блага, защищенность, внимание) и удовольствие. В обществе этот феномен расчленяется, распределяясь порою по разным людям так, что каждый обособившийся его элемент предполагает остальные лишь в потенции. Для достижения славы люди готовы пойти на жертвы и страдания, неосознанно предполагая или добиваясь фактически вознаграждения. Так что бывают случаи, когда люди страдают и получают удовольствие, поскольку со страданием ассоциируется некая потенциальная цель, допустим — достижение славы, а феномен славы предполагает вознаграждение и удовольствие. Потому мазохизм есть нормальное общественное явление, будучи чем-то ненормальным для данного индивида.

Рассмотрим в свете этой теории мой случай. Славы нет — она мизерна и смеха достойна. Материального обеспечения никакого. Полная беззащитность. Сплошные страдания. И я не мазохист. И все же я не сменяю свою участь ни на какую другую. Почему? Моя претензия быть Богом есть максимальная из всех возможных человеческих претензий. Она неизмеримо выше желания стать миллионером, знаменитостью, диктатором. Она предполагает всемогущество и всеобладание. Хотя я актуально не имею ничего, в самой претензии потенциально содержится все. Потому никакие страдания и потери не могут остановить меня, ибо они — ничто в сравнении с тем, что я потенциально имею в качестве Бога. Бог есть абсолютная потенция и пустая актуальность. Это — самый высший пост во Вселенной, который в силу своей высоты фактически лишен всех своих официальных (абстрактно мыслимых) атрибутов.

Надо мне отдать должное: я беспощаден к себе. Я не оправдываю свое поведение ни дурными, ни добрыми намерениями: у меня вообще нет намерений. И я скромнен: я довольствуюсь лишь одной функцией Бога — чисто духовной. А Антипод? Его претензия реформировать идеологию сомасштабна моей претензии родить религию. И он тоже хочет властвовать лишь в духовной сфере. Правда — во всей и неограниченно.

СОЦИАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ

*И выбираем мы судьбу
Не ту, что любим сами.
И выбираем мы судьбу
С закрытыми глазами.*

Свою роль я не выбирал. Люди сами избрали ее для меня, сами навязали ее мне. Постепенно и незаметно для меня самого получилось так, что люди сами стали признавать во мне Учителя Праведности, Целителя Душ и Тел. У одного моего знакомого мать страдала головными болями. Месяцами уснуть не могла, измучилась, умоляла дать ей яду. Случайно я зашел к нему. Поздоровался с матерью, сказал ей пару слов. И у нее вдруг прошла головная боль. Она уснула после моего ухода и спала целые сутки. Через месяц боли у нее возобновились. Она уговорила сына пригласить меня снова. И снова произошло чудо: боли прошли. После этого я несколько раз побеседовал с ней минут по десять с интервалами в месяц, две недели, неделя. Боли прекратились

совсем. Слух об этом распространился по городу. И к каким только больным меня не приглашали! Кое-кому мои посещения помогли, другим — нет, но всем без исключения почему-то становилось легче в моем присутствии. Люди оживлялись, просветлялись. Я понимал, что дело тут не столько во мне, сколько в них самих. Но и во мне, надо полагать, было что-то такое, что заставляло людей проявляться именно таким образом. У людей была потребность в человеке, который выполнял бы в их жизни определенную роль, а я обладал (не ведая того) качествами, подходящими для этой роли.

После того как меня выгнали из комсомола, а затем — с работы, я к навязанной мне роли стал относиться серьезнее — стал брать плату (надо же было на что-то жить) и повышать свою квалификацию изучением специальной литературы, психологическими тренировками и размышлениями. Не могу сказать, что я упорно трудился: я никогда не был склонен к этому. Ко мне все приходило как-то сразу и с малыми усилиями. Порою мне достаточно было просто подержать книгу в руках, чтобы ее содержание необъяснимыми путями перешло в мою голову. Люди, читавшие эту книгу и обсуждавшие ее со мною, были убеждены в том, что я не просто ее прочитал, но проштудировал «с карандашом в руках». Мимолетно услышанное слово производило в моих мозгах иногда то, на что у других уходили годы учения. У меня появилась ясность в понимании абсолютно всего, с чем мне приходилось сталкиваться и о чем приходилось высказывать свои суждения. Опять-таки на эту мою способность обратили мое внимание другие, — я сам долго не придавал ей значения. Я ее признал в себе после одного разговора в компании физиков. Они говорили о свойствах каких-то микрочастиц, которые, по их мнению, невозможно вообразить на уровне нашего «макровоображения». «Почему же невозможно? — сказал я. — Очень хорошо представляю себе это». И затем я им рассказал о том, что мне виделось. Они были поражены. Но не поверили, что я ничего не читал на эту тему ранее и вообще ничего не слышал об этих частицах. Решили, что я вычитал «свое» представление из американского физического журнала. Я не стал оспаривать их мнение. Я осознал, что имею непосредственную способность понимать все. Я покорился навязываемой мне обществом роли.

Иногда эта роль приносит удовлетворение, а иногда... Лучше я расскажу вам об этом случае.

Рядовой случай

Маленькая опрятная старушка суетится, приглашает к столу — «угоstitься чем Бог послал». На столе — бутылка водки, банка шпрот, колбаса, сыр. Преждевременно растолстевшая молодая женщина с чудесным русским лицом угодливо хихикает. «Присаживайся, друг, — говорит высокий, красивый, уже подвыпивший мужчина. — Пропустим сперва по маленькой, а потом и о деле». На кровати полулежит девушка. Огромные серые глаза. В них — грусть и апатия. У нее не действуют ноги. Ее пытались лечить во всех хороших больницах страны. Сколько денег переплатили всяким «гомеопатам»! И все впустую. А главное — чахнет девчонка. А других детей у них нет. Может быть, я что посоветую?

Я сажусь около нее. Беру ее руку. Какая прекрасная рука! Такая рука создана для драгоценностей. Я смотрю ей в глаза. Улыбаюсь. И она светлеет, улыбается в ответ.

— Они у меня чокнутые из-за меня,— говорит она.— А напрасно. Я же не маленькая. Я все понимаю.

— Здесь, в городе,— говорю я,— живет один человек. Это — святой человек. У него нет обеих ног. Но он ходит на работу через весь город и никогда не пользуется транспортом. Я пришлю его к тебе. Он научит тебя ходить. Ты увидишь березовую рощу, ручьи, поля. Ты пройдешься по траве, по утренней росе. Ты встретишь Его, и Он назовет тебя своей богиней. Только поверь в это, и это сбудется.

— Я верю тебе,— говорит она.— Я научусь ходить. Я увижу березовую рощу, ручьи и поля. Я пойду по утренней росе. Я встречу Его. Я буду достойна Его, и Он назовет меня своей богиней.

Опрятная старушка сует мне измятую десятку. Я отстраняю ее руку и ухожу, не простившись. Мое сердце разрывается от боли.

НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ ПОЗНАНИЕ

*В нас входят истины святые
Одной случайною строкой.
Но льются в головы пустые
Помои слов густой рекой.*

40

Выше я говорил о моем способе познания. Есть два способа познания мира. Первый — видеть мир непосредственно. Принцип его таков: вот перед тобою предмет, смотри на него сам и видишь в нем то, что само собой видится очевидным образом. Второй — видеть мир через культуру, накопленную другими. Принцип его таков: видишь в предмете то, что в нем должно быть согласно догмам усвоенной тобою культуры, то есть видишь в нем то, что другие считают наличным в нем и достойным внимания. Я не отвергаю пользу второго способа. Но часто отношение человека к познаваемому предмету через культуру становится таким опосредованным, что предмет фактически не видится объективно или не видится вообще. Так что порою бывает полезно отбросить эту опосредующую культуру и обратиться к непосредственному видению предмета. Но при этом требуются природные задатки и достаточно высокий уровень развития мышления, чтобы суметь увидеть в предмете непосредственно больше, чем видится в нем через культуру. Божественное познание вещей сразу и с полной ясностью есть просто первый способ познания, выраженный очень сильно. У меня, по всей вероятности, оказался выдающийся талант на этот счет. Интересно, что образование и культура убивают способность непосредственного видения мира. Потому все ясновидцы — люди необразованные или утратившие образование, которое им пришлось получить помимо воли. Стоит мне прочитать книгу или побеседовать на умную тему с интеллектуалами, как моя способность непосредственного видения сразу ослабевает. Однажды я встретил ясновидца, просидевшего в сумасшедшем доме пять лет и не прочитавшего за это время ни одной строчки. Он собирался в Москву предупредить американцев о предстоящей советской интервенции в Афганистан. Дальнейшая судьба его мне не известна.

МОЯ ПРЕТЕНЗИЯ

*Презрев законы Бытия,
Я к вам сошел из мира света
В канон Новейшего Завета
Облечь течение Жития.*

Я не хочу создавать новую форму религии наряду с другими их формами. Я претендую на нечто большее — на создание религии вообще, то есть религии с большой буквы. Объясню, в чем дело, ибо это центральный пункт моего учения. Религия вообще (Религия), которую я хочу построить, не есть нечто общее для различных форм религии. Это некая абсолютно совершенная и полная, всеобъемлющая религия. Все известные и логически мыслимые формы религий можно представить как обособившиеся части и свойства этой воображаемой всеобъемлющей религии. Но последнюю нельзя сложить из различных форм религии. Обособившись от целого тела Религии, ее части и свойства попадают в некое культурное целое, состоящее из других социальных явлений (элементов науки, искусства, идеологии), и трансформируются в нем. Иногда трансформируются настолько, что становятся совсем не похожими на соответствующую часть воображаемого целого. Обособившиеся части Религии, в качестве особых форм религии, вступают друг с другом в непримиримые противоречия (подобно тому как рожденные одними родителями братья становятся иногда смертельными врагами).

Но одно дело — идея такой Религии, а другое дело — ее исполнение. Построить такую абсолютно чистую, совершенную и полную (то есть абстрактную) Религию, исходя из которой можно было бы объяснить все известные и возможные формы религий как обособившиеся и трансформированные применительно к условиям данного культурного целого, включающего их, — это задача для Бога, а не для простого смертного. Я чувствую в себе силы, достаточные для решения этой задачи. Только бы мне успеть сделать это! Только бы моя Голгофа не пресекла мой жизненный путь раньше, чем я проделаю хотя бы основную работу! Христу ведь тоже не дали развить свое учение. Многие ли он успел сказать? А много ли от сказанного им сохранилось? Люди нуждаются в Религии, но они пресекают попытки создания ее. Христос явно имел претензию создать ее. Ему не дали. И кусочек созданного им учения превратили в вид религии — в христианство, причем в церковное, убив тем самым самую религиозную основу.

ПРОТИВОРЕЧИЕ

*Пусть был бы Бог. И предложил бы: выбирай,
Склонишься предо мной — заслужишь светлый рай
На веки вечные, не то
Исчезнешь в темное ничто.
Сказал бы я, что предпочту второе предложение.
Не стоит вечности земное унижение.
А как специалист, замечу, Боже,
Что вечность скоротечна тоже.*

Именно это, а не власти и не косность толпы препятствуют мне больше всего в осуществлении моего великого замысла. Я ненавижу покорность. Я презираю людей, стоящих на коленях. Я исповедую бунт и протест. Если Бог — покорность и коленопреклонение, я против Бога. Я хочу, чтобы Бог существовал лишь для того, чтобы дать мне силы для бунта и протеста даже против самого Бога. Восстать против всего — против людей, партий, классов, держав, империй, природы, космоса... Против всего! Но...

Но дерзко восстав против всего, я покорно плетусь в комиссию по

принудительному трудоустройству и ложусь в кровать с развратной бабой из райкома партии.

Христос тоже звал к бунту и покорности одновременно. Для него это было естественно: его бунт — бунт духа, а не тела, то есть бунт бестелесного Духа. Кесарево — Кесарю, Богово — Богу! А как быть мне? Мой бунт есть бунт одушевленного тела, бунт Духа, невысказанного без тела. Я хочу невозможного, ибо нет никакой религии для тела. Для тела есть идеология. И все же я не оставляю своей претензии. Пусть противоречие. Но именно противоречие движет миром — не зря же я в свое время получил пятерку по философии.

Я — АТЕИСТ

Самое трудное в моем положении состоит в том, что я — атеист. Парадоксально? Ничуть. Есть один-единственный (вырожденный) случай, когда религиозный человек может быть атеистом: если он сам есть Бог. Бог не может верить в свое бытие, ибо он не может относиться к себе как к чему-то вне его самого.

Но оставим в стороне чисто логический аспект дела. Верующий безбожник — одно из самых удивительных, но вполне естественных явлений нашего времени. Религия в моем смысле предполагает Бога как своего создателя, но она не включает понятия Бога в свое содержание: Понятие Бога необходимо лишь отдельным видам религии как обособившимся частям Религии. Идея Бога в них обозначает их религиозную природу, их принадлежность к некоему всеобъемлющему целому. Идея Бога есть признак Религии как целого в ее обособившихся частях. Само же целое не нуждается в этой идее, ибо оно как целое эквивалентно ей.

42 Понятие Бога двойственно: оно отчасти есть понятие идеологии и лишь отчасти — религии. В контакте с другими духовными явлениями (идеологии, науки, искусства) религиозные элементы в конкретных видах религии принимают такой вид, что абстрагировать в них первоначальную религиозную природу довольно трудно. Представление о боге как о всемогущем существе, как о творце природы и человека имеет совсем нерелигиозную основу, хотя и входит как составная часть в конкретную форму религии. Лишь в качестве гипотетического лица, к которому обращается религиозно действующий человек, Бог есть элемент религиозной ситуации, но не самой Религии как таковой. Со временем я объясню эту мысль подробнее.

Как стать религиозным человеком, будучи продуктом современной культуры, в том числе будучи атеистом, что дает человеку нашего общества религиозность, — вот главное, чему я учу людей. А прочее (лечение болезней, улучшение фигуры и тому подобное) есть лишь побочное мое занятие, как и у Христа.

ИСКУШЕНИЯ

Совершенно случайно я стал свидетелем сцены искушения в нашем подъезде: лысый и пузатый отец трех взрослых детей совращал рано созревшую дочку своего соседа и приятеля. И вроде бы добился успеха. Меня эта сцена навела на размышления, можно сказать, космического масштаба. Но ведь грандиозные идеи и образы христианства возникли тоже на такой банальной житейской основе. И меня, как и Христа, искушал Сатана. Сначала он явился мне в облике знаменитой

на всю страну «Целительницы». Она уговаривала меня стать ее «помощником», обещая мне третью часть выручки, кооперативную квартиру и прочие блага. Она настойчиво совала мне в руки пачку купюр, которая не поместилась бы в кармане пальто. Но я устоял. Претендовать на роль Бога и купиться на положение тайного провинциального богача — это было бы самое унижительное падение. Потом Сатана явился мне в облике заведующего секретной научно-исследовательской лабораторией. Он предложил мне место в своей лаборатории, гарантируя через год сразу защиту кандидатской диссертации и однокомнатную квартиру в закрытом районе недалеко от города. Я отверг и это предложение, ибо все тайное, скрытое, закулисное противно природе Бога. Наконец, Сатана явился ко мне в облике помощника товарища Сусликова — товарища Корятова. Он предложил мне стать «техническим» помощником, обещая неслыханную власть над людьми в подведомственной ему сфере партийного руководства. Я отверг и это предложение, ибо власть над телами людей лишает существо, претендующее быть Богом, власти над их душами. Кесарево — Кесарю, Богово — Богу.

В этом я подобен Христу. Но со времени Христа прошло почти две тысячи лет. Кое-что за это время изменилось в мире. Изменились и формы искушений. Появились такие, против которых наверняка не устоял бы и Христос. Вот вам конкретный пример тому. Я вошел в храм (то есть в забегаловку), когда там уже собралось много народу. Преобладали местные интеллектуалы. Кто-то из них получил гонорар, и они его коллективно пропивали.

— Эй, Христосик! — воскликнул один из них, увидев меня. — Топай сюда. Если ты на самом деле Бог, докажи свою силу. Вот тебе бутылка. Если выпьешь одним дыханием и после этого пройдешь по половине до двери и обратно, не качнувшись в сторону, мы поверим в твою божественную силу и платим десятку. А если нет — с тебя десятка и бутылка. Согласен?

Ни слова не говоря, я взял бутылку и только мне известным способом вышиб пробку. Способ этот всегда поражает воображение свидетелей. Я беру бутылку, смотрю внимательно на пробку, и она с шумом выстреливает в потолок. Свидетели замирают от изумления и восторга. Так я и сделал и на сей раз, повергнув интеллектуалов в уныние и оцепенение. Затем я опрокинул бутылку в рот и всосал ее содержимое в оебя с такой скоростью, что собравшиеся не успели разглядеть, что произошло. Этот трюк тоже могу делать только я один. Многие образованные алкаши (особенно из «националистов») и партийные руководители предлагали мне большие деньги за обучение ему. Но я отказался. Не потому, что захотел держать в секрете свои трюки, а просто потому, что сам не знаю, как это у меня получается, и потому не могу научить других. Если бы я мог научить других, наша страна давно потешалась бы такими «фокусами».

Однажды я демонстрировал свои способности в физическом институте. Физики произвели расчеты и доказали, что при такой скорости течения жидкости бутылка взорвалась бы, как бомба, и вообще для жидкости такого рода и объема подобная скорость исключена. Значит, то, что я делаю, — фокусы и жульничество. Бутылка на самом деле была пустая: я как-то подменил их бутылку на свою. Я не стал с ними спорить. Они — ученые, правда всегда на их стороне. Я просто предложил им найти их бутылку и осмотреть «мою». Потом я предложил

повторить «фокус», попросив их связать мне руки за спиной. Они принесли новую поллитровку. Поставили ее на стол. Я усилием мысли (на сей раз это было мне трудно, я покрылся холодным потом, побледнел) вышиб пробку, взял бутылку зубами и повторил физически невозможную операцию. Физики, говорят, до сих пор ищут объяснение этому трюку. Один гениальный мальчик построил новую теорию материи для этой цели. Его посадили в сумасшедший дом, хотя все физики твердят о необходимости «сумасшедших идей».

Но вернемся на землю. Высосав содержимое бутылки, я прошелся по узкой половине до двери и обратно, молча взял положенную десятку и молча вышел из храма. Свернув в подворотню, я отрыгнул выпитое: мне предстояли еще встречи с выпивкой.

НОВОЕ И СТАРОЕ

Своему способу отрывать выпитое я могу обучать других. Странно, желающих научиться открывать бутылки моим способом и выпивать содержимое из горлышка полно, хотя эти способности совершенно бесполезны. А полезному способу отрывать выпитое не хочет учиться почти никто: люди пьют не для этого. Лишь начальник областного управления КГБ товарищ Горбань оценил мое «открытие» — доказательство тому, что у нас именно КГБ идет во главе прогресса. Товарищ Горбань предложил мне продемонстрировать мой метод раз десять подряд, причем — «на разнообразном материале»: с водкой, коньяком, настойкой, наливкой, вином, пивом и комбинациями упомянутых жидкостей. Делалось это, разумеется, за государственный счет. Сам товарищ Горбань в это время тоже «пробовал» экспериментальные материалы, и я бы не сказал, что в дегустаторских дозах. Когда эксперимент успешно закончился (то есть не осталось ни капли спиртного), товарищ Горбань сказал, что мой метод имеет огромное значение для работы советских разведчиков и дипломатов на Западе, и взял с меня подписку «о неразглашении». Но его докладная записка, по всей вероятности, застряла где-то в сетях бюрократизма. Оказывается, и в случае государственных интересов первостепенной важности новое пробивает дорогу себе в жестокой борьбе со старым. В данном случае под «старым» я имею в виду дедовский метод — два пальца в рот. Впрочем, может быть, я отстал от жизни. Не исключено, что советские разведчики и дипломаты на Западе суют в рот не два, а три пальца. Между прочим, в конце эксперимента сам товарищ Горбань был трезвее, чем в начале его, — феномен, непостижимый для моего божественного разума. Я спросил его, как это он ухитряется делать.

— Это, брат, высшее искусство, это не всякому дано, — ответил он. — Это тебе не фокусы в забегаловках показывать.

Но о своем «высшем искусстве» докладную записку в высшие инстанции он не послал.

ПРИЧУДЫ ИСТОРИИ

Горбань оценил мой метод лишь настолько, насколько это касалось спиртного и интересов нашей страны на Западе. Я встречал одного талантливого самородка, который мог глотать даже гвозди и стекла, мог все проглоченное выбрасывать обратно через рот или с поразительной скоростью прогонять по кишечнику и выбрасывать с другой стороны. Я рассказал о нем товарищу Горбаню.

— Кто же наших товарищей на Западе будет гвоздями и стеклами угощать? — сказал он с усмешкой государственного руководителя большого масштаба. — Да и кормят там не то что у нас. Мало, но вкусно и калорийно. Зачем выбрасывать? Пусть это на пользу государству идет.

Я И АНТИПОД

Как мужу суждена жена,

Так Богу нужен Сатана.

Муж, бросивший жену, уже не муж.

Бог, одолевший Сатану, низложен этим уж.

Самое большое искушение для меня, однако, есть порождение Сатаны — идеология. В меня она врывается в лице Антипода.

— Ты упомянул о современной культуре, — говорит он. — А что это такое? Наука? Техника? Медицина? Гигиена? Искусство? Литература? Что?! Ты претендуешь быть на вершине ее. В какой мере обоснована твоя претензия? Насколько мне известно, ты не преуспел ни в одной сфере современной культуры...

— В одной я все-таки преуспел. Это та сфера культуры, в которой я действую. — духовная культура.

— Допустим. Но эта сфера культуры еще должна только быть развита на основе чего-то другого, а именно того, в чем ты не преуспел.

— Чтобы создавать духовную культуру на уровне современной «мирской» (скажем так) культуры, необязательно быть выдающимся ученым, писателем, художником, артистом... Достаточно быть среднетипичным представителем своего общества, так или иначе впитавшим в себя идеи и результаты культуры своего времени, ее дух. Духовная культура и есть в некотором роде ее квинтэссенция, нечто разлитое в обществе и определяющее тип менталитета и эмоциональности человека нашего времени. Христос ведь, тоже не был всезнайкой и всеумельцем.

— Но в таком случае надо создавать идеологию, а не религию, то есть нечто антирелигиозное. Тем более ты — атеист.

— А что такое идеология?

— Идеология есть учение о мире, об обществе, о человеке и о познании, опирающееся на достижения науки и техники. Задача идеологии — сделать сознание людей адекватным условиям их существования.

— Зачем?

— В интересах целостности общества и в интересах самого человека как частички единого целого.

— А ты уверен, что превращение человека в частичку целого не наносит ущерба человеку как суверенной личности? Дает ли идеология защиту человеку от его полного поглощения целым?

— Нет, конечно. Но для этого есть неписаная, практическая идеология. Вот некоторые ее принципы. Человек есть ничтожная тварь. Возьми от жизни все, что можешь. Не пойман — не вор. Работа дураков любит. Не важно, кто ты есть, важно, кем ты слынешь... Хватит?

— Хватит. Но ведь эти же принципы другие обратят на тебя.

— Выживает сильнейший.

— Если бы сильнейший! Выживает наиболее живучий, низводя качество жизни до уровня ничтожности.

— А что предлагаешь ты?

— Возвысить качество жизни до уровня Бога.

— То есть манию величия?

— Пусть так. Но это все равно лучше, чем мания ничтожности.

ВТОРОЙ ИСТОЧНИК

*Чтоб путь к успеху не был долг
И чтобы был он не тернист,
Тебе поможет идеолог,
Все объяснивший ленинист.*

Вот в таком духе мы препираемся иногда часами. И в этом смысле идеология есть второй источник и соответственно вторая часть иванианства. В свое время сталинизм и гитлеризм уподоблялись друг другу, будучи врагами. Будучи врагом идеологии, иванианство невольно уподобляется ей хотя бы уже тем, что включает в себя проблематику идеологии и дает ей свое решение. Современная религия может развиться в нечто значительное лишь как антипод и конкурент современной идеологии, причем самым лучшим ее текстам.

— Вот тебе пример преимущества идеологии, — говорит Антипод. — Идеология ставит вопрос «Что есть истина?» и дает ему развернутый ответ. А религия? Этот вопрос перед ней был поставлен извне. И он остался без ответа. Не так ли?

— Так, — говорю я. — Но проблема истины не есть проблема религии. Проблема религии есть вера.

ЧТО ЕСТЬ ИСТИНА

Христос не ответил на вопрос Понтия Пилата «Что есть истина?». Вернее он решил проблему, уклонившись от ответа на вопрос: проблема истины и лжи вообще не есть проблема религии. Любой ответ Христа означал бы нарушение существования религии.

46 — Что есть истина и ложь? — говорит мой собеседник. — Жизнь прожил, умирать пора, а не знаю. В начале войны был я курсантом военного училища. Немцы дошли до Сталинграда. Положение критическое. В училище поступил приказ: отчислить четыреста курсантов в пехоту, под Сталинград. Я попал в число отчисленных. На подготовку к участию в боях нам дали всего месяц. Как мы готовились — смех. Впрочем, от нас другого и не требовалось. Когда нас бросили в бой, наша задача свелась к тому, чтобы бежать, падать, мерзнуть и быть убитыми. Можешь вообразить такое: мы наносили удар по противнику тем, что давали возможность убить себя. И что самое удивительное — мы победили. Но дело не в этом. Наша подготовка сводилась к тому, что мы спали, добывали самыми невыносимыми способами добавку к жалкой еде и по очереди ходили к одной девочке в хутор километров за пятнадцать. Девочка молоденькая, но выдавшая виды. Видать, не один полк пропустила через себя. И страшенькая к тому же. Но что поделать? Нам было не до принцесс. Скоро в бой. Наверняка убьют. Обидно умирать, не попробовав бабу. Мы ей, конечно, кое-что носили. Кто что мог — еду, обмундирование. Посуду воровали в столовой. И был в нашем взводе парнишка. Интеллигентный, начитанный, даже утонченный. Мы его Аристократом звали. Красавец. Он осуждал наше скотское (как он утверждал) поведение. Сам же он нашел себе где-то девочку, к которой питал самые что ни на есть чистые чувства. Уходил он к ней после отбоя и приходил под утро. Приходил грязный и измученный: дорога и днем-то была хуже не придумаешь, а ночью... Из лужи

в лужу... Как он нам описывал свою красотку! Принцесса! Сначала мы не верили, смеялись. Но он так убедительно говорил о ней, что мы вольно-невольно поверили. И стали ему завидовать. И убогими стали казаться нам наши походы к страшенькой потаскушке. Мы уговаривали его, чтобы он «трахнул» ее и потом с нами поделился. Он возмущался, говорил о чистой и непорочной любви. Стихи сочинял. Неплохие, между прочим. Мы переписывали, заучивали наизусть. Аристократ сказал нам, что его Принцесса поклялась ему в вечной любви и верности, а он, если останется жив, вернется к ней и женится на ней. Промчался месяц, Мы приготовились к отправке на фронт. И Принцесса сама пришла проводить нашего Аристократа. Мы, естественно, все бросились взглянуть на нее, игнорируя крики командиров. Прибежали мы туда, где Аристократ прощался со своей Принцессой, и... остолбенели от изумления. Это была она — наша страшенькая потаскушка. Можешь представить себе, как мы хохотали, когда прошло первое изумление! Хохотали до слез, до коллик в животе. Падали на землю, корчась от хохота. Но надо было видеть их самих — Аристократа и его Принцессу! До смерти не забуду эту картину. Они не подали друг другу руки, не взглянули друг на друга, разошлись, не промолвив ни слова. Но лица! Лица! Надо было видеть их лица. Глаза! И это — любовь? Чистая и непорочная любовь? Где она, эта «чистая и непорочная», скажи мне? Я понимаю, что мы были последними сволочами. Но почему они разошлись так? Если была любовь (была же она!), куда она девалась? Куда? И почему в жизни все происходит так грязно и подло? Ответь, почему? Мне эта проблема с тех пор покоя не дает. Жизнь прожил, а так ни разу и не видал ничего такого «чистого и непорочного». Почему? Отвечай! Что есть истина?

НЕ ВСЕ В ВОЛЕ БОЖИЕЙ

Выслушав того человека, я сказал себе следующее. Жалкий червяк! Ты претендуешь на роль высшего из всех мыслимых существ — на роль Бога, а не можешь решить самую примитивную задачку самого примитивного человечка! Признай свое ничтожество! Завтра же иди в комиссию по трудоустройству и соглашайся на любую работу, какую тебе предложат! Это будет твой самый весомый вклад в дело спасения человечества.

Приняв такое решение покончить со своей божественной миссией, я почувствовал необычайное облегчение. Сразу пропала изжога, появившаяся после только что съеденного обеда. Взгляд мой стал задерживаться на встречных женщинах. Но это продолжалось недолго. Я вспомнил о том, что мне через полчаса предстоит встреча с партийным руководителем городского масштаба, жаждущим вылечиться от заикания. И понял, что люди просто не позволяют мне снять с себя функции Бога. Я им нужен именно как Бог, а не как ничтожный страдалец, радующийся простейшим проявлениям жизни.

Я им нужен как страдающий, но как Бог — как страдающий Бог.

Я И АНТИПОД

— Почему ты думаешь, что твое идеологическое учение есть истина? — спрашиваю я.

— Потому что оно основано на науке, — говорит он.

— А на чем основана уверенность в истинности утверждений науки? — не унимаюсь я.

— На практике, — говорит он.

— Но практика отвергла массу утверждений, считавшихся научными, — не сдаюсь я. — И кто сосчитал, сколько утверждений науки и религии отвергла и подтвердила практика? К тому же твоя идеология такая же фантазия, как и религия. Она сосет соки науки, но сама не есть наука. Возьми утверждение идеологии о бесконечности мира в пространстве и времени. Логически оно недоказуемо. Опытным путем его не подтвердишь. Чем оно с этой точки зрения лучше утверждения о сотворении мира неким высшим существом?

— Есть опыт людей в течение миллионов лет, — говорит он. — Есть правила интерполяции и экстраполяции...

— Они суть правила логики, а не закона природы, — говорю я.

— Идеология в духе эпохи, — пускает он в ход последний аргумент.

— А ты уверен, что «дух эпохи» не изменится в ближайшее время? — наношу я свой решающий удар.

На этот раз я победил. Но чаще побеждает он. Меня это не смущает. Немцы в прошлую войну выиграли все битвы, но продули войну в целом.

Так и я могу проиграть Антиподу все отдельные дискуссии, но могу выиграть в конечном результате, ибо религия побеждает, идя дорогой поражений, — такова ее историческая роль.

МОЙ МЕДИЦИНСКИЙ СТАТУС

48 Само собой разумеется, меня поставили на учет в психиатрическом диспансере, хотя я там до этого ни разу не был и никакого обследования с этой точки зрения не проходил. Произошло это так. За мелкое хулиганство, которого на самом деле не было (меня избили незнакомые лица), меня осудили на пятнадцать суток. В один из этих дней меня посетила «комиссия» из трех человек. Главный из них просил меня «признаться чистосердечно», являюсь я шизофреником или нет.

— Если я скажу «нет», — ответил я им, — то вы будете рассуждать так: он шизофреник, поскольку шизофреники отрицают, что они шизофреники. А если я скажу «да», вы будете рассуждать так: он парень образованный, знает только что приведенную истину, и потому соглашается считать себя шизофреником, чтобы скрыть тот факт, что он шизофреник.

— А ты не дурак, — сказал глава комиссии. — Значит, шизофреник. Так и запишем.

И записали. На всякий случай. Чтобы можно было в любое время изолировать. В связи с важными событиями (праздники, приезд руководителей из Москвы) город очищают от всякого сброда вроде меня. Таких «шизофреников» в городе сотни. И их всех в таких случаях забирают в сумасшедший дом, знаменитый на всю страну. Я же теперь на это время исчезаю сам. В последний раз я исчез на даче у самого начальника областного управления КГБ — работал на его участке (копал землю, пилил дрова, красил заборы и даже чинил печи).

В тот раз один из членов «комиссии» задержался на минутку.

— Я себя чувствую так, будто меня не было, нет и не будет никогда, — тихонько сказал он. — Вместе с тем мне кажется, что я был, есть и буду всегда. Что это по-твоему?

— Божественное начало в человеке, — сказал я. — Человек отличается от животного своей причастностью к Вечности.

— Ясно, — сказал он. — Только по-дружески советую, не говори больше никому об этом.

ТРУДНОСТИ ПРОФЕССИИ

Моя профессия принадлежит к числу трудных и опасных, хотя оплачивается крайне низко. Об опасностях расскажу потом, а трудности заключаются главным образом в том, что мои ученики и пациенты почти никогда не понимают меня и потому обижаются на меня. Вот, например, средних лет мужчина, занимающий приличный пост, потребовал (не попросил, а потребовал) научить его быть красивым. Я сказал ему для начала следующее: если хочешь иметь красивое лицо, мой регулярно ноги. Он не понял фигурального смысла моего изречения, приведи сначала в порядок все, что в тебе скрыто от посторонних. Он понял мои слова буквально. Разгневался. Поносил меня последними словами как жулика и шарлатана. Не заплатил ни копейки. Погрозился сообщить обо мне «куда следует» (это уже из области опасностей). Я сказал ему, что «там, где следует» могут заинтересоваться, как он встретился со мной, и это может ему повредить. Он выругался матом. Но, по-видимому, не донес. И на том спасибо. Другой человек попросил меня научить его выражать заложенные в нем потенции, так как он хочет самосовершенствоваться. Я сказал ему, что надо стремиться выглядеть лучше, чем ты есть на самом деле. Он тоже обиделся. И тоже не заплатил. Правда, он не ругался матом и не грозился донести: как-никак он собирался самосовершенствоваться. Но то, что я ему посоветовал, есть единственно возможный путь самосовершенствования, ибо в человеке вообще нет никаких скрытых потенций. Это предрассудок, будто такие потенции есть.

Бывают и смешные случаи. Одна длинноносая женщина попросила помочь ей придумать что-нибудь такое, чтобы нос не казался таким длинным. Я ей сказал, что ее проблема тривиальна: надо ей самой сделать свой нос предметом шуток и подчеркнуть его размеры и безобразие. В истории такие прецеденты уже имели место. Она тоже сначала обиделась. Тоже ушла, не заплатив. Но через месяц она разыскала меня и заплатила по-царски. И была счастлива. Я ей посоветовал изучить литературу, касающуюся носа: шутки, анекдоты. Через полгода она успешно вышла замуж. Я был приглашен на свадьбу, потом — на пьянку по поводу рождения сына. Упившийся муж отозвал меня в сторонку и попросил придумать что-нибудь такое, чтобы уменьшить нос его супруге, — за это время он стал еще длиннее и уродливее.

ДОБРО И ЗЛО

Один старый забулдыга рассказал мне такой случай. Сталину доложили, что профессор Н. прислал в «Коммунист» статью, в которой оспаривает некоторые утверждения Сталина о языке.

— Товарищ Н. впал в ошибку, — сказал Сталин. — Человек он заслуженный, надо ему по-товарищески помочь преодолеть заблуждение.

— Как конкретно? — спросили Сталина.

— Расстрелять мерзавца, — сказал он. Глаза его в этот момент источали доброту. Сталин понимал соотношение добра и зла. Он был почти что Бог, но не Бог: он был Сатана. Потому он говорил с акцентом.

Советский человек охотно причиняет зло ближнему и делает подлости. Но он предварительно убеждает себя в том, что он имеет на это моральное право, что его действия оправданы так или иначе, что они в конце концов суть не зло, а добро. Мне, например, приходилось беседовать с десятками людей, совершавших супружеские измены. Лишь немногие из них делали это без психологического и морального самооправдания. Как правило, они находили причину своего предательства в недостатках супругов, которым изменяли, и рассматривали свое поведение не как предательство, а как некий выход из создавшегося положения, как стремление преодолеть трудности и даже как желание облагодетельствовать тех, кому они изменяли. Почти во всех таких случаях результатом была аналогичная реакция второго из супругов, причем тут моральное оправдание уже не вызывало сомнения. Подлость за подлость, зло за зло! И так устанавливалось некое житейское равновесие, именуемое добром. Совершенно аналогичные случаи я видел в служебных отношениях людей, в творчестве, в «светской» жизни.

Зло за зло — вот практически действующий принцип нашего жития. Бог уже не в силах противостоять ему.

Что я делаю, если люди хотят делать зло? Такие люди ко мне не приходят. Тот, кто хочет делать зло, в советах не нуждается. Он и без советов сам хорошо знает, как это делать. Кроме того, я не учу ни добру, ни злу. Я учу тому, как жить в таком разрезе бытия, в котором теряют смысл понятия добра и зла. Вот против меня за столиком в дешевом кафе сидит почтенный отец семейства. На ресторан у него денег нет. Да и на эту беседу он, я чувствую, сэкономил за счет желудка. У него сын кончает школу. Парень способный, но далеко не гений. Особых склонностей ни к чему нет. Хороший комсомолец, но не активист. На карьеру ни желаний особого, ни энергии не имеет. Как быть? Отцу, естественно, хочется, чтобы сын хорошо устроился в жизни. Чтобы не был рабочим или мелким служащим. Но не хочется, чтобы сын становился обычным халугой, горлопаном, холуем и все такое прочее. Как быть? Где тут добро и где тут зло? Простая жизненная проблема. Я уж не говорю о таких проблемах, как улучшение фигуры, похудение, накачивание мускулов, сохранение половых потенций до крайней старости, преодоление бессонницы, преодоление страха смерти... Где тут зло и где добро? А вот вам другой случай. Лучший ресторан города. На столе лучшие вина и лучшие закуски. Два официанта почтительно изогнулись перед нами. Мой собеседник на сей раз профессиональный грабитель, вор, мошенник. Он не спрашивает меня о том, как убивать, не оставляя следов, как воровать и мошенничать, оставаясь неуловимым для правосудия. В этих делах он сам выдающийся специалист, профессор, академик. Его интересует другое. В последнее время у него стали появляться признаки страха, нерешительности, сомнений и прочих нежелательных в его деле состояний. Как их преодолеть или хотя бы ослабить? Что должен делать я? Отказать ему в моих советах? Это не соответствует моим принципам: то, чему я учу, не зависит от того, кого я этому учу. Кроме того, этот человек есть злодей с юридической точки зрения, а я на себя брать функции официального судьи не хочу. Для меня он просто человек, нуждающийся в моей помощи. «Если бы Вы знали (он обращается ко мне на «Вы» в отличие от многих добропорядочных людей), с какой мразью мне приходится иметь дело. — говорит он. — Вы бы сочли меня самым благородным человеком в этом гнусном обществе».

Если этот человек снимет хотя бы половину драгоценностей с той толстой бабы, которая требовала оторвать ее от пола, не прикасаясь к ней руками, сделает он доброе или злое дело? Судить об этом есть функция суда мирского, а не божьего.

*В одном, несомненно, даю я поруку,
Что эту российскую серость и скуку,
Российскую пошлость до боли и рвоты
Не буду менять на любые красоты.*

Я рожден именно для этой безысходной русской тоски, для решения неразрешимых русских проблем. Нельзя быть пророком в своем отечестве, считал Христос. Мое положение иное: мне не суждено стать пророком вне своего отечества.

ТРУДНЫЙ СЛУЧАЙ

— Мы тебя, Лаптев, под землей найдем, — сказали мне эти люди, — от нас не спрячешься. Но не бойся, сегодня мы тебя не берем, а приглашаем для консультации.

Меня посадили в черную «Волгу» и повезли в район, где расположены загородные дома высших чиновников города. И вот меня ввели в кабинет самого товарища Корятова.

— Вы абсолютно здоровы, — сказал я ему вместо приветствия.

— Сам знаю! — грубо ответил товарищ Корятов. — Я тебя не за тем позвал. Вот что, Лаптев! Есть важное партийное поручение. Выручишь — награжу, нет — пеняй на себя. Завтра в городском театре выступает Ермилкин. Как, ты не знаешь, кто он такой?! Тем лучше. Так вот, ты должен сделать так, чтобы он в ответах на вопросы... В докладе ничего не сделаешь, он его читать будет, а в ответах можно. Так вот, в ответах на вопросы Ермилкин должен допустить серьезную идеологическую ошибку.

— Кто меня туда пустит?! — пробовал отделаться от такой задачи я. — Откуда мне знать вопросы, что считать ошибкой? Я же не знаю и знать не хочу вашего учения! Я же не знаю, что у вас считается истиной и что заблуждением!

— Все будет устроено, Лаптев, — спокойно сказал товарищ Корятов. — Будешь сидеть в ложе, совсем рядом с трибуной. Вот тут вопросы, которые будут заданы Ермилкину. А вот ответы на них, которые заготовлены заранее Ермилкину.

— Так как же... — заикнулся было я.

— Мы все продумали, Лаптев, — оборвал мою попытку Корятов. — Когда руководители отвечают на вопросы «трудящихся», они стараются делать вид, будто отвечают без бумажки, кое-что стараются запомнить, допускают некоторые вольности и иногда даже импровизируют. Психологический контроль ослаблен. Вот тут-то их можно сбить с панталыку. Умело, конечно. Вот тебе ответы на вопросы, которые ты должен внушать Ермилкину. Понял? Хотя бы один. Но обязательно хотя бы один. Иначе... Что тебе нужно для этого?

— Отдохнуть и сосредоточиться, — сказал я, почувствовав себя бездарным учеником великого маэстро Корятова.

Отсыпался я на даче у Корятова под охраной (как бы не сбежал). Первый раз за полгода принял ванну. Мне хотели сбрить бороду, но я запротестовал: без бороды я потеряю свою «психицкую силу». Вечером, одетый с иголочки, и даже с галстуком, я сидел в ложе

бенуара, всего метрах в шести от трибуны, с которой начал произносить пламенную речь секретарь обкома партии по идеологии (как я узнал от охранников) товарищ Ермилкин. Начал и... споткнулся на слове «реорганизация». Он несколько раз пытался преодолеть его и каждый раз допускал ошибку. В позу ворвался побледневший помощник Корятова.

— Тебе, м...к, сказано было... — зашипел он мне в ухо.

— Я тут ни при чем. — зашипел я в ответ. — это он сам...

Наконец товарищ Ермилкин одолел коварное место доклада, и речь его снова ликующе-уверенно загремела в зале.

Пока товарищ Ермилкин читал речь (он еще раз пять споткнулся аналогичным образом) я изучал его и пытался установить с ним духовный контакт: мне нужно было, чтобы он сам почувствовал мою заинтересованность в нем и чтобы я ощутил в себе способность воздействовать на его душу. Контакт не получался. Я почувствовал, что это существо либо покрыто некоей духовно непроницаемой оболочкой, либо у него нет вообще такого органа, на который можно было бы оказать духовное влияние.

— Ну как, — зашептал помощник Корятова, — подготовился? Сейчас начнутся ответы на вопросы. Действуй!

— Он не поддается духовному воздействию, — прошептал я в ухо помощника. Тот умчался куда-то, вернулся бледный, запыхавшийся.

— Ищи, Лаптев, выход из положения, — зашептал он, — ищи! Иначе!..

— Я могу работать вон с тем жирным типом в президиуме, который перебирает бумажки, — прошипел я. Помощник опять убежал.

— Ладно, — сказал он, вернувшись. — Действуй хотя бы так. Пусть он спутает бумажки с вопросами, понял? Пусть седьмую положит на место пятой, пятую на место девятой, а девятую — на место седьмой. Действуй!

Эта задача для меня оказалась примитивной. После первого нелепого ответа Ермилкина в зале началось веселое оживление. После второй нелепости начался сдержанный смех. До третьей нелепости дело не дошло: объявили, что вопросы исчерпаны, устроили товарищу Ермилкину овацию и прикрыли совещание. Помощник Корятова похвалил меня за то, что я нашел выход из затруднения, но в наказание не выплатил гонорар. Думаю, что он зажал его себе. Я не стал настаивать: я был рад, что меня отпустили с миром. По дороге в свою «берлогу» я думал над проблемой духовного опустошения и духовной непроницаемости советских чиновников. Для религии тут, конечно, не остается никакой надежды.

СНОВА О ДОБРЕ И ЗЛЕ

То, что человек делает лично для себя, не есть добро и не есть зло. И не все приятное другим людям есть добро. И не все неприятное есть зло. Если ты делаешь приятное злодею, ты не делаешь добро, хотя, может быть, не делаешь и зло. Нет общих критериев добра и зла. Их можно выдумать, но их нельзя применять. Надо просто составить список дел, считаемых добром или злом. Христос так и поступал. Его заповеди во многом потеряли смысл для нашего времени. И их очень мало. Нужны новые заповеди. Может быть, сотни или тысячи. Их надо найти так, чтобы советы для конкретных случаев получались как их следствия. Для этого нужен гений такого масштаба, что имя «Бог» не будет сильным преувеличением.

ЖУЛИКИ

Если в обществе есть настоятельная потребность в чем-то и если общество не удовлетворяет ее законно, обязательно возникнет нелегальная сфера удовлетворения этой потребности. Сейчас наш город превращается в гигантский индустриальный и культурный центр. Все старые сдерживающие средства оказались бессильными. Партийные и комсомольские организации сами с головой окунулись в эту мешанину. Супружеские измены стали настолько обычным делом, что на них уже совсем не обращают внимания. Дети (особенно девочки) вовлекаются в сексуальную жизнь уже в школе. Милиция уже не справляется с проституцией, причем большинство городских проституток — несовершеннолетние девочки, часто из благополучных семей. Появились наркоманы. Откуда они в наших краях берут наркотики? Из картошки получают? Неизвестно даже КГБ, а о Боге и говорить нечего. Алкоголизм вообще не в счет — это теперь сравнительно невинный порок. И если с ним борются, то отчасти по привычке, отчасти с намерением повысить дисциплину и производительность труда.

Появление в этих условиях множества проходимцев вроде меня вполне закономерно. Каких только персонажей тут нет! Я с этой средой знаком лично. Как-нибудь при случае я попробую описать ее подробно. Поскольку эта среда тоже есть массовое явление, она подчиняется общим законам поведения масс людей и людей в массе. Есть у нас выдающиеся таланты и серые бездарности, добросовестные и шарлатаны. Хотя мы все официально слышем за жуликов, но те, кого мы сами считаем жуликами, суть сверхжулики. В прошлом году, например, в город приехал из столицы некий психиатр, который начал учить женщин, как не беременеть без всяких противозачаточных средств. Чисто психологически. Одним усилием воли. Мне было достаточно взглянуть на него, чтобы понять, что это за птица. Он потребовал оплатить курс обучения вперед, причем за каждый урок среднюю заработную плату советского служащего и рабочего. Желающих учиться оказалось больше тысячи. В день, когда было обещано начало занятий, «психиатр» сбежал с чемоданом денег в неизвестном направлении. Среди записавшихся на курсы «культуры секса» (как он их называл) были жены и дочери всех руководителей области без исключения, генералов и офицеров гарнизона и прочих платежеспособных лиц города. Представительницы мира искусства оплатили (и вперед, конечно!) дополнительные частные уроки, которые тоже, впрочем, не состоялись.

После бегства «психиатра» в городе были произведены повальные аресты всяких «целителей», «ясновидцев», «гомеопатов» и прочих представителей нашего преступного мира. Я избежал этого, поскольку находился под покровительством самого высокого начальства. Впрочем, почти всех арестованных вскоре выпустили: общество уже не могло существовать без них достаточно долго. Само собой разумеется, официально наша преступная сфера считается несуществующей и всячески маскируется. Наше общество должно выглядеть совершенно здоровым в морально-бытовом отношении. Кстати, оно таким и является с точки зрения официальных критериев здоровья.

БОГИНЯ

В доме, где я сейчас обитаю, живет Богиня. Это девочка лет шестнадцати. Она учится в балетной школе. Поскольку балет есть наше

важное политическое и идеологическое оружие, в городе есть оперный и балетный театр и балетная школа. И неплохие. На Западе, говорят, даже в столичных городах таких нету. Не знаю, какая балерина выйдет из моей Богини. Думаю, что плохая. Она слишком хороша (или недостаточно страшна) для хорошей балерины. Но женщина из нее выйдет красоты неопишущей. В ней собрались воедино все лучшие качества женской русской красоты. Когда она выходит на улицу, жильцы высовываются из окон, прохожие замирают и оглядываются на нее, шоферы тормозят, ловеласы преследуют ее. При встрече со мной она вздрагивает и уступает дорогу. Я с ней регулярно здороваюсь. Она не отвечает на мои приветствия. Я мечтаю о ней все ночи напролет. Ради нее я тщательно моюсь, стираю свое белье, особенно носки, запломбировал зубы, хожу шевелюру и бороду. Хотя одет я как живущий на одну стипендию студент, на баб я произвожу неотразимое впечатление, я это знаю. Знакомые (даже мужчины) считают меня красавцем. Лишь Богиня не обращает на меня внимания. Она еще не знает, что я — Бог и что она предназначена мне, ибо она — Богиня. А как ей дать знать, что я Бог, если она примерная комсомолка, если у нее свои представления о богах, если ее красота уже принята в расчет в ее жизненной карьере? Я мечтаю о том, чтобы с нею случилась болезнь, какие я и только один я умею лечить. И тогда... Но она здорова и уравновешенна. Безмятежное чело ее свидетельствует о том, что у нее нет проблем и мысли ее просты.

Один забулдыга, увязавшийся за мною, остолбенел при виде моей Богини и выругался втиеватым матом.

— Вот «трахнуть» такую! — резюмировал он свои восторги.

— Чудак, — сказал я, — такие Богини появляются для безмолвного обожания. А для «траханья» больше подходят вот такие красотки. — Я кивнул ему на посудомойку кафе, вытаскивавшую помой с черного хода.

МОИ СОВЕТЫ

Во всяком деле есть свои аксиомы. Есть они и в моей профессии. Вот одна из них: совет должен быть сформулирован так, чтобы благоприятный результат выглядел как следование совету, а неблагоприятный — как отказ следовать ему. Есть и другие правила. Когда ко мне обращаются за советом, я никогда заранее не знаю, что именно я буду советовать. И я никогда не запоминаю, что именно я посоветовал. Потому я каждый раз заново изобретаю свой совет, если даже имею дело с повторяющимся случаем. Я имею дело с живыми людьми и конкретными ситуациями, а не с абстрактными примерами, так что не могу позволить себе стандартные ответы на типичные вопросы.

Сейчас передо мною — взволнованный молодой человек. Он больше не может терпеть, чтобы в мире творились «все эти безобразия», он хочет бороться и влиять на ход событий в мире, но не знает, как это делать.

— Главное, — говорю я ему, — начать. Потом все пойдет как бы само собой. Надо с чего-то начать — вот в чем проблема. Я советую вам начать с самого начала, с Абсолютного Начала. Что это такое? Я вам опишу некое подобие его, а вы уж сами догадайтесь, что это такое. Придите домой, останьтесь в комнате один, закройте окна, закройте дверь, потушите свет и подумайте про себя: я хочу, чтобы в мире прекратились «все эти безобразия», хочу, чтобы жизнь для людей стала

лучше, хочу сам активно участвовать в жизни и влиять на ее ход! Повторите это много раз. Скажите: хочу и буду! И после этого вам многое станет яснее. И вы сами увидите, как вы можете влиять на мир.

Не успел я закончить мой совет, как восторженный молодой человек убежал, восклицая, что «это гениально!», что ему самому «следовало бы догадаться!», что «это же очевидно!»...

К сожалению, он тоже забыл заплатить за совет. И я до сих пор еще не заметил следов влияния его на ход событий в мире.

БУДУЩЕЕ ЗА ИДЕОЛОГИЕЙ

Если бы я имел дело лишь с официальной идеологией в том виде, как она существует сейчас, я бы ее легко одолел. Но в идеологии есть и творческое начало. Именно оно противостоит мне в лице Антипода, а не идеология вообще. У Антипода есть своя сверхзадача — поднять идеологию на такой уровень, с которого все остальное будет иметь жалкий вид в течение многих веков. Он хочет идеологию поднять на божественную высоту. Если это произойдет на самом деле, то религии, конечно, придет конец навечно. Но удастся ли ему это — вот в чем вопрос. Способна ли идеология вообще позволить какому-то ее реформатору возвысить ее до уровня Бога и еще выше?

— Уже давно идет непримиримая борьба между религией и идеологией за сознание людей, — говорит Антипод. — Религия терпит поражение. Судьба ее предрешена. Почему? Религия идет против природы человека и общества. Она прививает человеку способности к самоограничению. Идеология соответствует природе человека и общества. Она прививает человеку способность приспособливаться к своей социальной природе и среде. Ограничения на поведение людей, которые могла бы привнести в общество религия, слишком слабы для современного человека и нереалистичны. Чтобы современного человека держать в узде, нужны мощные органы надзора и подавления, нужна система наказания, нужна сила коллективного воздействия и контроля. Религия дает человеку некоторую индивидуальную самозащиту, если этот человек не имеет доступа к благам жизни и не имеет шансов преуспеть. Но она тем самым прививает ему покорность обстоятельствам, пассивность. Идеология же дает человеку некоторые средства индивидуального нападения на общество, если человек стремится к жизненному успеху, стремится получить доступ к благам жизни, имеет для этого возможности. Она тем самым прививает человеку активность. Религиозность есть капитуляция перед социальными обстоятельствами, идеологичность — нападение на них. Не религия, а идеология отвечает на вопрос: как жить наилучшим образом в современном обществе? Религия отвечает на другой вопрос: как наилучшим образом оправдать для самого себя свою жалкую участь и неспособность иметь жизненный успех? Чье положение перспективнее? Ты сам прекрасно знаешь, что наша русская церковь и хранимая ею религия давно утратили религиозную сущность и играют подсобную роль в системе нашей идеологии. Это не случайно. Любая старая религия в наше время перерождается в идеологию. А так как она стремится сохранить некие религиозные атрибуты, она не способна переродиться полностью и потому обречена на подделку, на ложь, на страдание и гибель.

Хотя идеология не наука, она черпает свое содержание в значительной мере из науки. Она апеллирует к разуму, а не к слепой вере. Объект

ее воздействия не невежественный человек прошлого, а сравнительно образованный человек будущего.

Сейчас идеология имеет вроде бы жалкий вид. Но так казалось не всегда. Сравнительно с общим низким уровнем культуры в стране в сталинское время она была явлением высокой культуры. В послевоенное время общая культура наиболее активной части населения переросла уровень идеологии. Это несоответствие рано или поздно будет преодолено. Идеология возвысится над общей культурой и образованием масс людей, сама станет вершиной культуры. И в этом деле ее возвышения будет доля и моего труда.

Идеология имеет неоспоримые преимущества перед религией и с точки зрения мощи того государственного аппарата, с помощью которого она прививается и навязывается людям. Сейчас этот аппарат громаден, но груб и примитивен в деталях. Это состояние его тоже исторически преходящее. Пройдут годы, и аппарат идеологии превзойдет аппарат религии — церковь. Появятся прекрасные идеологические «храмы» — идеологические центры при районных, городских и прочих комитетах партии. В этих центрах будут театры, кино, клубы, библиотеки, спортивные учреждения, концертные залы. Все основные элементы культуры и развлечения будут распределяться между людьми через эти центры. Сложатся свои красивые ритуалы, охватывающие праздники и основные даты жизни людей. Даже психотерапия и психоанализ будут подчинены идеологическим «храмам». Но на все это нужно время. Века нужны. И гений человечества должен быть вложен в это — гений архитекторов, художников, поэтов, музыкантов, ученых, артистов, проповедников...

— Должен быть вложен — с этим я согласен, — сказал я. — Но будет ли вложен? — вот в чем вопрос.

— Будет!

— Когда? Через тысячу лет?

— Пусть через две. Время тут не имеет значения.

— Терпит поражение не религия вообще, — говорю я, — а религия в ее определенной исторически преходящей форме. Религия, о которой я говорю, не терпит поражения хотя бы по той причине, что она еще не родилась. Проблема не в том, будет она господствовать в обществе, а в том, родится она вообще или нет. Вот тебе только один из аспектов жизни общества, позволяющий делать на этот счет позитивные предположения. Люди в массе стремятся как можно меньше работать, не ограничивать себя и не испытывать всякие неприятности. Но при этом они стремятся иметь как можно больше всяких благ, удовольствий, развлечений. Это кажется естественным. Но лишь на первый взгляд. Неизбежным результатом удовлетворения этих стремлений является пресыщение, скука, разочарование, разврат, депрессия, тяга к искусственным возбудителям, расцвет негативных страстей и качеств людей (зависть, злоба, лицемерие, обман...). Даже в нашем сравнительно бедном, идеологизированном, строго контролируемом обществе, с обязательным трудом уже нарушено нормальное соотношение между тем, что человек имеет, и тем, как это ему достается. Если не будет найдено общественно значимое средство самозащиты людей от этой ненормальности, человечество будет деградировать.

— И ты думаешь, твоя религия спасет от этого? — говорит Антипод.

— Нет, я так не думаю. — Я не верю в спасительную миссию религии. Я верю в другое: найдутся люди, которые откроют для себя

религию, соответствующую их положению, причем как единственное средство самозащиты. Они создадут образцы праведно прожитой жизни. Им будут подражать другие...

— Один такой изобретатель передо мной. И многие ли подражают ему?

— Но я еще не дорос до уровня, который мог бы быть образцом. Мой путь еще не закончился. Моя жизнь еще не известна никому, чтобы нашлись подражатели...

— Сколько «но», посчитай! А ты уверен, что они все будут сняты? А ты уверен, что после этого появится хотя бы один желающий повторить твой путь? Вспомни об этих моих вопросах в конце своего пути! Во всяком случае, я тогда приду к тебе, что бы ни случилось, и скажу тебе мое последнее слово.

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ ОТКРЫТИЕ

Я внезапно проснулся среди ночи. Тикал будильник. Скребились мышцы. А в остальном была черная тишина. И меня вдруг осенило: Бог нужен не для загробной жизни — таковой все-таки нет и никогда не будет. Он нужен для этой, земной жизни. Он нужен для того, чтобы достойно человека прожить свое мгновение жизни и исчезнуть. Он нужен именно потому, что Его нет и никакой загробной жизни не будет. Если бы Он был, Он был бы не нужен — вот основной парадокс бытия. А если Он нужен, Он все равно придет, хотя Его нет. Придет! Он уже в пути.

Люди, я иду! Я скоро буду среди вас и в вас!

Потрясенный этим открытием, я потерял сознание, о чем узнал потом, когда очнулся.

Когда я очухался, около меня сидел врач. Он, по-видимому, только что сделал мне укол. «Обыкновенная дистрофия. — сказал он моей хозяйке. — Отощал парень, я говорю. Подкормить его надо. Лучше питаться надо, молодой человек (это ко мне, я открыл глаза). На воздухе больше бывать надо. Спортом заниматься. Постой-ка! Кого ты мне напоминаешь?.. Ужасно знакомое что-то, а припомнить не могу... А, вспомнил, Христа! Здорово похож! Вылитый Христос! Ну, всего хорошего! Поправляйся. Только бороду лучше сбрей, а не то с милицией хлопот не оберешься. И не забывай о том, куда привела Христа его дорожка».

*Коль станешь Богом, говорит наука,
Жить будешь без детей, не говоря уже о внуках.
Жить без любви. И даже без жены.
И без тревог, что с тем сопряжены.*

*Жить без друзей. И даже без знакомых.
Жить без вопросов и ответов, им искомым.
Жить без походов. Без сражений.
Без радостных побед. Без горьких поражений.*

*Без завершающего путь венца.
Жить в бесконечном ожидании конца.
Жить в ожиданьи бесконечного конца.*

Продолжение следует.

ВСЕСОЮЗНЫЕ ЗАОЧНЫЕ ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ КУРСЫ

**ПРИГЛАШАЮТ
УЧАЩИХСЯ 10 И 11 КЛАССОВ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
ШКОЛ И СПТУ, А ТАКЖЕ РАБОТАЮЩУЮ МОЛОДЕЖЬ,
ЖЕЛАЮЩУЮ ПОСТУПАТЬ В ВУЗЫ**

Всесоюзные заочные подготовительные курсы (ВЗПК) проводят целенаправленную индивидуальную подготовку к поступлению в высшие учебные заведения. Пособия содержат краткое изложение теоретического материала, примеры выполнения типовых заданий с необходимыми рекомендациями высококвалифицированных специалистов и индивидуально ориентированные контрольные работы.

Учащиеся ВЗПК обеспечиваются информацией об избранном учебном заведении и особенностях вступительных экзаменов.

Обучение ведется по всем предметам общешкольной программы. Филиалы ВЗПК в Киеве и Алма-Ате ведут обучение не только на русском, но и на языке республики.

В 1990 году более 80 процентов учащихся, успешно окончивших ВЗПК, стали студентами.

Обучение платное. Инвалиды детства, воспитанники детских домов, воины-интернационалисты имеют льготы. О формах оплаты и условиях зачисления можно узнать, написав (желательно на открытках) в адрес любого отделения ВЗПК. Рекомендуем выбирать отделение либо по месту нахождения избранного вуза, либо по месту жительства. Во всех остальных случаях обращайтесь в Центральное отделение в Москве.

АДРЕСА ФИЛИАЛОВ ВЗПК:

**129110, Москва, ВЗПК,
190000, Ленинград, ЛТО, ВЗПК,
252601, Киев, УРО ВЗПК,
480100, Алма-Ата, САКО ВЗПК.**

**Для жителей Москвы и Московской области
действуют очные подготовительные курсы.
Справки по телефону: 581-11-53**

О ВЕРЕ И СВОБОДЕ

АЛИНА ЧАДАЕВА

Фото ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА

Советский парламент принимает Закон о свободе совести, приравнивая совесть к праву выбора веры или неверия в Бога... Можно ли принять Закон о свободе — любить ближнего, — если он скоро две тысячи лет как принят христианством?!

Со-весть. Не значит ли это слово приобщение человека к Вести о Боге?

«Всякая душа по рождению христианка». Недавно девочка, живущая в семье, где мама вступает на путь веры, а папа иронизирует по этому поводу, спросила:

— А может быть так, что душа верует в Бога, а человек нет?!

Воистину, устами младенца подтверждается древняя мысль:

человек создан по образу Божию.

...Однажды к мудрому сельскому священнику, отсидевшему срок без вины, пришел пожилой писатель, за чьей спиной был фронт, и, горячась, стал убеждать, что надо «бороться за свободу».

— Какую свободу, сынок? — спросил священник.

— Ну, как же?! За политическую, гражданскую, свободу совети, наконец.

— Так ведь уж Господь даровал нам свободу, сынок,— кротко сказал иерей.

— Какую? — в изумлении воскликнул писатель.

— СВОБОДУ ОТ ГРЕХА, сынок...

«Где сокровище ваше, там и сердце ваше будет» — так определил Спаситель, для добра или для зла свиваем мы гнездо в своей душе, иначе говоря, в чем наша вера. А в чем, в самом деле, если каждому из нас спросить себя?

После Чернобыля, в котором можно увидеть подобие возмездия греховной земле, открывшееся Иоанну Богослову в Откровении. Будто уже вострубил над нами Третий Ангел, «и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде «полынь» (Чернобыль — А. Ч.); и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки». Днепровская вода Крещения поплатилась за гордыню людей, все еще возводящих «авилонские башни» АЭС. И только ли днепровская?

Землетрясение в Армении сотрясло земли от Закавказья до Средней Азии. Восстание природы словно копировало безумие восстания народов друг на друга. Симптом преддверия конца света. Не подобный ли тому, который преддрекает Христос, по свидетельству евангелиста Луки. «Тогда скажет им: восстанет народ на народ и царство на царство; будут большие землетрясения по местам, и глады, и моры, и ужасные явления, и великие знамения с неба».

Помните вопрос девочки: душа верует в Бога, а человек — нет? Так где же мы ищем сокровища наши сегодня?

Газета «Московские новости», ссылаясь на социологические ис-

следования, утверждает, что в Москве и в области главный кредит доверия население отдает церкви, а следом за ней — «движению зеленых», «направленному против объектов, способных нанести ущерб» природе. Так выглядят первые признаки исцеления нации в столичном регионе.

А за его околицей?

«...Мир Вам, уважаемая! Книги о Православном вероучении, что Вы прислали, я постараюсь передать заключенным. Начальство зоны против моих визитов, в общем, не возражает. Беда в другом — времени у меня недостает. Ведь здесь у нас пространства огромные, зовут порой за тридевять земель, а служу я один, даже алтарника нет. Редкий день обходится без отпеваний или других треб: крестятся сотнями, венчаются десятками. А тут еще депутатство, учеба в Лавре и — самое главное — строительство храма. Разрешение на него уже получено, участок отведен, и первоначальное условие об уплате за такую доброту — 125 тысяч — отменено...»

Священник, приславший письмо, служит в одном из приходов Дальневосточной епархии. Картина, которую он рисует, сегодня в России почти повсеместна и напоминает первые века христианства. Любой из возвращенных тоталитарным режимом храмов разорен, превращен в катакомбы. Кажется, что русские церкви вслед за Христом приняли позорную казнь и вот теперь воскресают. Как две тысячи лет назад в Египте, Сирии, на Апеннингах, как тысячу лет назад на Руси, продолжается крещение людей в христианскую веру. И это важнейшее доказательство незыблемости, неистребимости искры Божьей в людях.

Богоносному, как величали русских, народу нужно понять, как

произошло, что на семьдесят с лишним лет он провалился в «теенну огненную»...

Русский философ и богослов Сергей Николаевич Булгаков, умерший в эмиграции в Париже, ответил на этот вопрос с выстраданной категоричностью. По мнению отца Сергия, «...культура, социальные и национальные отношения, создаваемые помимо христианских идеалов губельны для человечества. Поэтому безрелигиозные революции, происшедшие в России в XX веке, являются предвестием катастрофического конца истории».

Хотите осмыслить эту сложнейшую тему всесторонне, откройте теперь уже «дозволенную цензурой» книгу философа Н. А. Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма». Она только что издана в Москве стотысячным тиражом.

Атеизм, говаривал один старый священник, тоже религия, но только с черного хода. Дверь на «черный ход» открывает в своей книге Н. Бердяев. «Коммунизм, — пишет он, — есть исповедание определенной веры, веры противоположной христианской. ...Коммунисты любят подчеркивать, что они противники христианской евангельской морали, морали любви, жалости, сострадания. И это, может быть, и есть самое страшное в коммунизме».

Был создан миф о коллективе как о собирательной личности. Помните, у Маяковского: «Голос единицы тоньше писка». Человек нивелировался, его индивидуальность перечеркивалась как ненужная. Она формировалась «по образу и подобию» классовой идеологии, которая возвела пролетариат в носителя абсолютной истины.

В моей библиотеке сохранились изданные в 18-м году «Протоколы

первой всероссийской конференции пролетарских культурно-просветительных организаций» (Пролеткульт). В психологии, культуре, науке, искусстве отсекалось все многообразие жизни во имя самоценности понятия «коллектив». «Красота, — цитирую один из докладов, — это организованность». Новая система пролетарской эстетики без колебания отсекала души, если они торчали из-за колючей проволоки классового сознания. Абсурдное становилось нормой. «Здесь коллективистично и самое восприятие природы; звезды — коллектив неба, борющийся с ночью». Бред параноика? Отнюдь. Пролетарское литературоведение, анализ стиха. Главный тезис: искусство — «орудие социальной организации людей». Наступила эра фетишей. Естественный, живой человек должен был воспитать в себе сознание машины. Или лучше — ее части, винтика, гайки, рычага. Предлагалось верить, не обсуждая, не подвергая сомнениям: в абсолютное торжество марксизма-ленинизма; партию большевиков; верного ленинца — Сталина; в колхозы — благо бедняка; врагов народа; литературу как часть общепролетарского дела; в религию как опиум для народа...

Волна организованного безумия захватила, сбила с ног поколение моей матери. В категорию вечности возводили понятия, выработанные политикой партии большевиков. Вера в Бога заменилась верой в волевые усилия человека, способного и природу подчинить своим классовым интересам. «Природа не храм, а мастерская, и человек в ней — работник». Помните? — это тот самый тургеневский Базаров, которого мы проходим в школе как представителя нигилистов середины прошлого столетия.

Будущее индивидуума виделось Базарову лопухом, растущим на могиле. Идея души и ее бессмертия и не обсуждалась, а просто отметалась как недостойная чепуха: «Бесы» — назовет потом нигилистов, ставших социалистами, Ф. М. Достоевский. Политическая борьба в России высветится им в измерении онтологическом, когда незримые силы тьмы, бесы, используют людей как орудия разрушения основ мироздания, посягающих на самую сущность Природы.

Земля, по их замыслу, должна была стать заводом с единым пролетарским мышлением. Машина становилась идолом, требующим безоговорочного поклонения и подчинения. Крестьянство потому и было уничтожено, что в самом названии своем было кровно сопряжено с христианством. Производящее хлеб, оно и не могло быть иным: хлеб — основа Евхаристии, величайшего таинства Причастия, когда вино и хлеб претворяются в кровь и плоть Христову.

Хлеб в России всегда и не случайно был основой жизни. До революции русским хлебом питался мир.

Люди, узурпировавшие власть в СССР, и люди, беззаветно им поверившие, находились в более страшной и безысходной темнице, чем миллионы тех, кого они упрятали в реальные тюрьмы, лагеря, ссылки.

Человек православной веры Л. П. Карсавин, философ из числа блистательной плеяды Н. Бердяева, П. Флоренского, Сергея Булгакова, и сегодня, после смерти своей, убеждает нас, что веру истинную нельзя замуровать в узилище и невозможно убить. Л. П. Карсавин был заключенным лагеря в поселке Абезь, где и скончался в 1950 году. До нас дошла молитва узника: «БЛАГОС-

ЛОВИ ДНИ ЗАТОЧЕНИЯ МОЕГО, ПРЕТВОРИ ЕГО ВО ОБРАЗ ПОКАЯНИЯ ЧИСТИТЕЛЬНОГО, молитвы непрестанной, предстояния живо-го и трепетного пред Лицем Твоим. И даждь ми духа терпения, кротости, воздержания, прощения, милосердия и любви. Избави мя от духа злоречия, поношения и осуждения ближнего. СКУДОСТЬ ПИЩИ БЛАГОСЛОВИ БЫТИ В БЛАГОДАТЬ ПОЩЕНИЯ (поста.— А. Ч.) ПРЕД ТОБОЮ. В покаянии мя приими, на исповедание настави, веру умножи, укрепи, утверди, несомненну сотвори. ...очисти, омой, убели Имени ради Твоего».

Насущный хлеб христианской веры. Только он один и спасает отчаявшегося человека, в какие бы бездны ни бросали его железная рука власти или собственные каждодневные грехи, которые мы, ведая и не ведая, творим. Стараемся больше приобрести, чем раздать, отказываем бездомному в приюте, просящему — в подаении, пытаемся злом отстоять добро, ссоримся, осуждаем, злословим всех и вся, печемся о суетном сверх меры, предаемся страстям, возводим в культ распутство...

А между тем для каждого открыты, для каждого светятся во тьме нашей жизни слова Христа: «Душа больше пищи, и тело — одежды... ищите Царствия Божия, и это все приложится вам».

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Фото ПАВЛА КРИВЦОВА

Мир разят на фотокадры.

Улица, роща, поле, река, вокзал, площадь — все прямоугодно очерчено. Но вот фотография к фотографии, и мир словно рождается заново, из калейдоскопического хаоса проступает целостная картина сегодняшнего дня — до боли узнаваемая и в то же время пугающе неожиданная. То, что раньше не ухватывалось глазом, скользило мимо души и сознания, стало теперь и важным, и понятным. Будто знакомую понаслышке историю рассказал тебе очевидец.

Такой вот своеобразный рассказ от первого лица.

... Павел Кривцов родился в селе, на Белгородщине. Учился, рос в областном центре. Здесь же начал заниматься фотографией — в школьном кружке, в Доме пионеров.

Теперь у него призы всесоюзных и международных выставок (среди них один из самых престижных — «Уорлдпрессфото»...), звание международного мастера фотожурналистики.

В том-то и фокус (чудо?! искусство?!): когда о привычном говоришь **от первого лица**, оно становится уникальным.

Душа заговорила...

И в шляпе
дело
Цюрих!

Вся жизнь...

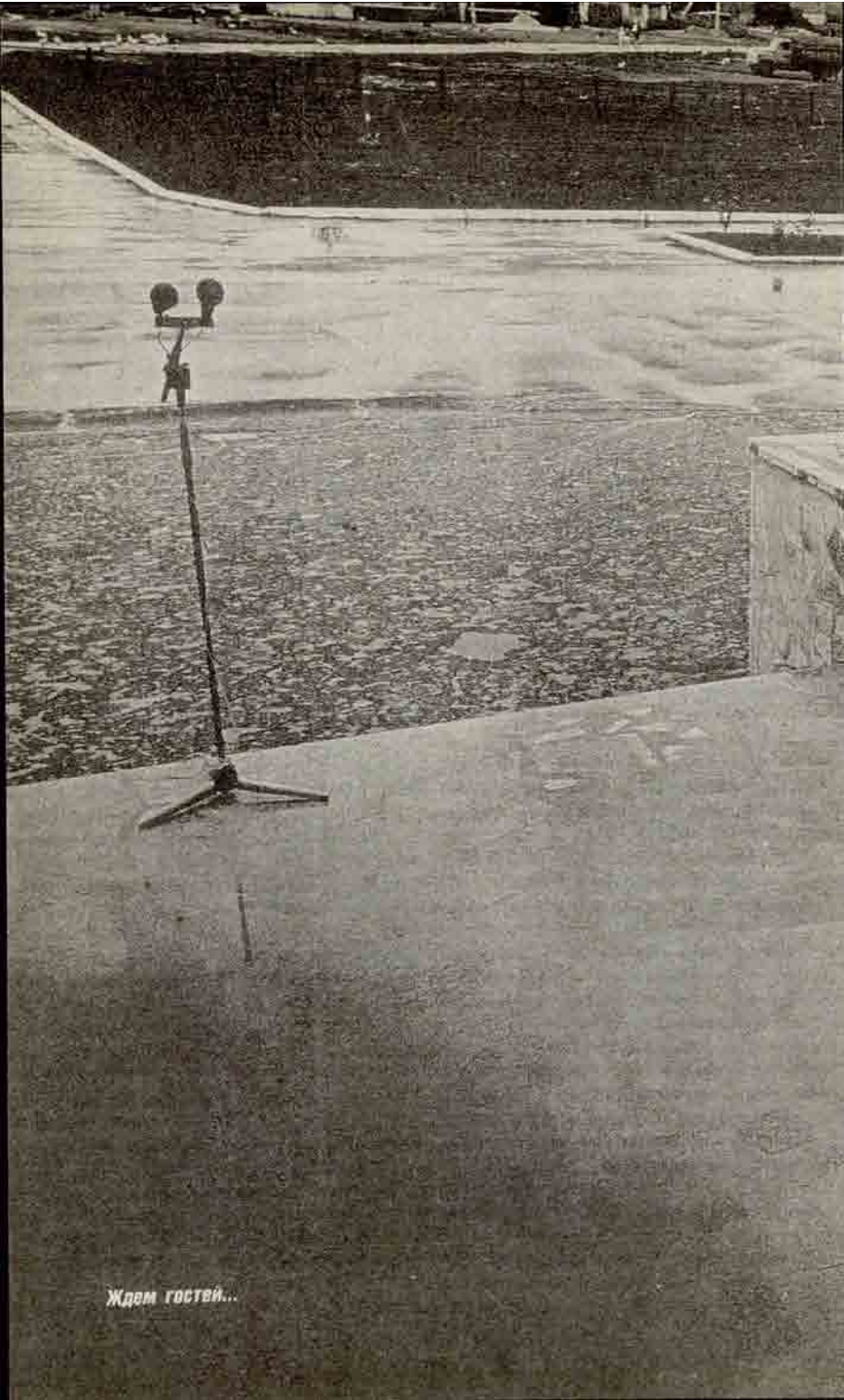
На поле
кукурузном.

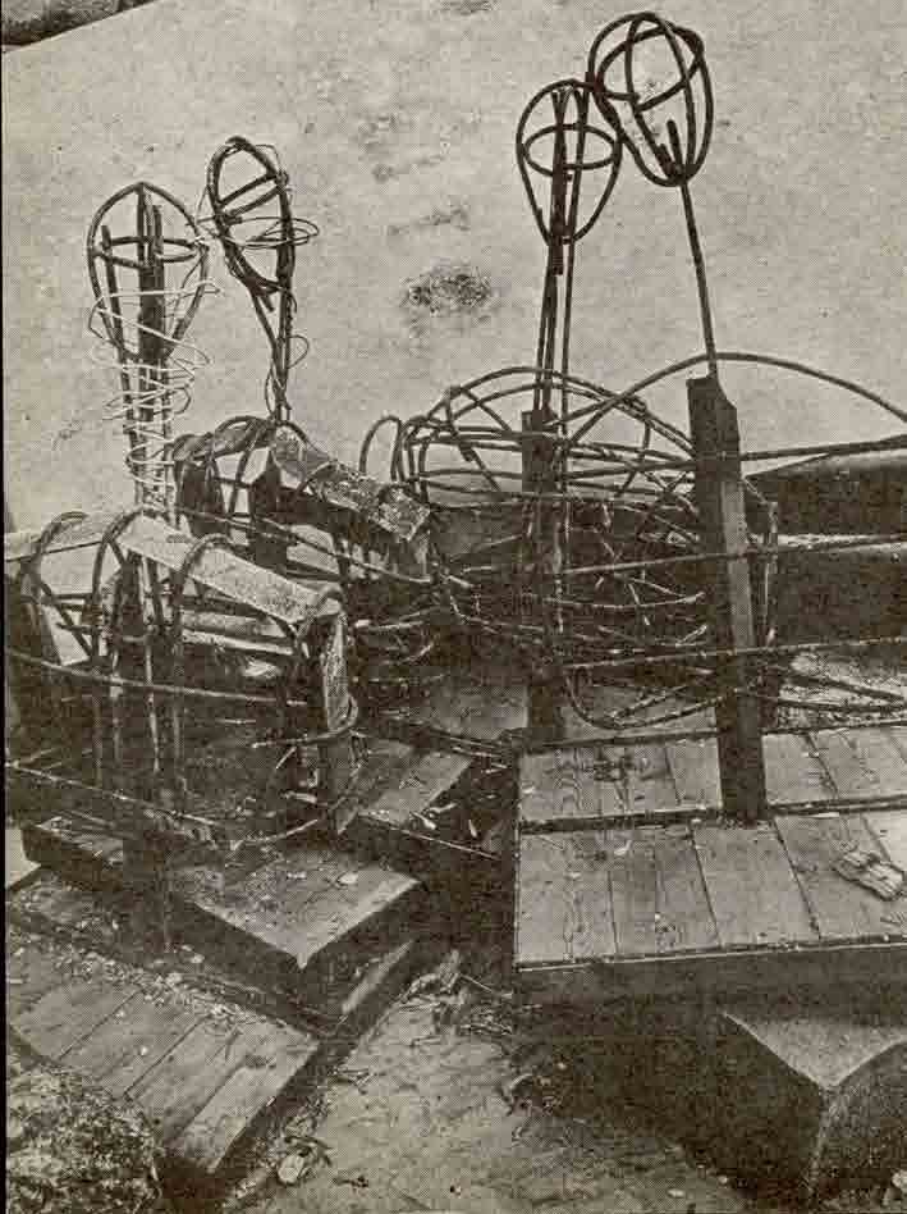
*День Победы
(Волгоград).*

Ждем гостей...

*В мастерской
скульптора.*

«Звездная» судьба.

Бабушка и внучка.

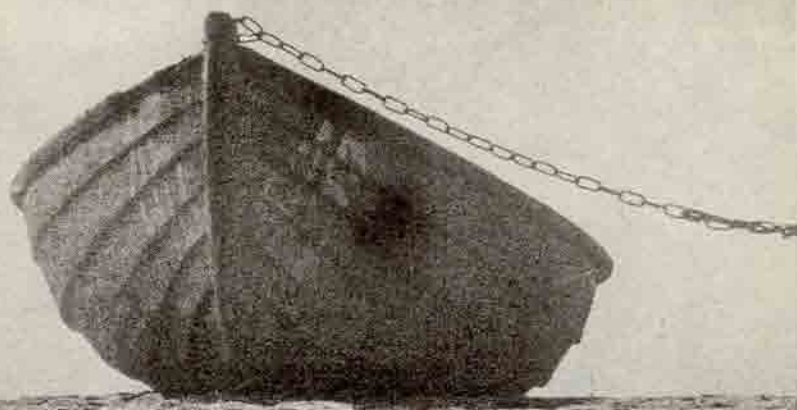
Перекур...

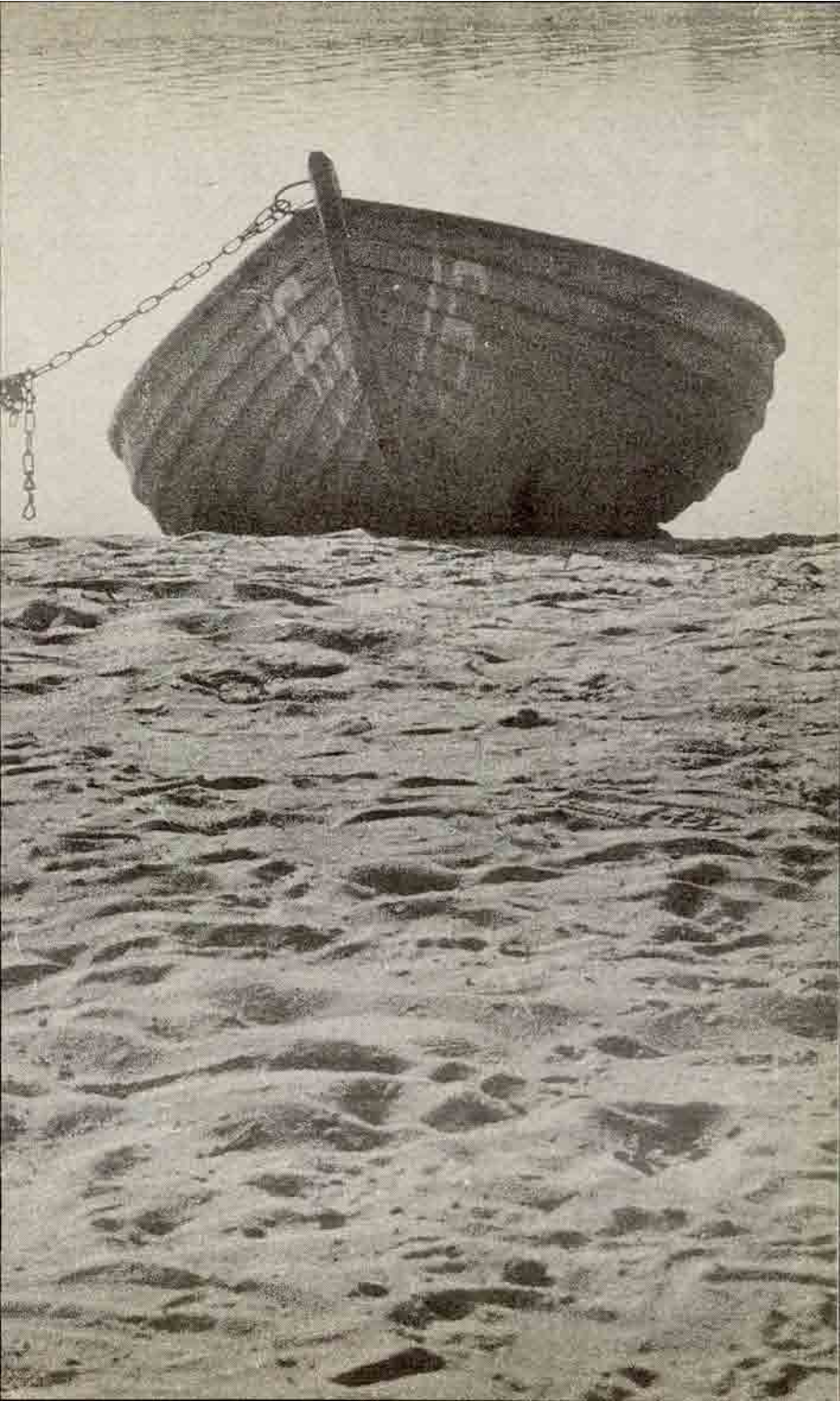

Праздник в Загорске.

Куда плыть?

АЛЕКСАНДР ГАЛАГАН

доктор исторических наук

Знала бы Екате

ВЕРНУТСЯ ЛИ НА СВОЮ МАЛУ

82

ИСТОРИЯ: ПОПЫТКА ПОНЯТЬ

Из всех немногочисленных документов, которые имелись в нашей крестьянской семье, больше всего мне нравилось рассматривать один. Это был плотный лист воценой бумаги, испещренный водяными знаками и словами, составленными из букв нашего и не нашего начертания. Он назывался *Geburtsschein* — Свидетельство о рождении № 19830. Поэтому мне уже с детства довелось узнать, что я — *Bürger*, то есть гражданин такой-то, что мой отец — *Vater*, мать — *Mutter*, а родина моя — *Ortschaft* Узморье Republic. АССРНП — Автономная Советская Социалистическая Республика немцев Поволжья.

— Мама, что такое АССРНП? — спрашивал я.

— Так называлась до войны наша республика. Ее теперь нет.

— А немцы где? Куда они подевались?

— Нет их, — уклончиво отвеча-

ла мать и строго наказывала никогда не расспрашивать об этом.

— Откуда они появились здесь, на Волге? — допытывался я в другой раз.

— Не знаю. Вырастешь — сам узнаешь.

Я рос, учился в школе, в институте, работал в городской газете города Энгельса — бывшей столице республики немцев Поволжья, и мой интерес к жизни и загадочной судьбе легендарного для меня народа не утихал, а, наоборот, возрастал из года в год. Все, что я слышал от моих родителей, односельчан, сослуживцев, записывал в толстую тетрадь, которая однажды исчезла при непонятных обстоятельствах...

Помню рассказ тети Вирки. Она жила на самой крайней улице села, по которой проходил шоссейный тракт Энгельс — Ровное (бывший Зельман). «Вот здесь они шли, — показывала тетя Вирка на

Родина Вторая...

РОДИНУ НЕМЦЫ ПОВОЛЖЬЯ?

дорогу перед домом и хваталась за голову.— Матерь божья, как это было страшно!..»

За полчаса до этого на улице остановилась полуторка, полная людей в портупеях и с наганами. Военные быстро обежали все дома на Степной улице и приказали жителям закрыться в домах, не высовываться, ни от кого ничего не брать, никому ничего не давать. Заскочив в грузовик, они запылили в сторону немецкого соседнего колонка Брабандера.

А вскоре со стороны Брабандера послышался невнятный гул, вернее, вой, сложенный из сотен женских воплей. На Узморье надвигалась бесконечная колонна орущих, плачущих, рыдающих людей.

— Немцы идут! — закричал с соседнего чердака кто-то из всезнающих и всевидящих пацанов.

Взрослые шли пешком, стариков и детей везли на подводах,

а впереди и по бокам двигались военные с винтовками наперевес. Когда колонна вползла в село, женщины-изгнанницы заголосили еще громче, им вторили разрывающие душу детские голоса. Из толпы немцев во дворы и в палисадники полетели пузырьки и камешки с записками; ошалело гоготали гуси, квохтали куры, которых немецкие хозяйки зачем-то взяли с собой, а затем выпустили в Узморье. Потом в селе осталось много собак и кошек.

А люди шли и шли. И день, и два, и три...

«Когда это было? Не помню точно,— рассказывала тетя Вирка,— наверное, в сентябре 41-го. Тепло еще было. Накануне я вывесила постирушки, так к вечеру они все были черные от пыли. А потом я нашла баночку из-под крема, а в ней записка. Таких записок находили много. Угнанные немцы в большинстве просили об

одном и том же: присмотреть за оставленной без хозяев скотиной, подоить коров...»

На обочинах шоссе тракта, по которому гнали немцев, мальчишки нашли несколько изуродованных портретов Екатерины II, покровительницы колонистов. Крепко обиделись на нее изгнанники. Еще бы, царица обещала переселенцам из Европы вечный покой, а вышло вон оно что...

История немецкой колонизации Поволжья восходит действительно к царствованию Екатерины II, хотя, по единодушному утверждению многочисленных дореволюционных историков, эта идея зародилась еще раньше, при Елизавете Петровне.

А все началось с того, что в сороковых годах восемнадцатого столетия в аристократических кругах Европы разразился настоящий бум вокруг моды на женские одеяния из шелка. Соответственно поднялись и цены на эти изделия. Женское шелковое платье стоило тогда целое состояние. Колониальные державы — прежде всего Англия, Франция и Испания — быстро смекнули, в чем дело, и поставили под жесткий контроль корабельных пушек все морские шелковые пути. А цены на шелк продолжали фантастически расти. Вот тут-то советники и подали Елизавете Петровне мысль: почему бы не организовать шелковое производство в России, где немало подходящих климатических зон (понизовье Волги, например)? Что же касается мастеров этого дела, то можно призвать их из Европы, посулив различные льготы. Так было и решено, но смерть дочери Петра I задержала реализацию проекта.

Прошло четверть века, и новая российская императрица, 33-летняя Екатерина II, с присущей ей энергией взялась довести до кон-

ца задуманное Елизаветой Петровной, правда, без прежнего акцента на шелководство. Сразу же по восшествии на престол Екатерина II обнародовала Указ (14 октября 1762 года), в котором повелевалось «раз и навсегда... без дальнейшего доклада» принимать на жительство в Россию всех иностранцев. Будучи горячей сторонницей модных во второй половине восемнадцатого века идей популяционизма (поощрение роста народонаселения) и физиократизма (признание земледельчества основным производительным трудом), императрица энергично принялась решать проблему заселения пустынных пространств России, «чтобы восстановить Державу, обнаженную от жителей». Один за другим (4 декабря 1762 года и 22 июля 1763-го) последовало два высочайших Манифеста, приглашающих селиться в России всех иностранцев (кроме евреев; этот пункт был оговорен особо), которым гарантировались «милости и благоволения», а именно: свобода вероисповедания, безвозмездная ссуда на обустройство дома и хозяйства на новом месте, тридцать десятин земли на каждую семью; освобождение молодежи «мужеского пола» от воинской повинности и многое другое.

При российском правительстве была создана ведавшая делами по привлечению колонистов в Россию канцелярия опекунов. И работа закипела. Сначала за дело взялись — от имени российской короны (поэтому переселенцы по их линии именовались «коронными») — русские посланники и резиденты в странах Западной Европы, но уже вскоре им пришлось столкнуться с жесткой конкуренцией со стороны других европейских государств, изнемогавших от безлюдья. И тогда русское прави-

тельство обратилось к услугам вербовщиков, оплата труда которых зависела от числа завербованных переселенцев. Но и этой меры оказалось недостаточно. Так возник институт вызывателей, то есть частных предпринимателей, которые не только вознаграждались за поставку колонистов в Россию, но и получали право управлять ими и взимать часть доходов от их труда на новом месте в свою пользу. На этом поприще особенно отличился барон Кано-де-Борегар (в честь которого теперешний город Маркс именовался до революции Баронском). С большим успехом действовали и другие «титурованные» вызыватели — француз Леруа в компании с женецем Питетом и француз Дебоф. Правда, вскоре обнаружилось, что все эти «графы» и «бароны» — беглые каторжники, но следует признать: свое дело они сделали профессионально.

Первые переселенцы появились на Волге в 1764 году, а уже через три года на ее берегах обосновалось сто четыре колонии, в которых жило около тридцати тысяч человек. При этом «коронные» колонисты поселились на правом горном берегу Волги (сорок одна колония), подшефные вызывальщиков де-Борегара (двадцать семь колоний), Леруа и Питета (двадцать пять колоний) — на левом. Впоследствии их различали так: нагорные колонисты и луговые. Первыми переселенцами были выходцы не только из Германии, но и Швейцарии, Голландии, Дании, Франции, Скандинавии. Среди жителей нагорных колоний многие говорили на французском языке.

Некоторые историки апологетического направления изображают дело таким образом, что уже первые колонисты превратили заселенную ими территорию в рай земной. Между тем, как убедительно

показали авторитетные исследования, все было иначе.

Если чиновникам дипломатических служб удалось завербовать немало мастеровых людей, то разного рода вызыватели абсолютно не считались с качеством «людовского материала», ибо им российская казна платила с каждой завербованной головы. Поэтому в числе доставленных ими колонистов оказалось большое число людей, которых одна из лондонских газет той поры назвала «помоями Европы». Лишь каждый десятый из них оказался земледельцем, а остальные не были приспособлены ни к какому делу, к тому же их моральный уровень оставлял желать лучшего.

Если «коронные» (нагорные) колонисты стали быстро обустроиваться на новом месте и налаживать ремесла, производства и разведение технических культур, то вызывательные, пропив и промотав полученные от правительства средства, вскоре сорвались с указанного для проживания места — из Екатеринштадта — и двинулись двумя колониями к Саратову, чтобы оттуда отправиться назад, в Европу. Саратовскому губернатору пришлось казачьими нагайками водворять беглецов на место. Екатерина II была вынуждена принять ряд суровых мер, чтобы понудить луговых колонистов выполнять взятые на себя обязательства.

Жизнь первых колонистов не отличалась ни благополучием, ни порядком. Порученец Александра I тайный советник К. Габлиц, обследовавший в 1802 году состояние саратовских и самарских колоний, обрисовал увиденное самыми мрачными красками. Прошло еще по крайней мере двадцать или тридцать лет, когда о поволжских колониях стали писать, как о процветающем регионе Россий-

ской империи. Перенимая у ранее поселившихся (1747—1750 гг.) на левобережье Волги украинских колонистов опыт хлебопашества и прежде всего разведения пшеницы, развивая ремесла, промышленные предприятия, жители немецких колоний уже во второй половине девятнадцатого века достигли невиданного благосостояния.

В середине прошлого столетия немецких колоний было уже сто восемьдесят девять, в них проживало около двухсот пятидесяти тысяч человек, располагающих 871 471 десятиной земли. Используя передовые агроприемы, колонисты собирали невиданные урожаи отборной пшеницы по триста — четыреста пудов с десятины (пятьдесят — шестьдесят центнеров). В поволжских колониях обороты от хлебной торговли достигали десятков миллионов; появилось немало миллионеров, особенно среди колонистов-степняков. Один из петербургских публицистов писал в начале 1890-х годов: «Екатеринштадт — столица самарских колоний — выглядит настоящим городом... Въезжая в колонию, сразу попадаешь в другой мир, резко различающийся от окружающего русского населения... Все они (немцы. — А. Г.) одинаково ревниво охраняют свою обособленность и самобытность».

Поволжские колонисты в отличие от южных (одесских) и днепровских (из Хортицы) не имели прочных связей со своей прародиной, но поддерживали и развивали отношения с прибалтийскими (остзейскими) немцами. Почти все пасторы поволжских колоний были выпускниками Дерптского университета, а любимым чтением местной интеллигенции считалась газета «Rigache Zeitung». Несмотря на то, что делопроизводство

и судопроизводство в немецких колониях осуществлялись на русском языке, колонисты, как правило, русского языка не знали и не очень стремились к этому. Сквозное религиозными постулатами восемнадцатого века, население поволжских колоний было как бы законсервированным островом средневекового «немецкого духа». Недаром прибалтийские бароны посылали своих отпрысков в поволжские колонии, чтобы те приобрели там «самую сильную немецкую закваску».

Но время шло, менялась жизнь, менялись поколения, и все это не могло не оставить в стороне колонистов. Бурные события двадцатого века в России вовлекли в свою орбиту и поволжских немцев. Они активно участвовали во всех трех революциях, в гражданской войне.

В связи с трагической судьбой немецких колонистов мне особенно интересно было выяснить их отношение к войне между Германией и Россией, вспыхнувшей в августе 1914 года. Анализ доступных источников и литературы, рассказы моих престарелых земляков убеждают в том, что ярко выраженных антирусских, прогерманских настроений среди населения немецких колоний не было. Это доказывает лишь одно: трудовой народ колоний воспринимал себя органической частью своей новой Родины. В то же время именно в годы первой мировой войны буржуазно-капиталистические слои колоний устремились за океан, в Америку.

Несмотря на бешеную антигерманскую пропаганду, развязанную российскими «патриотами», немцев Поволжья нельзя было упрекнуть в предательстве России.

Свою государственность поволжские немцы получили впер-

вые только после Октября, в 1918 году, когда В. И. Ленин подписал Декрет об образовании Автономной области немцев Поволжья. В те годы ее часто называли Трудовой коммуной немцев Поволжья. В 1924 году автономная область была преобразована в автономную республику с центром в городе Покровске (в 1931 году переименован в Энгельс). В республике действовали крепкие партийная и комсомольская организации. Представитель коммунистического союза молодежи Трудовой коммуны участвовал в учреждении Коммунистического интернационала молодежи (Берлин, ноябрь 1919 года). Он был из Зельмана (Ровное), а свои статьи подписывал псевдонимом Бодеманн.

В АССРНП действовало 200 школ на родном языке, 5 вузов, 11 техникумов, десятки различных технических школ, издавалось 30 газет, работало мощное книжное издательство, выпустившее миллионы экземпляров книг на немецком языке. Высокий уровень механизации труда в колхозах, передовая агротехника, порядок и культура быта в колониях — все это ставило АССРНП в ряд образцовых социалистических республик.

Следы высокой цивилизации встречались на каждом шагу и после того, как немцы уже давно были изгнаны из родных мест, а всякое упоминание о них категорически запрещено.

Мощная паровая мельница в моем селе Узморье, построенная немцами, исправно служила людям семьдесят лет, пока не сгорела по неосторожности горького пьяницы. Останки полуразрушенных ирригационных систем в степи — это тоже от немцев. Изящная кладка кирпичных строений в округе — их работа. Велосипеды, мотоциклы, швейные машин-

ки, сетевязальные станки, сепараторы, лампочки Ильича, тракторы, автомашины — это и многое другое еще до войны крепко вошло в жизнь и быт населения республики.

И вот грянула Великая Отечественная. «Тысячи трудящихся республики с оружием в руках пошли бороться против бешеного германского фашизма». Это — из «Правды» за 15 июля 1941 года. «Комсомольская правда» от 24 августа 1941 года рассказала о мученической смерти от рук фашистов комсомольца Генриха Гофмана из республики немцев Поволжья, уроженцу Бальцера (ныне Красноармейск) Роберту Клейну было присвоено звание Героя Советского Союза. И не только ему. И вдруг — Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья».

«...По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, населенных немцами Поволжья. О наличии такого большого количества диверсантов и шпионов среди немцев Поволжья никто из немцев, проживающих в районах Поволжья, советским властям не сообщал...»

Ничего, что стиль корявый, зато мысль изложена предельно доходчиво: поволжские немцы — предатели. А как поступают с предателями в военное время, всем известно: по лагерям, остальных — в глубинки Сибири и Казахстана.

Мне хотелось бы прокомментировать «достоверные данные» о «наличии большого количества

диверсантов и шпионов среди немцев Поволжья».

...Весна 1956 года. Лекцию по истории СССР студентам пединститута читает ректор Владимир Павлович Джинчарадзе. Красный от негодования, он обрушивает на наши ошалелые головы все новые и новые факты о преступных деяниях Сталина и его клики. Факты, приводимые ректором, не вызывают сомнений, ибо все мы знаем, что Джинчарадзе в недавнем прошлом — полковник КГБ. Мы потрясены, обескуражены. А один из приведенных ректором фактов буквально ошеломил меня.

В августе 1941 года на территорию республики немцев Поволжья (позднее я узнал: в район Гусенбаха под Зельманом) забрасывается группа комсомольцев. Все они прекрасно владеют немецким языком, одеты в форму гитлеровских десантников, вооружены немецкими шмайсерами и вальтерами. Отряд имитирует вермахтовский десант. Но утром в органы НКВД поступает от колонистов несколько сигналов о пришельцах якобы с той стороны. Маневр повторяется в другом месте — и с тем же результатом. Однако на этот раз с «захваченными в плен диверсантами» поступают иначе: их проводят через несколько колонков (глядите, мол, люди, шпионов поймали), а затем привозят в Энгельс (или в Саратов) и... расстреливают всех до единого. Чтобы не было свидетелей классической, в ежовско-бериевском стиле, провокации. Дело было сделано, теперь можно было и обнародовать тот самый Указ...

Несколько лет назад в санатории Яункемери под Ригой я встретил симпатичного человека, который перебрасывался с врачом веселыми шутками по-немецки. По-знакомилась. Юрий Карлович Фрезе, доцент Новосибирского сель-

хозинститута. Оказалось, что родом он из колонии Куккус (ныне село Привольное; до революции — Привальное). С этого момента мы с полным правом стали величать друг друга земляками.

— Помню, помню ваше хохлацкое село, там до войны по средам бывали крупные базары, — говаривал Юрий Карлович.

Нашлись у нас и общие знакомые. Юрий Карлович поведал мне страшные истории о судьбе своего народа, насильственно изгнанного из родных мест и брошенного в бесчеловечную систему ГУЛАГа. С каким трудом удалось ему выжить!.. Как нелегко далась возможность получить образование! Но больше всего я удивился тому, что Юрий Карлович остался жизнерадостным человеком.

Однажды после концерта в Домском соборе он сказал мне:

— Представь себе, у нас в Кафедральном соборе в Зельмане был точно такой же орган, только регистров поменьше. Ты не знаешь, цел он?

— Не знаю, — зачем-то соврал я.

Какое там «цел»!.. Сразу же после выселения немцев зачистили в колонии служебные автомашины, которые по ночам что-то везли и везли оттуда. От народа не спрячешься. Поэтому что-нибудь да выдаст тайное. Так и на этот раз: пьяный водитель опрокинул служебную полуторку, и оттуда посыпались швейные машинки, велосипеды, патефоны, разбитые зеркала. Для местных мальчишек это был праздник, особенно для тех, кому достались велосипеды. Потом колонки отдали на разграбление окрестному населению... А чуть позднее сюда начали прибывать первые беженцы. Они топили печки фруктовыми садами, кленами из палисадников. Потом деревянными домами. Думали,

война скоро кончится, и они вернутся домой, поэтому незачем беречь вражеское добро. Через два-три года цветущие колонки стали похожи на свинячьи загоны. И хотя многие беженцы никуда не вернулись, остались жить на новых местах, бывшие немецкие села так и не обрели прежнего, довоенного вида.

...Март 1989-го. Аэропорт Шереметьево. Ожидая регистрацию билетов на рейс Москва — Гавана. В зале несколько групп пассажиров деревенского вида с огромными горами ящиков, чемоданов, сумок. Приглядываюсь к ним и вскоре понимаю: это же немцы, наши советские немцы. Только не поволжские (то есть бывшие поволжские, разумеется), а запорожские. Почти полвека жили они в Киргизии, а теперь вот уезжают в Германию. Молодежь, дети, старики.

— Почему вы уезжаете? — спрашиваю у них.

— Причины разные, — отвечает за всех тетя Эмма, с которой мы познакомилась и разговорилась. — Ребята — потому что им жениться надо. Детишки — этим вроде все равно, где жить, лишь бы папа и мама были рядом. А старики... Хочется хоть перед смертью обрести чувство родины.

— А сейчас у вас нет этого чувства?

— Нет, сынок. Было когда-то, да Сталин отнял. Потом обещали вернуть, да так и забыли о нас. Никому мы, немцы, видать, не нужны в Союзе.

Август 1990-го. Мы с братом приехали на родину, в Узморье. Сидим на лавочке у отцовского дома. Напротив стайка пяти-, шестилетних ребятишек возится в куче песка. Вечереет. Из переулочка появляется девочка постарше и кричит на всю улицу:

— Оскар! Маля! Мам зовет. Идите скорее!

Ребятишки — ноль внимания.

— Амалия! — кричит девочка, — идите скорее, а то...

Завидев нас, девочка свои угрозы продолжила на родном, немецком языке.

Мы хохочем и вспоминаем свое детство. Один из нас точно так же давным-давно играл вместе с немецкими ребятишками. Где они сейчас, друзья далекого детства?

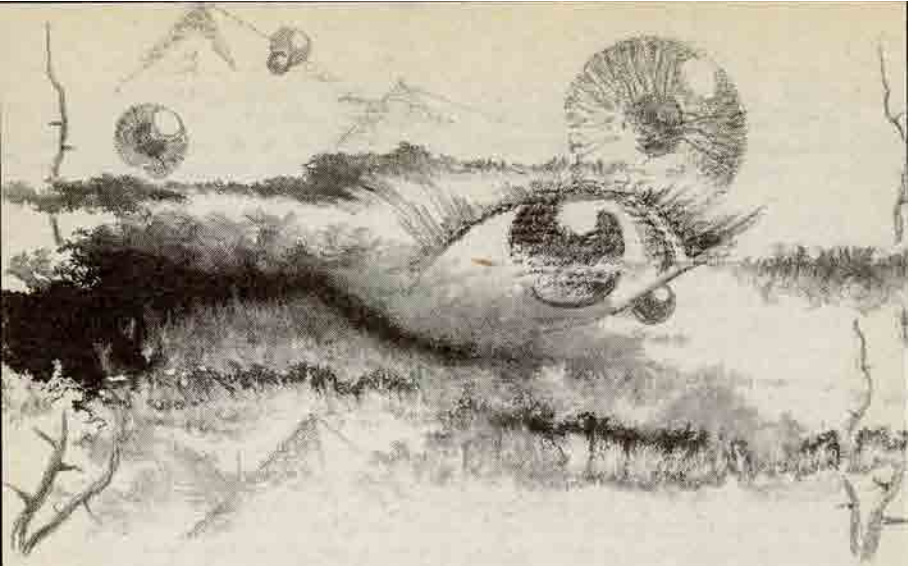
Оказывается, уже несколько лет как рядом с нашим отцом поселилась семья немецких переселенцев из Казахстана. Симпатичные молодые соседи — муж и жена, у них четверо детей. Работящие, спокойные, контактные люди. И таких семей в Узморье уже больше десяти. Есть они и в бывших колониях. Но еще очень мало.

Тянет бывших немцев Поволжья на Волгу. Это их родина, родина их отцов, дедов и прадедов.

Но не всех эта тяга радует. Читал: в городе Марксе даже забастовка прошла в знак протеста против планов воссоздать автономную республику немцев Поволжья.

Вот и выходит: нелегко было терять свою родину, а обретать ее вновь еще труднее. Но может ли быть по-настоящему счастливая жизнь у двух миллионов советских немцев без своей маленькой родины?

Пусть они едут, пусть осядут у своих древних корней.

«Россия есть страна пирамид...» — сказал один умный человек. Стоят в ней люди-пирамиды, на коих все натыкаются, да никто не видит.

Хорошо, если хоть после смерти таких людей к незадачливому современникам приходит вдруг прозрение.

Вот, скажем, Зинаида Александровна Миркина. Поэт милостью Божьей, чего-либо хоть отдаленно похожего на ее стихи в русской поэзии не было.

В своих стихах она не кричит, но чутко внимает голосу Вечности, открытому лишь немногим.

Стихи ее сразу же захватывают в свою ауру, завораживают даже людей неподготовленных, далеких от философских проблем смысла Бытия, поиска Истины и обретения Пути к Ней; впрочем, имеет ли право человек — если он Человек — забывать обо всем этом и отрешаться от понимания кратковременности своей на земле?

Нет, наверно...

Впрочем, мыслимо ли пересказать стихи, особенно такие, как у нее? Биография поэтессы проста и незамысловата.

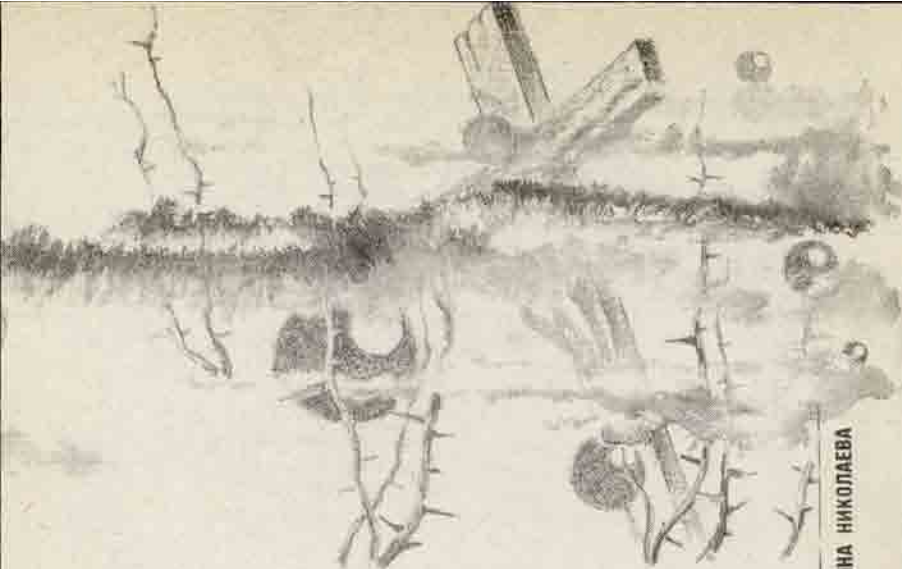
Родилась 10 января 1926 г. в Москве, в семье студента МВТУ. Школьницей была в эвакуации в Новосибирске. Школу закончила с золотой медалью, поступила на филфак МГУ. Однако на пятом курсе университета тяжело заболела и почти пять лет была прикована к постели.

В это время пришло к ней духовное прозрение и открылось многое, ранее скрытое.

Работала дома как поэт-переводчик: переводила Рильке, Тагора, восточных поэтов-мистиков.

Написано ею много: несколько тысяч стихотворений, фантастический роман «Озеро Сарекленд», оригинальное исследование о творчестве Марины Цветаевой (кто бы издал, издатели, ах, не пожалеее...).

Религиозно-философская эссеистика Миркиной, ранее издававшаяся только на Западе, в журналах «Синтаксис», «Страна и мир» и др., в последнее время стала пользоваться спросом у наших издателей. Книгу стихов поэтессы «Потеря потери» готовит к выходу в свет один независимый издатель — за счет автора, тираж три тысячи...

ЗИНАИДА МИРКИНА

—
*Этому ни вида, ни названия.
Это — камень, это — ничего.
Мы разбились о Твое молчанье.
Мы не в силах вынести его.*

*Умер Бог. И каждую минуту,
каждый наш земной короткий час
наступает очередь кому-то
непрерывно уходить от нас.*

*О, какая страшная дорога!
Как мы бьемся лбами о судьбу,
как мы молим умершего Бога,
по забыв, что Он лежит в гробу...*

*Господи! Откликнись! Слышишь, Боже?!
Мы не помним, пьяные тоской,
что кошунство — мертвого тревожить,
нерушимый нарушать покой.*

*Нас приводит в трепет, в содроганье
мертвых черт бестрепетная гладь.
Мы разбились о Твое молчанье,
но еще не в силах замолчать.*

*И на круги возвращалась снова,
не умеем, нав земле на грудь,*

*в недрах смерти отыскать Живого,
чтоб на третий день Его вернуть.*

*И в сердца не входит слово «верьте!»,
и осата посредине тризны...
Как нам трудно справиться со смертью!
Как нам трудно погрузиться в Жизнь!*

*Только Ты допил молчанья чашу.
Мы ж ее пригубили едва.
Так прости оставленности нашей
жалкие,
бессильные слова...*

*Этот крик над тихой могилой
перед тайной молчаливых трав...
Замолчать — еще не стало силы.
Говорить — уже не стало прав.*

==

*Когда б мы досмотрели до конца
один лишь миг всей пристальностью взгляда,
то нам другого было бы не надо,
и свет вовек бы не сходил с лица.*

*Когда б в какой-то уголок земли
взгляделись мы до сущности небесной,
то мертвые сумели бы воскреснуть,
а мы б совсем не умирать могли.*

*И дух собраться до конца готов,
вот-вот... сейчас...*

*но нам до откровенья
недостает последнего мгновенья —
и громоздится череда веков.*

==

*Тот лес был сонмом неподвижных душ.
Непреходящих. Внешнее движенье
Они оставили пугливым теням,
А сами встали. Только не нарушь
Их непрерывного богослуженья,
Ведь каждый день свой,
Каждый долгий час
Они стоят и молятся за нас.
И, может, только этим вот молением,
Святою, неустанною мольбой
Мы до сих пор и держимся с тобой.*

==

*А путь до рая как дыханье прост:
не труд, не подвиг, не гора крутая,*

*а медленный ежеминутный рост.
На небеса совсем не улетают,
а только дорастают до небес.*

Мы — лишь простор.

*В нем что-то зреет, длится
так, как в лесу...*

*Сначала — так, как лес,
а уж потом — ликующую птицей...*

≡
*Касание снега, дыханье мороза,
Березы, березы, березы, березы...
Березы и сосны, березы и ели.
Синицы запели, кусты зазелели.
Стволы окружали, стволы закружили,—
затерянность в дали, затерянность в были...
Пропасть, затеряться... Потеря дороги,
потеря стремлений, потеря тревоги,
потеря заботы и той постоянной
сосущей, зовущей и ноющей раны.
Потеря обиды, потеря досады,
потеря всех «должно», «обязана», «надо».*

*Другая страна ли, планета другая?
Душа, как прама-терь, гуляет нагая.
И Бог по соседству, но дьявола нету,
и нету соблазна, и нету запрета.
И нету змеиного страшного званья,—
потеря седин и потеря страданья.
И тишь неземная, и хор стоголосый.—
Потеря ответа, потеря вопроса...
Сплетенные ветки — слинные лица.—
Потеря стены и потеря границы.
Как будто изгнанницу вновь возвращают
в забытые кущи родимого рая.
Распахнуто сердце, как райские двери.
Изгнанье изгнанья!*

Потеря потери!

≡
*Чистое пламя без дыма.
Смерть поглотившее пламя.
Взмыли крыла серафима
огненными языками.
Зов отдаленного рога:
в путь, если сердце окрепло!
О, обжигаемый Богом
и восстающий из пепла!
И замирающий в гимне,*

в вечном легчайшем паренье...
Что ты увидел, скажи мне,
там, где кончается зренья?

Лес редет. Золото в зеленом.
И, листья бывшего вороша,
Как береза с пожелтевшим кленом,
Медленно живет моя душа.

Тихое качанье листопада
И дождя прерывистая нить...
Может, вам еще чего-то надо,
А с меня довольно только быть...

Этот тихий шелест сердобольный,
Долгий шорох падающих слез...
И с меня на целый день довольно
Мерного качания берез.

Плачущая, ласковая осень.
Точно мать замолкшая моя...
И куда она меня уносит,
Из листов желтеющих ладья?

Может, в край, где найдены потери
И где все умершие живут?
Только б мне никто часов не мерил,
Не считал и не жалел минут...

Я дорог своих не выбираю,
Как себе не выберешь лица.
Нет у неба ни конца, ни края.
У души — ни края, ни конца.

Так наступает царство духа.
Последний свет хранит вода.
Твердыня стала легче пуха,
А нежность как гора тверда.
В ней есть такое средоточье,
Такой недвижимый настой,
Что можно увидеть воочью,
Почти пощупать Дух Святой.
Открыты внутренние двери
Там, на последней глубине,
Я верю, Господи, я верю:
Ты дашь мне все, что нужно мне.
Помедли с наступленьем мрака,
Побудь еще. Еще зарю.

*И если надо Исаака
Тебе — то, Господи, бери!
Вот Исаак мой онемелый,
Вот он глядит, едва дыша,—
Мое измученное тело,
Моя продрогшая душа.*

А. Кушнеру

*Не нужен общий замысел? Ну да,
я тоже так считаю... Он не вправе
быть, тот, кто от участия, от труда
совместного с собою нас избавит.
Кто действует за нас, помимо нас;
тот, для кого мы — винтики и числа...
Но если Он есть тайна наших глаз?
Невычисленность мирового смысла,
Который исчисляется, пока
трепещет и пульсирует под кожей,
и без единственного волоска,
без тени этой обойтись не может?..*

*В вечерний час, час равновесья
Недвижных вод и дымных гор
Незримый Ангел в поднебесьи
Крыла прозрачные простер,
Но в нашей суете и гуле
Мы и заметить не смогли,
Что, словно птицу, вдруг спугнули
С небес Хранителя земли.
И все еще не угадали,
Как наша звездочка мала,
А эта высь и эти дали —
Лишь легкий взмах его крыла...*

БЛУДНЫЙ СЫН

Рембрандта

*Чуть голову склонил отец,
ощупывая плечи сына,
его израненную спину.
И в замирании сердец,
в их переборах слышно стало,
как по лицу слеза стекала
из глаз, давно уже слепых,
во мрак глядящих. Был так тих
час остановленный!.. Все звуки,
как краски, выпиты судьбой.
И только вздрагивали руки,
измерившие глубь разлуки
с самим собой.*

Предисловие и публикация ЕВГЕНИЯ ДАНИЛОВА.

Прекрасная все-таки штука — женитьба. Жениться и выходить замуж должны все, если, конечно, у человека нет веских причин не делать этого; ну, скажем, если он или она папа римский. Лично я женат второй раз и нисколько не жалею.

В чем секрет счастливого брака? Можете считать меня романтиком, но, мне кажется, многовековой практикой выработан простой и изящный ответ: отдельные ван-

ПОЧЕМУ МУЖЧИНАМ И ЖЕНЩИНАМ ТРУДНО ЖИТЬ ВМЕСТЕ

Рискуя сделать слишком общий вывод, я все же сказал бы, что основная проблема сводится к следующему.

Чего хочет женщина? Чтобы ее любили, выслушивали, желали, уважали, испытывали в ней необходимость, доверяли ей, а иногда и просто чтобы держали в объятиях.

"Желто, ты мне нравишься!"

ДЕЙВ БАРРИ

ные комнаты. Дайте супругам пространство, чтобы они могли разложить свои туалетные принадлежности, — и получится прочная семья. Заставьте их из года в год заниматься личной гигиеной в одном и том же замкнутом пространстве, где постоянно обнаруживаются чужие волосы в расческе, — и кто вспомнит, что в начале пути они обожали друг друга? Даю слово, они начнут подсыпать друг другу стрихнин.

Безусловно, и в самой идеальной семье, там, где ванные комнаты находятся в двадцати пяти метрах друг от друга, не обойтись без некоторых тренировок. Ведь семья обычно состоит из мужчины и женщины, а их не зря относят к противоположным полам.

Чего хочет мужчина? Билет на бейсбол.

Итак, мы убеждаемся, что мужчины и женщины имеют не совсем одинаковые цели. Именно поэтому почти единственный случай, когда два человека противоположного пола достигают истинной долговременной стабильности брака, — это когда по крайней мере один из них находится в состоянии комы.

Давайте обратим свой взор на другие создания природы. Большинство из них гораздо глупее людей, а отношения между полами у них прекрасно отработаны. Возьмите осьминогов. Мозги у них крошечные, но в контакт входят без проблем. Осьминожица начинает кокетничать именно тогда, когда надо, а все осьминоги собираются

Отрывок из книги американского юмориста Дейва Барри «СУПРУЖЕСТВО и/или СЕКС» (Издательство «Родейл Пресс»), которую подготовило для советских читателей совместное советско-американское предприятие «Периодика. Трейдинг-Сервис».

Рисунки МИХАИЛА СТАРЧЕНКО

вокруг нее и покачивают щупальцами самым что ни на есть привлекательным образом; она выбирает жениха с самыми большими присосками — и они спариваются. Осьминоги без всяких формальностей и наставлений прекрасно знают, как это делается, точно так же, как они спаривались в последние сорок шесть миллионов лет.

Правда, здорово? Не в том смысле, чтобы спариваться с осьминогами. А в том, что замечательно, когда в половой жизни все так четко отработано, и каждый знает, что делать и чего ожидать, и никто не чувствует себя виноватым или неполноценным.

А посмотрите на нас, людей. Мы эволюционировали до такой степени, что у многих есть спутниковые антенны, но когда дело доходит до взаимоотношений, тут у нас здравого смысла меньше, чем у беспозвоночных.

Люди говорят: «Чтобы супруже-

ство было успешным, надо все время прилагать усилия». А я спрашиваю: почему? Это же нечестно! Другие живые существа не прилагают никаких усилий! Они даже не задумываются над этим! Можете ли вы представить себе змею, страдающую от того, что на нее не обращает внимания какой-нибудь змей? Или таракана, нервно спрашивающего тараканиху после совокупления, было ли ей хорошо? Конечно, не можете! До сих пор усилия по решению этой проблемы состояли в основном в публикации статей в женских журналах. Как правило, статьи там такие: «21 чудесная возможность драпировки»; «5 распространенных ошибок при окраске бровей»; «10 вторых блюд из майонеза — быстро и просто»; «14 вариантов определения, что ваш ребенок колется»; «147 способов похудеть».

Среди всего этого в журнале

всегда находится место статье с названием типа «12 советов, как вернуть хоть каплю романтики в вашу семью», в которой даются такие, например, рекомендации: «Совет номер три — постарайтесь не сморкаться во время полового акта».

Эти статьи великолепны за исключением одного «но»: мужчины их не читают. Они предпочитают спортивные новости и приключенческие романы, в которых герои вступают в сношения главным образом посредством огнестрельного оружия.

Ясно, что необходима книга, которую хотели бы прочесть и женщины, и мужчины. Я ставил перед собой цель написать именно такую.

КАК НАЙТИ ТОГО, С КЕМ ХОДИТЬ НА СВИДАНИЯ И СО ВРЕМЕНЕМ ВСТУПИТЬ В БРАК И КТО НЕ БЫЛ БЫ ОКОНЧАТЕЛЬНОЙ СКОТИНОЙ

Когда дело доходит до создания семьи, необходимо принять одно очень важное решение: **кто** именно будет вашим супругом. Безусловно, оно не столь существенно, сколь выбор места проведения свадьбы, но подумать об этом обязательно надо.

Для того чтобы понять, где искать супруга, необходимо знать, **чего** вы хотите. Например, если вы желаете познакомиться с человеком, который любит играть в кегли, то надо идти в кегельбан. Если хотите встретиться с богатой, чувствительной, привлекательной и умной личностью, то в кегельбане вам делать нечего. Поэтому в первую очередь надо на научной основе составить «психологический портрет» своего идеального супруга.

Выберите наиболее подходящие, по вашему мнению, оконча-

ния приведенных ниже предложений.

Материальная обеспеченность. Особа, которую я желаю видеть своей супругой, должна быть в состоянии позволить себе:

1. Купить Шотландию.
2. Иногда поужинать в ресторане.
3. Иметь нижнее белье.

Чувствительность. Потенциальная супруга должна быть достаточно чувствительной, чтобы:

1. Мгновенно чувствовать любое мое настроение.
2. Повернуть руль и избежать наезда на пешеходов.
3. Нарочно не дать задний ход, чтобы переехать пешеходов второй раз.

Внешность. Моя будущая супруга должна быть настолько привлекательной, чтобы:

1. Быть кинозвездой.
2. Быть бухгалтером кинозвезды.
3. Быть кишечным паразитом бухгалтера кинозвезды.

Умственные способности. Она должна быть достаточно умной, чтобы:

1. Обсуждать великие литературные произведения.
2. Держать великие литературные произведения на видном месте.
3. Отличать великое литературное произведение от еды.

Теперь сложите номера, соответствующие вашим ответам, и сверьтесь с таблицей.

Если сумма номеров ваших ответов...	То с наибольшей вероятностью ваша идеальная супруга:
От 1 до 8	Замужем за кем-то еще
От 9 до 15	Обручена с кем-то еще
16	В тюрьме

Прекрасно! Теперь вы знаете, кого искать, и самое время выйти на сцену одиноких сердец.

Сцена одиноких сердец находится в барах, а там так темно и шумно, что просто немислимо кого-то рассмотреть или расслышать. Можно познакомиться, влюбиться и обручиться, даже хорошенько не разглядев своего будущего супруга, а потом прийти на свою собственную свадьбу со всеми друзьями и родственниками и обнаружить, что вы помолвлены с автоматом для размена денег. Чтобы избежать конфуза, умные люди делают так: прежде чем сесть, обходят зал и осторожно освещают карманным фонариком лица других одиноких людей. Воспользовавшись их примером и выбрав подходящую по экстерьеру кандидатуру, садитесь рядом с ней и вступайте в непринужденную беседу.

В старые добрые времена разговор начинался с того, что женщина доставала из сумочки сигареты и делала вид, что ищет спички. Это являлось сигналом для шести-семи притаившихся в засаде мужчин, чтобы ринуться к ней с горящими зажигалками, что иногда приводило к серьезным ожогам. Однако курение настолько утратило свое бывшее очарование, что попытка попросить незнакомца дать вам прикурить при посторонних равносильна попытке заставить его поковырять у вас в носу. А это нехорошо, ибо мужчины теперь лишены возможности почувствовать себя дерзновенными, мужественными и необходимыми во враждебной обстановке бара. Было бы хорошо, если бы у нас имелся ритуал знакомства в баре.

Ну, например, женщина могла появляться с баночкой майонеза, садиться и притворяться, что не

может открыть ее, а мужчина предлагал бы ей помощь, и вскоре они были бы поглощены очаровательной беседой. («Вы любите майонез? Хм! Я тоже его очень люблю!»)

А пока одна из сторон вынуждена смело подходить к другой и без видимого повода пытаться начать разговор. Было время, когда эта обязанность целиком и полностью лежала на мужчинах; сейчас, в век эмансипации, инициатива все так же целиком и полностью принадлежит мужчинам.

Ребята, тут нечего бояться. В конце концов зачем бы женщина пришла в бар для одиноких, если не для того, чтобы повстречаться с парнем вроде вас, но только умнее и привлекательнее? Итак, вперед!

Вся штука в том, чтобы знать парочку хороших вступительных реплик, которые гарантированно привлекают внимание женщины и дают ей понять, что вы заботливый и участливый человек, у которого на уме такие вещи, как международная политика и классическая литература, и который совсем не собирается просто ее потискать.

Вот несколько хороших вступительных реплик.

1. «Как насчет этих... проблем на Ближнем Востоке?»

2. «Как насчет этих... братьев Карамазовых?»

3. «Я вовсе не собираюсь вас тискать. В смысле здесь, в баре».

ЧТО СЛЕДУЕТ ДЕЛАТЬ ЖЕНЩИНЕ, ЕСЛИ ОНА НЕ ЗАИНТЕРЕСОВАЛАСЬ

Ей следует попытаться отразить атаку мужчины с помощью одного из нижеследующих учтиво-тактичных, но твердых заявлений:

1. «Ха-ха-ха» (кашляет, кашляет, кашляет, сплевывает).

2. «Простите, но я только что вымыла голову».

3. «Простите, но, к сожалению, физически вы мне привлекательны не более фотографии вируса гриппа, увеличенного в несколько миллионов раз».

Если изысканность не срабатывает, а мужчина считает себя эдаким суперменом и не представляет себе женщины, которая не хотела бы зачать с его помощью ребенка, то женщине следует применить более решительные меры. Например, нервно-паралитический газ.

ЗНАКОМСТВО ПО ОБЪЯВЛЕНИЯМ

Речь идет о таких маленьких платных объявлениях, которые попадают в газетах и журналах. Если вы хотите, чтобы ваше объявление сработало, оно должно быть правильно составлено.

1. В нем должно говориться, что вы необыкновенно привлекательны. В объявлениях о собственной персоне никто и никогда не выглядит обычно. Если у мужчины, к примеру, слоновая болезнь, то ему надо написать, что он дюжий.

2. Оно должно быть в одну точку. Например, мужчине не следует просто писать, что он «ищет хорошую женщину». Надо писать, что он ищет «23-летнюю блондинку ростом 173 см и весом 49,5 кг, родившуюся под знаком Козерога, имеющую хорватское происхождение и ученую степень в культурной антропологии, полученную в университете Дюка». Пусть все знают, что он может позволить себе покататься и повибировать, что он не какой-нибудь полуотчаявшийся тюфяк, ищущий знакомства через объявления.

3. В объявлении должно говориться, что вы любите

те «ужины при свечах и продолжительные прогулки по пляжу». Такая фраза содержится во всех подобных объявлениях не потому, что кто-то действительно хочет подолгу ходить по пляжу, а потому, что люди стремятся показать, что они романтичны и чувствительны. Американские пляжи битком набиты встретившимися по объявлениям парочками, которые упорно гуляют, потеют, вытаскивают из подошв иглы морских ежей, и при этом каждый боится признаться другому, что лучше бы посмотреть фильм по видео.

ЗНАКОМСТВО ЧЕРЕЗ КЛУБЫ И АССОЦИАЦИИ

Широко распространено мнение, что самые счастливые браки заключаются между мужчинами и женщинами, увлеченными одним любимым делом, например, ловлей окуня. Благодаря общему хобби такие супружеские пары могут проводить время в бесконечных душевных разговорах о наживке и использовать отпуск для поездок на многодневные рыбалки в потаенные девственные уголки природы, где день за днем жить на каком-нибудь загаженном нечистотами, зудящем комарами озере в полном одиночестве, пока один из них в конце концов не сделает другому хакири рыбачишкой.

Чтобы вступить в подобные взаимоотношения, надо развить в себе какой-нибудь интерес; желательно такой, при котором не применяются острые предметы, и постоянно ходить на встречи с людьми, у которых имеется такое же хобби. Предположим, к примеру, вы заинтересовались кошками. Лично я не могу представить себе, что к кошкам может быть какой-то другой интерес,

кроме как выяснение того, что происходит, когда их погружают на разные отрезки времени в цементный раствор, но уверен, что у вас в районе найдется немало официальных прокошачьих организаций, узнать про которые можно у любого блюстителя порядка. Походите на их собрания и поизучайте людей, пока не найдете подходящую для беседы кандидатуру. («Привет! Я смотрю, мы оба интересуемся кошками! Может, нам пожениться?»)

Если не получится здесь, можно походить к филателистам. Или в церковь.

ЗНАКОМСТВО НА РАБОТЕ

Если вы пойдете работать в учреждение, то со временем войдете в какую-нибудь серьезную связь. Это новость хорошая. А вот и плохая: возможно, эта связь возникнет с человеком, который официально уже с кем-то состоит в браке.

Так получается потому, что для связанных брачными узами людей работа — это в высшей степени романтическое место, где все красиво одеты и обсуждают прогноз сбыта на квартал, что коренным образом отличается от домашней обстановки с ее тенденцией к ношению халата, заляпанного подозрительными пятнами, и вечными злобными спорами о том, кто поставил в холодильник формочку для льда сдохлым тараканом. Поэтому работа, по существу, становится усталой коврами биржей тайных страстей, где по крайней мере две трети трудовой активности направлено на заказ номеров в отелях.

Какой бы метод вы ни избрали для знакомства, на следующем этапе придется сходить на множество свиданий и попробовать понять, что в действительности

представляет из себя данная кандидатура.

СОВЕТЫ ДЕВИЦАМ. 13 ОБЩЕЗВЕСТНЫХ ПРИЗНАКОВ, ПОКАЗЫВАЮЩИХ НА ПЕРВОМ СВИДАНИИ, ЧТО ПАРЕНЬ, ВОЗМОЖНО, НЕ ТОГО

1. Он приходит с мамой.
2. От него плохо пахнет.
3. От него слишком хорошо пахнет.
4. Он гордо носит при себе престижную кредитную карточку.
5. Время от времени он тщательно сморкается в платок, аккуратно складывает его и кладет обратно в карман, как будто стал обладателем какого-то ценного новообразования.
6. Он приглашает вас на хоккей.
7. Он любопытствует, умеете ли вы чистить рыбу.
8. Он все время называет официантку «лапочкой».
9. С помощью какой-нибудь хитрости он дает вам понять, сколько зарабатывает. Например, он вынимает из кармана лист бумаги и говорит: «Черт побери! Это же моя справка о доходах!»
10. На нем остроносые парадные ботинки, когда в этом нет надобности.
11. У него есть фотографии его машины.
12. На номерном знаке его машины проставлены его инициалы.
13. У него в машине есть кассеты с текстами, настраивающими на успех.

СВИДАНИЯ

«Ходить на свидания» означает просто «встречаться с вероятным спутником жизни и веселиться от души, чего эти двое никогда больше не будут делать, если потом поженятся». Свидания составляют очень важную часть процесса

выбора супруга у всех живых существ. У некоторых, например, у насекомых, свидание занимает всего несколько секунд.

Люди ходили на свидания еще в древние времена. К примеру, за-протоколированное свидание состоялось между двумя юными итальянцами Ромео и Джульеттой, которые встретились вопреки запретам родителей, и практически всех, замешанных в этом деле, либо прирезали, либо отравили.

После такой трагедии в течение нескольких веков наблюдалось очень мало свиданий.

Мы живем в свободную, эмансипированную и лишенную стереотипов эпоху. Я имею в виду, что в обязанности мужчины входит приглашение на свидание, а в обязанности женщины — придумывание предлогов не прийти, которые постепенно становятся все более надуманными, пока мужчина не сообразит наконец, что она скорее будет питаться крысиной печенкой, чем пойдет с ним на свидание.

О чем можно говорить на свидании? О разнообразных кулинарных рецептах.

ВЛЮБЛЕННОСТЬ

После достаточного количества свиданий люди обычно влюбляются. О том, что вы влюблены, можно судить по самочувствию: голова становится легкой, сердце бешено колотится в груди, вы как будто летаете по воздуху, весь мир представляется чудесным и счастливым. К сожалению, эти же четыре симптома характерны и для заболевания толстой кишки, так что никогда не повредит провериться у доктора. Если же оказалось, что это все-таки любовь, то самое время задуматься о следующем серьезном этапе во

взаимоотношениях — о поцелуе по-французски.

Следующий серьезный шаг — это жизнь во грехе, и речь о ней пойдет во второй главе. Безусловно, если вы принадлежите к религиозной секте, где считается, что сначала надо жениться, то вам необходимо пропустить следующую главу и сразу перейти к главе о сексе. Если ваша религиозная секта очень суровая, то эту книгу следует немедленно сжечь.

ЖИЗНЬ ВО ГРЕХЕ

В течение очень многих лет общественное мнение было против жизни во грехе. Однако сейчас благодаря сексуальной революции (6 мая 1967 года) совместная жизнь до брака рассматривается как нормальный и по-настоящему полезный этап во взаимоотношениях, который находит понимание и даже одобряется практически всеми слоями общества за исключением, конечно же, ваших родителей. Ваши родители даже слышать ничего не хотят. Для них не важно, насколько хорош и уважаем человек, с которым вы живете. Он может быть хоть самим Линкольном, они все равно не успокоятся. Особенно, если вы мужчина.

Начало совместной жизни для обоих партнеров является будоражающим и романтическим приключением, периодом забот, душевных радостей и маленьких открытий — например, как у другого выглядит использованная зубочистка. Но это также и период, когда необходимо проявить деловой подход. Следует помнить, что вне зависимости от силы вашей любви друг к другу в настоящее время где-то дальше на пути у вас неизбежно встретятся пресловутые «семейные размолвки», во время которых один из вас будет вышвыривать из окна пожитки другого

и может даже покалечить невинных. Вот почему большинство специалистов рекомендует квартиры на первом этаже, оснащенные легкой и удобной для метания пластмассовой посудой.

САМОЕ СЕРЬЕЗНОЕ, ЧТО МОЖЕТ ВСТАТЬ НА ПУТИ У МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ, ЖИВУЩИХ ВМЕСТЕ

Основная проблема, с которой сталкиваются мужчина и женщина, решившие жить вместе, — это грязь. Я не шучу. Мужчины и женщины совершенно по-разному относятся к грязи. Они даже по-разному видят грязь. Женщины по каким-то гормональным причинам способны видеть отдельные молекулы грязи, в то время как мужчины имеют склонность не замечать их до тех пор, пока они не склеятся в увесистые комья, на которых можно разводить огород. Бывают и исключения, но более 85 процентов мужчин с полным основанием классифицируются как страдающие бессилием к уборке.

Это может привести к серьезным трениям. Возьмем пару, решившую поделить домашние обязанности абсолютно поровну. Когда приходит очередь женщины убирать, скажем, места общего пользования, она идет и действительно все чистит. Мужчина же, когда наступает его очередь, смотрит вокруг и, так как он не в состоянии увидеть грязь, соображает, что ничего особенного делать не требуется, поэтому он просто спускает воду в унитазе и на этом успокаивается. После этого женщина говорит: «Что же ты не убрался в ванной? Там же гадючник!» А мужчина, чье представление о гадючнике связано с мужским туалетом в пивбаре, где частенько резвятся бактерии размером с коккер-спаниеля, никак не

возьмет в толк, о чем это она.

Короче, в большинстве случаев мужчина овладевает наукой делать вид, что убирается. Попросите его убрать комнату, и он кое-где потрет мебель тряпочкой, а потом протащит по ковру пылесос, абсолютно не обращая внимания, собирает он какую-нибудь грязь или нет.

Один мой друг, писатель Клинт Коллинз, однажды предложил вырезать кусок фанеры шириной с пылесос, быстро проводить им по ковру, чтобы оставались те самые параллельные дорожки, которые, по словам Клинта, являются основным результатом работы пылесоса. (В течение первых десяти лет своей семейной жизни Клинт и не подозревал, что в пылесосах есть мешочки; ему казалось, что пыль уходит по электрическим проводам в стену.)

Все это означает только, что для успеха совместного проживания обе стороны должны с особым вниманием отнестись к специфическим недостаткам мужчин, страдающих бессилием к уборке.

Достопочтенные женщины, мы с сожалением делаем вывод, что вам необходимо проводить долгие часы в терпеливых разъяснениях основ поддержания чистоты, кажущихся вам простыми и очевидными, но непостижимыми и загадочными для страдающих бессилием к уборке, типа:

1. Откуда все время берутся чистые тарелки. 2. Что еще можно делать с коробочками из-под пиццы, кроме как складывать их стопкой в углу комнаты более двух лет подряд. 3. Что еще некоторые делают, убирая спальню, помимо опрыскивания дезодорантом «Старая Гвардия» нестираных и сваленных в кучу высотой полметра панталон для верховой езды.

И так далее. Лучший способ избежать конфликтов — это соста-

вить список, в котором ясно указано распределение обязанностей. Для начала список, предназначенный для мужчины, страдающего бессилием к уборке, должен быть достаточно скромным:

Список домашних обязанностей на неделю для нормального человека	Список домашних обязанностей на неделю для страдающего бессилием к уборке
Убрать кухню	Не пачкать постельное белье
Убрать места общего пользования	арахисовым маслом.
Убрать всю остальную квартиру	

Если уж мы заговорили об арахисовом масле, то еще одним яблоком раздора для впервые начинающей совместную жизнь пары может стать кухня. Здесь мы опять сталкиваемся с таким угнетающим обстоятельством, что, несмотря на прогресс, достигнутый в других областях, когда дело доходит до равного разделения обязанностей по приготовлению пищи, многие мужчины к таким играм просто не готовы. Я один из них.

Что делать мужчинам в этом направлении? Ребята, все очень просто. Если хотите построить в семье благопристойные и честные взаимоотношения, надо начинать постоянно готовить еду целиком и полностью самостоятельно. Под едой я имею в виду не «шпроты, которые едят прямо из банки вилкой», а еду, которую стал бы есть кто-то еще. Которую стала бы есть даже ваша мама. Это не так трудно, как кажется. Нужно запомнить всего несколько рецептов.

Рецепт номер один.

Разогретая еда.

Долгое время этим блюдом славилась женщины и величайшие

повара Европы, которые поняли, что за немногими исключениями, такими, как фруктовая вода, почти всю еду вкуснее есть разогретой.

Способ приготовления. Возьмите достаточное количество единиц еды, чтобы накормить себя и особу, с которой вы живете. После этого возьмите кастрюлю необходимого, по вашему мнению, размера. Теперь попробуйте вложить единицу еды в кастрюлю. (Кулинарная хитрость: для пищи элегантности попробуйте сначала вынуть эту единицу еды из банки или упаковки!) Если она входит, то готовьте ее на плите на среднем огне до тех пор, пока она не перелетится через край и не испортит плиту. Если она не входит в кастрюлю, то, вероятней всего, это индейка, жаркое или ветчина. Таких крупных представителей пищи надо класть в небольшое отделение под плитой (в духовку) и готовить при средней температуре до тех пор, пока они не заполнят все жилое помещение густым едким дымом.

Важное примечание. Если единицей еды действительно является индейка, не забудьте заглянуть внутрь и вынуть из нее традиционный пакет с сюрпризом, в котором лежат какие-то запчасти; его всегда засовывают в скончавшихся замороженных индеек по совершенно никому не понятным причинам.

Рецепт номер два.

Два вида еды одновременно.

Да-да! Такое действительно возможно! А самые умелые повара иногда одновременно готовят и три вида еды, но я вам не рекомендую самостоятельно браться за это.

Способ приготовления. Следуйте указаниям рецепта для разогретой еды, но только возьмите две разные единицы еды, две кастрю-

ли, две плиты и т. д. Вся штука в том, чтобы подобрать дополняющие друг друга продукты, как видно из нижеследующей таблицы:

Вид еды	Дополнения
Еда из банок (мясо)	дополняет: кетчуп, пиво. не дополняет: мясо.
Еда из банок (корнеплоды,пельмени)	дополняет: еда из пакетов, пиво. не дополняет: крем.
Все другое	дополняет: пиво. не дополняет: вяленое мясо (посоветуйтесь с врачом).

Отлично! Мы рассмотрели два крупнейших камня преткновения, о которые можно споткнуться при совместной жизни, а именно — грязь и пищу. Остается секс, который из приличия мы выделим в особую главу.

ОСОБОЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПОРЯДОЧНЫМ ЛЮДЯМ

Боюсь, что в данной главе нам придется говорить о сексе очень откровенно, потому что мы хотим расширить границы человеческих знаний, а еще хотим, чтобы как можно больше юношей купило эту книгу. Это значит, что мы будем вынуждены пользоваться некоторыми узкоспециальными терминами сексологии, такими, как «половая зрелость» и «моллюск», а они в некоторых случаях могут привести к возбуждению. Поэтому, если у вас есть хоть капля порядочности, вам надо прервать чтение и заняться чем-нибудь полезным, пока эта глава не закончится. Лучше вам уйти прямо сейчас, потому что почти сразу за этими звездоч-

ками начинается жуткая порнография.

***

Вы все еще здесь? Ха-ха! Не надо смущаться. Вы бы удивились, узнав, какие люди читают эту главу.

Хорошо. Избавившись от религиозных фанатиков, обратим свой взор на...

ОСНОВНЫЕ МУЖСКИЕ ПОЛОВЫЕ ОРГАНЫ

Основными мужскими половыми органами являются внутренние трубочки, мышцы, зажимающие сосуды, система возврата в исходное состояние и, конечно же, главный орган — «морковка».

Мужчины тщательно охраняют эти органы. И все потому, что мать природа решила, наверное, шутки ради поместить их снаружи мужского тела, где они наиболее подвержены попаданиям бейсбольных мячей, ударам маленьких детей и даже — как подумаю об этом, аж скулы сводит — нападениям бешеных мочалок. К тому же мать природа сделала эти органы чрезвычайно чувствительными.

Помните, женщины вечно говорят, как больно рожать, как это ужасно, как мужчинам никогда этого по-настоящему не понять? Что ж, мы, мужчины, не хотим делать из мухи слона, но если вы, женщины, действительно хотите испытать боль, вам надо попробовать изменить пол и получить удар мячом в наружные половые органы. Да, дорогие. Когда такое случается в профессиональном бейсбольном матче и игрок лежит на земле и корчится в муках, явно зажав руками свои половые органы, телевизионный комментатор всегда говорит диктору: «Тед, ему как будто попали поддых». Но

зрители-мужчины прекрасно понимают, что произошло, и, оглянувшись вокруг, вы заметите, что все эти тысячи мужчин аж съежились, как будто стадион поразила внезапная эпидемия сутулой болезнью.

Дело в том, что, взрослея, особи мужского пола вырабатывают к своим половым органам отношение, очень похожее на то, которое наблюдается у родителей, чрезмерно оберегающих и любящих своих детей. Никаких проблем не возникает, пока органы молоды, невинны и в целом пассивны. Но все в корне меняется после достижения половой зрелости.

Юноши обычно достигают половой зрелости с опозданием в два года. В том смысле, что это происходит на два года позже, чем у девушек, которые созревают где-то классе в шестом. Помню, как в конце пятого класса мы разъезжались на летние каникулы и почти все девочки и мальчики держались вровень на пути во взрослую жизнь. Но когда осенью мы снова собрались вместе, девочки вдруг — как гром среди ясного неба — оказались сантиметров на тридцать длиннее, у них откуда-то появилась грудь и бог его знает что еще. Как будто летом все они ездили в грудовой лагерь.

Из-за этого девочки получают незаслуженное преимущество. У них в распоряжении оказывается целых два года, чтобы привыкнуть к обладанию развитыми половыми органами, и в результате девочки вырабатывают к ним довольно зрелое отношение, хладнокровность суждений и такт, который они потом сохраняют на всю жизнь. Мальчики же обречены на два года шатания по коридорам средней школы, причем жестокая мать природа разместила их глаза как раз на уровне девичьей груди, и поэтому у них возникает дикое желание настичь. Когда к ним на-

конец приходит половая зрелость, это затаенное желание становится таким мощным, что у них возникают эрекции, длящиеся в среднем чуть более трех лет. Мужчины знают, о чем я говорю. Юноши носят учебники главным образом затем, что им нужно что-то держать перед собой.

Итак, что такое типичный здоровый юноша? Он состоит из существа, во всем потакающего своим половым органам, и из собственно органов, которые часто ускользают из-под контроля и почти всегда готовы повеселиться.

Теперь давайте посмотрим, как происходит половое развитие типичной представительницы женского пола. Осторожно и скромно изучим...

ОСНОВНЫЕ ЖЕНСКИЕ ПОЛОВЫЕ ОРГАНЫ

Я не знаю, что такое основные женские половые органы. Прихожу в страшное замешательство, глядя на всякие схемы. Честно говоря, думаю, никто толком не разбирается в женской детородной системе, потому что эти органы расположены внутри тела женщины и их невозможно увидеть. Женщина может составить хотя бы примерное представление о том, что происходит у нее внутри, только с помощью гинеколога, копашащегося со своими примитивными инструментами и даже зовущего на консультацию коллегу («Эй, Боб! Поди-ка сюда! Как думаешь, а вот это что такое?!»).

Поэтому в отличие от мужчин, которые все время себя трогают и дают себе ласковые прозвища, у женщин выработалась почти беспристрастная отрешенность от своей детородной системы. Более того, если мужские органы производят впечатление беззаботных

и импульсивных, то женские — серьезных и трудолюбивых, поглощенных одной-единственной мыслью о производстве потомства. Вне зависимости от того, чем внешне занята женщина — делает карьеру, пишет роман, играет в кегли, — ее внутренние органы поглощены сбором пищи ребенку, подготовкой детского места и т. д. Ежемесячно они с сожалением от всего этого избавляются и снова принимаются за дело, а женщина получает от них дружеский биологический привет: «Все хорошо. Прекрасно. Живи себе и наслаждайся. И не думай о нас, надрывающихся здесь и пытающихся обеспечить выживание рода человеческого».

Итак, мы видим, что из-за расположения и характера соответствующих органов женщины по сравнению с мужчинами в целом более серьезно, вдумчиво и ответственно подходят к взаимоотношениям. Я отдаю себе отчет, что такое обобщение абсурдно, но мне кажется, что если человек не умеет делать абсурдных обобщений, то ему нечего братья писать книги.

ОТВЕТЫ НА РАСПРОСТРАНЕННЫЕ ВОПРОСЫ ИЗ ОБЛАСТИ ПОЛОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Вопрос. Сколько должен длиться половой акт?

Ответ. Здесь люди разных полов несколько расходятся в мнениях. Женщинам, как правило, хотелось бы посвящать любовной игре и половому акту столько времени, сколько мужчинам — любовной игре, половому акту и строительству гаража. Это может привести к неудовлетворению со стороны женщины, которая зачастую только-только начинает чувствовать приятные ощущения,

а мужчина уже убежал к холодильнику за желе.

Вопрос. А могут ли супруги применить какой-нибудь нежный, ласковый, осторожный способ, чтобы притормозить оргазм?

Ответ. Да. Когда женщина чувствует, что мужчина приближается к оргазму, она может прошептать: «Сегодня опять звонили из налогового управления, но не беспокойся, я не стала разговаривать и повесила трубку».

СОВЕТЫ ЮНОШАМ, КАК ЦЕЛОВАТЬСЯ И ОБНИМАТЬСЯ

Основная проблема с целованием и обниманием заключается в том, чтобы выяснить, хочет ли этим заниматься твоя подружка. На планете идеальных женщин девушка была бы откровенна и сразу сказала бы: «Что, если мы ляжем на диван и обнимемся как сумасшедшие?» Или: «Ты мне нравишься как друг, но, честно говоря, я не стала бы с тобой целоваться даже под угрозой смерти от пиваков».

Здесь, на планете Земля, она ничего не скажет. Иногда это означает, что ей с тобой неинтересно. А иногда не означает. Самый распространенный способ точно выяснить, как настроена девушка, — улучшить момент и броситься к ней с вытянутыми губами, и тогда она либо тоже вытянет губы навстречу, либо быстро отвернет голову. В этом случае парень только скользнет губами по ее волосам и поймет, что он самый настоящий олоуп. У юноши нет другого способа с честью выйти из такого положения, кроме как тут же умереть на этом самом месте.

Предположим, однако, что реакция была положительной. Тогда можно попробовать целоваться «по-французски»: ты засовываешь свой язык ей в рот, а она —

к тебе, то есть ваши языки оказываются друг у друга во рту. Французы считают, что при этом возникает очень сексуальное ощущение, но не забывайте, что они так же едят устриц...

Короче, если реакция вашей девушки кажется вам положительной, в том смысле, что она еще не заехала вам коленкой в пах, и если вы действительно уважаете ее как человека, любите ее и планируете на ней жениться, то самое время начать

КРУТОЕ ОБНИМАНИЕ

Здесь мы сталкиваемся с труднейшей проблемой бюстгалтера. Его ведь так просто, играючи, не расстегнешь.

Бюстгалтерно-застежечная промышленность этого не допустит. Круглые сутки в НИИ БюстЗасте в городе Амарилло (штат Техас) научные сотрудники работают с добровольцами-мужчинами и очень похожими на женщин манекенами, создавая все более новые и сложные застежки, у которых первый крючок сам по себе застегивается после того, как вы переходите ко второму.

Так что никто не может снять такой бюстгалтер, и уж, конечно же, не сгорающий от страсти мужчина в темной комнате. Многие бесценные ювелирные коллекции находятся сейчас под охраной одних только бюстгалтерных застежек.

Когда вы справитесь с бюстгалтером, то возникает следующая трудность: нижнее белье. Наверное, лучше всего попросить вашу подругу помочь вам, потому что нормальному человеку трудно даже вообразить, насколько оно запутанно.

Но я решительно советую вам перед тем, как вы приступите к нижнему белью, хотя бы уйти из ресторана.

СЕРЬЕЗНЫЙ СОВЕТ ПО ПОВОДУ ПРЕЗЕРВАТИВОВ

Ребята, обязательно пользуйтесь презервативами! Все службы здравоохранения едины в этом мнении. Весь народ стал горячим сторонником использования презервативов. Безопасность превыше всего!

ГДЕ ПОЛУЧИТЬ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЯСНЫЕ И ПОЛЕЗНЫЕ СВЕДЕНИЯ О СЕКСЕ

Самый лучший источник надежной информации — это книги про любовь, которые можно найти во всех книжных магазинах. Вы понимаете, о каких книгах я говорю — на обложке всегда изображен задумчивый красавец мужчина, обнимающий зеленоглазую женщину с высоким бюстом, большая часть которого не умещается в платье. Название обычно какое-то туманное, типа «Чресла страсти».

Для неопытных в сексуальном отношении пар такая книга — самая настоящая находка, потому что в ней содержится множество пассажей, до отказа заполненных ясными, доходчивыми, ненадуманскими откровенными разговорами о половом акте, типа: «Как только Сабрина посмотрела на барона Легума, чьи темные задумчивые глаза лучились страстью, она почувствовала мучительное напряжение его трепещущего, пульсирующего мужского начала и поняла, что не может больше сдерживать захлестывающие волны страсти, подобные волнам чего-то этакого, и в то время как его трепещущие, пульсирующие, ненасытные губы искали ее губ, не то чтобы она хотела сдержать их (мы имеем в виду волны страсти), хотя она знала, что как-то, где-то, возможно, в глубине сотрясающей агонии желанья, которое даже сейчас владело всем ее женским естеством (если вы понимаете, что

мы имеем в виду), она должна найти способ через клубящийся туман вожделения кончить это предложение, хотя она и чувствовала, что...»

И так далее. Молодым парам надо внимательно изучать эти полезные и жизненные отрывки, чтобы пользоваться ими как руководством к действию при искушении войти в половой контакт («Ты хочешь сказать, что это и есть мучительное напряжение твоего мужского начала?»)...

**Перевод с английского
СЕРГЕЯ МАХОВА.**

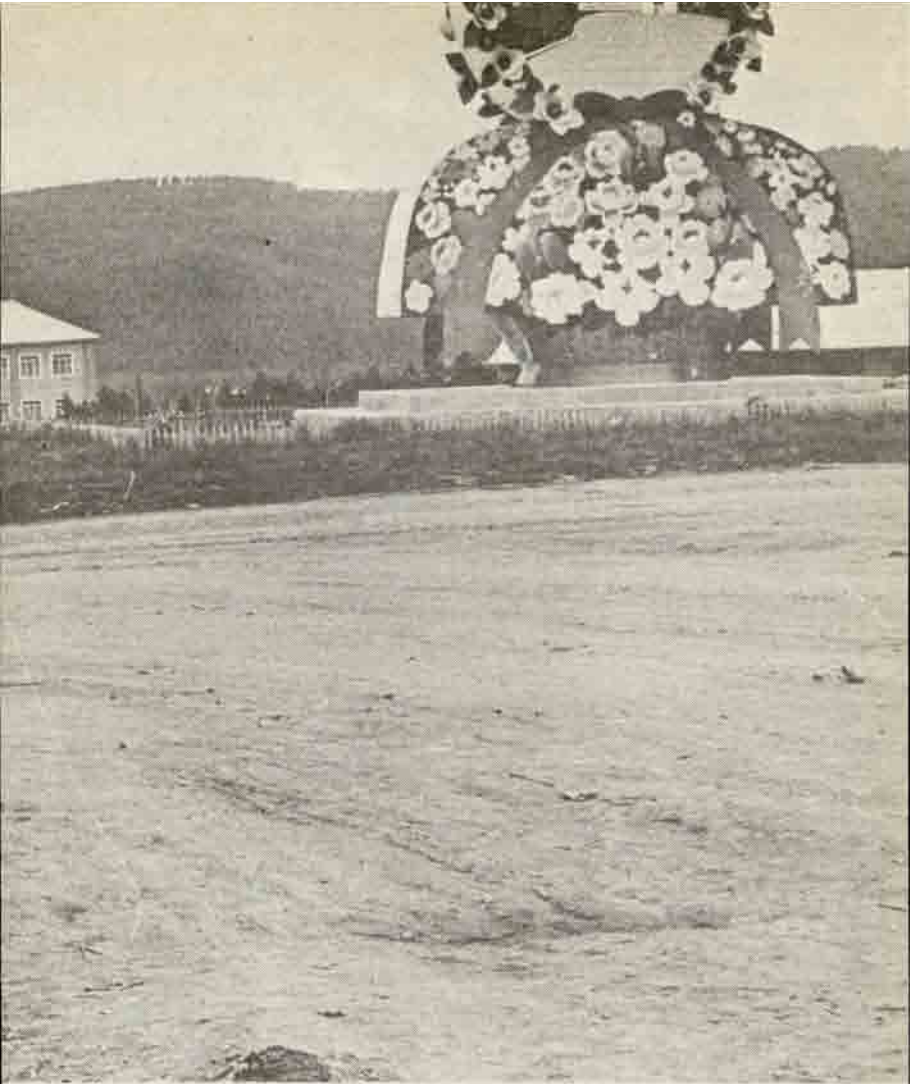

ВЛАДИМИР АНИСИМОВ

ФОТО АЛЬБЕРТА ЛЕХМУСА

ЗЕРКАЛЬНЫЙ ЗЕРКАЛЬНИК

ПЕЙЗАЖ
ЦЕНЗУЖ

Неподалеку от поселка поднималась к небу черная туча.

— Станция Сети, — сказал Николай Квон. — Здесь говорят: местный Байконур. Это авиадвигателем продувают угольные вагоны. Каждый день...

А в Северной Корее обидели туристку из Тынды: сделали выговор за какой-то сорванный паршивый цветок.

Какая связь?

На обочине лесной дороги то и дело маячили странные фигуры, одинокие и неподвижные.

— Что за люди?

— Корейцы, — объяснил наш водитель.

— Может, подвезти надо?

— Не... Они тут торгуют.

— В тайге? Чем?

— А всем. Грибы. Ягоды. Водка. Вещи. Останавливают машины, предлагают шоферам.

— А нашу почему не останавливают?

— Легковая. Мало ли — вдруг начальство какое едет. Вот если бы мы на лесовозе или грузовике...

Ехали мы незваными и не самыми желанными гостями. Утром позвонили главному инженеру объединения «Тындалес» Емельянову: хотим, мол, побывать в корейском леспромхозе, не дадите ли в попутчики знающего специалиста?

— Сейчас корейцы неохотно идут на контакт с прессой, — ответил Сергей Степанович. — Я должен переговорить с корейским главным инженером объединения. А он, наверное, будет согласовывать со своим парткомом. Позвоните после обеда.

Жаль было терять быстротекущее командировочное время на пустое ожидание. И чем оно еще закончится? Кроме того, почему мы должны согласовывать с кем-

то поездки по своей земле? Чай, не военный объект. Решили — едем без предупреждения.

...Корейские лесорубы появились в районе Тынды лет пятнадцать назад по межправительственному соглашению между СССР и КНДР. Теперь это мощное совместное предприятие «Тындалес»: восемь с половиной тысяч корейских и около восьмисот советских работников. Наши в основном управленцы. Структура СП необычна: два гендиректора, два парткома, два главных инженера и т. д. В семи леспромхозах объединения — примерно такое же дублирование.

Наш взнос в СП — тайга, техника, материалы. Корейская сторона обеспечивает дешевую рабочую силу. Эта сила ежегодно производит 2150 тысяч кубов деловой древесины, из которых 650 тысяч отправляется в КНДР.

Не только около Тынды работают корейцы — еще раньше они начали лесозаготовки в Чегдомыне, Ургале. Словом, богатый накопился «опыт». Почему в кавычках? До недавнего времени тема эта была фактически закрыта для печати — писали в основном о нерушимой дружбе народов, — а в последний год будто прорвало. Несколько месяцев подряд тындинская газета «Авангард» печатала письма, репортажи, корреспонденции о том, как работают корейцы в Сибири. Суть публикаций можно выразить коротко: варварски вырубает лес, губят реки, браконьерствуют, спекулируют водкой. Одна читательница и припомнила поездку в КНДР: у них, дескать, цветка не сорви, а им у нас все дозволено? И почти все в один голос, включая кандидатов в народные депутаты: необходимо расторгнуть межправительственное соглашение. Возражали только работники «Тындалеса»...

После таких выступлений кто охотно пойдет на контакт с прессой?

...Справа вдоль дороги возник глухой деревянный забор, а через километр мы подъехали к квадратной арке, расписанной иероглифами. Вместо ворот — шлагбаум. У шлагбаума оказалось человек пять: то ли охрана, то ли местная «тусовка» — откуда нам знать? Попытки объяснить успеха не имели. Наше «Где директор?» явно не находило понимания. Выручил водитель:

— Капитана где?

Ну, кажется, начинаем договариваться... Появился молодой человек в полувоенной тужурке со значком Ким Ир Сена на груди, просмотрел удостоверения и жестом пригласил с собой.

На ходу оглядываемся. Чистенькая центральная площадь поселка с разукрашенной стелой посреди. Вокруг — одноэтажные деревянные бараки. Один из них оказался конторой леспромхоза. На двери с надписью по-русски «Переводчик» мы увидели здоровый висячий замок и приуныли... Сопровождающий завел нас в какой-то большой кабинет и оставил с его хозяином — в такой же тужурке со значком.

Кое-как мы представляемся. Слово «комсомол», кажется, в Северной Корее уважают. Но все попытки на чудовищном русско-английско-жестиккулярном «языке» пояснить: мы хотим сделать снимки из жизни и работы корейских граждан — встречают в ответ вежливо-отрицательное покачивание головой.

Мы уже совсем потеряли надежду объяснить, поговорить, когда возник черноволосый парень без тужурки и в джинсах.

— Вы хорошо говорите по-русски, — сделал я ему комплимент. — Учились в нашей стране?

— Да я с Сахалина, — засмеялся Николай Квон. — Работаю переводчиком в «Тындалесе».

Благодаря Николаю мы, наконец, узнали, что «беседуем» с директором леспромхоза Ли Дин Сенем...

По мнению директора, газетные статьи не влияют на отношения между нашими народами, их писали неспециалисты, которые не знают, сколько обоюдной выгоды приносит совместное предприятие. Конечно, некоторые ошибки бывают. Но сложных проблем нет, а мелкие недоразумения он оперативно решает с советским леспромхозом «Беленький». Корейские рабочие заключают договор на три года. Что их привлекает в России? Во-первых, едут все-таки за границу. Во-вторых, возможность подзаработать. Правда, оговорился Ли Дин Сен, заработки в русском лесу ненамного выше, чем в корейском. Получают рублиями — стало быть, и отовариться надо в Союзе.

Мягко, но настойчиво директор отсоветовал посещать жилища лесорубов. Мы его поняли и не стали настаивать. И так видно: бедно, убого-живут корейцы. В наших бараках хоть стекла есть — в корейских многие окна забиты горбылем из-за отсутствия стекла. Водопровода и канализации нет; «удобства», отлично продуваемые, на улице... Двое рабочих подстригали и без того идеальный газон с елочками перед единственным двухэтажным, чистеньким и ухоженным домом — домом политпросвещения.

Генеральный директор объединения «Тындалес» Н. Сарнавский приводит такой аргумент за дальнейшее сотрудничество: оно выгодно. Высокая рентабельность, прибыль, низкая себестоимость. Еще бы! Дешевая рабсила, минимум расходов на бытовые, соци-

альные нужды. Действительно, если отправить корейцев домой — вряд ли кто пожелает занять их место, даже при нашей нетребовательности к комфорту.

Но у нас не о выгоде речь — о сохранении природы, экологических нарушениях. Н. Сарнавский утверждает: сегодня на лесосеках хороший порядок. Рейдовая бригада сообщает иное. Лесовозная дорога перекрыла русла Большого Желтулака и Онона.. По берегам разливаются горючесмазочные материалы. На делянках гниют кучи мелкого леса.. (Аналогичные примеры можно продолжить.)

Правда, начато строительство заводов глубокой переработки древесины (еще один аргумент Н. Сарнавского), но остановят ли они браконьерство в лесу или спекуляцию водкой? Опытный специалист — генеральный директор объединения «Амурлесхоз» Б. Борисов — категорически выступает за расторжение соглашения с КНДР, запрещение подобных лесозаготовок в местах проживания коренных народов Севера. Да и Дальневосточная экспедиция Госкомлеса СССР определила организацию лесопользования в Амурской области как антиэкологическую.

Стоп, стоп... А что — в области одни корейцы лес валят? Отнюдь. Имеется мощное объединение «Амурлеспром», разные самозаготовители, арендаторы, и тот же «Амурлесхоз» — лесовосстановительное, по идее, предприятие — стал крупным дровосеком. Все вместе заготавливают порядка семи миллионов кубометров леса. Ежегодно в области вырубается около 80 тысяч гектаров тайги, и только на третьей части вырубок делаются попытки восстановить лес.

Но, быть может, «наши» работают иначе? Куда там... Корейцы используют советскую технику, технологию. Председатель правления тындинского районного общества охотников и рыболовов М. Храбан обвиняет: корейские поселки стоят, как правило, на берегах рек, очистных сооружений никаких, все отбросы — в воду! Простите, но места для поселков отводит Советская власть — ей бы и счет предъявить... Партаппарат, говорите, властвовал? Тогда претензии — к нему. И за отсутствие очистных — тоже. Причем это касается не одних корейских поселений. Есть эвенкийские, русские села, где с приходом БАМа, его городов и предприятий люди перестали пить воду из рек... (О всевозможных экологических нарушениях промышленников мы писали в № 12 за прошлый год.)

Все, и наши тоже, валили деревья без малейшего соблюдения экологии. Реки Тында, Гиллюй, Сигикта и другие остались почти без водоохранной лесной зоны на всем своем протяжении. Сейчас спохватились — нужен жесткий контроль! А кто контролировать будет? В Желтулакском лесничестве, например, контролем и охраной двух миллионов гектаров заняты четыре человека. Лесхозы и лесничества давно превратились в таких же лесозаготовителей.

Тянется все издалека. Еще в семидесятых годах Ленинградская лесоустроительная экспедиция предупреждала: нельзя создавать в Тындинском районе крупных лесодобывающих предприятий из-за большой разреженности тайги. К совету специалистов не прислушались — так возникло объединение «Тындалес». Кто его создал — корейский министр? И он же выдает лесорубочные билеты, в которых не указывается необходи-

мость сохранения подростка? А если не указывается — какой спрос за погубленный и брошенный на лесосеке молодец?

Советский технорук одного из леспромхозов удивляется: почему корейцев обвиняют в уничтожении брусничников, ведь наши сборщики применяют точно такие же совки! Я думаю, и петли на дичь ставят не одни корейцы.

...И о спекуляции надо отдельно сказать. Ведь **наши** же торговые работники продают корейцам водку по 15 рублей! Потом она идет по 20—25. Ну, выселим иностранцев — что, не найдутся свои спекулянты? Еще дороже драть будут.

Антикорейские настроения подогревались также скупкой товаров в местных магазинах. И так дефицит всего и вся, а тут еще эти забирают! Ну, а что прикажете лесорубам делать? Везти рубли в Корею? Предвидеть обострение отношений на этой почве было несложно, но только в прошлом году наша сторона договорилась с партнерами о закупке импортных товаров на сумму, покрывающую зарплату **всех**, работающих в объединении.

Не собираюсь оправдывать браконьеров и спекулянтов, какой бы национальности они ни были. Но мы сами изрядно загадили, отравили свою землю, а теперь ищем виноватого на стороне. Найдем, выгоним — и все в порядке. В порядке ли?

По этическим нормам любого народа принято уважать обычаи, порядки хозяев дома. Ну, а если в доме грязь, хамство и безобразие — должен хозяин требовать от гостя аристократических манер? Вот и «уважают» нас гости, принимая обычаи и нравы той среды, в которую попали. Трудно внушать им необходимость бережного отношения к природе на

фоне угольной тучи, что висит над станцией Сети, рядом с корейским поселком.

А в Корею я не был. Если там действительно не рвут зазря цветы — что сказать? Молодцы, берегут дом свой. В отличие...

С членом Президиума
Верховного Совета РСФСР,
председателем Комитета
по делам молодежи

СТАНИСЛАВОМ СМИРНОВЫМ

беседует
редактор отдела
молодежных проблем

ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ.

«СМЕНА»

И ВЕЖИ

— *Раскрутим, Станислав, время вспять: секретарь ЦК комсомола, первый секретарь московского горкома, командир Всесоюзного студенческого отряда...*

— ...а до этого — Московский автодорожный институт, опять же — студотряд (институтский), диссертация...

— *Так что функционером, профессиональным политиком себя не считаешь?*

— Сложно сказать. Сегодня у нас нет «чистой» политики. Все замешено на административных методах. Самый ходовой инструмент — «нажим», «накачка».

— *До сих пор?*

— Конечно... Причем мы этого порой и не замечаем. Привыкли. Видимо, «чистая» политика придет тогда, когда четко будет разграничена власть — законодательная, исполнительная, судебная... Так что профессиональным политиком себя не считаю. Функционер ли? В общем-то да. И замечу попутно: ни одна из действующих политических, общественных структур — консервативного ли, радикального толка — не может обойтись без функционеров. Проще говоря, без управленцев, организаторов, аппаратных работников...

— *Выходит, ты аппаратчик? Фигура, ставшая притчей во язы-*

цах, темой для карикатуристов и обличителей всех уровней...

— Понимаю тебя... Но давай всерьез, без иронии разберемся. Вопрос ведь принципиальный. Уверен, что управленческие связи, наработки (и те, что в комсомоле!) можно (и нужно!) эффективно использовать и сейчас.

Например, как бы мы ни ругали комсомол, его аппаратные структуры, они упорядочены в деловых своих взаимоотношениях. Есть сцепка звеньев, которая позволяет оптимизировать работу... В молодежном Комитете Верховного Совета, в Президиуме я в первые же дни столкнулся вот с чем: деятельность делегатских групп, комиссий, различных комитетов была совершенно не скоординирована. Там эта работа находилась в зачаточном состоянии. Казалось бы, чего проще: составить единый регламент, описать все — кто, как, с кем должен взаимодействовать, что из этого следует... И выполняй! Но пока чаще всего работаем методом «тыка»... Я бы сказал так: критическая составляющая у сессии великолепна. Все протестуют! Смело, аналитически, здраво! Но, увы, не действует лозунг «Критикуя, предлагай...». Нет выхода в реальные, конкретные посылы.

Кто виноват? В этом, может, и разберемся. А вот что делать?.. И еще: мы пока что не научились прогнозировать результаты собственных решений, а это, кстати, тоже идет и от управленческого бескультурья. А откуда — не ясно, кто же конкретно отвечает за не продуманные до конца результаты решения?.. Необходимо все налаживать заново. А опыт откуда? У меня лично — комсомол, студотряды...

К чему это говорю? Не стоит буквально все отменять и рушить лишь потому, что это — вчераш-

нее. Нужно здорово поразмышлять, прикинуть: а нельзя ли это самое, вчерашнее использовать для улучшения нынешнего дня, для построения завтрашнего? Мы, когда создавали «Смену»...

— Постой, Станислав, о «Смене» — депутатской молодежной группе хотелось бы услышать подробнее. Как, на каком фундаменте строилась «Смена»? Откуда вдруг возникла идея создания ее?

— Во-первых, не «вдруг». Когда проводили социологические исследования, каким должен быть имидж народного депутата, то выяснилось, что избиратели видят его (депутата), в частности, немногим старше 35 лет. Даже на районном уровне. Я думаю, это весьма характерно для сегодняшнего отношения общества к молодежи. На словах — доверие, а на деле... Это подтолкнуло нас, молодых кандидатов, к определенным контактам друг с другом. Я был знаком (и по комсомольской работе) со многими ребятами еще до того, как их избрали. После выборов эти контакты, естественно, укрепились. Мы поняли, что «вразброс» наши идеи, пакеты предложений не будут серьезно приниматься депутатами, скажем так, более солидного возраста. Нужно объединяться... И за несколько дней до съезда, в гостинице «Россия», мы провели первую встречу. Потом еще и еще... И, наконец, пятьдесят молодых депутатов подписали официальный протокол о создании группы...

— Извини за невольный каламбур, но «Смену» интересует почему «Смена»?

— Результат «коридорной» мозговой атаки. Уже не помню, кто предложил, но всем сразу это название пришлось по душе. В точку! Правда, помнится, кто-то

поосторожничал: а нет ли, мол, тут намек, что мы хотим всех сменивать?

— А в самом деле, не хотите?

— Да что ты... (Смеется.)

Мы не сторонники переворотов — мы за естественную смену «вех», направлений, лидеров. И мы не стремимся к тому, чтобы членство в «Смене» было как-то строго зафиксировано, — люди должны объединяться прежде всего вокруг идеи... С самого начала договорились: у нас не должно быть жесткой управленческой структуры. Есть пять координаторов группы — Андрей Головин, Павел Лысов, Игорь Мозго, Станислав Смирнов, Валерий Шуйков... Вообще команда неплохая. Ребята во многом дополняют друг друга. Средний возраст? Тридцать с небольшим...

— Работа группы на съездах, на сессиях?

— Когда мы интуитивно почувствовали необходимость объединиться, нужно было сразу же решить — ради чего? Конкретно. И мы так определили основную задачу: включать молодых депутатов в активную, полнокровную законотворческую деятельность. Чтобы они имели не только право голоса, но и реальную возможность быть услышанными. И здесь уже важны были и стратегия, и тактика. Мы каждый вопрос, а то и отдельную позицию обсуждаем досконально. Затем выбираем, кто будет выступать. Один или несколько человек. Потому что бывает, одному к микрофону просто не пробиться. Отработываем систему «захвата» микрофона... Не улыбайся, я на полном серьезе... То есть несколько наших депутатов с одним и тем же вопросом становятся одновременно к разным микрофонам. И уж, смотря как складывается обсуждение, мы можем либо поддержать

друг друга, либо дополнить выступление, предложение «сменовца», либо четко и доказательно опровергнуть оппонента. Разработка и визуальная сигнализация...

— *Словом, борьба всерьез...*

— Очень важно иметь мнение, взгляды. Но еще важнее (во всяком случае, в парламентском деле) эти взгляды, мнения донести до людей, отстоять их. Этому мы учимся, как ты верно заметил, всерьез.

За два месяца (беседа записывалась в сентябре 1990 года. — **С.Р.**) депутатский корпус республики, Верховный Совет здорово изменились. Центристское крыло сдвинулось влево, а радикалы стали оценивать ситуацию более реально, жизненно. Это особенно заметно по результатам голосования. Вспомни, как некоторые депутаты выступали в первые дни съезда и как они же голосовали... Разница разительная! Профессионализм в дебатах, диспутах, спорах (в том числе и «коридорных») растет на глазах. Тут, я думаю, российский парламент (не считая за хвастовство...) опережает союзный...

Но вернемся к «Смене». Среди депутатов созданы так называемые профессиональные группы — аграрии, учителя, врачи и т. д. В «Смене» есть представители этих групп. Так вот лидеры профгрупп частенько пытаются через «своих» депутатов заручиться нашей поддержкой по тем или иным сугубо профессиональным вопросам. С одной стороны — лестно: авторитет «Смены» в парламенте заметен. С другой... Понимаешь, мы не хотим замыкаться на «частностях». Если интересы профгруппы и наши «сменовские» (а значит, в определенной мере и интересы молодежи) совпадают, мы, конечно, поддержим. Если нет? Я же

говорил, у нас не только своя тактика, но и стратегия...

— *Ощущает ли группа давление, нажим? Я имею в виду со стороны власти имущих.*

— Чтобы кто-то нам «указывал», «рекомендовал» — такого не было, да и быть не может. Думаю, сейчас уже просто никто и не решится на это...

— *Даже Председатель Верховного Совета республики или Президент?*

— Мы действуем в рамках Регламента и Конституции. И потом, они ведь тоже «просчитывают» свои решения...

— *Станислав, за время работы в республиканском парламенте какая ситуация, на твой взгляд, была самой острой, критической? Ну, когда тебе казалось: сейчас все рухнет, все полетит в тартарары.*

— Безусловно, выборы Председателя Верховного Совета. На заседании группы мы тщательно проанализировали создавшееся положение. Причем прогнозы, «расклады» были самые разные: вариантов — десятки... В итоге «Смена» выступила с документом (мы его сумели очень оперативно размножить и распространить), в котором призывали народных депутатов проявить мудрость, терпимость, провести совещания по группам, делегациям... Мы понимали: многие опасаются, что Ельцин, если его выберут Председателем, с ходу приведет свою «команду». А это ошибка амбиций, обид, нескончаемые споры... То есть полный хаос в парламенте. И это в тот момент, когда республика на краю пропасти, когда народу буквально нечего есть.

Среди нас не было открытых сторонников Полозкова. Что касается Ельцина... Мы не видели равных ему. (Хотя относились к его кандидатуре достаточно взвешен-

но, трезво — без тени фанатизма.) И мы обратились к Борису Николаевичу, чтобы он прямо высказал свое мнение по вопросу формирования команды — на альтернативной основе. Собственно, думаю, это и качнуло чашу весов в его пользу...

— Ты знаешь Ельцина давно. Когда он возглавил столичную партийную организацию, ты был первым в московском комсомоле...

— Я понял тебя. О Ельцине сейчас ходят легенды, мифы. Он человек необычайно популярный. Особенно после выхода его «Исповеди...». Вряд ли что-то существенное смогу добавить.

— И все же...

— Борис Николаевич, конечно же, человек неординарный. Он настолько многогранен, что, я думаю, его портрет еще предстоит написать — историкам, политикам, литераторам... Но вот несколько штрихов. В первые же дни после его избрания первым секретарем МК КПСС мы, секретари горкома комсомола, попросили Бориса Николаевича о встрече. Думали, все будет обставлено по накатанной схеме: нас пригласят минут на 15—20 в зал заседаний бюро ГК партии, выдадут «отеческие» рекомендации, наставления и т. п. Случилось совсем иначе. Буквально на следующий день, ближе к вечеру, Ельцин приехал в горком комсомола. Разговор наш продолжался около семи часов. Закончился далеко за полночь... Он нам буквально открыл глаза на многое. Но и мы ему тоже: на проблемы, связанные с молодежью, на наше понимание этих проблем. Словом, разговор шел на равных. И что нас тогда поразило: «хозяин» города, первый секретарь был неподдельно заинтересован общением с молодежью. Он спорил, горячился, го-

ворил с нами без «дипломатии». Он был живым... Ну, ты понимаешь меня...

А потом? Прошло всего несколько часов следующего рабочего дня, и я получаю из ГК партии протокол встречи. Все наши общие предложения, договоренности, обязательства уже официально зафиксированы. А некоторые скорректированы в нашу, «молодежную», пользу. Мы, например, предлагали заложить в план 20 тысяч квартир для МЖК, Ельцин поправил — 22 тысячи... Ну и другое, что касалось молодой семьи, подростков, тоже приняло в протоколе более весомые масштабы (Борис Николаевич, по моему, вообще склонен к решениям не «по мелочам», а глобальным; не к латанию дыр, а к «перекраиванию»...).

И вот что интересно: в встрече в горкоме комсомола город узнал сразу же. И о решениях, о протоколе... Это подействовало, как шоковая терапия, и в других сферах столичного социума, на других уровнях... Я помню, как к нам в горком комсомола приезжали председатели райисполкомов, секретари райкомов партии, пытались разобраться, что же произошло? Каков он, нынешний «ветер перемен»? И каков он, сегодняшний комсомол?! А потом шли на встречи с ребятами в своих районах... Москва в ту пору будто от спячки очнулась — все бурлило...

Сейчас в наших взаимоотношениях с Борисом Николаевичем сохраняется, как мне видится, главное — доверие. Для Ельцина характерно доверять тем, с кем он связан общим делом. Ну а если не складывается взаимного доверия, он круто меняет отношения. Мне лично в Ельцине импонирует его смелость — черта, сегодня крайне необходимая государственному, политическому деятелю. Смелость

решений, смелость отвечать за эти решения... Такого узла проблем, как нынче у нас, нет, пожалуй, ни в одном другом государстве. И чтобы его, узел этот, развязать (или разрубить!) нужна тоже смелость! Ельцин никогда, ни при каких обстоятельствах (я в этом уверен) не побоится красное назвать красным, черное — черным, белое — белым...

Так уж человек устроен, что он в лидере ищет что-то близкое себе. Я думаю, в Ельцине близкое себе находят многие. В его поступках, высказываниях, в его нестандартном поведении. Он не закрывает глаза на факты, говорит о сегодняшней реальной жизни, а не о той, что «предначертана Программой КПСС»...

— Что ж, Станислав, твои человеческие и политические симпатии, позиция для меня и, надеюсь, для читателей определены достаточно ясно... Пора, думаю, нам «вернуться» в парламент. И так, «Смена» набирает очки?

— Мы все же предполагали, что съезд будет более консервативным. Но итоги голосования по вопросу о суверенитете республики всех попросту ошарашили — такое прогрессивное единение... И хотя по многим другим вопросам мнения депутатов расходились, основа парламента — демократическая, конструктивная — уже сложилась. Это — самое важное. И именно это во многом определило успешную работу нашей группы...

— Но не все предложения «Смены» были поддержаны. Были и весьма чувствительные «сбои».

— Да. Мы попытались внести в пакет законопроектов для обсуждения и проект Закона о государственной молодежной политике. Но нас не поддержали... Нам не хватило всего двадцати с небольшим голосов. Чуть-чуть...

Обидно, конечно. Здесь, по-моему, как раз и сказалось отношение общества к молодежи. Дескать, какая еще особая государственная политика, какой еще Закон?! Советской молодежи и так всего хватает... А депутаты вот это обывательское отношение привнесли в работу съезда. И мы, «сменовцы», не сумели переубедить их...

— Возможно, потаропились?

— Я сейчас думаю именно так.

Яблоко надо срывать зрелым, тогда оно будет вкусным... Необходимость в том или ином предложении, законопроекте должна «созреть» среди депутатов.

— И тут дело за «Сменой»?

— В определенной степени. Мы сейчас обозначили несколько болевых точек и ведем по ним «укалывание».

— Что это за точки?

— Я уже говорил: молодая семья, подростки... Еще система образования; творческая самостоятельность; вопросы социальной защиты на производстве, в житейских ситуациях...

В обществе укоренились стереотипы: например, об иждивенчестве молодежи. Но общество (и многие депутаты), констатируя это иждивенчество как данность, не поняли до конца, что корни его — в распределительной системе, созданной самим обществом. Эта ущербная формация вынуждает молодежь быть иждивенцем. Ребята зависимы от всех: от родителей, педагогов, различных начальников; зависимы от общественных институтов и даже от тех, кто искренне поддерживает их... Так ведь? Молодой человек в нашем обществе лишен настоящей самостоятельности — выбора, действий, ответственности, стартовых возможностей. Ему все время внушают: ты должен заслужить, ты — еще никто; ты не дорос...

Общество, зачастую того не замечая, унижает молодых. Унижает недоверием, навязывая им иждивенчество... Мы, я говорю о нашей депутатской группе, и пытаемся доказать, что молодым необходимы в жизни нормальные стартовые условия. Через 5—10 лет они с лихвой вернут обществу затраченное на создание этих условий... Как только общество (и депутаты, и избиратели) осознает это не декларативно, а по существу, миф об иждивенчестве молодежи исчезнет.

— Ты возглавляешь Комитет по делам молодежи. В какой мере, Станислав, работа комитета стыкуется с деятельностью депутатской группы, с комсомолом? То есть не дублируете ли вы друг друга или, напротив, не блуждаете ли в «трех соснах»?..

— Я не сторонник того, чтобы держаться за «форму» — группа, Комитет, ЦК, горком... Важно содержание: работа с молодежью, в интересах молодежи, в интересах будущего страны...

Выработка целостной государственной молодежной политики — это для нас важнейшая задача. Закон о молодежи обязан стать действенным механизмом в реализации этой политики. Чтобы от слов, от благих пожеланий перейти к конкретным делам, необходима четкая правовая основа, гарантирующая защиту интересов молодежи. Тут как раз мы и должны крепко поработать...

Второе: координация всех ныне действующих молодежных общественных структур. Нельзя отбрасывать пусть даже малый опыт включения молодежи в становление и развитие новых государственных систем.

И, конечно же, организация социальной защиты молодежи на правительственном уровне...

На заседаниях группы мы тщательно обсуждаем те или иные

«включения» в различные комитеты парламента. Мы, если так можно сказать, расписали своих представителей по всем комитетам, комиссиям. Чтобы «Смена» могла работать во всех структурах Верховного Совета и, конечно, по возможности влиять на принимаемые решения.

И вот сейчас уже можно как-то оценить наш «расклад»: почти все, кого мы рекомендовали для работы в комитетах и комиссиях, там весьма заметны. Гена Николаев — секретарь Комитета по законодательству, Сергей Шахрай — председатель Комитета; я — во главе Комитета по делам молодежи (рекомендован, понятное дело, «Сменой»)...

Думаю, в ближайшие три года наша депутатская молодежная группа будет активно влиять на ход парламентской работы. Потом ситуация изменится — реальная власть придет к политическим формированиям. Я имею в виду депутатов, представляющих политические партии. И тогда уже будет совсем иная структура взаимодействия в высшем органе республики.

— И для молодежной группы?

— Она преобразуется в молодежную фракцию. Нынешняя ситуация (со «Сменой» тоже) вынужденная, преходящая. Мы (хотя нас так и называют) не молодежная партия в ВС. Мы — межпартийное формирование. Это, я подчеркиваю, надо четко понимать.

— А как насчет реальной власти, Станислав?

— Власть определяется количеством и качеством реализованных решений. Кто-то из наших ребят подсчитал: сколько раз выступали на сессиях «сменовцы», сколько внесли предложений и сколько их прошло при голосовании... Счет пока не в нашу пользу. Но мы всегда ставили вопросы

резко, определенно. И, что существенно, очень конкретно. Без демагогии, расплывчатости... Это некоторых депутатов настораживает, а то и раздражает...

— Ну а провалили вы идти на компромиссы, искать «золотую середину»? Ведь, насколько я понимаю, «Смене» важен результат, а не приоритет...

— У нас разные тактические ходы. И, конечно же, разумный компромисс — сильнейшее оружие в парламентской борьбе. Ведь поиск компромисса — уже шаг к позитивному результату... Что касается взаимодействия «Смены» и Комитета по делам молодежи — тут мы в одной связке. Работа вместе над Законом о молодежи. Хотим сделать его четким, компактным. В 1,5—2 страницы, как в любом цивилизованном государстве. Без описательности, декларативности, к чему, увы, склонны все наши законодательные акты.

— Может, поэтому они так слабо срабатывают?

— Уверен в этом. В большинстве из них попросту отсутствует даже намек на механизм исполнения, «включения» в реальные жизненные процессы...

Ты спрашивал и о связи с комсомольскими органами?

— Да.

— Понимаешь, я долгое время работал в комсомоле. Там, по нынешним меркам, многое неприемлемо. И «аппаратные игры», и чиновничество, и пустословие... Есть явные проходимцы, есть и дураки, и бессовестные... Но сейчас внутри комсомола атмосфера, стиль работы круто меняются. И потом при всех минусах, согласишься, это все же и сегодня крупнейшая молодежная организация. Обладающая реальной — нет, не властью, — но потенциальной способностью созидать. Есть материаль-

ная база, есть опыт, и есть желание вырваться (кожу собственную сдирая!) из дремотного состояния. Особенно это заметно в российском комсомоле...

— А в РКП? В КПСС?

— Я был только на одном заседании съезда Российской компартии. Там — все ясно...

В этом плане российский комсомол (я был, можно сказать, у истоков его создания — руководил подготовительным комитетом) отличается от РКП, как, к примеру, Травкин от Пелозкова... Во всяком случае, членом РКП я себя не считаю.

Ну, а КПСС? Сложно говорить... То, что произошло на XXVIII съезде с выступлением Володи Зюкина, — абсурд! Он шел на трибуну с мандатом пленума ЦК комсомола. А его не пускали! Это — партийная демократия?! Нет, это — политическое бескультурье, яркое проявление партаппаратных амбиций...

— Извини, Станислав, за вопрос прямой и, может, не совсем тактичный: ты сам для себя решил — останешься в партии или нет?

— Пока не решил. Но решать придется... Говорю честно, для меня это мучительный вопрос... (Молчит, крутится лента диктофона.) Но вернемся к комсомолу. Главное, ВЛКСМ в последний год стал своеобразным донором для всего молодежного движения. Он готов пожертвовать многим, чтобы способствовать рождению принципиально новых молодежных структур. Это серьезнейший шаг, на который комсомол решился... Сила инерции ЦК ВЛКСМ огромна. И вот я считаю, что мы можем использовать эту инерцию в интересах «Смены», молодежного комитета... Как? Этой силой, по-моему, можно и сегодня «продавливать»

решение целого ряда вопросов. Взять хотя бы льготы для студотрядов: нынешний союзный Закон о налогах попросту сводит на нет работу ребят... Мы резко против. И, думаю, на уровне республики отстоим интересы студенческих отрядов. Далее создание государственной службы социальной защиты молодежи. Здесь опять-таки работаем вместе: комсомол — «Смена» — парламентский Комитет. Первый успех — создание Комитета по делам молодежи при Совмине РСФСР. Смотри, сделан лишь шаг, а уже подобные структуры стали возникать и при местных Советах. Вот она — реальная исполнительная власть,

нацеленная на молодежные проблемы...

— Станислав, заглянем в завтра: твоя политическая карьера закончилась. Успешно ли не успешно — иной вопрос. Но вот тебе сорок или около этого, и ты, как говорится, не у дел...

— Думая о будущем, я смотрю в свое прошлое, вспоминая не должности, что занимал, а людей, с которыми работал. Это ценно для меня... В личном плане я избегаю долговременных прогнозов. У меня прекрасная жена, двое детей. Я экономист, кандидат наук. Без дела не останусь...

Записал С. РЫБАКОВ

«ПОИСК» ИЩЕТ И НАХОДИТ!

**ПОЗДРАВЛЯЕМ
ВСЕХ,
СОЗДАВШИХ
СЕМЬЮ
С ПОМОЩЬЮ
СЛУЖБЫ
«ПОИСК»!**

125

Вниманию тех, кому нужен друг и спутник жизни. Обратитесь во всесоюзную службу знакомств «Поиск».

«ПОИСК» расширит круг ваших знакомств и окажет помощь в создании дружной, счастливой семьи.

«ПОИСК» располагает широко развитой информационной сетью во многих городах.

«ПОИСК» гарантирует выполнение своих договорных обязательств.

Сведения об условиях заключения Договора со службой знакомств вы получите по адресу: 220002, Минск-2, а/я 132 или в одном из отделений нашей информационной сети:

198261, Ленинград, пр. Ветеранов, 93/148;

252148, Киев, ул. Сосниных, 8/12;

290005, Львов, ул. Менделеева, 11/2;

350072, Краснодар, ул. Коллективная, 43/120;

720001, Фрунзе, ул. Белинского, 1/10;

333036, Симферополь, ГОС-36.

**В ПИСЬМО ВЛОЖИТЕ ПУСТОЙ КОНВЕРТ
СО СВОИМ АДРЕСОМ.**

126

ЖИВОПИСЬ XX ВЕКА

ВАСИЛИЙ КАНДИНСКИЙ

Рисунки автора

СТУДЕНТИ

* Печатается с незначительными сокращениями.

Первые цвета, впечатлившиеся во мне, были светло-сочно-зеленое, белое, красное кармина, черное и желтое охры. Впечатления эти начались с трех лет моей жизни. Эти цвета я видел на разных предметах, стоящих перед моими глазами, далеко не так ярко, как сами эти предметы.

Срезали с тонких прутьев спирали кору так, что в первой полосе снималась только верхняя кожица, во второй — и нижняя. Так получались трехцветные лошадки: полоска коричневая (душная, которую я не очень любил и охотно заменил бы другим цветом), полоска зеленая (которую я особенно любил и которая даже и увядши сохраняла нечто обворожительное) и полоска белая — сама обнаженная и похожая на слоновую кость палочка (в

сыром виде необыкновенно пахучая — лизнуть хочется, а лизнешь — горько, — но быстро в увядании сухая и печальная, что мне с самого начала омрачало радость этого белого).

Мне помнится, что незадолго до отъезда моих родителей в Италию (куда ехал трехлетним мальчиком и я) родители моей матери переехали на новую квартиру. И, помнится, квартира эта была еще совершенно пустая — ни мебели в ней не было, ни людей. В комнате висели только совершенно одни часы на стене. Я стоял тоже совершенно один перед ними и наслаждался белым циферблатом и написанной на нем розой пунцово-красной глубины.

Вся Италия окрашивается двумя черными впечатлениями. Я еду с матерью в черной карете через мост (под ним вода, кажется, грязно-желтая); меня везут

Пожалуй, только исповедью назвать нужно то, что предстоит вам прочесть. Это по существу содержания. По принадлежности же к жанру перед нами, конечно, «проза художника» — жанр хотя и редкий, но отмеченный в России великолепными образцами литературного творчества Репина («Дальнее близкое»), Петрова-Водкина («Хлыновск» и «Пространство Эвклида»), Нестерова («Давние дни»).

С полным правом войти в этот ряд должна была бы и небольшая, ничтожно малым тиражом изданная в 1918 году книга Василия Васильевича Кандинского «Ступени». Своевременно этого не произошло только потому, что имя крупнейшего представителя живописи XX века, оказавшего огромное влияние на весь ее дальнейший ход, долгие десятилетия оставалось у нас в «черном списке» и под негласным запретом. Настоящая публикация в какой-то мере исправляет историческую несправедливость, постигшую литературный труд выдающегося русского живописца. Дело, однако же, не только в этом.

Заявляя сегодня законное место в ряду образцов жанра, книга Кандинского оказывается примечательной еще и тем, что весьма и весьма существенно отличается от упомянутых, а сами отличия придают ей особую ценность. Подобно своим собратьям и современникам, также основываясь на материале автобиографическом, автор оставляет за пределами повествования все событийное и тем самым уже берет на себя, кажется, непосильную литературную задачу: рассказать, нет — скорее раскрыть самый процесс творчества, а еще точнее — процесс создания произведения живописи изнутри. В данном же случае задача усложняется еще и тем, что речь идет о предмете, чрезвычайно трудно выразимом словами, — об абстрактном (или, что, конечно, вернее, беспредметном) искусстве.

С самими произведениями этой ветви живописи XX века многие знакомы — если и не по первым малочисленным еще выставкам, и ставшим

во Флоренции в детский сад. И опять черное: ступени в черную воду, а на воде страшная черная длинная лодка с черным ящиком посередине: мы садимся ночью в гондолу...

Одним из ярких детских воспоминаний была оловянная буланая лошадка из игрушечных скачек — на теле у нее была охра, а грива и хвост были светло-желтые. По приезде моем в Мюнхен, куда я отправился тридцати лет учиться живописи, я в первые же дни встретил на улицах совершенно такую же буланую лошадь. Она является неуклонно каждый год, как только начнут поливать улицы. Зимой она таинственно исчезает, а весной появляется точно такой, какой она была год назад, не постарев ни на волос: она бессмертна.

И полусознательное, но полное солнца обещание шевельнулось во

мне. Она воскресила мою оловянную буланку и привязала узелком Мюнхен к годам моего детства. Этой буланке я обязан чувством, которое я питал к Мюнхену: он стал моим вторым домом... Синяя «конка» сновала по улицам, как воплощенный дух сказок, как синий воздух, наполнявший грудь легким радостным дыханием. Ярко-желтые почтовые ящики пели на углах улиц свою громкую песню канареек. Я радовался надписи «Kunstmühle», и мне казалось, что я живу в городе искусства, а значит, и в городе сказки. Из этих впечатлений вылились позже написанные мною картины из средневековья.

Неизгладимо останутся в памяти бесконечные пересадки из курьерского поезда в пассажирский, из пассажирского — в крошечный поездок местной ветки с заросшими травой рельсами, с тоненьким

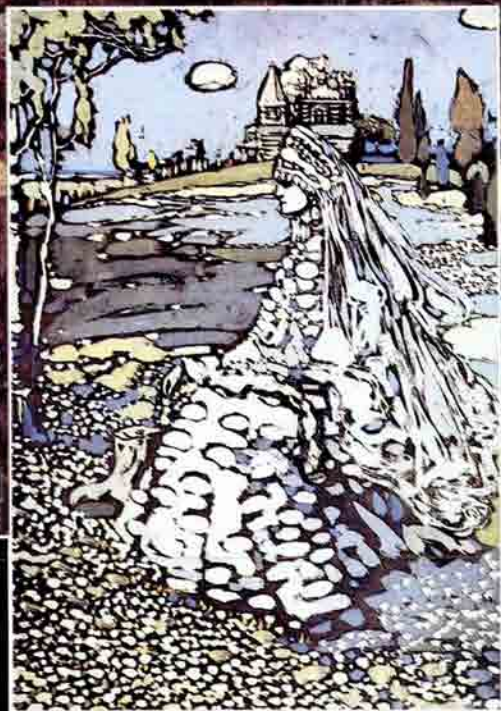
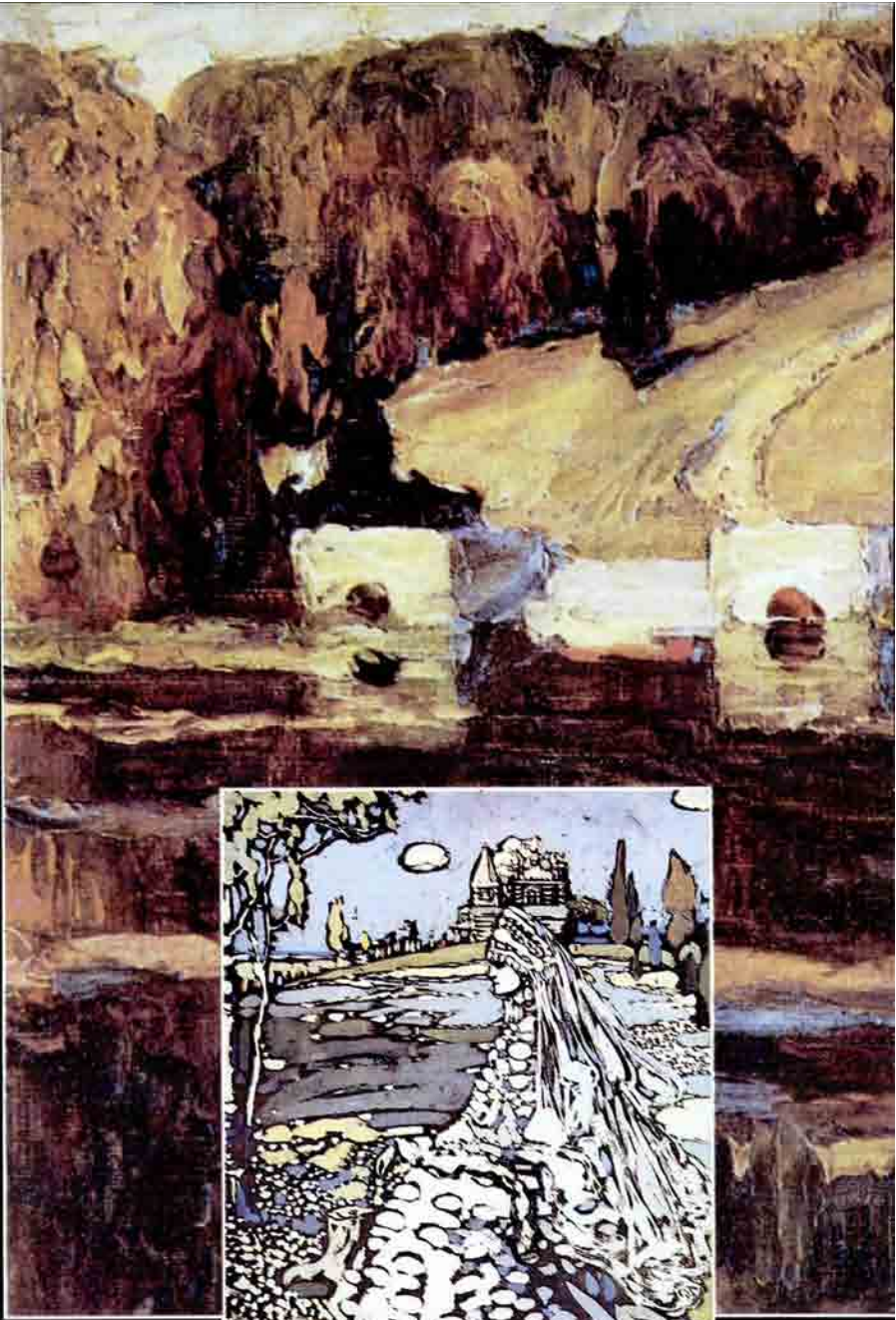
достоинством пока что только крупных городов, то, конечно же, по репродукциям в «ругательных» книгах, на которые издательства наши, надо отдать им должное, в отчетный, так сказать, период не скупались. Толковой же, внятной и честной литературой об абстрактном искусстве мы, прямо скажем, не избалованы. Быть может, она только пишется. Не дожидаясь, однако, издания столь запоздавших трудов, наша публикация дает читателям возможность узнать о нем из первых, что называется, рук — без посредника в лице искусствоведа или критика — от самого творца. А это, согласитесь, совсем другое дело.

Я не уверен, что, познакомившись с этим трудом художника, даже искушенный читатель сможет припомнить что-либо подобное в литературе такого рода. Этот монолог-исповедь напоминает геологический срез ставшего уже обширным пласта искусства нашего века. Кандинский как бы обнажает невидимое, сокровенное, если хотите, самую *тектонику* беспредметного искусства. Вот почему без особого риска смеем предположить, что читателей «Ступеней» ждут открытия; возможно даже откровения.

Используя литературную, словесную ткань, автор показывает, а на наш взгляд, и убедительно доказывает, что произведение абстрактного искусства не досужий вымысел «злонамеренных авангардистов», но, как и всякое другое искусство, «прозрастает» из той самой реальности, которую опрощенно называют *прозаической*, на самом же деле она глубоко *поэтическая* — только необычайно сложная, утонченная, а потому лишь под взглядом художника и с помощью ассоциативного его ощущения рождающая новый и самостоятельно живущий по собственным законам мир.

«Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда» — ахматовский этот образ как нельзя более точно выражает смысл книги Кандинского. В самом деле: застывший в пеленьнице охурок, выглядываю-

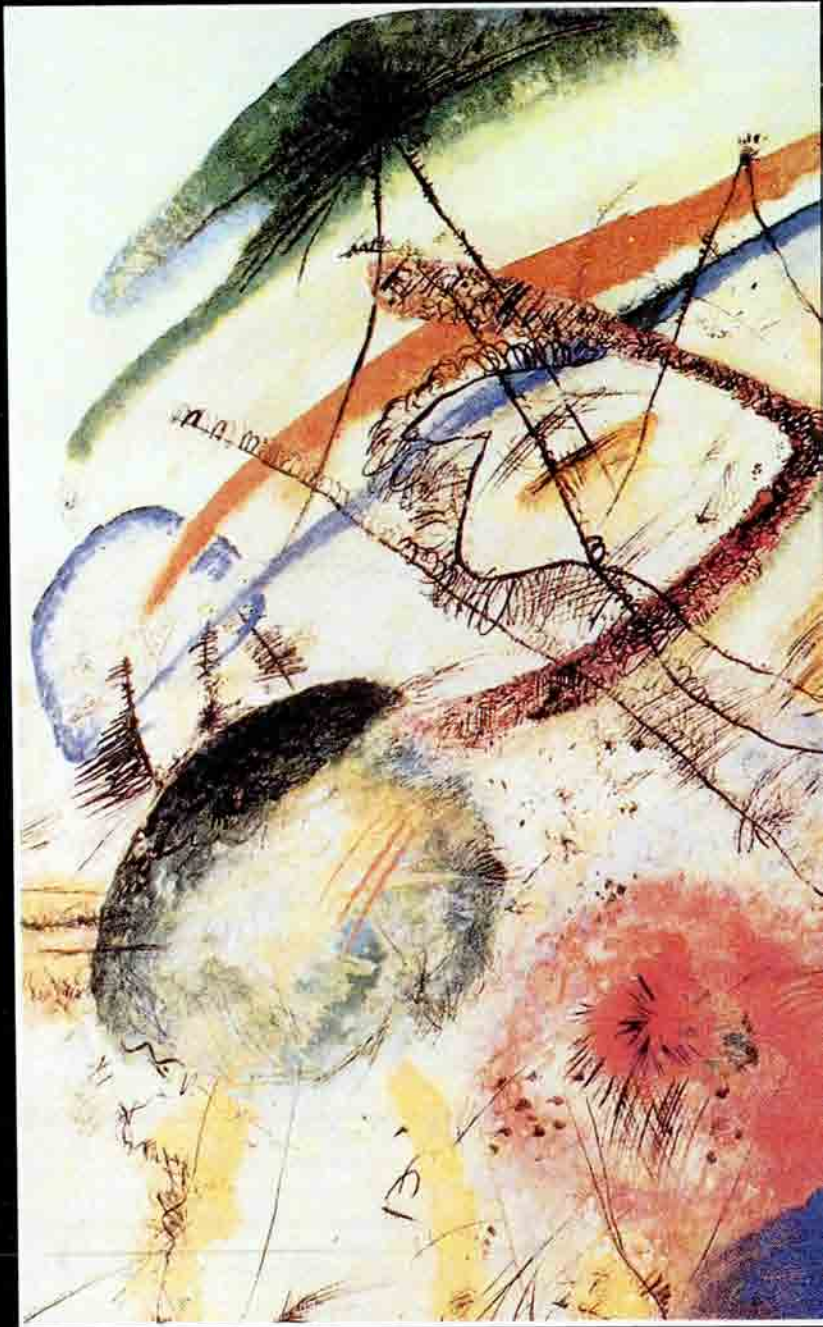
*Ахтырка.
Осень.*

Импровизация 35.

*Дама в золотом
платье.*

Черные линии.

Композиция VII.

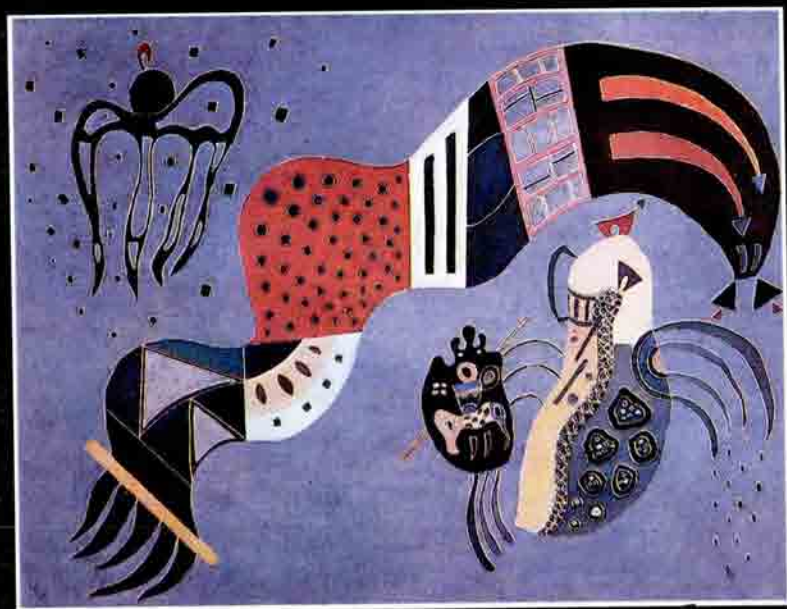

Небесная синь.

Сдержанный порыв.

голоском длинношейного паровичка, с визгом и погромыхиванием сонных колес и со старым крестьянином в бархатном жилете с большими филигранными серебряными пуговицами... Это была необыкновенная поездка — будто во сне. Мне казалось, что какая-то чудесная сила, вопреки законам природы, опускает меня все ниже, столетье за столетием в глубины прошедшего. Я выхожу из маленького (какого-то «ненастоящего») вокзала и иду лугом в старые ворота. Ворота, еще ворота, рвы, узкие дома, через узкие улицы, вытягивающие друг к другу головы и углубленно смотрящие друг другу в глаза, огромные ворота трактира, открывающиеся прямо в громадную мрачную столовую, из самой середины которой тяжелая, широкая, мрачная дубовая лестница ведет к номерам, узкий мой номер и застывшее море

ярко-красных покатых черепитчатых крыш, открывшееся мне из окна. Все время было ненастно. На мою палитру садились высокие круглые капли дождя. Трясаясь и покачиваясь, они вдруг протягивали друг другу руки, бежали друг к другу, неожиданно и сразу сливались в тоненькие хитрые веревочки, бегавшие проказливо и торопливо между красками или вдруг прыгавшие мне за рукав. Только раз за всю неделю на какие-нибудь полчаса выглянуло солнце... Не знаю, куда девались все эти этюды, и ото всей этой поездки осталась всего одна картина, написанная мною — уже по возвращении в Мюнхен — по впечатлению. Это «Старый Город». Он солнечен, а крыши я написал ярко-красные — насколько хватило сил.

В этой картине я охотился за тем часом, который был и будет

щая из уличной лужи белая пуговица, кусочек коры, которую тащит сквозь травы спешащий по своим делам муравей, «серьезный и строгий» запах скипидара в мастерской и, конечно, «переживание, рождаемое из тюбика выходящей краской», — все это наполнено смыслом бытия и, как чувствует художник, исполнено космических масштабов...

Вообще говоря, это впечатление космичности, беспредельности пространства и движения — первое впечатление, которое оставляют картины Кандинского едва ли не у каждого зрителя. Удивительно другое — создавались эти картины в то время, когда понятие «космос» было для человечества еще за пределами, не ставшим нашим бытом. Что ж, и о Циолковском по-настоящему вспомнили мы только в конце 50-х... Но, пожалуй, самое удивительное — все же другое. Это «другое» заключено в признании художника: «Особенно сильными впечатлениями были: Рембрандт в Петербургском Эрмитаже и поездка моя в Вологодскую губернию».

Примем «Рембрандта», что называется, на слово — человек, взявший в руки кисть, не помнить об открытиях великого голландца не может. Но то, что о «Вологодской губернии» говорит самый, быть может, европейский из русских художников, — конечно, чудо, в которое трудно поверить.

А не поверить, выходит, нельзя — именно здесь оказываются истоки самых значительных открытий Кандинского. Народная роспись в вологодских избах — на шкафах, поставках, прялках, — поразив, научила его тому, что живопись не двухмерная плоскость в раме, висящая на стене для созерцания зрителем, а живой, жизнедействующий мир, в который нужно входить, который обступает тебя, и сам ты становишься его частью... Это сначала поразившее художника открытие оказалось потом стремлением, к которому Кандинский долго и трудно шел, и чего — теперь мы видим это — он достиг.

Глубокий и поистине народный этот генезис художника, учившегося

самым чудесным часом *московского* дня. Солнце уже низко и достигло той своей высшей силы, к которой оно стремилось весь день, которой оно весь день ожидало. Не долго продолжается эта картина: еще несколько минут — и солнечный свет становится красноватым от напряжения, все краснее, сначала холодного красного тона, а потом все теплее. Солнце плавит всю Москву в один кусок, звучащий, как туба, сильной рукой потрясающий всю душу. Нет, не это красное единство лучший московский час. Он только последний аккорд симфонии, развивающей в каждом тоне высшую жизнь, заставляющей звучать всю Москву подобно *fortissimo* огромного оркестра. Розовые, лиловые, белые, синие, голубые, фишашковые, пламенно-красные дома, церкви — всякая из них как отдельная песнь — бешено-

зеленая трава, низкогудящие деревья, или на тысячу ладов поющий снег, или *allegretto* голубых веток и сучьев, красное, жесткое, непоколебимое, молчаливое кольцо кремлевской стены, а над нею, все превышая собою, подобная торжествующему крику забывшего весь мир аллилуйя, белая, длинная, стройно-серьезная черта Ивана Великого. И на его длинной, в вечной тоске по небу, напряженной, вытянутой шее — золотая глава купола, являющая собою, среди других золотых, серебряных, пестрых звезд обступивших ее куполов, Солнце Москвы.

Написать этот час казалось мне в юности самым невозможным и самым высоким счастьем художника.

Эти впечатления повторялись каждый солнечный день. Они были радостью, потрясавшей до дна мою душу.

живописи в Мюнхене, явственно зрим в его картинах. Об этом стоит подумать.

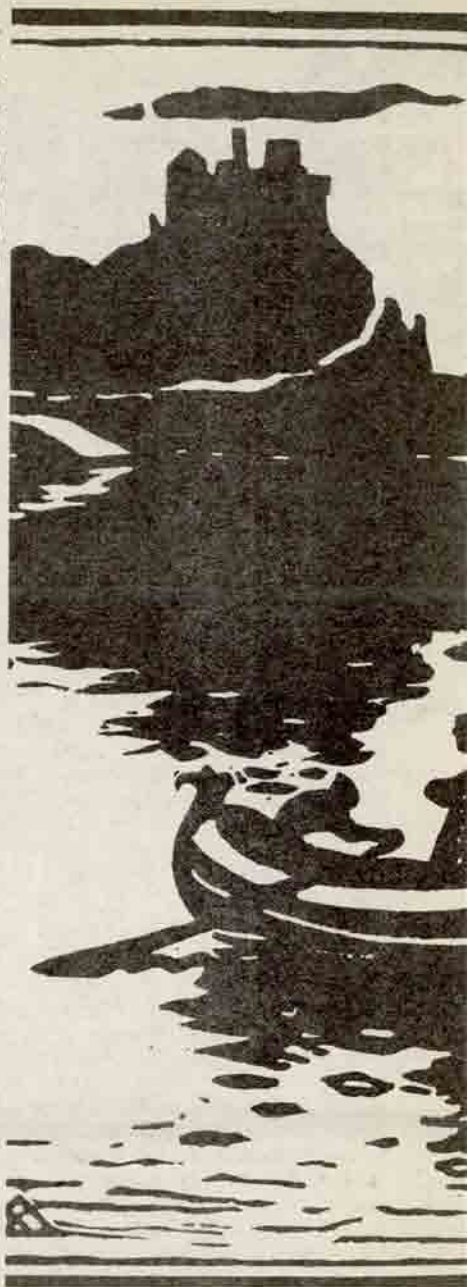
Стоит подумать об этом и применительно ко дню сегодняшнему. Какими беспомощно-карикатурными представляются уверения модных создателей «эпохальных» полотен или «салонных» портретистов, сделавших предметом своей живописи блистающих драгметаллом мундираносцев, но с любой трибуны толкующих, что «вышли» они не из Суриковского института, не из Репинской академии, а из русской иконы или народного лубка, и двинская прялка — их идеал. Присмотревшись же, увидим: ничем *народным* здесь не пахнет, пахнет модой на такого рода «откровения»... Но это другая тема, тоже, возможно, заслуживающая места в нашей рубрике, хотя бы уже потому, что само по себе понятие «живопись ХХ века» многолико. Сегодня же нам остается добавить небольшую, но весьма красноречивую деталь.

Официальное отношение к искусству Кандинского в недавние годы на его родине достаточно сегодня известно. Достаточно известна и всемирная слава художника в качестве родоначальника и предтечи тех путей нового искусства, которыми пошли крупнейшие мастера живописи нашего века. Тут, кажется, все ясно. Но стоит задуматься еще над одним фактом. Вернее, если и не ответить, то хотя бы поставить вопрос: почему искусство Кандинского вызвало столь лютую ненависть со стороны официальной пропаганды в нацистской Германии? Нет, мы не собираемся цитировать многочисленные высказывания фашистских идеологов 30—40-х годов. Скажем только, что не кто иной, как Адольф Гитлер, почитавшийся, как, впрочем, и все диктаторы, «крупнейшим знатоком» живописи, не обошел вниманием и нашего художника, «настоятельно рекомендуя» экспонировать картины Кандинского в рейхе на выставке с, видимо, им самим и придуманным названием — «Дегенеративное искусство». Добавить к этому, как говорится, нечего.

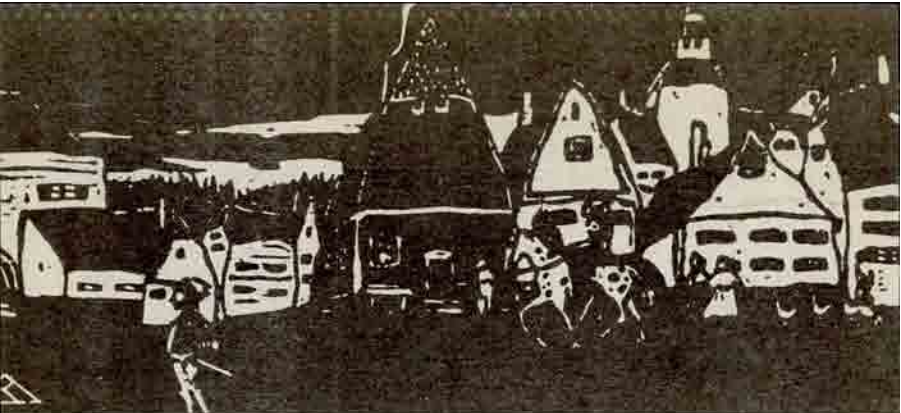
И одновременно они были и мучением, так как и искусство вообще и, в частности, мои собственные силы представлялись мне такими бесконечно слабыми в сравнении с природой. Должны были пройти многие годы, прежде чем путем чувства и мысли я пришел к той простой разгадке, что цели (а потому и средства) природы и искусства существенно, органически и мирозаконно различны и одинаково велики, а значит, и одинаково сильны. <...>

Эта разгадка освободила меня и открыла мне новые миры. Все «мертвое» дрогнуло и затрепетало. Не только воспетые леса, звезды, луна, цветы, но и лежащий в пепельнице застывший окурок, выглядывающая из уличной лужи белая пуговица, покорный кусочек коры, влекомый через густую траву муравьем в могучих его челюстях для неизвестных, но важных целей, листок стенного календаря, к которому протягивается уверенная рука, чтобы насильственно вырвать его из теплого соседства остающихся в календаре листков,— все явило мне свой лик, свою внутреннюю сущность, тайную душу, которая чаще молчит, чем говорит. Так ожила для меня и каждая точка в покое и в движении и явила мне свою душу. Этого было достаточно, чтобы «понять» всем существом, всеми чувствами возможность и наличность искусства, называемого нынче в отличие от «предметного» «абстрактным».

Но тогда, во времена моего студенчества, когда я мог отдавать живописи лишь свободные часы, я все же, вопреки видимой недоступности, пытался перевести на холст «хор красок» (так выражался я про себя), врывающийся мне

¹ Кандинский учился в ту пору на юридическом факультете Московского университета

в душу из природы. Я делал отчаянные усилия выразить всю силу этого звучания, но безуспешно, <...>

К тому же времени относятся два события, наложившие печать на всю мою жизнь. Это были: французская импрессионистская выставка в Москве — и особенно «Стог сена» Клода Моне — и постановка Вагнера в Большом театре — «Лоэнгрин».

До того я был знаком только с реалистической живописью, и то почти исключительно русской, еще мальчиком глубоко впечатлялся «Не ждали», а юношей несколько раз ходил долго и внимательно изучать руку Франца Листа на репинском портрете, много раз копировал на память Христа Поленова, поражался «Веслом» Левитана и его ярко писанным отраженным в реке монастырем и т. п. И вот сразу увидел я в первый раз картину. Мне казалось, что без каталога не догадаться, что это стог сена. Эта неясность была мне неприятна; мне казалось, что художник не вправе писать так неясно. Смутно чувствовалось мне, что в этой картине нет предмета. С удивлением и смущением замечал я, однако, что картина эта волнует и покоряет, неизгладимо врезывается в память и вдруг неожиданно так и встанет перед глазами до мельчайших подробностей.

Во всем этом я не мог разобраться, а тем более был не в силах сделать из пережитого таких, на мой теперешний взгляд, простых выводов. Но что мне стало совершенно ясно — это не подозревавшая мною прежде, скрытая от меня дотоле, превзошедшая все мои смелые мечты сила палитры. Живопись открывала сказочные силы и прелесть. Но глубоко под сознанием был одновременно дискредитирован предмет как необходимый элемент картины. В общем же во мне образовалось впечатление, что частица моей Москвы-сказки все же уже живет на холсте.

«Лоэнгрин» же показался мне полным осуществлением моей сказочной Москвы. Скрипки, глубокие басы и прежде всего духовные инструменты воплощали в моем восприятии всю силу предвечернего часа, мысленно я видел все мои краски, они стояли у меня перед глазами. Бешеные, почти безумные линии рисовались передо мной. Я не решался только сказать себе, что Вагнер музыкально написал «мой час». Но совершенно стало мне ясно, что искусство вообще обладает гораздо большей мощью, чем это мне представлялось, и что, с другой стороны, живопись способна проявить такие же силы, как музыка. И невозможность самому устремиться к отысканию этих сил была мучительна.

Одна из самых важных преград на моем пути сама рушилась, благодаря чисто научному событию. Это было разложение атома. Оно отозвалось во мне подобно внезапному разрушению всего мира. Внезапно рухнули толстые своды. Все стало неверным, шатким и мягким. Я бы не удивился, если бы камень поднялся на воздух и растворился в нем. Наука казалась мне уничтоженной: ее главнейшая основа была только заблуждением, ошибкой ученых, не строивших уверенной рукой камень за камнем при ясном свете божественное здание, а в потемках, наудачу и на ощупь искавших истину, в слепоте своей принимая один предмет за другой.

Уже в детские годы мне были знакомы мучительно-радостные часы внутреннего напряжения, часы внутренних сотрясений, неясного стремления, требующего повелительно чего-то еще неопределенного, днем сжимающего сердце и делающего дыхание поверхностным, наполняющего душу беспокойством, а ночью вводящего в мир фантастических снов, полных и ужаса, и счастья. Помню, что рисование и несколько позже живопись вырывали меня из условий действительности, то есть ставили меня вне времени и пространства и приводили к самозабвению. Мой отец рано заметил мою любовь к живописи

и еще в мое гимназическое время пригласил учителя рисования. Ясно помню, как мил мне был самый материал, какими привлекательными, красивыми и живыми казались мне краски, кисти, карандаши, моя первая овальная фарфоровая палитра, позже завернутые в серебряную бумажку угольки. И даже самый запах скипидара был такой обворожительный, серьезный и строгий, запах, возбуждающий во мне и теперь какое-то особое, звучное состояние, главным элементом которого является чувство ответственности. <...>

Дальнейшими особенно сильными впечатлениями моего студенческого времени были: Рембрандт в Петербургском Эрмитаже и поездка моя в Вологодскую губернию.

Рембрандт меня поразил. Основное разделение темного и светлого на две большие части, растворение тонов второго порядка в этих больших частях, слияние этих тонов в эти части, действующие двузвучием на любом расстоянии, открыли передо мной совершенно новые возможности, сверхчеловеческую силу краски самой по себе, а также — с особой яркостью — повышение этой силы при помощи сопоставления, то есть по принципу противоположения. <...> Но мне не было свойственно спокойно вводить за-

меченный прием в собственные работы. К чужим картинам я бессознательно становился так, как теперь становлюсь к природе: они вызывали во мне почтительную радость, но оставались мне все же чужими по своей индивидуальной ценности. С другой же стороны, я чувствовал довольно сознательно, что деление это у Рембрандта дает свойство его картинам, мною еще ни у кого не виданное. Получалось впечатление, что его картины длительны, а это объяснялось необходимостью продолжительно исчерпывать сначала одну часть, а потом другую. Со временем я понял, что это деление присваивает живописи элемент, ей будто бы недоступный, — время.

В писанных тогда мною картинах я пытался использовать этот элемент. Я написал всего три-четыре таких картины, причем мне хотелось ввести в каждую их составную часть «бесконечный» ряд от первого впечатления скрытых красочных тонов. Эти тона должны были быть первоначально (и особенно в темных частях) совершенно запрятыми и открываться углубившемуся, внимательному зрителю лишь со временем — вначале неясно и будто бы крадучись, а потом получать все большую и большую, все рас-

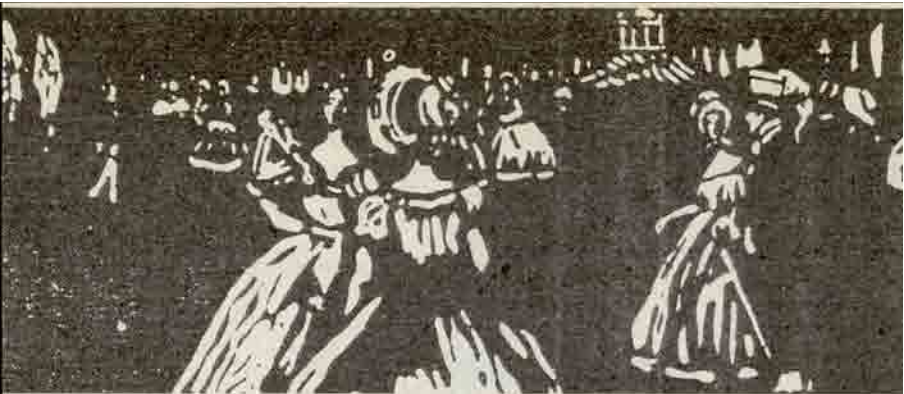
тушую, «жуткую» силу звучания. К великому моему изумлению, я заметил, что пишу в принципе Рембрандта. Горькое разочарование, болезненные сомнения в собственных силах, сомнения в возможности найти свои средства выражения охватили меня. Вскоре мне представились также и слишком дешевыми способы подобного воплощения моих в ту пору любимых элементов скрытого времени, жутко таинственного.

В ту пору я работал особенно много, часто до глубокой ночи, пока не овладевала мною усталость до физической тошноты. Дни, когда мне не удавалось работать², казались мне потерянными. При мало-мальски сносной погоде я ежедневно писал этюды. В дни разочарования в работе в мастерской и в композиционных попытках я писал особенно упорно пейзажи, волновавшие меня, как неприятель перед сражением, в конце концов бравший надо мною верх: редко удовлетворяли меня мои этюды даже частично, хотя я иногда и пытался выжать из них здоровый сок в форме картин. Все же блуждание с этюдником в руках казалось мне менее ответственным, нежели картинные мои попытки, уже и тогда носившие характер поисков в области ком-

² Будучи студентом юридического факультета и изучая право, Кандинский, кроме того, много занимается политической экономией и этнографией.

позиции. Самое слово композиция вызывало во мне внутреннюю вибрацию. Впоследствии я поставил себе целью моей жизни написать «Композицию».

С самого начала уже одно слово «композиция» звучало для меня как молитва. Оно наполняло душу благоговением. И до сих пор я испытываю боль, когда вижу, как легкомысленно зачастую с ним обращаются. При писании этюдов я давал себе полную волю, подчиняясь даже «капризам» внутреннего голоса. Шпахтелем я наносил на холст штрихи и шлепки, мало думая о домах и деревьях и поднимая звучность отдельных красок, насколько сил хватало. Во мне звучал предвечерний московский час, а перед моими глазами развевалась могучая, красочная, в тенях глубоко грохочущая скала мюнхенского цветового мира. Потом, особенно по возвращении домой, глубокое разочарование. Краски мои казались мне слабыми, плоскими, весь этюд — неудачным усилием передать силу природы. Как странно было мне слышать, что я утрирую природные краски, что эта утрировка делает мои вещи непонятными и что единственным моим спасением было бы научиться «преломлению тонов». Это было время увлечения рисунком Каррье́ра и живописью Уистлера. Я часто сомневался в своем «понимании» искус-

ства, старался даже насильственно убедить себя, заставить себя полюбить этих художников. Но туманность, болезненность и какое-то сладковатое бессилие этого искусства снова меня отталкивали, и я снова уходил к своим мечтам звучности, полноты «хора красок», а со временем и композиционной сложности.

Мюнхенская критика объясняла мое «красочное богатство» «византийским влиянием». Русская же критика (почти без исключения осыпавшая меня непарламентскими выражениями) находила, либо что я преподношу России западноевропейские ценности в разваленном виде, либо что я погибаю под вредным мюнхенским влиянием...

Склонность к «скрытому», к «запрятому» помогла мне уйти от вредной стороны народного искусства, которое мне впервые удалось увидеть в его естественной среде и на собственной его почве во время моей поездки в Вологодскую губернию. То, что я ехал совсем один, давало мне неизмеримую возможность беспрепятственно углубляться в окружающее и в самого себя. <...> Никогда не изглядят в памяти большие двухэтажные, резные избы с блестящим самоваром на окне. В этих-то необыкновенных избах я и повстречался впервые с тем чудом, которое ста-

ло впоследствии одним из элементов моих работ. Тут я выучился не глядеть на картину со стороны, а самому вращаться в картине, в ней жить. Ярко помню, как я остановился на пороге перед этим неожиданным зрелищем. Стол, лавки, важная и огромная печь, шкафы, поставцы — все было расписано пестрыми, размашистыми орнаментами. По стенам лубки: символически представленный богатырь, сражение; красками переданная песня. Красный угол, весь завешанный писаными и печатными образами, а перед ними краснотеплящая лампадка, будто что-то про себя знающая, про себя живущая, таинственно-шепчущая скромная и гордая звезда. Когда я наконец вошел в горницу, живопись обступила меня, и я вошел в нее. С тех пор это чувство жило во мне бессознательно, хотя я и переживал его в московских церквях, а особенно в Успенском соборе и Василии Блаженном. По возвращении из этой поездки я стал определенно сознавать его при посещении русских живописных церквей, а позже и баварских, и тирольских капелл. Разумеется, внутренне эти переживания окрашивались совершенно друг от друга различно, так как и вызывающие их источники так различно друг от друга окрашены: Церковь! Русская церковь! Капелла! Католическая капелла!

Я часто зарисовывал эти орнаменты, никогда не расплывавшиеся в мелочах и писанные с такой силой, что самый предмет в них растворялся.

Вероятно, именно путем таких впечатлений во мне воплощались мои дальнейшие желания, цели в искусстве. Несколько лет занимало меня искание средств для введения зрителя в картину так, чтобы он вращался в ней, самозабвенно в ней растворялся.

Иногда мне это удавалось: я видел это по лицу некоторых зрителей. Из бессознательно-нароচিতого воздействия живописи на расписанный предмет, который получает таким путем способность к саморастворению, постепенно все больше вырабатывалась моя способность не замечать предмета в картине, его, так сказать, «прозёвывать». Гораздо позже, уже в Мюнхене, я был однажды очарован в собственной моей мастерской неожиданным зрелищем. Сумерки надвигались. Я возвращался домой с этюда, еще углубленный в свою работу и в свои мечты о том, как следовало бы работать, когда вдруг увидел перед собой неописуемо прекрасную, пропитанную внутренним горением картину. Сначала я поразился, но сейчас же скорым шагом приблизился к этой загадочной картине, совершенно непонятной по внешнему содержанию и состоявшей исключительно из красочных пятен. И ключ к разгадке был найден: это была моя собственная картина, прислоненная к стене и стоявшая на боку. Попытка на другой день при дневном свете вызвать то же впечатление удалась только наполовину: хотя картина стояла также на боку, но я сейчас же различал на ней предметы, не хватало также и тонкой лессировки³ сумерек. В общем, мне стало в тот день, бесспорно, ясно, что предметность вредна моим картинам.

Страшная глубина, ответственная полнота самых разнообразных вопросов встали передо мной. И самый главный: в чем должен найти замену отринутый предмет? Опасность орнаментности была мне ясна, мертвая обманная

жизнь стилизованных форм была мне противна.

Часто я закрывал глаза на эти вопросы. Иногда мне казалось, что эти вопросы толкают меня на ложный, опасный путь. И лишь через много лет упорной работы пришел я к тем художественным формам, над которыми и которыми я теперь работаю и которые, как я надеюсь, получают еще гораздо более совершенный вид.

Очень много потребовалось времени, прежде чем я нашел верный ответ на вопрос: «Чем должен быть заменен предмет?..»

Никогда я не был в силах применять формы, возникавшие во мне путем логического размышления, не путем чувства. Я не умел выдумывать формы, и видеть чисто головные формы мне мучительно. Все формы, когда бы то ни было мною употребленные, приходили ко мне «сами собой»: они то становились перед моими глазами совершенно готовыми — мне оставалось их копировать, то они образовывались в счастливые часы уже в течение самой работы. Иногда они долго и упорно не давались, и мне приходилось терпеливо, а нередко и со страхом в душе дожидаться, пока они созреют во мне. Эти внутренние созревания не поддаются наблюдению: они таинственны и зависят от скрытых причин. Только как бы на поверхности души чувствуется неясное внутреннее брожение, особое напряжение внутренних сил, все яснее предсказывающее наступление счастливого часа, который длится то мгновения, то целые дни. Я думаю, что этот душевный процесс оплодотворения, созревания плода, потуг и рождения вполне соответствует процес-

³ Лессировка — один из приемов живописной техники, состоящий в нанесении очень тонких слоев прозрачных и полупрозрачных красок поверх высохшего плотного слоя.

су зарождения и рождения человека. Быть может, так рождаются миры. <...>

Лет тринадцати или четырнадцати на накопленные деньги я наконец купил себе небольшой полированный ящик с масляными красками. И до сего дня меня не покинуло впечатление, точнее говоря, переживание, рождаемое из тюбика выходящей краской. Стоит надавить пальцами — и торжественно, звучно, задумчиво, мечтательно, самоуглубленно, глубоко серьезно, с кипучей шаловливостью, со вздохом облегчения, со сдержанным звучанием печали, с надменной силой и упорством, с настойчивым самообладанием, с колеблющейся ненадежностью равновесия выходят друг за другом эти странные существа, называемые красками, — живые сами в себе, самостоятельные, одаренные всеми необходимыми свойствами для дальнейшей самостоятельной жизни и каждый миг готовые подчиниться новым сочетаниям, смешаться друг с другом и создавать нескончаемое число новых миров. Некоторые из них, уже утомленные, ослабевшие, отвердевшие, лежат тут же подобно мертвым силам и живым воспоминаниям о былых, судьбою не допущенных возможностях. Как в борьбе или сражении, выходят из тюбиков свежие, призванные заменить собою старые, ушедшие силы. Посреди палитры особый мир остатков уже пошедших в дело красок, блуждающих на холстах, в необходимых воплощениях, вдали от первоначального своего источника. Это мир, возникший из остатков уже написанных картин, а также определенный и созданный случайностями, загадочной игрой чуждых художнику сил. Этим случайностям я обязан многим: они научили меня вещам, которых не услышать ни от какого

учителя или мастера. Нередкими часами я рассматривал их с удивлением и любовью. Временами мне чудилось, что кисть, непреклонной волей вырывающая краски из этих живых красочных существ, порождала особое музыкальное звучание. Это было похоже на то, что можно было, наверное, испытывать в таинственной лаборатории полного тайны алхимика.

Как-то мне довелось услышать, что один известный художник выразился так: «Когда пишешь, то на один взгляд на холст должно приходиться полвзгляда на палитру и десять взглядов на натуру». Это было красиво сказано, но мне скоро стало ясно, что для меня эта пропорция должна быть другой: десять взглядов на холст, один на палитру, полвзгляда на натуру. Именно так выучился я борьбе с холстом, понял его враждебное упорство в отношении к моей мечте и наловчился насильственно его этой мечте подчинять. Постепенно я выучился не видеть этого белого, упорного, упрямого тона холста, а видеть вместо него те тона, которым суждено его заметить, — так в постепенности и медлительности выучивался я то тому, то другому.

Живопись есть грохочущее столкновение различных миров, призванных путем борьбы и среди этой борьбы миров между собою создать новый мир, который зовется произведением. Каждое произведение и технически возникает так, как возникает космос — оно проходит путем катастроф, подобных хаотическому реву оркестра, выливающемуся в конце концов в симфонию, имя которой — музыка сфер. Создание произведения есть мироздание.

Так сделались внутренними событиями душевной жизни эти впечатления от красок на палитре,

а также и тех, которые еще живут в тубиках, подобные могущественным внутренне и скромным на вид людям, внезапно в нужде открывающим эти до того скрытые силы и пускающие их в ход. Эти переживания сделались со временем точкой исхода мыслей и идей, дошедших до моего сознания уже по крайней мере лет пятнадцать назад... Мне становилось все яснее, что центр тяжести искусства лежит не в области «формального», но исключительно во внутреннем стремлении (содержании), повелительно подчиняющем себе формальное. <...> Еще один шаг — и я пришел к выводу, что весь основной смысл вопроса об искусстве разрешается только на базе **внутренней необходимости**, обладающей жуткой силой вмиг перевернуть вверх дном все известные теоретические законы и границы. <...>

Так постепенно мир искусства отделялся во мне от мира: природы, пока наконец оба мира не приобрели полную независимость друг от друга. <...>

Я чувствовал, что передо мною открывается тайна особого мира. Но не в силах было связать этот мир с миром искусства. Посещая старую Пинакотеку⁴, я видел, что ни один из великих мастеров не исчерпал всей глубины, красоты и разумности природной лепки: природа оставалась непобедимой. Временами мне чудился ее смех. Но гораздо чаще она представлялась мне отвлеченно «божественной»; она творила свое дело, шла своими путями к своим целям, исчезающим в далеких туманах, она жила в своем царстве, бывшем, как это ни странно, вне меня. В каком же отношении стоит к ней искусство? <...>

Развитие искусства, подобно

развитию нематериального знания, не состоит из новых открытий, вычеркивающих старые истины и провозглашающих их заблуждения (как это, *по видимости*, происходит в науке). Его развитие состоит во внезапных вспышках, подобных молнии, из взрывов, подобных «букету» фейерверка, разрывающемуся высоко в небе и рассыпающему вокруг себя разноцветные звезды. Эти вспышки в ослепительном свете вырывают из мрака новые перспективы, новые истины, являющиеся, однако, в основе своей не чем иным, как органическим развитием, органическим ростом прежних истин, которые не уничтожаются этими новыми истинами, а продолжают свою необходимую и творческую жизнь, как это неотъемлемо свойственно каждой истине и каждой мудрости. Оттого, что вырос новый сук, ствол не может стать ненужным: им обуславливается жизнь этого сука.

Это — разветвление исконного ствола, с которого «все началось». А дальнейшее разветвление, дальнейший рост и усложнение — не что иное, как необходимые ступени к могучей кроне: части и условия, в конце концов образующие дерево. <...>

Сам я никогда не чувствовал в своих вещах уничтожения уже существующих форм искусства: я видел в них ясно только внутренне логический и внешне органический неизбежный дальнейший рост искусства. Былое чувство свободы постепенно опять достигло моего сознания, и так рушились одно за другим побочные, не относящиеся к сущности искусства требования, которые я ему раньше ставил. Они падают к вящей пользе одного-единственного требования: требования — в ну-

⁴ Крупнейшая картинная галерея в Мюнхене.

тренней жизни в произведении.

Выключение предметности из живописи ставит, естественно, очень большие требования способности внутренне переживать чисто художественную форму. От зрителя требуется, стало быть, особое развитие в этом направлении, являющееся неизбежным. Так создаются условия, образующие новую атмосферу. А в ней, в свою очередь, много позже создастся чистое искусство.

<...>

После нашего уже упомянутого итальянского путешествия и после короткого пребывания в Москве, когда мне было лет пять, родители мои должны были переехать по болезни отца на юг, в тогда еще очень мало устроенную Одессу. Там я позже учился в гимназии, непрерывно чувствуя себя как бы временным гостем в этом нашей семье чуждом городе. Стремление вернуться в Москву нас никогда не оставляло. С тринадцати лет каждое лето ездил я с отцом, а восемнадцати переселился в Москву с чувством возвращения на родину. Мой отец родом из Нерчинска, куда предки его были сосланы по политическим причинам. Образование свое он получил в Москве и полюбил ее не менее, чем свою родину. Его душа сумела понять «московский дух», что с такой живостью выражается в каждой мелочи. Для меня истинное удовольствие слушать, как он перечисляет, например, с особой любовью старинные, ароматные названия «сорока сороков» московских церквей. В нем бьется, несомненно, живая жилка художника. Он очень любит живопись и в юности занимался рисованием, о чем всегда вспоминает любовно. Мне, ребенку, он часто рисовал. Я и сейчас хорошо помню его деликатную, нежную и выразительную линию, которая

так похожа на его изящную фигуру и удивительно красивые руки. Одним из его любимейших удовольствий всегда было посещение выставок, где он долго и внимательно смотрит на картины. Непонятное он не осуждает, а стремится понять, спрашивая всех, у кого надеется найти ответ. Моя мать — москвичка, соединяющая в себе все свойства, составляющие в моих глазах всю сущность самой Москвы: выдающаяся внешность, глубоко серьезная и строгая красота, родовитая простота, неисчерпаемая энергия, оригинальное сплетение из нервного и величественного спокойствия и самообладания, соединение традиционности и истинной свободы.

Москва: двойственность, сложность, высшая степень подвижности, столкновение и путаница отдельных элементов внешности, в последнем следствии представляющей собою беспримерно своеобразно единый облик, но все же в конечном счете — жизни, такой же своеобразно единой. Эту внешнюю и внутреннюю Москву я считаю исходной точкой моих исканий. Она — мой живописный камертон. Мне кажется, что это всегда так и было и что благодаря — с течением времени приобретенным — внешним формальным средствам я писал все ту же «натуру», но лишь форма моя совершенствовалась в своей большей сущности и в большей выразительности. Скачки в сторону, которые случались со мною на этом все же прямом пути, в общем результате не были для меня вредны, а различные мертвые моменты, в которые чувствовал я себя обессиленным, которые я считал иногда концом моей работы, бывали зачастую лишь разбегом и набиранием внутренних сил, новой ступенью, обуславливавшей дальнейший шаг.

ЧИТАТЕЛЬ-«СМЕНА»-ЧИТАТЕЛЬ

Я постоянный ваш читатель с 1979 года. Пишу от имени своего отца, инвалида I группы (он почти не ходит), прошу помощи. Раньше отец жил в деревне, потихоньку занимался огородом, но потом дом сломали (расширялся свинокомплекс), он переехал в Москву и оказался не у дел. А ему хотелось работать. Я обратился в бюро по трудоустройству Кировского района, но меня послали в райсобес. Назначили втэковскую комиссию, которая по справкам заочно решила, что мой отец работать не может. И вот сидит он теперь на кровати целыми днями и переживает. От переживаний у него на теле стали появляться нарывы. А ведь несколько лет назад ему предоставляли работу — он клеил коробочки. Была хоть какая-то радость в жизни больного человека, ощущение, что он еще кому-то нужен. Болен отец уже тридцать лет.

Сейчас много пишут и говорят о милосердии к инвалидам, о доброте. Я же, пока бегал со справками, сам обозлился до того, что хотелось иной раз дать хорошенько по самодовольным рожам. Да что им до чужой боли! Когда выдавали заключенные комиссии, главврач с ухмылкой сказал, что такие рабочие

руки не нужны. Но ведь руки у него сильные, это ноги больные. Вот я и думаю, справедливы ли поступили с ним? И можно ли пробиться через эту бумажную стену? Где же наша гуманность? Где милосердие?

Отец и сын ПОЗДНЯКОВЫ
127549, Москва,
Алтуфьевское шоссе, 56, кв. 20

В этом году мой сын окончил вспомогательную школу, но еще раньше мы с мужем стали думать, а где можно было бы продолжить его образование. Единственной надеждой, конечно, была вечерняя школа. Но директор школы нам сказал, что еще два года назад было постановление: не брать детей из вспомогательной школы в вечернюю. Я хочу спросить: кому это было нужно, кто принял это постановление, как теперь быть нам и нашим детям?

Т. А. ДРАНИЦЫНА,
Вологда

СЕРГЕЙ УСТИНОВ

КТО НЕ СП

Рисунки ИГОРЯ ГОНЧАРУКА

РЯТАЛСЯ...

Скользя сон мне казалось, что я слышу, как дед шлепает по квартире. Скрипела дверца холодильника, громыхал чайник. Жалко деда, привычно подумал я, зарываясь глубже в теплое одеяло, помирает дед. Три недели назад, когда дозвонилась до меня тетя Настя и сообщила, что дело плохо, а ухаживать некому, я взял месяц за свой счет и прилетел. Месяца хватит, вздохнув для приличия, деловито сказала по телефону тетя Настя, онколог говорит — в любую минуту...

Я поднес к самым глазам руку с часами, сонно пытаюсь определить, что показывает светящийся циферблат. Половина седьмого. Февральская темень за окном. Вздохнул, перевернулся на другой бок и вдруг понял, что совершенно не сплю, а лежу, затаив дыхание и напряженно прислушиваясь. Дед помер три дня назад, а вчера мы его похоронили.

Осторожно, стараясь не скрипнуть пружинами, я сел на кровати. В прихожей горел свет. Я на цыпочках вышел в коридор и остановился на пороге кухни. За столом, положив локти на клеенку, сидел Валиулин и прямо из банки ел консервированного лосося. Выпуклые стекла его очков приветственно сверкнули, и он с набитым ртом сделал жест рукой, как бы приглашая меня разделить с ним трапезу. Валиулинское круглое лицо, крепкое и скуластое, как антоновское яблоко, выражало максимум доброжелательности. Но, стоя в одних трусах босиком с поджатыми на холодном полу пальцами, я чувствовал, как меня охватывает раздражение. «Незаконное вторжение в квартиру, — сказал я хмуро. — Давно кодекс не перечитывал?» Проглотив кусок, он радостно хихикнул: «Двери запирать надо!»

Я еще постоял, посмотрел на него в упор, но ни черта больше не высмотрел на его физиономии и пошел за тапочками, по дороге прихватив из ванной халат. Когда я вернулся, Валиулин, пыхтя и отдуваясь, пил чай из большой дедовской кружки. Сев на табуретку напротив него, я как мог более холодно поинтересовался: «Чем обязан?»

От чая у Валиулина запотели очки, он снял их, стал протирать мятым, не слишком свежим платком. Его маленькие близорукие глазки покраснели, в уголках стояла влага. «Да вот... Ехал мимо. Дай, думаю, загляну поболтать...» «Понятно, — кивнул я. — Полседьмого утра — самое времечко. Для светских визитов». «Сам знаешь, какая работа, — простодушно развел руками Валиулин, не желая замечать моей иронии. — Заехал, значит, а ты того... Спишь. Решил: чего будить? Поем пока...»

Тот, кто плохо знает Валиулина, может, и купился бы. Но я, слава Богу, знаком с ним лет десять. И ни на секунду не усомнился, что он неспроста строит тут из себя валенка, что у него ко мне дело. А я никаких дел иметь с ним не желал. Вообще разбуженного спозаранку человека легче легкого привести в раздражение. Явился под утро бывший начальник, заметьте, незванный, морочит голову, а ты сидишь перед ним недопроснувшийся, полуодетый и должен почему-то его слушать. «Простой ты, Валера, как этот стол, — сказал я откровенно

зло.— Заехал поболтать, заодно поел. Мы с тобой, между прочим, два года не виделись. И запросто можем еще двадцать два не увидеться».

Он по-птичьи наклонил голову набок, словно приценивался ко мне, как к товару в витрине, и вдруг спросил: «А что, обратно не тянет?» В груди у меня похолодело. Вот гад-то, подумал я. Уж в чем не могло быть сомнений, так это в том, что Валиулин ввалился ко мне с утра пораньше не за тем, чтобы звать меня на работу. «Не тянет», — отрезал я, очень надеясь, что голос у меня при этом железный, а лицо каменное. «Неужели все еще дуешься?» Тут уж я не удержался, хмыкнул: «Хорошее ты слово нашел. Точное. Именно так: дуюсь!» «Зря, — сообщил он, подумав немного. — Другой на твоём месте спасибо сказал бы. Тебя ж фактически из тюрьмы вытащили. Нехорошо. Неблагодарно». «Вытащили? Из тюрьмы?» — Я попытался заглянуть ему в глаза, чтобы понять, насколько серьезно он говорит, но ничего, кроме сверкания стекол, не увидел. И, решив не заводить опять старую пластинку, махнул рукой: «Ты не хуже меня знаешь, что я был ни в чем не виноват». Валиулин хохотнул: «А ты думаешь, в тюрьме одни виноватые сидят?»

Мне надоел этот глупый бессмысленный разговор. Демонстративно зевнув, я вяло пожал плечами: «Довольно странное рассуждение для зам. начальника отдела МУРа». «Начальника, — поправил он меня. — Странное рассуждение для начальника отдела». «Вон чего. А Макарыч, значит...» Валиулин удрученно развел руками: «На пенсии. Возраст, возраст...» «Молодец, — похвалил я его. — Растешь. Может, еще и генералом станешь. Давай говори, что нужно, я дальше спать пойду».

Валиулин посмотрел на меня удивленно, будто я сморозил глупость, и сказал: «Так ведь я и спрашиваю: обратно не тянет?» Я молчал. Я не знал, что говорить. Тянет? Не тянет? «В розыск?» — выдал я из себя, с ужасом ощущая, что нет в моем голосе железа, а лицо совершенно некаменное.

Валиулин помотал головой: «Сразу в розыск нельзя. Не поймут».

И тут я страшно разозлился. На Валиулина. На себя. На весь мир. Кто это не поймет? Кому надо, все прекрасно понимает, а если не понимает — значит, не хочет. Формулировочки. Я встал, гордо запахнул старый дедовский халат, сказал с достаточной, как мне казалось, издевкой: «У вас что, недобор в постовые на вахте? Так я вообще-то не безработный. Я вообще-то юриконсульт на большом заводе. У меня, между прочим, квартальные и тринадцатая...» «Сядь, не ерепенься, — неожиданно жестко сказал Валиулин, и я чуть было по привычке не выполнил приказ, но в последний момент гордо остался стоять. — Тебе что-нибудь говорит такая фамилия — Зиняк?» Я механически кивнул.

Со времени моего приезда мне приходилось слышать ее чуть не каждый день. В очередях, на лавках перед подъездом говорили о Зиняке, даже вчера на дедовских поминках рассказывали какие-то новые ужасные подробности. Зиняк был участковым в здешнем микрорайоне и жил с женой и двумя дочками в соседней «хрущобе», на первом этаже. Сейчас история, как

положено, обросла немыслимыми деталями, но если их отбросить, произошло, видимо, вот что. Зиняк после рабочего дня ужинал с семьей и вдруг увидел в окно, что из подъезда дома напротив выходят трое неизвестных ему мужчин с сумками и чемоданами. Как был, прямо в тренировочном костюме, он выскочил на улицу. Что там произошло дальше, точно установить трудно: как на грех свидетелей в этот час рядом не оказалось. Но можно предположить, что Зиняк попытался остановить неизвестных, те побежали. Судя по следам, оставшимся на месте происшествия, он догнал одного из них, они сцепились, упали, стали бороться в снегу, и тут, вероятно, вернулся один из тех, что успели убежать, и ударил Зиняка ножом в спину. За углом их ждала машина — кто-то запомнил, что тем вечером там стояли «Жигули» с погашенными огнями, но на номер, конечно, внимания не обратили. Даже цвет не разглядели толком, потому что автомобиль стоял в тени дома, в неосвещенном месте, и был к тому же, как показалось свидетелю, весь залепан грязью.

Зиняк умер не сразу. Он сумел подняться и пошел вперед, через сквер. Надо думать, он хотел добраться до дорожки, идущей от метро, на которой всегда есть люди, но сделать этого не смог. Его нашли в десяти метрах от нее часа через полтора. Уже мертвого.

«Ну, раз говорит, — вздохнул Валиулин, — тогда я тебе еще кое-что порасскажу. Да ты садись, садись...» И я сел.

145
«Дело в том, что квартирка, которую в тот вечер обнесли, была выбрана не случайно, а по наводке. Почему я так думаю? Потому что, во-первых, пришли тогда, когда хозяева были в отъезде. — Валиулин загнул один палец. — Во-вторых, все соседи по площадке находились дома, но в дверь им никто не звонил, стало быть, работали не обходом, а точно знали, куда идут. В-третьих, в квартире два довольно сложных финских замка, но их не ломали, а открыли отмычками, причем с минимальными повреждениями — значит, опять-таки были готовы. В-четвертых, взяли много, даже очень, но в комнатах почти ничего не перевероршили: знали, где что лежит. В-пятых, действовали спокойно, неторопливо, сначала зашторили в квартире все окна, а там, где штор не хватало, занавесили специально принесенными с собой плотными тряпками, потом, как видно, зажгли свет и, не суетясь, отобрали и упаковали все, что хотели».

Валиулин загнул все пять пальцев и повертел передо мной плотно сжатым кулаком. «Ну как, достаточно?» Я пожал плечами: «Скорее всего — да, по наводке, но для полной уверенности...» «А для полной уверенности, — перебил меня Валиулин, — есть шестой пальчик! — И тут же этот пальчик продемонстрировал. — За последние одиннадцать месяцев в Москве совершено семнадцать аналогичных краж: все, как одна, из богатых квартир, в отсутствие хозяев в городе, с подбором ключей, а главная деталь — с этими тряпками на окнах».

«Ничего не понимаю, — удивился я. — Семнадцать краж! Да если грамотно поработать с потерпевшими...»

«Ты нас за дураков-то не держи, — снова перебил Валиулин. —

Работали, не сомневайся. Только ни черта не наработали. По-терпевшие — Ноев ковчег какой-то, от профессоров до фарцовщиков. Половина друг друга просто знает, с другой половиной есть общие знакомые или знакомые знакомых... Короче, такая каша! Мы тут список составили, человек семьдесят, все по большей части солидные уважаемые люди, а тебе потом его дам...» Он еще что-то говорил, объяснял про этих людей, про этот список, но я его не слышал, у меня словно уши заложило. «Погоди,— остановил я его,— да погоди ты! Мне-то он на кой, твой список?»

Валиулин замолчал, зачем-то снова снял очки, но протирать их не стал, просто повертел в руках, будто раздумывая, нужна ли ему эта вещь. Решил, очевидно, что нужна, и со вздохом водрузил на место.

«Семь краж из семнадцати совершены в вашем районе, на территории одного отделения. Три из них — в микрорайоне, который обслуживал Зиняк. Я хочу, чтобы ты пошел на его место». «А почему меня? — спросил я недоверчиво. — Что, нельзя кого-нибудь из ребят откомандировать?» «Можно,— покладисто согласился Валиулин. — Только шила-то в мешке не утаишь! Где гарантия, что тот, кому надо, не пронюхает, что новый участковый еще вчера был сыщиком в МУРе? А если пронюхает, сам понимаешь, какой будет результат... Ты — совсем другое дело! Ты здесь родился и вырос, многих знаешь, тебя знают — раз. — Он по своей манере принялся загибать пальцы. — Известно, что пару лет назад тебя выперли из органов...»

При этих словах я почувствовал, как щеки мои непроизвольно заливаются краска. Мысль вертелась в голове почему-то одна: дурак ты, Валиулин, разве так людей уговаривают?! А он тем временем невозмутимо продолжал загибать свои короткие, толстые пальцы: «...так что ничего удивительного в глазах людей не будет, что ты туда снова попросился, ну, тебя и взяли пока с понижением — два». «Да не прошусь я!» Было действительно в валиулинском предложении что-то унижительное. Зовут, когда понадобился... «Не просишься,— мягко подтвердил Валиулин. — Я тебя прошу. Мы просим. И, наконец, три: ты хороший сыщик».

«Если хороший, что ж вы дали меня сожрать?» — поинтересовался я язвительно. Но Валиулин только плечами дернул и ничего не ответил, сочтя, как видно, вопрос риторическим — раз, к данному делу не относящимся — два.

«Ну ладно,— сказал я после паузы, убедившись, что в этом направлении разговор развиваться не будет. — А вы сами себе голову не морочите? У нас в районе полным-полно дорогих кооперативов вперемежку с домами для начальников. Престижный у нас райончик! Чего ж удивляться, что тут как раз и воруют?» «Семь,— проникновенно произнес Валиулин, подливая себе в кружку остывшего чая. — Семь из семнадцати. Тут не надо быть Эйнштейном...» «Допустим,— продолжал я упрямиться. — Но при чем здесь участковый? Участковый — это всего домов пятнадцать — двадцать. Может, в то же отделение,

да своего человека сыщиком, а?» «Три,— уже не проникновенно, а укоризненно, как непонятливому ребенку, почти пропел Валиулин.— Три из семи на территории Зиняка. И если сыщик будет шастать по домам с расспросами, тот наверняка насторожится. А что участковый ходит — так это его работа!» «Значит,— подытожил я,— ты считаешь...» «Ага,— кивнул с готовностью Валиулин.— Наша контора, правда, компьютером еще не обзавелась, но по старинке, на глазок... Очень много шансов, что наводчика надо искать где-то здесь».

2

Я сидел в углу и листок за листком читал доставшийся мне в наследство небогатый архив. Зиняк не любил запятых, мысль его была пряма. «Мною участковым инспектором Зиняком Г. Г. около 23 часов в квартире № 6 дома № 14 по Воробьевскому переулку обнаружены двое мужчин в состоянии опьянения без документов. Проживающая в квартире Муралева Е. В. нецензурно угрожала и оставлена дома будучи мать малолетнего ребенка». Но по большей части в папках были жалобы участковому от населения, а иногда следующие за ними объяснения тех, на кого жаловались. Кто-то пил, кто-то лупцевал жену, кто-то резал соседу обивку на двери. Все это была теперь моя работа.

Когда я сварливо заметил Валиулину, что, кроме поиска иголок в стоге сена, у участкового своих дел по горло, он только пожал плечами: «Две зарплаты я тебе обещать не могу».

Впрочем, к этому моменту ему уже было ясно, что я согласен. Все как-то разом совпало: смерть деда, моя комната в общежитии для молодых и не очень молодых специалистов, где я за два года изучил все узоры на обоях, предрассветный Валиулин в роли Сирены. Одним словом, тоска по ностальгии.

«Езжай на свой завод, увольняйся,— сказал он мне на прощание,— вернешься в Москву, подавай документы в кадры, все будет нормально. Чем быстрее начнешь работать, тем лучше. Только одно условие: о том, что ты делаешь для нас, никому ни слова». «То есть,— удивился я.— Даже в отделении?» Валиулин со скорбным видом пожевал губами и кивнул: «Даже в отделении. Мы ведь с тобой про него ничего не знаем. Кто он, что, какие связи, какие возможности? А береженого Бог бережет...»

Из того, что осталось мне от Зиняка, цельная картинка местных нравов не склеивалась. Это были какие-то незавершенные отрывки из чужих драм, клочки страстей. К тому же я нашел всего два заявления от жильцов тех домов, которыми интересовался Валиулин. Рогачевский Борис Константинович, персональный пенсионер, жаловался на Соколкова, соседа сверху, ведущего антиобщественный образ жизни: у него что ни день допоздна сидят гости, стучат каблуками, двигают у пенсионера над головой мебель, а уходя, хлопают лифтом. Еще гражданка Брыль Е. Ф. сообщала властям, что из ее почтового ящика два раза за один месяц пропадал «Огонек». Не густо, а ведь надо с чего-то начинать.

В замке завозились ключом (я закрылся, чтоб не мешали),

стало быть, появился оперуполномоченный угрозыска Валя Дыскин, тоже доставшийся мне в наследство,— они с Зиняком работали в паре. Отворилась дверь, он стоял в проеме боком, делая энергичные приглашающие жесты и говоря:

— Заходи, красавица!

С порога шагнул в кабинет и, ссутулясь, остановился посреди прохода мужчина с сиреневым лицом. Вглядевшись, я подумал, что он мог бы работать в медицинском институте, демонстрируя студентам, как проходят у человека лицевые сосуды: все они отчетливо проступали на его физиономии, похожей на контурную карту. Маленький вихрастый Дыскин легонько подтолкнул его в спину:

— Садись вот сюда. Эта болезнь на ногах не переносится.

— Какая еще болезнь? — насторожился сиреневый, но Дыскин не ответил, а шустренько бочком протерся между ним и краем стола, плюхнулся на стул, загромыхал ящиками, зазвенел ключами, заскрипел дверцей сейфа. Перед ним на столе возникла стопка чистой бумаги и тонкая коричневая папочка «Дела».

— Давай, быстренько, нет у меня на тебя времени,— сказал он, нетерпеливо тыча пальцем в свободный стул, и мужчина покорно на него опустился. Левый локоть когда-то черной, а сейчас серой от грязи и времени стеганой куртки был разорван, жеванные коричневые штаны бахромелись по низу. На фоне общей тусклости только его лицо, как керосиновое пятно в луже, переливалось всеми оттенками, вплоть до фиолетового.

Дыскин раскрыл папочку.

— Вот какая неприятная история,— начал он с эпической интонацией,— приключилась вчера в квартире 60 дома 21 по 2-й Власьевской. Кражонка вышла. Мелкая, конечно,— добавил он, испытующе вглядываясь в мерцающее перед ним пятно,— но — кража! В связи с этим прискорбным фактом вопрос: есть у вас, гражданин Парапетов, что-нибудь сообщить правоохранительным органам?

— Я, что ли, украл? — сипло поинтересовался мужчина.

— Да разве я сказал, что ты? — удивился Дыскин.— Я спросил: есть, что сообщить, или нет?

— Нету... — помотал головой Парапетов.

— На нет — суда нет,— согласился Дыскин.— Пойдем дальше. Знакомы ли вы с Клоповым Сергеем Леонидовичем?

Парапетов молчал.

— Ну, смелее, смелее,— подбодрил его Дыскин.— Вы ж в одном подъезде живете! Неужто забыл? Высокий такой, чернявый!

— Знаком,— выдал из себя Парапетов.

— Какие у вас с ним отношения? Дружеские?

— Вроде того...

— Выпиваете иногда вместе, да?

— Бывает... Чего уж там... — махнул рукой Парапетов, глядя в сторону.

— Ну и хорошо,— радостно подытожил Дыскин,— ну и замечательно! У меня лично больше вопросов нет. Вот вам бумага, вот ручка, напишите объяснение. Здесь удобно? А то сюда пересядьте.

Парапетов взял ручку, занес ее над листом бумаги и застыл.

— А... как писать-то?

— Вот те раз,— огорчился Дыскин.— До сорока лет дожил детина, не умеет объяснение написать! Впервой тебе разве?

— Я в смысле...— голос у Парапетова вдруг сел, он прочистил горло.— В смысле, про что писать-то?

— Не знаешь? — удивился Дыскин.— Ну, давай я тебе помогу. Пиши: «Начальнику отделения майору милиции Голубко В. З. от Парапетова Михаила Антоновича, проживающего...» Адрес свой не забыл? Давай. Написал? Пиши дальше: «Работающего...» Ты где сейчас работаешь? — вдруг участливо поинтересовался он.

Парапетов тяжело вздохнул.

— Понятно. Пиши: «В настоящее время нигде не работающего. Объяснение». Написал? Поехали дальше. С красной строки: «С ранее судимым Клоповым С. Л. я знаком с детства, живем с ним в одном подъезде. Отношения между нами дружеские, иногда вместе выпиваем, но...» Поставь запятую перед «но». Поставил? «...но мне ничего не известно о том, что в конце марта сего года Клопов менял бачок в туалете квартиры Горновых и похитил при этом с гвоздя возле вешалки ключ от входной двери». Точка. «Я ничего не знаю о том, что 2 апреля он тайно проник в квартиру Горновых в отсутствие хозяев и вынес оттуда радиоприемник «Маяк», восемь книг разных наименований и бутылку грузинского коньяка». побыстрей пиши, побыстрей! Чего заснул? «Я не распивал этот коньяк вместе с Клоповым и не продавал радиоприемник возле магазина «Гастроном» по Большому Сытинскому проезду...» Что с тобой, Миша?

Парапетов прекратил писать и сидел, почесывая другим концом ручки в коротких и жестких, давно не мытых волосах.

— Застукали, значит...— протянул он тоскливо.

— Выходит, так,— подтвердил Дыскин.

— Только я в квартиру не ходил, Валентин Петрович,— сложил умоляюще руки Парапетов.— Хотите верить, хотите нет...

— Верю,— кивнул Дыскин.— Потому что ты трусоват.— При этих словах Парапетов радостно закивал.— Да и вдвоем вы бы небось побольше утащили. Так что самое время вам сейчас, гражданин Парапетов, искренне раскаться.

Он смял в комок лист с «объяснением» и ловко кинул его в корзину через всю комнату.

— Бери бумагу, иди в коридор, там есть стол. Напишешь сверху: «Чистосердечное признание». А дальше все подряд...

Когда Парапетов ушел, я спросил с любопытством:

— Кто их там видел?

— А никто,— легко ответил Дыскин.— Как мне заявление про кражу принесли, я сразу: ключ в тайнике друг другу оставляете? Нет. А запасной где? В прихожей висел. Кто из посторонних был за последнее время в квартире? Клопов, бачок менял! Ну, все ясно. А где Клопов, там и Парапетов. Клопов тертый, черт, я и начал с дружка его.

— А как ты узнал, что они приемник у «Гастронома» продавали?

— Где ж еще? — удивился Дыскин. — Там винный, около него что хочешь купить-продать можно. Ну как, ловко?

— Ловко, — согласился я. — Потому что он дурак стоеросовый. Мог запросто отпереться: приемник продавал, а что краденый — не знал. И на коньяке тоже не написано. Презумпция невиновности.

— Презумпция... — проворчал Дыскин. — Ему и так ни черта не будет, откажут за малозначительностью. А с умным я бы и разговаривал по-другому. Умные приемники «Маяк» не воруют. Они вон у Таратуты, архитектора, на четырнадцать тысяч вынесли, шестой месяц ищем...

Мне показалось, что он слегка обиделся. Но и я тоже хорош, что за дурацкий у меня характер! Ну, хочет человек, чтоб его похвалили — так похвали! Самому, что ли, не нравится, когда тебя хвалят? Я быстренько сменил тему и деловито поинтересовался:

— Много «висяков» сейчас на нашей территории?

Судя по всему, этот вопрос не поднял Дыскину настроения. Он длинно вздохнул.

— Смотри как считать. Если автомобильные дела отбросить, то выйдет семь. Одно убийство и шесть крупных квартирных, из них три — с этими трясками, слышал, наверное?

Я кивнул неопределенно: дескать, краем уха.

— Ну тогда сам понимаешь, их по городу целая серия, они только формально на нас висят, а плотно ими ваши муровские занимаются. Они теперь землю роют, особенно после того, как Гришу убили. — Без особого пиетета к «муровским» он скептически помотал своей вихрастой башкой. — Целый список составили, человек аж в сто! А толку? Ни фиги! Да даже если б они вычислили кого надо, что с ним делать? Колоть, как Парапетова? Так ты правильно говоришь, он дубина, а если тот поумнее окажется? Вычисления... Эти вычисления прокурор своей колотушкой штемцеловать не станет, ему доказательства подавай. А где они, доказательства? Те ребята, что молотят квартиры, скорее всего прямого отношения к терпилам не имеют, может, и фамилию не знают, а кто наводит, если у него хоть капля мозгов есть, дома ворованного не держит. Начни его прижимать — он концы в воду и на дно, в песочек. Ох, домудрятся они там, на Петровке! — закончил он с осуждением и добавил: — Мудрилы...

— А ты что предлагаешь? — спросил я.

— Меня не больно спрашивают, — иронически ухмыльнулся Дыскин. — А предлагаю я: ждать! Как учит нас наука криминалистика, преступник всегда оставляет след, а профессор Дыскин, — он ткнул себя пальцем в грудь, — делает из этого вывод, что ежели мы этот след сейчас не нашли, найдем в следующий раз! Или их самих засекут, или автомобиль ихний, или из вещей чего-нибудь выплывет.

На этот раз я промолчал. В конце концов в отделении я всего второй день, и не мне напоминать Дыскину про погибшего Зиняка, с которым они, говорят, дружили. Я промолчал, хотя мне и было что сказать.

Я подумал, что лучше всего, наверное, осторожный план Валиулина, но вслух не высказался, разумеется. Интересно, почему он все-таки просил меня молчать даже здесь?..

Через дверь было слышно, как в коридоре затрещало, зашелестело — включился динамик. Прокашлявшись, он сообщил:

— Участковый Северин, зайдите к дежурному.

Я торопливо поднялся.

— Ну, началось,— констатировал Дыскин, добавив обнадеживающе:— И теперь уж никогда не кончится.

Навалившись грудью, окошко загораживал крупный мужчина в шапке «пирожком». Поэтому я толкнул дверь и прошел прямо в дежурную часть. Дежурный по отделению Калистратов страдальчески объяснял:

— Ну, ни при чем тут милиция, понимаете? Ни при чем! Что я должен, по-вашему, сделать? Броневик туда послать? Нет у меня броневика.

— Вы власть,— возмущенно шипел мужчина, норовя просунуть голову в самое окошко, но ему мешал «пирожок». — А они натуральные хулиганы!

— Хулиганов вы не видали,— с непонятным сожалением вздыхал Калистратов.— Вам сказали: обращайтесь в торг. А я не могу заставить магазин выдать жалобную книгу. Это не в моей компетенции.

— Где ваш начальник? — загремел мужчина грозowymi раскатами.

— Второй этаж налево, комната двенадцать,— с видимым облегчением быстро ответил дежурный. И тут же повернулся ко мне:

— Ляпуновская, 6. Стекланный дом, знаешь?

Я кивнул.

— Домууправ звонил, заливаает квартиру сорок, совсем залило. А наверху, видать, дома никого нет. Они хотят вскрыть дверь, давай поприсутствуй, и если надо будет, все оформи.

Стекланным домом называют у нас кооператив «Луч», кажется, самый старый в округе. Подмяв под себя несколько глухих и полудослепших деревянных домиков с заросшими палисадниками, его десятиэтажный корпус из светлого силикатного кирпича вырос здесь в середине шестидесятых предвестником будущих перемен. Он сразу занял господствующее над местностью положение, потеснив в правах моего «желтовского» (или «жилтовского», как говорили давно забывшие, откуда идет название, местные жители), подковообразную семиэтажку, еще до войны построенную знаменитым архитектором: с эркерами, полукруглыми стрельчатыми окошками и прочими излишествами. Впрочем, они недолго соперничали, слобода наша стремительно застраивалась. Пройдясь гигантским пылесосом, время засосало в черную трубу все, что не имело сил сопротивляться: старое, деревянное, одноэтажное. И на освобожденной перепаханной почве пошли произрастать блочные, панельные, кирпичные, с каждым поколением становясь выше и стройнее, как и положено акселератам.

Говорят, кооператив «Луч» строился по особому проекту. Рас-

сказывали, что в его правлении были тогда очень влиятельные люди, которые и добились этого особого проекта, состоявшего главным образом в высоких потолках, больших кухнях и каменных лоджиях вдоль всей квартиры. Все это действительно было редкостью во времена повального совмещения санузлов.

Отцы-основатели не были, однако, совершенно чужды экономии. И в целях сокращения расходов решили первый этаж сделать нежилым, отдав его под продуктовый магазин. Опротестивость решения стала ясна только когда дом выстроили. Подъезды оказались на той же стороне, что и фасад магазина. Среди пайщиков пошли нехорошие разговоры про шум, грязь и пьянь, тут же, кстати, вспомнили о крысах, муравьях и тараканах. Короче, магазину отказали, а в построенное для него помещение пустили какую-то контору, и с тех пор в огромных витринах, как в аквариумах, снуют туда-сюда юркие секретарши, проплывают мимо толстых стекол солидные плановики и бухгалтеры. Жильцы же, получив квартиры, немедленно в массовом порядке застеклили лоджии, превратив дом в стеклянный снизу доверху.

Почему-то именно эти красневческие сведения первыми пришли мне в голову, пока я шел от отделения, знакомым с детства маршрутом срезая угол через двор. На самом деле со стеклянным домом у меня было связано немало совсем других воспоминаний. В том числе свежих: здесь находились две из обчищенных по наводке квартир.

Меня ждали. В просторном холле около лифта за столом на месте лифтера сидел с важным видом волосатый парень в джинсовой куртке-варенке. Рядом с ним утопал в низеньком кресле маленький крепыш в сером потертом пиджаке и с мятым перекрученным галстуком поверх несвежей рубашки. А между разбросанными там и сям по холлу фикусами в кадучках метался, как видно, заливаемый жилец — в домашней куртке и в тапочках на босу ногу. «Наконец-то! — закричал он при виде меня. — Давайте скорее, скорее, у меня там книги! Если их заyleт...»

Крепыш выкарабкался из кресла и протянул широкую твердую ладонь: «Панькин, домоуправ». Тут же вскочил из-за стола волосатый парень, резко уронил подбородок на грудь и даже, кажется, ногой под столом шаркнул: «Малюшко, лифтер». По лицу его бродила ерническая улыбка. Панькин, кинув на него неодобрительный взгляд, стал объяснять: «Мы бы сами, да там... Такой жилец... Если что — не оберешься. Надо честь по чести...»

Залитый приплясывал у открытого лифта.

«Пошли, Трофимыч», — позвал Панькин, и от стены в углу оторвался не замеченный мною сразу высокий худой человек в синем рабочем халате с потертой продуктовой сумкой. «Плотник», — показал мне на него подбородком домоуправ.

Лицо плотника было мне чем-то знакомо, я на всякий случай кивнул ему, он с готовностью ответил. В последнее мгновение пятым в кабину втиснулся лифтер Малюшко. «Куда?» — слабо пискнул домоуправ. «Плотник! — хохотнул Малюшко. — Там

подрывник нужен. Не верите вы мне! — «Вернись на пост!» — «Да не украдут ваши фикусы!» — «Вернись, говорю!» — «Без меня не обойдетесь!»

Так они препирались, пока лифт не остановился. Малюшко первым вывалился на площадку и подскочил к двери с номером «44». «А? Что я говорил? — Он торжествующе показывал на три расположенных один над другим блестящих никелированных замка. — Фирма! И дверь у него изнутри железная, и косяк стальной — я заходил, я знаю!» «Может, стояк внизу перекрыть?» — спросил я домоуправа. «Перекрыли уже, — ответил он, — да только там, похоже, столько налилось... Того гляди внизу по всей квартире потолок рухнет». «О, — застонал нижний жилец, ломая руки, — да сделайте же что-нибудь! У меня книги...» «Через лоджию, — отчеканил лифтер Малюшко. — Другого пути нет». «А кто полезет? — подозрительно спросил Панькин. — Ты, что ли?» «Могу и я, — небрежно согласился Малюшко, но было видно, что в нем так и кипит азарт быть в центре событий. — Я уж лазил, когда Полещука захлопнулась». «Сравнил! — махнул рукой домоуправ. — Полещук — второй этаж, а здесь шестой». «Какая разница? — гнул свое волосатый лифтер. — Была бы веревка покрепче или канат». «Есть! — вскричал окрыленный внезапной надеждой нижний. — Есть трос в машине! Нейлоновый! Только бы наверху кто-нибудь был в квартире...» «Там Евгения Семеновна, она всегда дома», — заявил Малюшко, и все разом посмотрели на меня.

Вот оно что. «Вы власть...» Они хотят, чтобы решение принял я. Взял ответственность. Для того и вызывали: «Если что — не обещать...» Что — если что? Может, сказать: делайте! как хотите? Это не в моей компетенции? «Давайте трос, — сказал я. — Посмотрим, что к чему».

Малюшко оказался сноровистым парнем. Ловко соорудил себе из троса и скамеечки, реквизированной у Евгении Семеновны, люльку. Я настоял, чтобы он для страховки обвязал трос вокруг пояса, а за другой конец взяли мы все вместе. Через несколько секунд после того, как его голова скрылась за краем лоджии, снизу послышался голос: «Стою на ногах. Окошки все заперты. Выдавливать?» «Да, да! — нервно завопил владелец книг, державший самый хвост троса. — Трофимыч вставит, я заплачу!» «Смотри, не порежься», — обеспокоенно посоветовал Панькин, и тут же раздался решительный звон стекла. Трос ослаб. «Готово! — радостно крикнул Малюшко. — Идите, откרו!»

Мы быстро спустились вниз и застали его уже в распахнутой настежь двери. За эти полминуты он страшно переменялся. Глаза у него были круглые, губы прыгали. «Что?» — спросил я, предчувствуя ответ. Но он только вяло махнул рукой в глубь квартиры и посторонился, пропуская меня. В коридоре хлопала под ногами вода. Путь в комнату ей преграждал толстый ворсистый ковер, край которого потемнел от впитавшейся влаги. Посреди этого ковра лежал ничком человек в дорогом шелковом халате. Голова его была залита кровью.

Первым делом я выгнал из квартиры на лестницу всех, включая Панькина, который бормотал, что должен присутствовать, потому что отвечает. Потом я связался по радию с Калистратовым, доложил о случившемся. Потом послал плотника вместе с Малюшко найти и принести несколько длинных досок для наведения в затопленной квартире мостов. Потом встал на часах у входа, ибо для таких случаев в служебные обязанности участкового входит лишь одно: обеспечить неприкосновенность места происшествия и ждать приезда специалистов.

Специалисты не замедлили в большом количестве. Через пять минут примчалась «тревожная группа» из отделения, с нею Дыскин, который, проходя, хлопнул меня по плечу:

— Хорошее начало трудовой биографии.

Через десять минут прибыли начальник отделения майор Голубко и его зам. по розыску Мнишин. Я коротко доложил обстановку и сообщил, что уже послал за досками, чтобы можно было передвигаться по квартире. Голубко одобрительно буркнул что-то и пошел на цыпочках, подтянув форменные брюки. А Мнишин, невыразительной внешности человек, всегда в мешковатом, будто на размер больше, костюме, знакомый со мной еще со времени моей работы на Петровке, остановился и спросил, глядя мне в подбородок, есть ли у меня какие-нибудь свои соображения. Я отпарторговал, что нет.

Минут через двадцать приехала оперативная бригада из дежурной части города: следователь, сыщик, врач. За ними шел со своим чемоданчиком эксперт НГО Леня Гужонкин, который при виде меня радостно поднял брови и сделал ручкой. Через полчаса пришла машина райуправления. Еще десять минут спустя — из МУРа. Последним появился Валиулин. Он хмуро прошествовал мимо, коротко кивнув. Попросили понятых, и я привел Панькина и плотника Трофимыча. В квартире стало не повернуться.

Здесь было две комнаты, судя по обстановке — спальня и гостиная, обе, к великому счастью нижнего соседа, устланные коврами, которые задержали воду. Покойный хозяин, Черкизов Викентий Федорович, пенсионер шестидесяти двух лет, жил один. Труп лежал в гостиной. Я зашел туда и некоторое время постоял в углу, чувствуя себя, как в гостях у бывшей жены: тебе казалось, что ты незаменим, что без тебя все рухнет, а, оказывается, твоего отсутствия не заметили, быт налажен, жизнь течет своим чередом. Деловито рыскали по всем уголкам валиулинские сыщики. Гужонкин, приседая, щелкал камерой, монотонно диктовал протокол осмотра дежурный следователь.

— ...окнами на запад. Слева от входа стоит стенка из мебельного гарнитура производства Финляндии с распахнутыми дверцами бара. В баре две полные и одна початая бутылки виски «Джонни Уокер», бутылка «Хванчкар», две бутылки «Столичной», одна бутылка коньяка «КВВК», хрустальные рюмки, фужеры, бокалы, в том числе четыре стеклянных стакана с изображением старинных автомобилей производства Чехословакии.

Справа, в дальнем углу возле окна, тумба на колесиках, на ней телевизор фирмы «Шарп» производства Японии, на полке под ним видеомэагнитофон той же фирмы. В правом ближнем углу угловой кожаный диван из того же гарнитура. На диване скомканный плед шерстяной в красно-синюю клетку производства Шотландии, а также несколько журналов «Плэйбой» и других, откровенно порнографического содержания. Перед диваном столик с крышкой из толстого дымчатого стекла, на нем стопка журналов того же содержания, бутылка портвейна производства Португалии и два чешских стакана с изображением автомобилей...

Трофимыч вдруг подался вперед и сунул свой нос в один из стаканов.

— На-зад! — ефрейторским голосом скомандовал Гужонкин, и плотник в испуге отпрянул.

— ...с другой стороны столика, — продолжал, не прерываясь, бубнить следователь, — кожаное кресло из того же гарнитура и торшер на бронзовой ноге с зеленым абажуром, современный, производства...

Вошел один из сыщиков, что-то пошептал следователю на ухо, тот оборвал протокол на полуслове, сказал:

— Да? Очень интересно! Товарищи понятые, попрошу за мной.

В спальне горела люстра, так как окна были наглухо занавешены тяжелыми велюровыми шторами, из-под которых интимно выбивался краешек белоснежного тюля. Тут было всего два предмета мебели: огромная двуспальная кровать, небрежно прикрытая полусмятым покрывалом, и такое же огромное, метра два в поперечнике, овальное зеркало на противоположной стене. Несколько картин в старинных лепных рамах украшали обои. Одна из них, запечатлевшая какой-то скучный сельский пейзаж, висела косо, и вот как раз около нее, словно ожидая разъяснений экскурсовода, толпились человек пять. Они расступились, пропуская следователя с понятными, а потом вперед вышел Валиулин, который осторожно взял картину за углы и снял с гвоздя. Под ней была дверца сейфа.

— Где эксперт? — не оборачиваясь, спросил следователь.

— Тут я, — протолкался сквозь толпу Гужонкин.

— Посмотрите, сможем что-нибудь сделать?

Леня подошел вплотную к стене, всмотрелся и пробормотал:

— Что-нибудь сможем...

После чего поддел ногтем край дверцы, и она открылась. В первое мгновение мне показалось, что сейф абсолютно пуст, но сейчас же я понял, что это не совсем так: внизу под полкой, разделяющей его на два отделения, к задней стенке прилипла новенькая двадцатипятирублевка.

Следователь вздохнул. Наверное, как и я, ожидал чего-то большего.

— Пишите, — кивнул он помощнику. — В спальне в капитальной стене справа от входа под картиной обнаружено углубление, представляющее собой сейф со стальной дверцей, размером... — Гужонкин приложил рулетку, — размером тридцать сантиметров

в ширину, пятьдесят сантиметров в высоту, двадцать сантиметров в глубину. Замок открыт...

Я выбрался в коридор, за мной Панькин.

— Как бы нам воду пустить? — поинтересовался он.

Я не сразу понял, о какой воде речь. Воды кругом было достаточно.

— Воду жильцам, — смущаясь, объяснил Панькин. — Мы сто-як-то того... Весь подъезд без воды...

Вызвав Гужонкина, я растолковал ему ситуацию. Он понятливо кивнул, быстро оглядел в ванной комнате стены, с помощью лупы осмотрел рукоятки кранов, заглянул в самую наполненную до краев ванну, потом потянул за цепочку и выдернул пробку из сливного отверстия.

— Ни черта нет, можете делать, что хотите.

Панькин двумя руками проворно завинтил оба крана, приговаривая себе под нос осуждающе:

— Хлестало-то небось... Хлестало...

Что-то странное показалось мне в этом обстоятельстве, мелькнула в голове не мысль даже, а как бы изнанка мысли — мысль шиворот-навыворот, которую еще предстояло привести в нормальное состояние. Но легкость и прозрачность ее были таковы, что появление зама по розыску майора Мнишина смяло и развеяло эти разрозненные туманные клочки. Заглянув в ванную, он сказал, изучая погон на моем левом плече:

— Северин, хватит тут болтаться. Бери Дыскина, начинайте отработку жилого сектора. Для сведения: врач сказал, что смерть наступила вчера между девятнадцатью и двадцатью одним.

4

— Кто там?

— Ваш участковый. Откройте, пожалуйста.

Меня долго рассматривают в глазок, потом дверь открывает-ся. Щуплая, как цыпленок, старушка в редких розовых буклях окидывает меня с головы до ног придирчивым взглядом блеклых, но ясных глаз. Спрашивает сурово: «По какому поводу? — И тут же, не дав ответить на первый вопрос, задает следующий: — Что это вас там, внизу, столько понаехало?»

Я отвечаю сразу на оба: «С соседом вашим несчастье случилось». «С соседом? — В тревоге она прижимает к груди маленькие сухие руки. — С кем?» «С Черкизовым, из сорок четвертой». «Черкизов? — Она заметно успокаивается. — Не знаю. — И вздыхает без особого сожаления: — Дом у нас большой... А что с ним?» Но я ухожу от ответа. Зачем волновать пожилую женщину... «Скажите, вы вчера вечером выходили на улицу?» «На улицу? Я? Господь с вами, там же сейчас все течет и сплошной лед под ногами! Вот чем вам надо заняться, раз вы участковый, — воодушевляется она, — дворниками! Дворники теперь совершенно не желают выполнять свою работу, а пожилые люди ломают руки и ноги! Я вам скажу, — тон ее делается доверительным, — если в моем возрасте сломать шейку бедра...»

Медицинская тема в принципе необъятна, поэтому я вежливо киваю: «Спасибо, обратим внимание. Так, значит, вы вчера ничего необычного не слышали и не видели? — Она пожимает худенькими плечиками, и я задаю последний вопрос: — С вами кто еще живет в квартире?» — «Дочь и внучка». — «Они когда обычно возвращаются домой?» — «Дочь часов в шесть. А внучка студентка, она... как когда...»

Я делаю пометку в блокноте. Теперь моя задача быстро и с достоинством ретироваться. Но не тут-то было. — «Ах, кстати! — Старуха хватает меня за руку и тащит к окну. — Идите-ка сюда, блюститель порядка! Смотрите! — Отодвинув занавеску, она тычет куда-то вниз искривленным пальцем: — Видите фонарь? Он не горит уже вторую неделю! И каждый раз, когда Эллочка вечером звонит нам, что идет домой, я вынуждена сидеть у окна и караулить ее, когда она сворачивает от метро! Ну не безобразие?»

Я записываю в блокнот про потухший фонарь, а во мне самом загорается надежда: «Вчера вы тоже ее караулили?» — «Вчера Элла весь день была дома, готовилась к коллоквиуму».

Соседняя квартира на звонки не отвечает, ставлю в блокноте минус. За дверью следующей летят быстрые шаги с прищелпом, далекий голос кричит: «Иду, иду-у!» — и на пороге возникает девица лет пятнадцати, а может, восемнадцати, шут их теперь разберет, с мокрыми спутанными волосами, в махровом халатике не длиннее обычной мужской рубашки. — «Ой, кто это?» — говорит она с легким испугом, близоруко вглядываясь в полутемную площадку.

Я представляюсь. Девица хрипловато смеется — полагаю, что над своим необоснованным испугом, — и приглашает войти. Она усаживает меня в глубокое мягкое кресло, сама садится напротив, вытянув в мою сторону красивые длинные ноги, обутые в несуразные разбитые шлепанцы, больше, чем нужно, размеров на пять. Эти ноги меня раздражают, не как мужчину, разумеется, а как профессионала. Есть в криминалистике наука виктимология — о жертвах, способствующих совершению преступлений. Ну куда это годится: открывает дверь, не спрашивая, да еще в таком виде! Надо будет в следующий раз провести с ней беседу. Она тем временем извлекает из кармана халата большие круглые очки и становится похожей на сову. — «Черкизов? А, это такой противный старикашка с шестого этажа! Отвратный тип. Когда едешь с ним в одном лифте, он так смотрит... — Сова передергивает плечами. — А еще норовит встать поближе и прижимается, прижимается! Однажды зазывал меня к себе, обещал угостить чем-то вкусным. Представляю себе это угощение!»

Она грубо хохочет и закидывает одну свою длинную красивую ногу на другую длинную и красивую, при этом халатик ее разъезжается так, что моему обозрению предстает часть довольно чахлой, не до конца развитой груди. Ей откровенно любопытна реакция милиционера, но я не доставляю такого удовольствия, сидя с рассеянным видом и размышляя, что в те времена, когда нам преподавали виктимологию, эта наука была

еще в совершенно младенческом состоянии. Спрашиваю: «Сколько вам лет?» «Шестнадцать. А что?» «Молодой организм, — качаю я головой. — Боюсь, простудитесь».

Она снова хохочет, но уже не так уверенно.

«Когда вы последний раз видели Черкизова?» «Ну... месяц назад или больше». «А вчера вы были дома?» «Вчера я была в Ленинграде. С классом, на экскурсии».

Я поднимаюсь, она капризно надувает губы: «Вы уже уходите?» «Вечером зайду еще. Мне надо поговорить с вашими родителями». «О чем это?» — вскидывается она. Я выдерживаю мстительную паузу. Потом нехотя: «Все о том же, о Черкизове». «Да, а что с ним случилось?» — наконец-то интересуется она. «Его убили». «Как?!» — От ее веселости не остается и следа. Я не без злорадства отвечаю: «Очень просто. Позвонили в дверь, он забыл спросить, кто там, и открыл. Жуткая история», — добавляю я, выходя на площадку и спускаясь вниз по лестнице. Она стоит в дверях побледневшая, судорожной рукой перехватив халатик у горла.

И так далее, и тому подобное. Я хожу из квартиры в квартиру, задаю вопросы. «Вы что-нибудь видели? Вы что-нибудь слышали? В каком часу вы гуляете с собакой? Когда ваш сын приходит с работы?» И не удивляюсь тому, что никто ничего не слышал, никто ничего не видел. Только количество вопросов может перейти в качество. Впрочем, может и не перейти. Я знаю, что в соседнем подъезде вот так же ходит с этажа на этаж Дыскин. А в следующем — еще кто-то из участковых или сыщиков. И что, обойдя этот дом, мы начнем обходить соседние. Мы будем расспрашивать пенсионеров, играющих в шахматы во дворе, молодых мамаш с колясками, старушек на лавочках, мальчишек — сборщиков макулатуры, лифтеров, дворников, почтальонов, автомобилистов и владельцев собак. О посторонних людях, о странном, о необычном, о подозрительном... Но в городе, где не все знают в лицо соседей по лестничной площадке, взгляд давно перестал делить встречных на «своих» и «посторонних». И если некто случайно зашел в подъезд, а потом так же спокойно из него вышел, на это скорей всего никто не обратил внимания.

Иное дело валнулинские сыщики. Они сейчас устанавливают родственников убитого, друзей, знакомых — все то, что называется связи, выдвигают версии, рисуют схемы. А ты тут бродишь от двери к двери в поисках неизвестно чего...

Когда я вернулся в отделение, ноги у меня гудели, голова от непрерывных разговоров казалась надутой воздухом. В предбаннике дежурной части никого не было. Один Калистратов сидел за своим пультом со скучным видом, подперев щеку кулаком.

— А, Северин, — обрадовался он, увидев меня, — счастлив твой Бог! Спи спокойно, поймали убийцу.

— Уже? — поразился я, с наслаждением опускаясь на отполированную задом многих задержанных деревянную скамью и вытягивая усталые ноги. — А кто расстарался?

— Мнишин. С поличным взял супостата. — Калистратов почему-то засмеялся.

— Где взял-то?

— А тут прямо.— Калистратов ткнул пальцем в мою сторону.— Вот где ты сидишь, там и взял. Он наш, местный, алкашок. Лечили мы его, лечили, теперь, видно, другие лечить будут. Гулял с утра в «Пяти колечках», оттуда и забрали прямиком в вытрезвитель. А к вечеру прочухался — доставили сюда протокол оформлять, тут его Мнишин и обратал.

— Давно?

— Да с полчаса всего. Иди, глянь, они с ним в десятой работают.

В комнате № 10 дым стоял столбом. Когда я вошел, Валиулин зыркнул в мою сторону, но ничего не сказал, из чего я сделал вывод, что мне можно остаться, и примостился в уголке. «Супостат» сидел на стуле посреди кабинета, спиной ко мне. Я слегка удивился, увидев, что на нем дорогая черная кожаная куртка, добротные твидовые брюки и хорошие ботинки: со слов дежурного, местный алкашок представлялся мне чем-то вроде утреннего Парапетова.

— Поехали по второму кругу.— голосом, не предвещающим ничего хорошего, сказал Мнишин и вытянул руку по направлению к столу, на котором лежала довольно большая куча смятых купюр, а также всякие мелочи: платок, зажигалка, связка ключей.— Это твое?

Задержанный дернул плечами.

— Смотря что...— Голос у него был какой-то пересохший.

— Платок твой? — добродушно спросил Валиулин.

— Мой...

— Ключи? Зажигалка?

— Мое...

— Деньги? — все так же добродушно расспрашивал Валиулин.

Супостат снова как-то дернулся и уныло произнес:

— Черт их знает.

— Вот те на! — бухнул из угла майор Голубко.— Это как понять: ветром их тебе, что ли, в карман надуло? Вот акт,— он потряс в воздухе бумажкой,— восемьсот сорок три рубля двадцать две копейки! Изъято у тебя при оформлении в медвытрезвитель.

— Так твои или нет? — коршуном наклонился вперед Мнишин.

— Раз в кармане, наверное, мои,— поник задержанный.— Дайте попить Христа ради, не могу больше!

— Попить? — прищурился Мнишин.— Может, тебе еще и похмелиться сбегать принести?

Но Голубко пробасил, кивнув в мою сторону:

— Сходи ко мне, попроси у Симы бутылку боржома.

Супостат с надеждой обернулся ко мне, и я увидел, что это Витька Байдаков. Боже мой, что стало с бывшим красавчиком! Двадцать лет назад это был цветущий мордастый румяный парень, вечно с нагловатой ухмылочкой на полнокровных губах, местная знаменитость, гроза района. Сейчас передо мной сидел обрюзгший, рано постаревший человек с заплывшими глазами,

с серой нездоровой кожей на вислых щеках. Меня он, кажется, не узнал.

Когда я вернулся с уже откупоренным боржомом и дал бутылку Витьке прямо в руки, Мнишин сказал с сожалением:

— Работали с тобой, работали, все без толку. Один покойный Зиняк сколько сил на тебя на гада ухлопал, а зря. Ну, теперь ты допрыгался,— закончил он зловеще.

Витька залпом всосал в себя бутылку и несколько секунд сидел с выпученными глазами, отдуваясь. Потом смачно рыгнул, распространив по всей комнате тяжелый запах перегара, и вдруг завопил истерически:

— Чего допрыгался? Чего допрыгался? Что вы мне шьете? Зачем пальцы брали? — Он замахал в воздухе испачканной черной краской пятерней. — Убил я кого, да? Зарезал, да?

В комнате наступило молчание, только слышно было, как сердито сопит и икает Витька. Наконец, Голубко довольно проурчал:

— Прорвало малышня. Надо было давно ему водички дать.

Валиулин прошелся по кабинету и присел на край стола перед Байдаковым.

— Давай, милый друг, вспоминать, откуда деньги?

Витька быстро оглядел всех, кто был в комнате. Я заметил, что глаза у него теперь заблестели, похоже, боржом ударил ему в голову.

— А может, я их выиграл? — спросил он с надеждой, как бы предлагая на общее обсуждение вариант ответа, который всех может устроить.

— Выиграл? У кого?

— Да не знаю я! — рассердился Байдаков. — В шмен, а то на бегунках.

— Значит, ты утверждаешь, что не помнишь, откуда у тебя эти деньги? — сформулировал Валиулин.

— Ага, утверждаю. — Он икнул, пробормотал «пардон» и умоляюще приложил руки к груди. — Да нет, кроме шуток, не помню! Хотите, на колени встану?

— Ты какой день в запое? — деловито поинтересовался Мнишин.

Витька потерянно махнул рукой.

— Не спрашивайте! Месяц ни грамульки, человеком себя почувствовал,— в голосе его появился слезный надрыв,— оделся вот. — Он подергал себя за полы кожаной куртки.

— Месяц не пил, а как оделся! — наставительно прогудел Голубко, намекая на материальные выгоды воздержания, а я с удивлением подумал, что мне так одеться не хватило бы месяца, даже если б я этот месяц не только не пил, но и не ел.

— С горя запил,— понурился Байдаков. — Кота, сволочи, погубили.

— Это какого? — удивился Мнишин. — Рыжего, который у тебя жил?

— Угу,— кивнул Витька и заплакал. Слезы текли по его щекам, он принялся стирать их, весь измазался дактилоскопической краской. Зрелище было жалкое.

Мнишин двумя пальцами брезгливо взял со стола байдаковский платок, кинул ему на колени.

— На, утрись...

Витькины плечи содрогались. Он принял платок, начал сморкаться, хлюпать, тереть глаза, в которые попала краска.

— Весна, понимаешь...— говорил он, всхлипывая.— Шмонается, дурак, где-то, три дня не видал его. А вчера утром выхожу из дому, мальчишки бегут: «Дядя Витя, дядя Витя, там ваш Рыжий висит...» На дереве... во дворе... за шеей проволокой... пады...— У него дрожала нижняя челюсть.

— Кто это сделал?

— А я знаю?— злобно вскинулся Байдаков.— Знал бы — убил гада!

Мнишин с Валиулиным переглянулись.

— А дальше что ты делал?

— Что... Похоронили мы Рыжего с пацанами. Тут же, во дворе. Настроение, конечно, хоть сам вешайся. Ну и пошел в магазин, куда ж еще...

— Это во сколько же было?

— Да часов в двенадцать. Ребята знакомые в очереди стояли. Взял я сразу пару коньякевича, они три портвейна. Врезали, как полагается... За упокой души Рыжего.

— И что потом?

— Что потом? — переспросил Витька.— Проснулся утром, голова квадратная и это вон,— он мотнул головой в сторону денег на столе,— по всем карманам распихнуто. Встал кое-как и поехал в «Пять колечек» на поправку. А там повело меня, видать, на старых дрожжах...

— Как ты поправлялся, мы знаем,— нетерпеливо перебил его Мнишин.— Расскажи-ка лучше, что ты делал вчера, после того, как распили у магазина.

Байдаков наморщил лоб и погрузился в глубокое раздумье.

— Черт его знает,— наконец сообщил он.— Пили — помню, а дальше — нет.

— И часто с тобой так бывает? — поинтересовался Валиулин.

— Бывает...— эхом откликнулся Витька.— Особо когда намешаешь всякой дряни.— Его передернуло.— Иногда утром гадаешь: как домой дошел? А на автопилоте!

— Ну, вот что, автопилот,— зловеще начал Мнишин, но тут зазвонил телефон. Голубко взял трубку и сразу передал ее Валиулину. Тот послушал, покивал, сказал «спасибо» и положил на место. Потом повернулся к нам.

— Пальчики его,— сказал он и с каким-то новым выражением посмотрел на Байдакова.— Так что времени не теряйте, дуйте к прокурору за постановлением, проводите обыск.

Я увидел, как напрягся и замер Байдаков.

— Вы это про что? — спросил он с глухой угрозой.— Это про какие пальчики?

— Про твои, про твои,— с усмешкой ответил Мнишин и обратился к Валиулину.— Можно, Валерий Михальч?

— Давай,— кивнул тот.— Ты начал, тебе и заканчивать.

— Гражданин Байдаков,— сказал Мнишин, глядя поверх

Витькиной головы, — вы подозреваетесь в убийстве Черкизова Викентия Федоровича, совершенном вчера в его квартире...

При этих словах Витька странно оскалился, и я не сразу понял, что он смеется — такой неподходящей была его реакция.

— Я? Кешу? Да что я, сумасшедший? Быть того не может!

— Может, — жестко оборвал его Мнишин. — Номера двадцатипятирублевых купюр, обнаруженных у вас при доставке в медвытрезвитель, идут подряд с номером купюры, обнаруженной в сейфе убитого. Они из одной пачки. И еще. Перед смертью Черкизов с кем-то вышивал. На одном из стаканов его отпечатки пальцев, на другом — ваши.

Байдаков больше не скалился. Он сидел, крепко сжав голову руками, словно боялся, что она вот-вот разлетится на кусочки. Его лицо было пепельно-серым в черных разводах.

— Вот она, проклятая, до чего доводит, — осуждающе прогудел майор Голубко.

Витьку увели два милиционера. Валиулин в задумчивости походил по кабинету руки за спину, остановился у окна и, не оборачиваясь, сказал как будто сам себе:

— Похоже, он правда ни черта не помнит. Только все это лирика. Завтра в камере он прочухается и выдаст нам, к примеру, что деньги ему Черкизов одолжил, а вино они пили вместе утром или даже прошлым вечером. К сожалению, на двери сейфа никаких отпечатков, кроме черкизовских, не обнаружено. Вот так-то.

Он на каблуках повернулся к нам.

— Ищите оружие убийства — раз, каких-нибудь свидетелей, которые видели Байдакова между семью и девятью вечера, — два.

Мнишин с сомнением шмыгнул носом.

— Валерий Михалыч, он в том же доме живет, через два подъезда. Опять уверенности не будет.

— Значит, нужны свидетели, которые видели его входящим или выходящим из подъезда Черкизова.

— Будем искать, — вздохнул Мнишин.

5

— Ну и душок здесь, — покрутил носом, принюхиваясь. Дыскин, когда Трофимыч, снова привлеченный мною к делу, справился с заевшим замком и мы оказались в полутемной байдаковской прихожей. — Оставьте дверь открытой, а то задохнемся...

В прокуренном воздухе пахло несвежим бельем, из ванной потягивало дезодорантом, со стороны кухни несло пережаренным луком, но все это перебивал мощный кошачий дух, идущий из глубины квартиры.

— Видать, он кота своего всю зиму на улицу не выпускал, — констатировал Панькин.

— Эх, жизнь! — вздохнул Дыскин. — Торчал бы котик дома, не запил бы Витька. А там, глядишь, и старичок был бы

в здравии, сидел себе на диванчике, дробил на свои журнальчики...

Возразить против развернутой перед нами философической картины было нечего, и мы молча прошли в первую комнату. Странное она производила впечатление. Просто сказать, что это холостяцкая берлога, было бы недостаточно.

Больше всего она походила на пришедшую в запустение антикварную лавку. Какой-то склад некогда дорогих, но состарившихся теперь вещей, обивить которые у владельца никак не доходят руки. Огромное, как дряхлый вожак слоновьего стада, вольтеровское кресло с протертой до белизны, растрескавшейся кожей. Одинокий павловский стул с облезшей позолотой, с грубым протезом задней левой ноги. Рассохшееся бюро красного дерева с обширной замызанной, заляпанной пятнами, ободранной столешницей и множеством ящичков. На бюро живописно группировалась пара заплывших воском бронзовых канделябров, почему-то новенький, отчищенный, словно только из реставрации, прекрасный еврейский семисвечник, три пустые бутылки из-под портвейна «Алабашлы», два стакана и пепельница литого стекла, полная окурков.

«Надо бы начать писать,— почесал за ухом Дыскин.— Только где присесть?» «Любил Витенька старые вещи,— тихонько прошелестел у меня над ухом Трофимыч.— Как заведутся лишние денежки, так тащит чего-нибудь в дом. Притащит — и меня зовет, укрепить, значит, для начала. Потом, говорил, разбогатею, будем все чин чинарем реставрировать». «Разбогател,— хмыкнул Дыскин.— Приступим, что ли?»

Трофимыч бочком-бочком подобрался к бюро и снова сунул свой длинный нос в пустой стакан. «Ты чего там все время вынюхиваешь?» — подозрительно и довольно нелюбезно поинтересовался Дыскин. «Да так...» — ужасно сконфузился Трофимыч. Лицо его покраснело от смущения, а кончик носа, наоборот, побелел. И тут я наконец вспомнил его.

Дочка Трофимыча, Аллочка, серая мышка, вечно молчаливая троечница, училась со мной в одном классе. Таким и запомнился мне Трофимыч: с красным лицом, на котором выделялся белый, словно отмороженный, кончик острого носа, и с вечным запахом свежего перегара. Матери там, кажется, не было, то ли умерла, то ли делась куда-то от хорошей жизни, но только в школу по вызовам ходил он, и учителя, разговаривая с ним, слегка отворачивались в сторону. Классу к седьмому он пропал, я узнал потом, что Аллочка запретила ему ходить в школу пьяным, а трезвым он, кажется, сроду не бывал.

Впрочем, сейчас он выглядел вполне прилично. Поэтому я, проходя мимо, кивнул и поинтересовался: «Как Алла поживает?» Он заулыбался во весь рот, сверкнув ровным рядом искусственных зубов, и оттопырил вверх костлявый большой палец: «Трое внуков! — И вдруг заторопился полусшепотом: — А ведь я того... в завязке! Двенадцать годков уже — ни капли! Человек! Как зашился... — он выразительно похлопал себя по пояснице, — так ни-ни!» «То-то, я смотрю, нос у тебя, как у гончей, на запах тянется,— иронически протянул Дыскин, один за другим

выдвигая ящики бюро,— съешь его в каждый стакан». «Во-во,— энергично закивал Трофимыч, не заметивший дыскинской иронии.— Как завязал я, чей-то нюх у меня на это самое сделался, точно как у собаки. Природа, видать, свое берет. «Пшеничную» от «Сибирской» по запаху отличаю. А уж партийное вино или, к примеру, сухенькое... Там, в квартире-то, где убитый, звучит, бутылка красивая была, не видал такой никогда. Вот и сунулся понюхать,— оправдывался он,— а в стакане-то...»

«Стоп».— напряженным голосом сказал вдруг Дыскин, выдвигая самый нижний ящик. Мы все сорвались со своих мест и столпились вокруг. На дне ящика лежал обычный молоток-гвоздодер с резиновой ручкой, на его торце даже невооруженным глазом была видна запекшаяся кровь. Рядом валялась большая связка ключей.

«Вот они, ключики,— неожиданно заблажил в наступившей тишине Панькин.— Ну, Малышко, подлец, ну, ты у меня ответишь по всей строгости!» «При чем здесь Малышко?» — резко повернулся к нему Дыскин. «А при том!» И быстро, захлебываясь, начал объяснять, что у них в доме на последнем этаже между подъездами специальные коридоры устроены, чтобы, значит, если где-то лифт поломается, можно было через другой подъезд пройти — и не вверх топать, а вниз, но что переходы эти, покуда лифты целы, позакрыты обычно, потому как несознательные жильцы спокойно могут там целые склады устроить, загромождать, сами понимаете, проходы, а познадзор... «Малышко при чем?» — нетерпеливо оборвал этот поток Дыскин.

Малышко оказался при том, что ключи от всех переходов должны храниться у каждого лифтера и передаваться по смене. Этот же разгильдяй держал их в ящике стола, а поскольку на месте ему, раздолбаю, все время не сидится, то перед подъездом прохаживается, то к кому-нибудь из жильцов зайдет, ключики у него натурально стибрили. «Давно?» — деловито поинтересовался Дыскин. «С неделю,— почесал в затылке домоуправ.— Да вы его, сукина сына, спросите». «Спросим»,— многообещающе ответил Дыскин.

И началась привычная суета. Понаехали все те же персонажи — от валиулинских сыщиков до эксперта НТО Гужонкина. Фотографировали, брали пальчики, составляли протоколы осмотра и изъятия. Время от времени задвинутых в угол Панькина и Трофимыча просили подойти, поставить подпись — дескать, лично присутствовали и свидетельствуют. А я стоял в сторонке, смотрел на все это и думал, что на этот раз Витька, кажется, нокаутировал сам себя. Всерьез и надолго. Возможно, так, что уж больше не подняться. Особую роль, конечно, играли эти самые ключики, мне было ясно. Теперь Байдакову могут вменить заранее обдуманное намерение. В убийстве с корыстной целью, отягощенном состоянием опьянения.

В очередной раз поставив закорючку под протоколом, Трофимыч привалился к стене рядом со мной и ни с того ни с сего продолжил прерванную тему: «Так вот я и говорю, в стакане-то там «Алабашлы» было...» «В каком стакане?» — не понял я. «Ну там, где покойничек, стало быть. В одном портвейн этот, порту-

гальский, что ли, как в бутылке, а в другом — «Алабашлы», четыре тридцать бутылочка. Тут «Алабашлы», — он ткнул длинным заскорузлым пальцем в сторону Витькиного бюро, — и там «Алабашлы». Меня не запутаешь, нет». — Трофимыч втянул воздух носом, словно еще раз припохиваясь.

Неисповедимы пути, которыми бегают нейроны по нашим извилинам, или как там это происходит! Почему-то именно сейчас обрела нормальное состояние та мысль шиворот-навыворот, не до конца пришедшая мне в ванной убитого Черкизова. Я, как наволочку, вывернул ее лицом с изнанки и получил нечто, готовое к употреблению. Я вдруг снова отчетливо увидел, как Панькин двумя руками проворно крутит краны, крутит и крутит, озабоченно приговаривая: «Хлестало-то небось, хлестало...» И осознал, что если убийство произошло накануне между семью и девятью вечера, то к десяти утра, когда, наконец, перекрыли стояк, там должно было не просто залить квартиру, там должны были рухнуть потолки в нижней и двух последующих.

«Что из этого следует?» — напряженно думал я.

А следует из этого, что кто-то входил в квартиру под утро, заткнул сливное отверстие ванны и до отказа открыл краны.

Для чего? Вероятно, для того, чтобы привлечь внимание к убийству. Зачем еще? Значит, кто-то знал, что Витька совершил убийство, и хотел, чтобы об этом как можно скорее узнали другие. Чтобы Витьку задержали тепленьким, с поличным. И если так, то этот план удался на все сто.

И тут я вспомнил про стакан. Стаканы были одинаковые, чешские, с рисунками старинных автомобилей на стекле. Но, если верить Трофимычу, в одном был португальский портвейн, в другом «Алабашлы». Это если верить... Впрочем, гадать нечего: экспертиза определит, так ли это, без труда. Предположим, определит. Тогда получается: некто, входивший в квартиру под утро, имел от нее ключи — раз. Два — имел стакан с отпечатками Байдакова, который мог подменить на тот, что стоял на столике. Цель? Все та же: как можно скорее свести все нити к Витьке.

Бред. Откуда у него мог взяться именно такой — чешский, с автомобилем — стакан, а на нем Витькины отпечатки? Бред! Или не бред? Если уж додумывать до конца, тот, входивший под утро, мог ведь и деньги, и ключи, и молоток подкинуть в квартиру Байдакова. Тогда Витька вообще не убивал? Я фантазирую. Я фантазирую. Я очень сильно фантазирую.

Но краны? Но стакан? Кому может быть нужен такой наворот? Зачем так сложно? Почему не просто убить? Почему обязательно спихнуть вину на Витьку? Я фантазирую или нет, черт возьми?

Обыск заканчивался. Вещдоки изъяли, подписали протокол. Ушли понятые, уехали валуилинские сыщики. «Поплыли, чего застыли? — ткнул меня в бок Дыскин. — Больше тут делать нечего, надо только дверь опечатать». Я вышел на лестничную площадку, чуть не споткнувшись о порог. Кому это могло быть нужно? И зачем? И было ли на самом деле? Ответов я не знал.

Заложив руки за спину, Валиулин расхаживал по своему кабинету, нагнув вперед голову, как молодой бычок. Молодой бычок в толстых выпуклых очках.

— Значит, стакан и краны,— повторил он.

Я, сидя в уголочке, согласно кивнул.

— Молодец. Вот только стакан-то у нас, вернее, в НТО, а краны мы уже к делу не подошьем. С кранами ты фраернулся, сыщик, а?

— Я не сыщик, я участковый инспектор.

— Не-ет,— протянул Валиулин.— Ты — сыщик. И я тебя за тем туда и посылал.

— Ты меня не за этим посылал.

— Верно. Я тебя посылал искать мне наводчика. Нашел?

Я развел руками.

— Валера, побойся Бога. Я второй день работаю. А тут такие дела...

— Не нашел,— констатировал Валиулин.— И, между прочим, если б нашел — было бы весьма странно. Тут не два, а двести двадцать два дня искать можно. Ищите и обряцете. Ладно, иди, спасибо за информацию.

Я уже стоял в дверях, когда он вдруг сказал:

— Кстати, паренек твой, Байдаков, уже все вспомнил.

— Как вспомнил? — замер я.

— Очень просто. Написал чистосердечное. Как вывалили перед ним весь букет; купюры, пальчики на стакане, молоток, так сразу и вспомнил.

— И что рассказывает?

— Ну что. Пили, говорит, вместе. Поссорились — из-за чего, не помнит. Дал ему молотком по голове. Простая такая история.— В голосе Валиулина мне послышалась усмешка.

— А деньги как к нему попали?

— Ключик от сейфа висел у покойного на шее. Оттуда он его и сорвал, даже красный след остался. Кстати, ключик этот нашли у Байдакова в куртке, за подкладку он завалился. Каково, а?

Мне показалось, что Валиулин то ли сам не верит, то ли, наоборот, гордится таким обилием доказательств.

— А ключи от переходов?

— Вот тут отрицает.— Валиулин развел руками.— Тут сам понимаешь: заранее обдуманное. А все остальное вспомнил. Впрочем, материалы уже у следователя, к нам они больше не относятся.

Я повернулся, чтобы идти.

— Занимайся делом,— сказал мне в спину Валиулин.

Когда я вошел в нашу комнату, маленький аккуратный Дыскин сидел на своем месте, а напротив него громоздилась огромная молодая девка в каком-то сером балахоне и с папирсой в углу рта. «Вот,— не сказал, а провозгласил при виде меня Дыскин, указуя на меня перстом.— Вот пришел твой новый

начальник. Все как положено: я был к тебе добрый...» «Ты добрый...» — успела ядовито вставить девка. «...а он будет злой. Он тебя в два счета в ЛТП заправит». «Меня в ЛТП заправить — легче в космос запустить,— хрипло захохотала она сквозь дым и стала загибать пальцы:— Почки, печень, легкие...» «И вообще весь органон отравлен алкоголем,— закончил за нее Дыскин. «Чего?» — не поняла девка. «Ничего,— отрезал Дыскин.— Надо будет — и в космос отправим. А куда для начала лишим материнства — нечего тебе подрастающее поколение отравлять».

«Чего ты меня лишишь? — угрожающе склонилась над маленьким Дыскиным девка, но он не дрогнул.— Я в муках рожала...» «Ты в муках рожала, а он у тебя живет теперь... в муках. Ты подумай,— повернулся он ко мне,— мальчишке четыре года, ходит в обносках, весь в соплях, грязный, голодный и почти не разговаривает. Разве что матом». «Все ты врешь», — пробормотала девка, но Дыскин пропустил ее реплику мимо ушей. «И вот что, милая,— продолжал он вкрадчиво.— Ежели ты еще будешь по ночам водкой торговать, ты у меня не в ЛТП, а на зону пойдешь, поняла?» «Ты откуда знаешь?» — вскинулась девка. «Эва! — усмехнулся, качнувшись на стуле, Дыскин.— Да об этом полрайона знает!» «Врут! — вдруг истерически заорала она.— Все врут! Наговаривают! Ты поймай меня сперва, потом говори». — И горько заплакала, утирая слезы рукавом балахона. «Поймаю,— тихо, но очень убедительно сказал Дыскин.— А сейчас пошла вон, последнее предупреждение тебе, ясно?»

Девка не заставила повторять дважды, живо подхватила и выскочила из комнаты.

— Твой контингент,— с удовольствием выговаривая последнее слово, произнес Дыскин.— Веревкина Тамара, возьми на карандашик.

— Я смотрю, тут карандашиков не хватит,— отозвался я, усаживаясь за свой стол и доставая блокнот.— Как, бишь, ее фамилия?

Затем я раскрыл общую специально купленную тетрадь и на первом листе записал по памяти все то, о чем меня проинструктировали в райуправлении: основные обязанности участкового.

1. «Охрана общественного порядка». Да-с, любят у нас глобальные задачи. Впрочем, здесь ясно: чтоб было, в случае чего, с кого спрашивать. С меня то есть.

2. «Борьба с пьянством». Ну, тут и Политбюро с Советом Министров не очень-то справляются. Вся надежда на участковых.

3. «Борьба с наркоманией». Нет слов. Хорошо еще, не с наркомафией.

4. «Предупреждение правонарушений в быту». Это надо, видимо, так понимать: всем быстренько раздать по отдельной квартире, у склочных баб поотбирать чугунные сковородки, пьяниц — в ЛТП, тогда будет полный ажур.

5. «Борьба с нетрудовыми доходами». Говорили бы прямо: с ночной торговлей спиртным, со сдачей квартир приезжим,

с самогонварением, с чем там еще? С разбоем, с грабежами, хищениями в особо крупных размерах, что ли?

6. «Предупреждение, раскрытие преступлений, розыск». Ну, это хоть родная стихия.

7. «Предупреждение правонарушений среди несовершеннолетних». А специальный инспектор по делам малолеток да еще сыщик при нем на что? Нет, и тут с меня спрос.

8. «Паспортный режим». Наконец-то! Специально для участкового дело — и только для него. А живое, интересное...

9. «Разрешительная система». Так, понятно. Оружие — холодное и огнестрельное. Ходить по квартирам охотников, смотреть, как хранятся патроны, порох, есть ли бумажка на каждую двустволку...

Что там дальше?

10. «Пожарная безопасность». Охо-хо-хо. Подвалы, чердаки, ящики возле магазинов. Завмаг платит штраф легко, директор ДЭЗа канючит, валит все на техника-смотрителя, платить ничего не хочет, жалуется начальнику отделения, а там, глядишь, и красный уголок под собрание общественников не даст. Шекспировская драма.

11. «Дознание. Разбор жалоб и заявлений граждан». Это, стало быть, когда «предупредить правонарушение в быту» не удалось.

12. «Работа с ранее судимыми». Как выражается Дыскин, кон-тин-гент.

13. «Борьба с тунеядством». Очень мило. Как я понимаю, главное, чтобы участковый все время был в борьбе.

Я поставил точку. Тринадцать пунктов — нехорошее число. Подумал и добавил:

14. «В». В — могло означать все что угодно. Например, Валилин. Или — воровство из квартир. А может быть, вольному воля, дуракам — рай. Чего, спрашивается, не сиделось мне в юрисконсультях?

Дыскин, который все это время тоже строчил что-то в своих бумагах, оторвал голову от стола и сообщил скучным голосом:

— Забыл сказать. Звонил твой приятель Панькин из стеклянного дома. У них там сегодня собрание жильцов. Просил прийти, рассказать о мерах безопасности против квартирных краж. В девятнадцать ноль-ноль. — И добавил быстро, пока я не успел ничего возразить: — Сам не могу, у меня ме-ро-при-ятие.

Богатое слово, завистливо думал я, складывая бумаги в стол. Почти такое же богатое, как кон-тин-гент.

На собрание в ЖСК «Луч» я опоздал.

Во-первых, в коридоре отделения меня поймал за пуговицу зам. по розыску Мнишин и, пристально разглядывая нагрудный карман моего пиджака, поинтересовался: а) почему я не в форме, б) что это за краны-стаканы такие, и почему я со своими стаканами-кранами обращаюсь не к нему, Мнишину, своему непосредственному начальству, а через его, Мнишину, голову куда-то там еще. В обратном порядке я бодро отрапортовал, что: б) к нему, Мнишину, я не обратился исключительно ввиду его, Мнишина, отсутствия на рабочем месте, а дело, по моему

разумению, отлагательства не терпело, а) не в форме я потому, что мое служебное время уже закончилось, и в отделении нахожусь оттого только, что горю рвением. Вот и сейчас, кстати, спешу на встречу с жильцами микрорайона для профилактической беседы. После чего пуговица была освобождена, а сам я отпущен благосклонным кивком.

Во-вторых, по дороге к стеклянному дому я встретил на улице Сережку Косоглазова по прозвищу Заяц, про которого мне доподлинно было известно, что лет пять назад его укатали на полную катушку за кражи из автомобилей. Сережка, уже, видимо, будучи в курсе моей новой должности, мгновенно, не дожидаясь просьбы, вытащил из-за пазухи справку об освобождении, сообщил, что сейчас хлопочет о прописке, и, не удержавшись, съехидничал, попросил не забывать, заглядывая. Я на полном серьезе пообещал бывать непременно и почаще. После чего физиономия у него потускнела, а я в уме поставил галочку, что уже начал работу с ранее судимыми.

В небольшом помещении домоуправления было не повернуться. Люди сидели на стульях, стояли в проходах и вдоль стен. Стояли и в дверях, заглядывая друг другу через головы, и я сперва очень удивился такой общественной активности пайщиков. Тем более что невидимый мне оратор бубнил что-то о смете на починку крыши и об озеленении, причем бубнил как-то уж совсем невыразительно, без всякого вдохновения. Я потихоньку стал пробираться вперед. Пайщики пропускали меня нечувствительно, даже не оборачиваясь, взгляды их были устремлены на президиум.

170 За столом, крытым синим сукном, сидели двое — средних лет молодящаяся женщина, вся обложенная бумагами, в которых она что-то быстро помечала, вычеркивала, а затем переключивала их судорожно с места на место, и пожилой светский лев, сегодгривый, со скучающим лицом. Третий, тонкошей, тот, что бубнил, стоял перед столом с папочкой в одной руке, другой придерживая постоянно сползающие на нос очки. «Таким образом, — монотонно бормотал он, глядя в папочку, и слова падали, как дождик по жестяной кровле, — в подотчетном году наши доходы составили семьдесят две тысячи двести пятьдесят шесть рублей восемьдесят четыре копейки, а расходы семьдесят одну тысячу...»

Душно было невыносимо. Я увидел, как рядом со мной поднимается со своего стула пожилая дама в кашемировом платке. Лицо ее покраснело, похоже, она была в полубморочном состоянии. Я галантно подал ей руку, она стала протискиваться к выходу, а я поспешил занять ее место. Рядом со мной сидела очаровательная шатенка лет двадцати пяти. Она повернулась в мою сторону, и я увидел, что, ко всему прочему, у нее еще и глаза голубые.

«Вам повезло», — окинув меня быстрым взглядом и смешно дернув маленьким носиком, краем губ сообщила шатенка. «Вы насчет себя?» — тихонько поинтересовался я. Она хмыкнула, дав понять, что оценила. «Насчет себя тоже». После чего замолчала, но я решил продолжить знакомство. «Вам тоже повезло»,

«Это почему же?» — «Еще чуть-чуть, и вашу соседку хватил бы удар». — «Было бы весьма печально, — заметила она саркастически. — Это моя бабушка. У нас с ней родственный обмен». Я подавленно замолчал. Но она заговорила сама: «А вы тоже по квартирному вопросу?» — «В некотором роде», — ответил я уклончиво. «Тогда проголосуйте за меня, когда я скажу». — «Не могу, я не член кооператива». — «Вот как? — полуобернулась она ко мне. — Что же вы тут делаете?»

У нее, по-видимому, просто в голове не укладывалось, что кто-то может сидеть в такой духоте и слушать эту нудятину, не будучи кровно в чем-то заинтересован. Я уже хотел было честно признаться, зачем я здесь, но тут тонкошей захлопнул папочку, подхватил на лету очки и произнес, заметно повеселев: «Таким образом, годовой финансовый отчет нашего кооператива предлагаю утвердить. Кто «за»? Молчаливый лес рук. «Кто «против»? Кто воздержался? Единогласно. Тогда можно переходить к следующему вопросу — жилищному. И тут я с удовольствием передаю слово нашему уважаемому председателю Елизару Петровичу!»

Он закончил на такой бравурной ноте, что, казалось, сейчас вот-вот сами собой грянут аплодисменты. Но аплодисменты не грянули. Вместо них прошла по рядам легкая рябь, как от дуновения свежего ветра. Кое-где заерзали, задвигали стульями, закашляли. Как говорится, оживление в зале.

Седогривый Елизар Петрович поднялся над столом. Внушительно из-под густых бровей обвел взглядом помещение, словно выискивая скрытых врагов. Я заметил, что аудитория мгновенно затихла, будто загипнотизированная этим взглядом. Не поворачиваясь, Елизар Петрович протянул ладонь, и тотчас же в нее оказался вложен молодящейся дамой, видимо, секретарем правления, лист бумаги. Елизар Петрович поднес его к глазам. Елизар Петрович прочистил горло. И произнес: «Товарищи! — После чего снова внимательно оглядел застывшую перед ним паству. — Друзья мои!» Ей-богу, если бы он добавил к этому «Братья и сестры!», я бы не удивился. Но Елизар Петрович уже перешел к делу: «Перед нами действительно стоит непростая задача. Поэтому я вас всех призываю прежде всего к спокойствию...»

Но тут плавное течение его речи было грубо прервано отнюдь не спокойным выкриком из середины зала. Кричала крашенная рыжая женщина лет пятидесяти с пронзительным голосом: «Вам хорошо быть спокойным, Елизар Петрович, вдвоем с женой в четырехкомнатной! А мы пятый год стоим на очереди!..»

Елизар Петрович огорчился этим выкриком чрезвычайно, и это, конечно, отразилось на его лице. Оно страдальчески скривилось, и он даже руки вытянул вперед, подобно миротворцу. «Погодите, товарищ... э... — Он скосил глаза на секретаря, и та прошелестела: «Бурдова». — Товарищ Бурдова. Сейчас мы все обсудим по порядку. Поверьте, — тут он даже прижал руку с заветной бумажкой к груди, — правление на предварительном заседании очень тщательно все рассмотрело и взвесило!» «Могу себе представить...» — иронически прошептала себе под нос моя

голубоглазая соседка. «Итак,— продолжал Елизар Петрович, удовлетворенный вновь наступившей тишиной,— на текущий момент в нашем кооперативе освободились три квартиры...» «Пять!» — выкрикнула с места рыжеволосая. Собрание одобрительно загудело. «Э...— снова замаялся Елизар Петрович, в смутении обернувшись к женщине-секретарю,— я не совсем понимаю, о чем речь...» «Все вы прекрасно понимаете!» — проорали откуда-то с задних рядов.

Елизар Петрович поискал глазами крикнувшего. «Товарищ... э... назовитесь, пожалуйста, и объясните нам, наконец, что вы имеете в виду». Но товарищ назваться не пожелал. Зато из другого угла предложили сочным басом: «Сами объясните». Гуд нарастал. В воздухе отчетливо запахло скандалом. «Товарищи, товарищи», — строго повторял Елизар Петрович, стуча карандашом по стакану, но его не слушали. И тогда женщина-секретарь решительно поднялась, одернула жакетку и, подхватив из рук председателя бумажку, начала звонким голосом: «У нас имеется трехкомнатная квартира № 236, из которой семья Сеньковских выехала на постоянное жительство в США...»

Зал мгновенно затих.

«Затем, все вы знаете, что умерла Софья Григорьевна Волкова, она одна занимала двухкомнатную квартиру № 72. И, наконец, Карл Фридрихович Розен оставил нам однокомнатную квартиру № 302, потому что переехал в Дом ветеранов сцены». «Вот эти квартиры, — окрепшим голосом снова вступил Елизар Петрович, — нам с вами и предстоит сейчас распределить по справедливости между особо нуждающимися...» «А где еще две?» — спросил все тот же сочный бас из дальнего угла. «Что две?» — удивленно спросил председатель. «Две квартиры! — выпалила рыжеволосая. — Сорок четвертая, Черкизова, и сто шестая, Байдакова!» «Побойтесь Бога, товарищ... э... Бурдова! — умоляюще сложил руки на груди председатель. — Тут такая трагедия... Как говорится, труп еще не остыл... Как вы только можете?» «Я могу, — отрубил рыжеволосая. — Я пятый год жду квартиру». — И вдруг неожиданно для всех разрыдалась. Ее усадили на место, стали успокаивать.

И тут в первом ряду поднялся тонкошей в очках. «Даю справку, — перекрикивая шум, звучно начал он. — Мой зять работает в прокуратуре. Так вот, даю справку: Байдаков уже подписал все признательные показания по поводу убийства Черкизова. Так что не беспокойтесь, квартира никуда не денется. В скором времени...» Договорить ему не дали. «Делить, сейчас делить!» — кричали со всех сторон. «Да поймите, — пытался утихомирить мятежную паству совершенно потерявшийся перед лицом стихии Елизар Петрович, — так нельзя! Есть жилищная комиссия, есть правление, они тщательно взвесят и вынесут...» «К чертовой бабушке вашу комиссию, — рыдая, кричала рыжеволосая, — пять лет!»

«Мафия, натуральная мафия, — уже в полный голос сказала, обращаясь ко мне, голубоглазая. — Видели когда-нибудь мафию? Вот, пожалуйста... А Елизар у них — крестный папа». «Вы кого имеете в виду?» — заинтересовался я. «Правление, конеч-

но, кого же еще! Вы думаете, они допустят, чтобы вот так, прямо на собрании, жильцы делили квартиры? Да им легче застрелиться!» «А что они могут поделывать в такой ситуации?» «Они все могут.— От злости глаза у нее из голубых сделались серыми.— Сейчас объявят, что вопрос не подготовлен, и перенесут его на следующее собрание. А следующее — через полгода! Вы думаете, их озеленение волнует? Нет, у них каждый квадратный метр на вес золота! Мне уже два раза в родственном обмене отказывали, каково, а?» «Кто этот, в очках?» «Коз-зленко, заместитель председателя, тоже сволочь»,— процедила она сквозь зубы.

Я, признаться, мало что понимал. Только и думал обалдело: ну и домик! Не домик, а терем-теремок. По крайней мере жилищный вопрос стоит не менее остро. Пора, пожалуй, и мне выступить. Я встал и начал пробираться к столу президиума. «Вы куда?» — удивилась моя соседка. «На борьбу с мафией»,— ответил я.

Но у самой крытой синим сукном цели мне преградил дорогу узкой грудью заместитель председателя. «Вы, товарищ, кто будете?» «Я, товарищ, буду ваш новый участковый»,— сообщил я, и узкогрудый в буквальном смысле расступился передо мной, ибо мне не удалось зафиксировать, вправо он отступил или влево, или просто растворился в воздухе. Но когда я повернулся лицом к залу, он тотчас возник у меня за спиной: «Слово имеет...»

«Спасибо, я сам представляюсь,— через плечо сказал я ему и, оглядев разгоряченные лица рядовых пайщиков, начал как можно спокойнее и добродушнее: — Фамилия моя Северин. Со вчерашнего дня я ваш новый участковый инспектор. Так что, если у кого есть какие проблемы — милости прошу». В помещении стало потише. И я продолжал уже жестче: «Вот тут товарищ Козленко, у которого зять работает в прокуратуре и с такой легкостью делится с домашними служебной информацией, дал справку. Я тоже хочу дать справку. По закону никто у нас не может быть признан виновным, иначе как по приговору суда. Вот и в отношении Байдакова придется подождать этого приговора. А потом уж, в зависимости от него, решать вопрос об исключении Байдакова из членов ЖСК и делить его квартиру. Но это так, к слову. Что же касается основной цели моего прихода...» — Я собрался попросить слова в конце собрания, но речь моя была вдруг прервана самым неожиданным образом.

В задних рядах поднялась дородная, раскрашенная хорошей косметикой дама в черном лайковом пальто нараспашку. «Минуточку,— сказала она твердым и властным голосом женщины, знающей себе цену.— А почему это вы вообще собираетесь делить мою квартиру?» «Вашу квартиру?» — эхом откликнулся Елизар Петрович. «Ну да, мою, мою. Я жена Байдакова Виктора Михайловича и прописана вместе с ним в сто шестой квартире.— Она щелкнула изящной кожаной сумочкой и извлекла оттуда паспорт.— Желаете убедиться?»

При общем немом изумлении она пробралась к столу президиума и выложила на него свой документ. Он принадлежал

Скачковой Кире Алексеевне. Я взял его в руки и начал листать. Елизар Петрович и Козленко заглядывали мне через плечо. Ранее Кира Алексеевна была прописана в городе Ростове-на-Дону, ныне действительно в квартире своего законного супруга Байдакова В. М. Я перелистнул еще несколько страничек, чтобы взглянуть на штамп о регистрации брака. Он был на месте. В счастливом союзе Скачкова и Байдаков соединились ровно месяц назад.

7

— На,— сказал Валиулин, протягивая мне тощую папочку.— Здесь все, что мы нарыли по делу о квартирах. Связи тех, кого обокрали, где пересекаются — ну, и так далее.

— А что Байдаков? — спросил я, принимая папку.

Валиулин оттопырил нижнюю губу, что отмечало бестактность или бессмысленность заданного вопроса.

— Следствием занимается Степанида. Помнишь такую?

— Помню. Старая гримза. Очень жесткая.

— Мягкий следователь — жареный лед,— изрек Валиулин.— Это только в плохих романах бывает. Если тебя интересуют стаканы, я ей позвонил. Она назначила экспертизу. В том, на котором отпечатки Байдакова, действительно «Алабашлы». В другом — португальский портвейн.

— Ну и?..

— Ну и ничего. Он уже вспомнил, что пришел к Черкизову со своей бутылкой. С ней и ушел.

— Хороший следователь Степанида,— сказал я.

— Хороший,— согласился Валиулин, глядя мне прямо в глаза.

— Что ж он у нее про ключи от переходов не вспоминает?

Валиулин пожал плечами.

— Почему верблюд вату не ест? Не хочет.

Я хотел напомнить ему про краны, но промолчал. С кранами я, по точному выражению Валиулина, фраернулся.

— Может, еще вспомнят,— меланхолически заметил Валиулин.— К суду поближе.

Я поднялся, чтобы идти. Но Валиулин неожиданно остановил меня.

— Погоди.

Я снова сел. Валиулин, сняв очки, некоторое время тер покрасневшие глаза, потом снова нацепил очки, вздохнул и сказал:

— Ты что думаешь, я всего этого не вижу?

Я молчал.

— Всех этих хвостиков, ослиных ушек? Но ведь так часто бывает, всегда что-нибудь чему-нибудь противоречит. И это сейчас проблемы Степаниды. А мне важно другое.

— Что?

— Ты вот, например, знаешь, кто такой Байдаков?

Вместо ответа я пожал плечами. Хвастаться своим прежним знакомством с Витькой сейчас явно не имело смысла.

— Байдаков — шестерка, — продолжал Валиулин. — Катала, мелкий игрочишка в карты и на бегах. Но всюду на подхвате, потому что пил сильно и все его подельщики знали, что тип он ненадежный. Портрет ясен?

Я кивнул.

— Теперь, кто такой Черкизов. — Валиулин сделал многозначительную паузу. — Черкизов был босс. Четырежды судимый. Насколько нам известно, вор в законе. Причем очень и очень авторитетный. По нашим оперативным данным, один из руководителей организованной преступности в Москве. Ты понял?

Я ничего не понял, и Валиулин, уловив это, посчитал нужным со вздохом объяснить:

— Одна мелкая гадина сожрала другую крупную гадину. И воздух от этого чище стал, и нам с тобой работы поубавилось.

Я молча смотрел ему прямо в глаза, и он наконец отвел их в сторону. Сказал раздраженно:

— Короче говоря, у меня указание больше этим делом не заниматься. Потому что прокуратура считает его достаточно чистым и ясным.

Вот тут я кивнул с пониманием. Указание есть указание. Приказ. Да и в конце концов убийство — подследственность прокуратуры. А ей виднее. Я взял папку и поднялся со стула.

— Разрешите идти?

Повернулся через левое плечо и вышел почти строевым шагом.

Не мое дело. Так думал я, бредя длинным тоскливым коридором Управления. И Витька Байдаков мне не сват и не брат. Почему я должен портить себе нервы из-за какого-то Витьки Байдакова? Каталы, мошенника да еще и алкаша?! 175

А вот слева по борту и мой кабинет. Бывший, конечно. Интересно, кто теперь сидит за моим столом? Наверное, Шурик Невмянов. Он всегда хотел к окошку. К свету тянулся наш Шурик.

Не зlobствуй, сказал я сам себе, твердыми шагами проходя мимо двери. Если Шурик сидит теперь за твоим столом, значит он парень несуетерный. Столик-то как-никак выморочный, меченый столик. Ох, и повозили во время оно меня по нему мордой! До сих пор чешется.

За поздним временем в отделение я не поехал, а поехал я домой. Дома я первым делом поставил на плиту чайник, потом наделал себе бутербродов: один с колбасой, другой с сыром, а третий с любимым моим шоколадным маслом, которое вдруг ни с того ни с сего выкинули вчера в молочной. Глядя на этот третий ингредиент, я подумал, что бытие наше все-таки не без маленьких радостей и что вообще жить надо сегодняшним днем, а не переживать по новой прошлые неприятности и тем паче не искать на свою филейную часть новых. Делом надо заниматься, сказал я сам себе, и желательно делом посильным, чтоб, значит, было это дело по моим, участкового инспектора Северина, слабым силам — и никак не больше. Потому что достаточно повозили означенного инспектора, а в те поры старшего оперуполномоченного угрозыска Северина мордой об стол. Хватит.

Чайник, молодецки свистнув, начал плеваться кипятком. Я обошел его с тыла и ухватил за ручку старой дедовской, прожженной во многих местах рукавицей. Замечательно! Стол накрыт, чай заварен. Усевшись на табуретку, я откусил от бутерброда с колбасой и раскрыл принесенную от Валиулина папку. Так, что тут у нас есть? Есть тут у нас схемка. Нет, это не схемка, это схемичка! Кружочки, квадратики, черточки, стрелочки... Тут, похоже, и впрямь фамилий сто. И какие, однако, сидят в отделе у Валиулина каллиграфы! При мне таких не было. Интересно, он специально для меня эту красоту на ксероксе перстнал или она у него уже запущена в массовое производство? Ну-с, схема... Схему мы покуда отложим в сторону, кавалерийским налетом нам с ней не разобраться, тут, как говорится, надо войти в материал. Что в папочке дальше? Так, протоколы осмотра мест преступления, списки похищенного, все тоже отксерено. Оч-чень хорошо! Больше ничего? А вот в самом конце замечательный документ, специально для начинающих, то бишь для меня: список владельцев обчищенных квартир вместе с адресами. И что хорошо — потерпевшие идут, так сказать, в порядке поступления. Где тут мой голубчик? Ага, вот! Номер третий. Казарян Артур Викторович, проживает в доме, построенном то ли МИДом, то ли министерством внешней торговли, вон его в окошко видно, двенадцатизэтажная башня. Номер восьмой, Таратута Олег Петрович. Стеклопанельный дом. И номер шестнадцатый — Полева Маргарита Александровна, там же.

176 Приступим. Я пододвинул к себе телефон и в строгом соответствии с нумерацией начал с Казаряна. Артура Викторовича не оказалось на месте, отсутствовала также и его супруга. Все это мне сообщил осторожный женский голос, который, кажется, ни на йоту не поверил мне, что я действительно участковый, но с тем большей настойчивостью дал понять: в квартире живут, квартиру охраняют. Как участковый я был доволен, как сыщик — не слишком.

Следующим шел у меня Таратута Олег Петрович, который сам взял трубку. «Участковый? — Он говорил быстрым и нервным голосом, словно куда-то торопился. — А что, нашли чего-нибудь? Или кого-нибудь?» «Нет, — вынужден был признать я. — Пока нет. Но мне бы хотелось с вами встретиться, побеседовать». «Встречайтесь, — согласился он. — Пожалуйста. Когда?» «Я бы мог сейчас, например...» «Хорошо. Жду», — отрезал он и, не дожидаясь ответа, положил трубку.

Но прежде чем уйти, я набрал номер Маргариты Александровны Полевой. После двух или трех гудков в трубке вдруг что-то щелкнуло, зафонило, и внезапно приятный женский голос произнес: «Здравствуйте! С вами говорит автоматический секретарь. В данный момент хозяев нет дома. Если вы хотите оставить им какое-либо сообщение, начинайте говорить после звукового сигнала. В вашем распоряжении одна минута...». Би-ип — мелодично пропела трубка, и я положил ее на рычаги. Передавать неведомой Маргарите Александровне мне было решительно нечего.

Таратута широко распахнул передо мной дверь, но почему-то

не отодвинулся в сторону, чтобы пропустить меня в квартиру, а остался стоять, держась за притолоку и молча меня рассматривая. Был он высокий и тощий, с всклокоченными волосами, а больше я в полутьме прихожей ничего разглядеть не мог. Стояние наше друг против друга затягивалось сверх всяких границ, и я сказал, в основном чтобы прервать молчание: «Здравствуйте, Олег Петрович?» «Здорово,— неожиданно ответил он.— Я, я Олег Петрович...» И наконец, посторонившись, махнул вялой рукой: «Заходи, чего стоишь...»

Я зашел. Из маленькой прихожей мы сразу попали в большой холл, из которого в разных направлениях вели четыре или пять дверей, все, кроме одной, прикрытые плотно. Тяжелыми шагами хозяин направился к этой незапертой, я последовал за ним и оказался, вероятно, в гостиной: большой полукруглый диван, кресла в углах, громадный японский телевизор и горка с хрусталем и фарфором утверждали меня в этой мысли. «Садись,— кивнул Таратута на кресло и сам упал напротив.— Рассказывай, чего надо». Теперь я мог рассмотреть его наконец. Лицо у него было, как спущенный мячик, деформировано в самых неожиданных местах. Нос, губы и подбородок ехали куда-то в разные стороны, иногда он собирал их на одной линии, но они тут же опять расплзались кто куда. «Давай, давай, излагай»,— подбодрил он меня.

«Что же это вы, Олег Петрович,— начал я заготовленную речь, слегка, конечно, этим «тыканьем» шокированный, но решив не обращать внимания.— Приходит к вам незнакомый человек, называется участковым, вы его в дом пускаете, а удостоверения не просите. Ведь вас, кажется, недавно обокрали? Надо бы соблюдать осторожность!»

Он чуть подался вперед, ко мне, хотел, кажется, привстать, но повалился обратно в кресло. Части лица его снова пришли в движение, он широко взмахнул рукой и сообщил: «А нечего у меня больше красть. Все унесли». Потом снова безуспешно попытался побороть земное притяжение, и тут я с ужасом понял, что Олег Петрович Таратута вдрызг пьян. Удачный момент я выбрал для проведения профилактической работы! Не говоря уж о моих других далеко идущих планах.

«Уперли все подчистую,— помрачнев, продолжал он.— Всю технику, видео-шмидео, лазерные-шмазерные...— Таратута икнул, извинился и помрачнел еще больше.— Все диски, все кассеты... Вот только телевизор не осилили, здоровый очень...»

В эту секунду в холле стукнуло, потом что-то шлепнулось — звук был такой, будто груды мокрого белья шмякнули об пол, и я краем глаза увидел, как мимо раскрытой двери промелькнуло белое, голое, с большой грудью, в одних трусиках, а может, и без них. Олег Петрович вскочил с совершенно неожиданной прытью, захлопнул дверь и вернулся на место. Сталось неловкое молчание.

Тут дверь снова приоткрылась, кто-то сунулся в комнату, из холла послышался звук необычайно звонкого шлепка, там захихикали. Таратута бросился на дверь, как на амбразуру, и заслонил ее спиной. Я понял, что мне тут делать больше нечего,

и поднялся. «Айн момент», — пробормотал он, поняв мои намерения, и, пятясь задом, выдал себя в дверь, плотно притворив ее за собой. Оттуда доносилось какое-то бубнение, потом чей-то высокий голос, затем все стихло. Интересно, думал я, за каким чертом он меня пригласил? Спьяну, что ли?

Наведя порядок, Таратута пригласил меня на выход. И я, вдруг разозлившись от всего происходящего, уже в прихожей взял да и спросил его напрямую: «А вы сами, Олег Петрович, что думаете по поводу кражи? Может быть, у вас незадолго до нее бывали в доме малознакомые люди? Ну, женщины, например?» Он привел детали своего лица в относительное соответствие, с шумом втянул воздух и ответил: «Малознакомых женщин не держу. Все проверенные. — И добавил, поминутно оглядываясь: — Вы звякните на днях, поболтаем. А то... видите... не дают сосредоточиться!»

Я вышел на улицу совершенно раздосадованный. Казарян отсутствует, Таратута просто в некондиционном состоянии, у Полевой к телефону подходит какой-то механизм. Не люблю, когда с самого начала все идет кувырком. Примета плохая. Надо переломить невезение. Я заглянул в тетрадку: Маргарита Александровна Полева проживала рядышком, буквально через два подъезда. Я шел туда наобум, даже не перезвонив еще раз предварительно. И, как бывает, удача ждала меня там, где я не ждал ее никак.

Передо мной на пороге стояла Лялька, Лялька-Прекрасная, Лялька-в-гневе-ужасная, Лялька еще бог знает какая... И было на ней черное шуршащее платье, и туфельки на стройных ногах были лаковые, блестящие, и в ушах у нее сверкало, и на шее у нее неземным светом переливалось. И пахло от нее французскими духами, и смотрела она на меня, сдвинув свои смоляные брови, будто ждала, что я сейчас скажу: «А вот точить ножницы!»

Такая у меня теперь работа, подумалось мне. Звонить в чужие двери и, стоя на пороге, объяснить, кто я такой. Даже Ляльке.

«Ты?!» — взглядевшись, с безмерным удивлением вскрикнула она. «Я, — пришлось подтвердить. — Ваш участковый». «Брось, — хохотнула она, хватая меня за рукав и затаскивая в квартиру, — вечно ты со своими шуточками. Да заходи же, чего встал! Лерик! — кричала она через плечо, — иди скорей, смотри, кто пришел!» «Погоди, — останавливал я ее, — погоди. Я туда попал? Мне нужна Полева Маргарита Александровна». «Туда, туда! — подтверждала она. — Марго — это моя мачеха, на нее вся квартира записана. А живем мы. Да Лерик же!» — уже сердито прикрикнула она и даже ногой притопнула.

И Лерик выплыл из-за поворота коридора, как большой красавец теплоход: сверкая линзами затемненных очков над пышными пшеничными усами, в роскошном сером костюме, при вишневом в крапинку галстуке. «Ба! Какие люди!» — воскликнул он и с ходу полез целоваться. От него приятно пахло хорошим мужским одеколоном.

Через полчаса я был в курсе всего. Правда, первые пятна-

дцать минут пришлось потратить на то, чтобы убедить их в том, что я действительно участковый.

«Погоди,— недоумевал Лерик,— ты же был, кажется, какой-то шишкой на Петровке!» Я терпеливо объяснял, что и шишкой особой не был и поперли меня оттуда с треском, а почему поперли — разговор долгий, да и неинтересный. «И вообще,— сказал я,— вы, кажется, куда-то собираетесь. Не отложить ли нам вечер воспоминаний до другого раза?» «Ни в коем случае!» — торжественно провозгласил Лерик. — Мы идем в гости, а там без нас не умрут. Ни за что тебя не отпущу без рюмки коньяку! Хотя бы символически!»

А Лялька уже несла коньячок и звенела уже хрустальными рюмками, и сами собой появились на столе икорка, и лимончик, и крабы в мисочке, и какая-то нежная до прозрачности рыбка на блюде...

«Да-а,— произнес я, оглядывая все это благолепие.— Похоже все-таки, продовольственная проблема может быть решена в одной отдельно взятой семье. Позвольте осведомиться: уж не японская ли филология поставляет на ваш стол этикие разносолы?» «Порвато и растоштато,— хохотнул Лерик, разливая коньяк.— Видишь ли, японская филология — слишком хрупкая и нежная вещь, чтобы кормить такого троглодита, как я. Как сказал поэт: «Вьюнок обвился вокруг бадьи моего колодца. У соседей воды возьму». Мы выпили. «Так-так,— сказал я, подцепив на вилку кусок рыбы.— И где же, если не секрет, ты теперь берешь... воду?» «Никаких секретов,— сообщил Лерик.— Мы — дети времени. Я, например, цивилизованный кооператор». «Если ты цивилизованный, не хватай рыбу руками», — встряла Лялька. «Па-ардон», — сказал Лерик, облизывая кончики пальцев. «И чем конкретно ты занимаешься?» — поинтересовался я. «Широкий профиль,— объявил он.— Комиссионная торговля, посреднические операции, общепит... ну, много чего еще». «Так это, стало быть, не Полеву Маргариту Александровну, а тебя обнесли этой зимой?» «Меня,— беспечно махнул рукой Лерик.— Нажито махом — прожито прахом». «А что забрали?» «Шубу Лялькину, кое-какие цацки, но не все, главное в тайнике лежало, не нашли. Видео, конечно, кассет штук пятьдесят — все, что было...» «Шубу жалко», — вздохнула Лялька. «Купили ж тебе новую!» — удивился Лерик. «Старая лучше была!» — капризно заявила она. «Прорва какая-то, а не баба,— пожаловался мне Лерик со смехом.— Только не спрашивай меня, кто знал про то, что мы на два дня сматываемся в Домбай. Твои дружки меня этим вопросом замучили. Да сто человек знали!»

Он налил еще по одной. И вдруг замер с бутылкой в руке.

«Слу-ушай, а может, мне тебя к нам на работу взять?» «В каком качестве?» — полюбопытствовал я. «Да все в том же! Нам охрана нужна — во как! Лезет, понимаешь, всякая шпана. Да и не шпана тоже... — Он помрачнел и взглянул на часы — Это дело надо обмозговать. Все. Нам пора. Ляля, ты готова?»

На улицу мы вышли все вместе. Лялька, кинув в мою сторону быстрый взгляд, уселась за руль серой, как сумерки, «Волги».

Лерик, пыхтя, втиснул свое грузное тело на переднее сиденье. Я сделал им ручкой. Они в ответ обдали меня облаком выхлопных газов. Я повернулся и пошел домой. Дела на сегодня закончены. Какие, однако, дистанции, размышлял я, лежат иногда между прошлым и настоящим. Неужели это Лялька и Лерик? Неужели это я?

Ну, так или иначе, а у меня появляется шанс поближе познакомиться кое с кем из тех, кто на валиулинской схеме обозначен безликими кружочками и квадратиками. И моя работа в том, чтобы этот шанс не упустить.

8

— К тебе посетитель,— сказал мне дежурный капитан Теплушко, когда следующим утром я входил в отделение,— там, возле кабинета.

В коридоре было полутемно, я разглядел только, что на стуле в распахнутом пальто сидит сгорбившись человек немолодой, сидит, опершись двумя руками на палку, устроенную между колен.

— Здравствуйте,— сказал я, гремя ключами.— Сейчас, минуточку.— Отпер дверь и пригласил: — Проходите, пожалуйста.

Он шагнул из полутьмы на свет, и я обмер: передо мной стоял покойник Черкизов из сорок четвертой квартиры.

Видимо, чувства мои были хорошо видны на моем лице, потому что визитер грустно усмехнулся и сказал:

— Не волнуйтесь, я всего лишь его брат... Черкизов Арсений Федорович.

Я перевел дух и предложил гостю присесть, но тот остался стоять, опираясь на палку.

— Видите ли,— сказал он,— у меня, собственно, предложение сходить вместе в квартиру брата. Быть может, я бы подсказал вам, что из вещей пропало... Кроме меня, у него других близких людей не было.

Вспомнив валиулинскую информацию о покойном Черкизове, я задумался над предложением Черкизова живого. Черт его знает, что за человек. Хорошо бы взять с собой Дыскина, но его как на грех нет. Ладно, решил я, обойдусь на крайний случай Панькиным.

Тут же, набрав панькинский телефон, я с ним договорился, что мы будем через десять минут, попросил захватить ключи от сорок четвертой. И мы двинулись. Черкизов-второй всю дорогу молчал, только возле самого дома подал голос:

— Дверь пришлось ломать?

Я объяснил, как было дело. Он понимающе кивнул.

Панькин, ждавший нас внизу, хоть я и предупредил его заранее, тоже вздрогнул при взгляде на Арсения Федоровича и пробормотал:

— Ну и ну...

Когда, сорвав печати, мы вошли в квартиру, Черкизов на секунду замер в прихожей, словно не зная, куда идти сперва. Потом мельком заглянул в гостиную и, стуча палкой, прошел

в спальню. Мы следовали за ним по пятам.

Остановившись на пороге, он сразу увидел снятую со стены и прислоненную к кровати картину и распахнутый настерж сейф. Сбоку я следил за его лицом. Он смотрел молча, только подбородок его чуть-чуть подрагивал. Но, когда он заговорил, голос у него был ровный:

— Там, конечно, ничего не было? — произнес он, ткнув рукой с палкой в направлении сейфа.

— Да,— сказал я, решив, что прилипшая к задней стенке двадцатипятирублевка вряд ли его интересует. Но, в свою очередь, спросил:

— А что ваш брат там хранил?

— Деньги,— помедлив, ответил Черкизов и добавил уже решительней: — Только деньги, он не любил связываться со сберкассами.

— А... много? — поинтересовался я.

— Не знаю,— развел руками Арсений Федорович, и в этот момент мы с ним встретились глазами. И по его глазам я понял, что он знает, что я знаю, кем был его брат. Мы играли в гляделки не больше секунд двух-трех, после чего Черкизов повернулся и пошел в первую комнату.

Остановившись на ковре посреди гостиной, он медленно оглядел все вокруг. Подошел к финской стенке, раскрыл одну пару створок и почти сразу закрыл обратно. Отворил дверцы платяного шкафа, с полминуты изучал его содержимое, провел рукой по висящим на вешалках рубашкам и костюмам. Мне казалось, что все это он делает как-то не так, как должен делать человек на его месте. Что на самом деле не волнует его, целы ли костюмы покойного. Да скорей всего и не знает он, сколько их там было! Он, казалось мне, уже видел то, ради чего пришел сюда, и сейчас только доигрывает взятую на себя роль. Надо думать, его интересовал сейф.

Черкизов закрыл шкаф, подошел к дивану и опустился на него. Небрежно перебрал журналы на столике, заглянул на его нижнюю полку, сунул туда руку и извлек, как мне сперва подумалось, толстую большую книгу в кожаном переплете.

— Вот они... — каким-то потеплевшим голосом произнес он, раскрыл книгу, и я увидел, что это не книга, а альбом с фотографиями. Черкизов перевернул пару картонных страниц и вдруг позвал:

— Подойдите, пожалуйста!

Мы приблизились и заглянули через его плечо. Ничего необычного. Пожелтевший снимок, на котором двух мальчиков лет шести в одинаковых матросках обнимает за плечи красивая молодая женщина.

— Невозможно отличить, кто где, правда? — с улыбкой спросил Черкизов, а я не к месту подумал, что один из этих симпатичных малышей станет вором в законе. Кстати, мне еще неизвестно, кем станет второй.

— А это наша мама,— продолжал Арсений Федорович.— Ее чуть ли не единственный снимок.— Голос его дрогнул, и он резко захлопнул альбом.— Она очень рано умерла.

Черкизов встал, постоял молча, касаясь альбома двумя пальцами, и не попросил, а скорее констатировал:

— Вы позволите мне его забрать... Это память.

Признаюсь, я слегка замешкался, но Панькин выручил:

— Не положено,— развел он руками.— Пройдет полгода — хоть все забирайте.

— Ну что ж,— неожиданно легко согласился Черкизов.— На нет суда нет.

— Ага,— подтвердил Панькин.— Да вы не волнуйтесь, здесь целее будет.

Над моим столом была приколото записка:

«Тебя искал председатель ЖСК «Луч» Кадомцев Елизар Петрович. Оставил телефон, просил связаться. Де Скин».

Самого «Де Скина» нигде поблизости не было, а жаль. Я нуждался хоть в какой-нибудь предварительной информации. Впрочем, мне тут же пришло в голову, где я могу ею разжиться.

Для начала меня на мой звонок заливисто облаяли через дверь. Потом женский голос поинтересовался: «Кто?» Я назвал, мне открыли, и передо мной предстала давешняя голубоглазая шатенка в длинном до полу белом махровом халате. Вокруг нее очень живописно скакал черный как смоль стриженный пудель. Она стояла на пороге и удивленно рассматривала меня.

— Здравствуйте, Марина Львовна,— сказал я.— Вы меня пустите, или вам сейчас неудобно?

— Удобно.— Дверь открылась шире.— Только я не понимаю, как это вы меня так быстро нашли? Я ведь вчера не представилась... Ах, да! — засмеялась она.— Вы же участковый!..

— Дедуктивный метод здесь совершенно ни при чем,— заметил я, проходя в прихожую.— Просто вчера, когда голосовали за ваш обмен, назвали фамилию, имя, отчество и даже номер квартиры.

— Вот оно что,— протянула она, как мне показалось, разочарованно.— Ну, все равно, проходите. Не знаю только, зачем я могла понадобиться участковому? Потому что живу здесь без прописки? — Это уже было добавлено кокетливо.

— Да живите, где хотите,— махнул я рукой.— Тем более что вы ведь, кажется, совершили наконец свой родственный обмен? Поздравляю. Только почему все-таки с третьей попытки?

Мы прошли в комнату и уселись в низенькие кресла у журнального столика. Она пододвинула мне пепельницу.

— Если хотите курить — пожалуйста. Кофе?

— С удовольствием.

Через несколько минут она принесла с кухни поднос, на котором дымились две чашки кофе, стояли сахарница и вазочка с печеньем.

— Вы так и не ответили на мой вопрос,— сказала я, закурив сигарету и пригубив горячий кофе.— Почему с третьей попытки?

— Я же вам еще вчера объяснила. Тут натуральная мафия. У них на учете каждая квартира, которая может освободиться

в перспективе. Это же валюта! А бабушка у меня старенькая и очень больная.

— Вы что хотите сказать — они взятки берут?

— Разумеется! Только не деньгами.

— А чем? Борзыми щенками?

— Вроде того. Козленко, например, за то время, что заместителем, две книжки выпустил — он критик театральный. И дочь его, поразительно бездарную девку, в аспирантуре оставили. У нас, если кто активно изображает деятельность в правлении, то, значит, чего-то ему нужно: квартиру или там диссертацию.

— А что нужно Елизару Петровичу?

— Черт его знает, — впервые задумалась она. — Как будто все у него есть. Доктор технических наук, дача в Апрелевке, квартира четырехкомнатная... Я там не была, но рассказывают, у него миллионная коллекция старинных икон. Разве что... Год назад он пробил однокомнатную квартиру дочке директора торгова. Наши повозмутились, да скоро перестали, когда всех пайщиков прикрепили к столу заказов. Болтают, что сам Елизар Петрович теперь без балычка или семужки не сидит.

— Откуда у вас такая бездна информации? — поинтересовался я.

— Так ведь я тут с самого рождения живу. А дом-то стеклянный, все насквозь видно, — засмеялась она.

Я допил кофе и поднялся.

— Спасибо. Вы мне позволите обращаться к вам за справками?

— Бога ради, — ответила она и вдруг сдвинула брови, спохватилась: — А, собственно говоря, зачем вы приходили?

— За чем приходил — то и получил. Теперь буду знать, что подделывает местная мафия, — ответил я. И, вспомнив дежурного по отделению капитана Калистратова, заметил уже в дверях: — Мафию вы не видали...

Елизар Петрович Кадомцев принимал гостя в своем кабинете. И хотя гость был всего лишь участковый инспектор, ему оказывали максимум внимания. Предлагали липтоновский чай, французский коньяк, но гость от всего отказывался и только по сторонам головой вертел: все стены в комнате были завешаны великолепными иконами.

«Воров не боитесь?» — спросил я. «Боюсь, — честно ответил Кадомцев. — Человек, владеющий собственностью, всегда уязвимый нищего: ему есть, что терять. Что ж мне их теперь, в речку выкинуть? Это они сейчас подорожали, а когда я их собирал, никто не интересовался. Вот эту Неопалимую Кушину я лет тридцать назад выменял на бутылку водки. А сейчас она стоит тысяч тридцать — шестнадцатый век!» «Водка тоже подорожала», — заметил я. «Да, — скорбно изломал густые седые брови Елизар Петрович и вдруг сказал ни к селу ни к городу: — Как вы думаете, сколько эта... э... Скачкова! Сколько эта Скачкова заплатила Байдакову за фиктивный брак? Какие сейчас расценки?» «А вы уверены, что брак обязательно фиктивный?» «А вы — нет?»

Я вспомнил грязную, захлавленную квартиру Витьки, в которой не было ни следа присутствия женщины, и вынужден был признаться, что тоже уверен. После чего сказал: «Насколько я понимаю, вы меня пригласили, чтобы я помог вам доказать эту самую фиктивность. Если так, то хочу предупредить сразу: это не входит в мои обязанности». «Вы очень проникательны,— произнес он, пристально меня рассматривая.— Мне кажется, мы с вами поладим. Я думаю, нашей бухгалтерии не составит труда выписать вам премию. Рублей пятьсот вас устроит?» «Нет,— вздохнул я.— Боюсь, Елизар Петрович, вы меня неверно поняли. Никаких премий мне не надо. Мне не деньги нужны, а время. Поэтому я вам не могу обещать быстрых результатов». «Но вы это сделаете?» — спросил приунывший было, но затем воспрянувший председатель. «Постараюсь»,— ответил я. В конце концов такой ответ меня ни к чему не обязывал. «Ну и отлично, ну и ладушки! — заулыбался Елизар Петрович.— А то ведь посудите сами, в каком мы дурацком положении: Байдаков в тюрьме, увидеться с ним нам нельзя. А эта дамочка, можете не сомневаться, уже завтра въедет в квартиру — и мы ее потеряем! Я квартиру имею в виду,— пояснил он. И продолжал: — Подумать только: три недели как прописана в Москве, а уже на тебе — роскошная двухкомнатная! Это при том, что у нас огромная очередь нуждающихся! Вы меня понимаете?»

Я кивал, что да, понимаю. Хотя, как ни старался, не мог найти в своей душе и капли сочувствия к попавшему в «дурацкое положение» председателю. Особенно в свете ретроспекций голубоглазой Марины. Откровенно говоря, мне совершенно не хотелось заниматься этим склочным делом, таскать из огня каштаны для правления кооператива «Луч». И уж тем более я не желал заниматься этим в порядке частной инициативы. Поэтому сказал: «Вот что. Вы напишите официальное заявление нашему начальнику отделения с просьбой помочь. И если он распорядится...»

Авось Голубко не захочет лезть в это дело.

Но председатель мой неожиданно повеселел. Интересно, подумал я, он уже знает, кому отдаст эту квартиру?

«Чудненько, чудненько,— пел он.— Нет, теперь я вас так просто не отпущу, ни за что!» — Лев тряхнул своей седой гривой и, не вставая с кресла, открыл бар. В глазах зарыбило от сверкающих бутылок. Здесь были джин, виски, коньяк, шампанское, еще какие-то вина в глубине, но не они привлекли мое внимание. На отдельной полочке стояли рюмки с бокалами. И среди них, в первом ряду, оттеснив хрустальную посуду, красовались чешские стаканы со старинными автомобилями на боку. Ровно пять штук.

Остаток дня прошел в рядовых дурацких хлопотах. Я ругался с главным инженером ДЭЗа по поводу незапертого подвала. Навещал Сережку Косоголазова по кличке Заяц, которого застал дома на диване с газетой в руках, что радовало и огорчало одновременно: с одной стороны, Сережка ничем предосудительным не занимался, с другой — на работу устраниваться тоже не горюхился. С гражданином Косоголазовым была на этот предмет

проведена соответствующая беседа. Потом я вел прием граждан — две склоки в коммуналках, одна драка между разведенными мужем и женой, одно слезное заявление с просьбой хоть что-то сделать с внуком пятнадцати лет, который через день дома не ночует. Потом... потом я инструктировал дружинников... Нет, сначала я созванивался с райэнерго насчет фонаря возле стеклянного дома, а уже потом занимался с дружинниками — и все время посреди бесконечных этих забот у меня перед глазами нет-нет да и вставали эти чертовы стаканы.

Случайность? Или не случайность? И только к вечеру, устав до свинцовой тяжести в скулах, решил: ну их к черту, пускай будет случайность! Потому что все равно прокуратура считает дело «чистым». Потому что даже Валиулин не хочет в него лезть и им заниматься. Потому что в конце концов и впрямь кровь убитого вора в законе Черкизова не вопиет ко мне об отмщении, а Витька Байдаков тоже не вызывает симпатий. Так что плюнуть, растереть и забыть.

Но плюнуть оказалось не так-то просто. Когда уже в потемках я добрал до отделения, дежурный, увидев меня, сказал:

— Зайди к начальнику, он тебя искал.

Через пять минут я узнал, что недооценил энергичного председателя стеклянного дома.

— Обложили, понимаешь, — недовольно гудел Голубко. — Не успели от них заявление принести — звонок из исполкома, звонок из райуправления... — Он швырнул мне через стол бумажку, на которой я разглядел гриф ЖСК «Луч». — Сделай что-нибудь, чтоб они от нас отстали!

С тяжелым вздохом я взял письмо и покорился судьбе.

9

Лицо у Байдакова было мятое, как подушка. Он сидел передо мной на стуле, аккуратно положив ладони на колени, и смотрел в угол. В углу было навалено черт те что: ломик, ржавое ведро, лепная рама без картины, большой моток толстого каната, японский телевизор и охотничье ружье. Все это были вещдоки по разным делам, не поместившиеся в следовательский сейф. Разговор не клеился. Не зря, ох, не зря Степанида в ответ на мою официальную просьбу разрешила встретиться с Витькой не в изоляторе, а не поленилась вызвать его в прокуратуру! Теперь она сидела, как штырь, между нами, и наша с Байдаковым беседа выглядела не более связно, чем куча разнородных вещей в углу.

— Ну так где ты все-таки с ней познакомился? — не то во второй, не то в третий раз спрашивал я.

Витька делал вид, что глубоко задумывается, потом переводил на меня бесстыжие глаза и говорил:

— Вроде в кабаке. А может, нет. Может, на улице. Не помню я. Амнезия, — он постучал костяшками пальцев по голове. — Вон, хоть у гражданина следователя спросите.

— Прекратите паясничать, Байдаков! — оторвавшись от своих бумаг, вмешалась вдруг Степанида. — Экспертизой установ-

лено, что у вас имела место временная амнезия на почве большой дозы алкоголя. А все остальное вы прекрасно помните! А если нет,— она резко поднялась из-за стола — маленькая, сухонькая, вся как будто начиненная изнутри сотнями пружинок, прошлась стремительно по кабинету и остановилась перед Витькой, уперев руки в бока и слегка наклонив голову, словно собираясь его боднуть,— если нет, так я вам напомню! Вы заключили фиктивный брак с гражданкой...— Она вопросительно повернулась ко мне.

— Скачковой,— подсказал я, ошеломленный этой столь же бурной, сколь и неожиданной поддержкой.

— ...с гражданкой Скачковой,— напористо продолжала Степанида.— Заключить заключили, но денег всех не получили, только аванс. Так?

Она попыталась заглянуть Байдакову в глаза, но тот отвел взгляд.

— Так! — удовлетворенно сказала Степанида, расценив Витькино молчание, как знак согласия.— А все деньги вы должны были получить потом, когда разведетесь и разменяете вашу двухкомнатную на две однокомнатные. Много денег! Интересно, на чем вы сошлись? Двадцать тысяч? Двадцать пять? Впрочем, это не важно теперь,— резко сбавив тон, она повернулась к Витьке спиной и прошла на свое место.

— Почему это не важно? — вдруг подал голос Байдаков.

— Потому не важно,— скорбно поджав губы, ответила Степанида,— что после приговора суда вас выпишут с занимаемой площади и вашей, так сказать, супруге достанется вся квартира целиком. Бесплатно!

Она аккуратно завязала тесемки на папке «дела», сунула ее в сейф и добавила раздумчиво:

— Статья у вас, Байдаков, сами знаете какая. Даже если не расстреляют, срок большой. Эта Скачкова очень просто может оформить с вами развод, тогда вам вообще претендовать будет не на что.

Витька сидел понурившись. А Степанида поизучала с полминуты его лысеющую макушку и влупила напоследок:

— Не забудьте про темпы инфляции. Когда вы освободитесь, эти двадцать тысяч могут стоять меньше, чем сейчас двести рублей.

Она закрыла сейф, повернула ключ в замке и бросила на меня нескрываемый победный взгляд, который читался однозначно: вот, мол, как надо работать! После чего пошла к двери, сказав на прощанье:

— Ну, это все не мое дело. Разбирайтесь сами. Я скоро вернусь.

Ай, хороший следователь Степанида Федоровна Степанова! Умеет, ох, здорово умеет все расставить по полочкам! А как красиво, почти театрально вышла она в последний момент, оставив нас разбитыми наголову: Байдакова — несокрушимой логикой рассуждения, меня — блестящим примером ведения допроса!

Не знаю даже, как и объяснить ход своих дальнейших мыс-

лей. Собственно, мыслей во множественном числе не было, была одна мысль: никогда больше такой шанс мне не представится. Дурацкая история. Ведь совсем недавно я, кажется, сам себе очень убедительно растолковал и доказал, что незачем мне лезть в это дело. Почему же тогда я склонился к Витьке и сказал быстрой скороговоркой, что времени у нас мало и чтобы поэтому он слушал меня внимательно, а отвечал быстро? Не знаю...

Байдаков поднял на меня удивленные глаза, его явно поразила происшедшая со мной перемена. Она и меня самого поразила. Я сказал:

— Вот что, милый друг. У меня есть предположение, что тебя элементарно подставили: и деньги тебе подложили, и молоток, и все остальное. Но доказать пока ничего не могу, понял? Я не знаю, ни кто это сделал, ни зачем. Может быть, все дело в этой твоей квартире, в этих двадцати или сколько там тысячах...

— Тридцать, — севшим голосом вставил Байдаков.

— Тем более, — отреагировал я. — Поэтому быстро отвечай на мои вопросы. Кто тебя свел с этой Скачковой?

Он колебался не более секунды.

— Генка Шкут, адреса у меня нет, только телефон.

Я больше ничего расспрашивать не стал, только записал телефон в блокнот. На какое время вышла Степанида? Сколько у меня минут? Три? Пять?

— Второе. С кем ты пил в тот день?

Витька наморщил лоб и стал перечислять:

— Сашка Пузырь, Валька-хромой, еще Петр Сергеевич такой, он всегда в шляпе. Вроде все...

— А потом?

— Потом — убей Бог, — развел он руками.

— Ладно, — сказал я. — Теперь учти, если ты покажешь Степановой, что я с тобой про это говорил, мне хана. И тебе тогда тоже. Окончательно. Понял?

Байдаков не успел ответить, вошла Степанида. Недолго она отсутствовала! Но мне, кажется, хватило.

— Побеседовали? — спросила она, усаживаясь за свой стол.

— Более или менее, — ответил я уклончиво и, уже поднявшись, сказал, обращаясь к Байдакову: — Значит, подумай, а я тебя еще навещу.

Он то ли головой дернул, то ли кивнул. И до тех пор, пока обитая дерматином дверь не захлопнулась за моей спиной, я ощущал на затылке байдаковский взгляд. Боже правый, что я наделал! Ведь я дал ему надежду!

Пельмени стояли насмерть. Спаянные морозом в холодильнике, они ни за что не хотели отлепляться друг от друга. Стальным ножом я искал брешь в их обороне и чуть было не сломал его, так и не добившись результата.

Жрать хотелось ужасно. До слюноотделения. До отчаянной мысли поставить пельмени к стенке и расстрелять их из служебного пистолета. Я принес из хозяйственного шкафчика молоток

и стамеску. Сейчас я их раскрою к чертовой матери, подумал я. Вода в кастрюле уже закипала. Я ударил раз, другой. Кажется, пошло дело... И тут раздался звонок в дверь.

Чертыхнувшись, я отложил свои орудия и побежал открывать, на ходу отряхивая руки от муки. Передо мной стоял Арсений Федорович Черкизов.

— Не ждали? — Он переложил палку из одной руки в другую и улыбнулся. — Разрешите войти?

Первой мыслью, скакнувшей в голову, было заявить, что мои приемные часы на сегодня закончились. Но в следующий миг понял, что это было бы слабостью, трусостью и глупостью одновременно, а к тому же я полным отсутствием элементарного любопытства. Я посторонился и сказал:

— Почему же не разрешить, Арсений Федорович? Заходите!

Он снял пальто, повесил его на вешалку, огляделся и спросил:

— Куда прикажете?

— В кухню, пожалуйста, — сделал я любезный жест рукой. — Извините, я тут по хозяйству.

— Разумеется, разумеется, — пробормотал он, прошел в кухню и сел на табуретку, которую я ему выдвинул из-под стола, с любопытством оглядываясь. Похоже, скромность моей, вернее, дедовской обстановки его не удивила. Посмотрев с полминуты на мое сражение с пельменями, он приподнялся и сказал: — Позвольте мне?

Взяв в руки слипшийся комок, он подошел с ним к плите и подержал несколько секунд над кипящей водой. Потом резко сжал руками, и несколько пельменей, булькнув, упали в кастрюлю. Он перевернул комок другой стороной, и снова повторилось то же самое.

— Знаете, — полуобернулся он ко мне, — мне одно время приходилось заниматься натяжкой проволочных каркасов. Так не поверите, пальцы укрепились до того, что могу пятаки скатывать в трубочку. Как-нибудь напомните мне, непременно покажу.

— Это где же вы каркасы натягивали? — спросил я, снимая с себя фартук. — Или секрет?

Получилось немного грубовато, но он, кажется, не обиделся.

— Какой секрет... В колонии особого режима. У вас спецна есть?

— Нет. Только черного перца немного. И долго... натягивали?

— Дайте хоть перец, — вздохнул он. — Натягивал? Долго... — И удивился: — А вы что же, совсем не знакомы с моей биографией?

— Представьте себе — нет, — слегка разозлился я. — Знаком только с биографией вашего брата — в общих чертах. А вашу мы пока еще не проходили.

— И слава Богу! — замахал он рукой.

— Есть будете? — спросил я, доставая тарелки.

— С удовольствием составлю вам компанию. Значит, говорите, в общих чертах? — Он принялся за пельмени. — Охо-хо-хо!

— Что, горячо? — заинтересовался я.

— Нет,— ответил он.— Это я насчет общих черт. Хуже нет, молодой человек, чем знать что-то «в общих чертах». От этого, между прочим, проистекли страшнейшие дела в истории человеческой. От того, что люди брались за дело, зная его только в этих самых... общих. Подробности! Вот то единственное, что создает картину, что питает мозг и воображение!

«Да он философ, черт его подери,— подумал я, хлебая пельмени.— Интересно только, чего ему надо?»

— Вот вы тут сидите сейчас и думаете,— продолжал он.— Зачем приперся ко мне этот старый хрен и с какой целью он здесь разлагольствует? Поэтому сразу отвечу: я пришел к вам поговорить о подробностях биографии. Моего брата, моей, ну и... и вашей.

— Не вижу связи,— заметил я. Такое соединение наших биографий не вызывало у меня восторга.

— Еще бы! — усмехнулся он.— Если б вы видели эту связь, то, наверное, сами меня стали искать.

Вероятно, на моем лице отразились кое-какие сомнения, потому что он вскинул руку.

— Слушайте, слушайте! Жили-были на свете два брата-близнеца...

Я откинулся спиной к стенке, приготовившись слушать длинный рассказ о воровском грехопадении, которых на своем веку мне пришлось терпеливо выслушать не один и не два. Но я ошибся. Причча оказалась на удивление короткой. Близнецы родились в обычной, довольно скромной семье, учились в школе, потом даже в университете. Вопреки обещанию Арсений Федорович подробности не педалировал, рисовал судьбу близнецов широкими мазками. Пока не дошел до момента, когда один из братьев совершил свое хоть и первое, но очень тяжкое преступление. Здесь мой гость сбавил темп рассказа.

Преступление было тяжким настолько, что мера наказания полагалась за него одна — смерть. И все уже было готово, и все доказательства, показания, улики собраны, и уже обвинительное заключение подписано прокурором и предъявлено, оставалось только передать дело в суд... Когда пришел другой брат и сказал, что вышла ошибка. Что преступление совершил он.

Я слушал со всевозрастающим интересом. Мне как практику такая ситуация представлялась крайне занятой.

— Ну-ну,— подбодрил я его.— Что было дальше?

— Дальше было то, что и ожидалось,— вздохнул он.— Дело вернули на доследование, промучались еще с полгода и в конце концов пришли к тому, что виновен тот, на кого думали с самого начала.

— Так какой же результат? — удивился я.

— Результат такой, что стопроцентной уверенности у суда теперь не было, и он вместо вышки влил четвертак. А там амнистия... и так далее.

Насколько я мог судить по интонации, да и по лицу Арсения Федоровича, подробности кончились. Поэтому спросил: — Ну и для чего вы мне все это рассказываете?

— С единственной целью,— коротко вздохнул он.— Чтобы вы поняли, что мы с братом значили друг для друга.

— Я понял,— сказал я.— Но мне, вероятно, надо сделать еще какие-то выводы?

Он кивнул.

— Один вывод: для того чтобы найти убийцу брата, я не пожалею ни сил, ни средств.

— Вот как...— произнес я задумчиво, хотя мысли мои неслись в этот момент, обгоняя друг друга: я судорожно пытался выработать линию поведения.— Но ведь вы, должно быть, знаете, что убийца задержан...

— Бросьте,— сказал он жестко, махнув рукой.— Вы же сами рапортовали каждому столбу, что это не так!

— Откуда вам это известно?— начал я и замолчал под его ироническим взглядом. Вопрос был глуп: по крайней мере в отделении, в райотделе, в прокуратуре и на Петровке знали о моих соображениях. И в то же время не глуп был вопрос, хоть и оставался без ответа: он означал, что где-то среди этих инстанций у моего милого собеседника есть источник информации.

Все это мне не нравилось. Все эти беседы вокруг да около с весьма подозрительным, никак не разъясненным близнецом убитого вора в законе.

— А при чем здесь подробности моей биографии?

Хотя я сам знал — при чем. Он осуждающе покачал головой — дескать, зря я валяю с ним дурака — и сказал прямо:

— Два года назад вас несправедливо уволили из органов. Сейчас вы работаете на должности гораздо ниже той, что заслуживаете. Перед вами редкий шанс все изменить.

Он развел руками, как бы говоря: куда уж больше!

— Все изменить,— повторил я, помолчав.— С вашей помощью?

Он кивнул.

Так, союзничек. Товарищ по оружию. Такого у меня еще не бывало. Я вспомнил, как отводил в сторону прикрытые линзами глаза Валиулин, холодное лицо Степаниды. И спросил:

— А в чем ваша помощь будет заключаться?

Он ответил с готовностью:

— Деньги на расходы. Машину в ваше распоряжение. Информация. Прикрытие.

— Прикрытие — в смысле охрана?

— Охрана тоже, конечно. Если понадобится. Но и прикрытие...— он повел рукой над столом,— в широком смысле. Мы постараемся сделать так, чтобы вам поменьше препятствовали... По официальной линии.

Ого! Как это он сказал? «Мы постараемся...» Не «я», а «мы». Если это не блеф, то ты, Стасик, сейчас вступаешь в отношения с весьма серьезными дядями. Ты, Стасик, суешь мизинчик — пока мизинчик! — в пасть крокодилу и хочешь посмотреть, что из этого выйдет. Впрочем, от меня ведь не требуют расписок кровью? Да и вообще, кажется, ничего не требуют!

— Информация,— сказал я.— Какую информацию вы мне можете предложить?

— Спрашивайте,— сказал он.

— Что за отношения были у Байдакова с вашим братом?

— Ну...— он призадумался,— Байдаков, скажем так, занимался мелкими поручениями.

— Например?

— Привезти продукты из магазина, доставить записку по адресу... Что еще? Сделать ставку-другую на ипподроме. Иногда...— тут Черкизов ухмыльнулся,— иногда девочку привезти. Была у брата такая страстишка.

— А откуда он их брал, этих девочек?

— Понятия не имею! — пожал он плечами.

— Тогда второе: кто такой Шкут?

— Шкут? — переспросил он.— Не знаю. Но постараюсь выяснить.

— И третье,— сказал я мягко.— Раз уж мы договорились обмениваться информацией. Какие у вас свои соображения насчет того, что убийца не Байдаков?

— Но...— начал он, изумленно подняв брови.

— Свои,— не дал я ему договорить.— Про краны и стаканы я, слава Богу, знаю без вас. И вам не удастся меня убедить, что вы тут со мной откровенничаете только из-за них. Пожалуйста, свои соображения.

Он молчал.

— Ну что ж...— начал я.

— Погодите,— остановил он меня.— Я вижу, вы весьма сообразительный молодой человек. Отлично, значит, я не ошибся. Вы правы, конечно, свои соображения у меня есть.— Черкизов помолчал.— Мой брат хранил дома большую сумму денег.— Он снова помолчал и добавил: — Очень большую. Такую большую, что Байдаков не смог бы ее целиком ни потратить, ни в пьяном виде надежно спрятать. Достаточно?

— Нет,— быстро ответил я.— Это были его собственные деньги?

Черкизов колебался всего мгновение, прежде чем ответить, но мне этого хватило и ответить ему я не дал:

— Это был «общак»? Да?

— Молодой человек,— осуждающе покачал он головой, глядя мне прямо в глаза,— вы ведь, кажется, действительно не глухи и должны понимать, что есть вещи, которые лучше не произносить вслух, даже если они вертятся на языке. Для пользы языка в первую очередь.

Он поднялся, взял из угла свою палку и сказал:

— Это не угроза, Боже упаси, это отеческое предупреждение. Никакого материального вознаграждения мы вам не предлагаем...

— Спасибо на этом.— Я отвесил театральный поклон.

— ...Просто надемся, что наши интересы где-нибудь совпадут. Я сам не москвич,— продолжал Черкизов,— остановился у друзей. Вот вам,— он вырвал листок из блокнота,— мой телефон. Можете звонить по нему в любое время суток. Если

меня нет — передавать для меня все, что угодно, не боясь. Всего доброго. Спасибо за пельмени.

Через минуту я наблюдал из окна, как он выходит из подъезда, как садится на заднее сиденье ожидающего его лимузина, как лимузин, вспыхнув яркими огнями, отъезжает и оказывается «вольво» одной из последних моделей. Да, думал я, сидя на подоконнике и глядя на осиротевший без роскошного иностранного авто привычный пейзаж, раньше люди заключали сделку с нечистой силой ради какой-то выгоды, а для чего ее заключаю я?

Сложив тарелки в мойку, я принялся мыть посуду. Что нового стало мне известно? Покойный Черкизов был держателем «общака», воровской кассы, так сказать, банка, который собирается из взносов членов воровского сообщества и служит для финансирования крупных операций, помощи осужденным вора и их семьям, используется на подкуп должностных лиц и так далее. Кто-то Черкизова убрал, а кассу присвоил, причем очень ловко, точно и продуманно спихнув это на Витьку.

Вот и объяснение нашлось, зачем так сложно, с подставкой, почему не просто убить. Потому что за убитым Черкизовым — сила, и, похоже, немалая. Которая ни убийства, ни особенно денег пропавших не простит. И вот зачем им нужен я — дурачок-попка. Чтобы начал Стасик Северин бурную бескорыстную деятельность: ходить в тюрьму к Байдакову, искать концы в мутной водичке. До тех пор, пока кто-нибудь на этого живца не клонет. Надо же, подумал я восхищенно, даже «прикрытие» сверху обещают! Это, значит, чтоб эксперимент был совершенно чистым!

Я насухо вытер последнюю тарелку, сел к столу и набрал номер на телефоне.

— Василий Евсеич?

— Угу. — Панькин что-то жевал.

— Это Северин. Слушай, я в сорок четвертой планшетку свою забыл. Зайду к тебе сейчас за ключами?

— Ага, — он наконец проглотил кусок, — заходи.

Лифтер Малюшко, не вставая с кресла, приветствовал меня солидным кивком. Малюшко. Ключи от переходов. Но это потом. Я кивнул ему в ответ.

Шестой этаж. Тяжелая стальная дверь. Три замка. Я вступил в квартиру, нашарил на стене выключатель и зажег свет. Ну-с, что мы тут будем искать?

Вот так же, как я, Черкизов-второй остановился в прихожей, а потом, мельком заглянув в гостиную, устремился в спальню. Устремимся и мы. Что его здесь заинтересовало? Сейф. Я подошел поближе, вытасил специально припасенную лупу и тщательно, миллиметр за миллиметром, просмотрел стыки, потом прошелся по поверхности внутренних стенок. Ничего. По крайней мере я не вижу никаких следов тайника. Да и Гужонкин тут тоже поработал, а я Гужонкину доверяю. Хотя и проверяю — на всякий случай. Ведь Гужонкин не знал того, что теперь знаю я.

Потом он вернулся назад, в гостиную. Полы в коридоре, едва просохшие после наводнения, скрипели под моими ногами.

В этой комнате он огляделся и начал с того, что раскрыл одну из створок финской стенки. Какую? Вот эту как будто. Мне тогда показалось, что сделал он это довольно небрежно, для проформы. Но если так, значит, какое-то свое действие он хотел замаскировать, как бы включить в общий ряд. Или я фантазирую? Попал человек в квартиру убитого любимого брата, стоит, растерявшись, не зная, за что взяться... Стоп! Растерянным он не выглядел. Посмотрим, что там, на полке. Постельное белье аккуратными стопками.

Я вынул все содержимое полки наружу и сложил на кресле. Прощупал и перебрал каждую вещь в отдельности. Внимательно оглядел дно и стенки. Ничего. Пришлось сложить белье на место. Что он сделал потом? Раскрыл платяной шкаф.

Четыре костюма разных цветов, один из них «тройка». Два кожаных пиджака. Шесть пар брюк. Около дюжины рубашек. Покойник, однако, любил одеться. Я не торопясь обшарил все карманы. Ничего. А что я вообще ищу? То, что искал Черкизов. Если, конечно, он действительно что-то искал.

Закрыв шкаф, он... да, он подошел к дивану и сел на него. Нет, диван он, кажется, не ощупывал. Он присел к журнальному столику, перебрал несколько журналов и вытащил с нижней полки семейный альбом. Вот он и сейчас лежит сверху.

Что было потом? Потом Черкизов подозвал нас поближе полюбоваться на фотографию. Я раскрыл альбом и быстро нашел ее. Вытащил из уголков, перевернул. «Гудауты, 1935» — вот что там было написано. А, он еще сказал, что это очень редкий снимок их матери, семейная реликвия. Это память, сказал он и попросил отдать ему альбом. Но Панькин сказал: «Нет». И Черкизов сразу согласился.

Я внимательно, от первой до последней страницы, пролистал альбом. Фотографии, ничего, кроме фотографий. Но это была единственная вещь, которую Черкизов пожелал получить.

Я еще раз хорошенько осмотрел его снаружи. Толстый кожаный переплет. Пожалуй, слишком толстый, а? Достав перочинный ножик, я просунул его лезвие между крышкой и муаровым форзацем. Слегка нажал, что-то щелкнуло, и картонка с натянутым на нее шелком отскочила в сторону. Прямо мне в руки вывалился средних размеров плотный белый пакет. Он не был закрыт. Я взял его за уголки и вытряс содержимое на журнальный столик. Это были прямоугольные бланки бледно-зеленого цвета с печатями и номерами. Мне приходилось иметь с ними дело — так выглядят вкладыши к сберегательным книжкам на предъявителя. Но они недействительны без книжек, так же как книжки недействительны без них.

Прошло довольно много времени, прежде чем я закончил подсчет общей суммы: четыре миллиона восемьсот пятьдесят тысяч рублей. Но еще больше мне понадобилось, чтобы осмыслить ситуацию и принять решение.

— Вас подвезти?

Я только вышел из своего подъезда на следующее утро и сто-

ял, щурясь на весеннем солнышке и размышляя, зайти в отделение или сразу двинуть по делам. Рядом со мной притормозила бежевая «восьмерка», из окна которой мне улыбалась давешняя Марина.

— Подвезите,— согласился я.— А вы в какую сторону?

— В любую,— беспечно заявила она.— Я второй день за рулем, мне надо тренироваться.

Перепрыгивая лужи, я обошел машину и сел с другой стороны. Автомобиль был новенький, внутри стоял специфический запах свежего кожзаменителя. Я не удержался и сказал:

— Цвет не ваш. К голубым глазам надо было подобрать что-нибудь соответствующее.

— Откуда у советского участкового такая утонченность вкуса?— ответила она иронически, со второго или третьего раза включая первую скорость.— К тому же машину выбирала не я, а мой папа, так что все претензии к нему. Куда едем?

— Жаров переулочек,— сказал я.

В Жаровом переулке жил Шкут. Вчера еще Дыскин по моей просьбе установил по телефону его адрес. И сегодня я решил не откладывая нанести ему визит.

— Жаров?— наморщила она лобик.— А где это? Далеко?

— Рядом. Поехали прямо, за вторым домом направо, дальше я покажу. Мигалочку включите...

— Благодарю за напоминание,— надменно сказала она, но мигалочку все-таки включила.

Дом, в котором жил Шкут, я, кажется, себе зрительно представлял. Мрачная серая махина времен позднего сталинса, внизу универмаг. Подъезды, если память мне не изменяла, со двора.

Руководимая мною Марина не без некоторого напряжения въехала в арку и остановилась, конечно, посреди лужи, к тому же закрыв выезд двум другим машинам, приткнувшимся задом к газону. Уже войдя в роль инструктора, я терпеливо разъяснил ей ее ошибки. Подергавшись еще с полминуты по двору, она припарковалась наконец возле тротуара.

— Спасибо,— сказал я с чувством.— Обратную дорогу найдете?

— Постараюсь,— сказала она без особой уверенности и спросила жалобно:— А вы надолго?

Я совершенно искренне пожал плечами.

— Подождите минут пять. Если я не выйду, возвращайтесь. А если моего приятеля не окажется дома, покатаемся еще чуть-чуть.

Я действительно шел наобум. Звонить Шкуту и предупредить о своем визите не входило в мои планы.

В подъезде было темно и гулко. Слушая свои шаги, я поднялся по ступенькам к лифту, глаз которого кроваво светился в высоте. Нудно скрипя, кабина шла вниз.

Из лифта вышли трое — двое высоких, крупных, один маленький, как мне показалось, полный. Больше я из полутьмы не разглядел и вообще обратил на них внимание только потому, что уж очень услужливо пропускали вперед высокие маленько-

го, только что не под локоток выводили его на полутемную площадку. Они спустились вниз, и, уже когда лифт тронулся, я услышал, как грохнула за ними входная дверь.

Шкут жил на четвертом. На площадке было хоть глаз коли. Я оставил лифт приоткрытым, чтобы шел хоть какой-то свет. Мне была нужна квартира четырнадцать. Справа от меня отсвечивали прибитые на дерматине цифры, но я не мог разобрать, какие, и решил определить на ощупь. Протянул руку — и вдруг дверь в квартиру легко подалась от моего прикосновения.

Свет, идущий из лифта, смешался со светом лампочки в коридоре, и я увидел, что попал туда, куда надо, в квартиру четырнадцать. Слегка помешкав, я толкнул дверь решительней и шагнул с порога в прихожую. Прямо передо мной были распахнутые стеклянные двери в комнату, и мне не понадобилось идти дальше, мне и отсюда было все хорошо видно.

На стуле у окна сидел человек. По неестественно вывернутым плечам было ясно, что руки у него скручены сзади, за спинкой стула. На голове у человека был прозрачный полиэтиленовый мешок, туго перехваченный у горла веревкой. Полиэтилен влип в ноздри и в разинутый для последнего вздоха рот, глаза страшно выкатились наружу, и казалось, что мертвый кричит из глыбы льда. В том, что передо мной труп, сомнений не было. Не раздумывая больше, я повернулся и бросился вон из квартиры.

Они сворачивали в арку, когда я опрометью выскочил из подъезда. Белый «Москвич», не торопясь, переваливался на дворовых колдобинах. Один из высоких сидел за рулем, лысая голова маленького покачивалась в заднем стекле.

— Слава Богу, Марина никуда не уехала. Откинувшись на сиденье, она курила, пуская дым в открытое окошко. Не разбирая дороги, прямо через лужи я подскочил к ней и рванул ручку двери.

— Двигайся быстро! — заорал я. Мне было не до вежливости. — Пересаживайся! Ну!

Больше всего я боялся в этот миг одного: что она начнет требовать каких-нибудь объяснений. На объяснения у меня времени не было. Но, наверное, было в моем лице нечто такое, от чего она мгновенно и совершенно молча подчинилась, ловко перемахнув на пассажирское кресло. Даже то, что я неожиданно перешел на «ты», не произвело на нее заметного впечатления. Я упал за руль, включил зажигание и рванул с места так, что колеса завизжали на мокром асфальте. Несчастный автомобиль подбросило на ухабе, Марина стукнулась макушкой о потолок, но и тут стойчески промолчала. Определенно она мне нравилась все больше.

Выехав из арки, я огляделся. Белый «Москвич» маячил уже в конце улицы, мигалкой показывая, что собирается поворачивать налево.

— Мы — за ними? — наконец-то открыла рот Марина.

— За ними, — в том же лапидарном стиле ответил я.

— Это и есть ваши приятели?

— Нет, — пробормотал я, думая в это время о другом —

о том, что между мной и «Москвичом» машин шесть, а обогнать на узкой улице невозможно из-за встречных.— Похоже, это приятели моего приятеля.

Когда выехали на Сушевский вал, я их чуть было не потерял совсем. Здесь было полно-полно машин, троллейбусов и автобусов, зато и рядов побольше. Я юркнул между двумя огромными, как динозавры, грузовиками, чуть не наехал правыми колесами на тротуар и сделал рывок вперед. Белый «Москвич» был теперь за две машины от меня.

Ну и что дальше?

Я даже слегка притормозил. А чего я, собственно, добиваюсь? Если впереди меня действительно убийцы, то пытаться их задержать мне одному, мягко говоря, неразумно. Даже при том, что на мне форма, а в кармане пистолет. Насколько я усвоил, покойный Черкизов, Витька Байдаков, да, видимо, и Шкут вращались в кругах, которые законопослушными никак не назовешь. Эти люди могли быть вооружены, а коли так, соотношение сил не в мою пользу. Может быть, достаточно запомнить номер «Москвича»? А там пускай разбираются те, кому положено. С какой стати мне корчить из себя голливудского героя? Я скопил глаза на Марину. Она-то уж тут вовсе ни при чем!

«Москвич» потихоньку отрывался от меня. Я прибавил газу. Я выбрал, как мне показалось, оптимальный вариант. Довести их до конечного пункта, а там попытаться позвонить Валиулину и вызвать подкрепление. Все это не входит в обязанности участкового, но я, похоже, давно перешел эту грань.

— Не возражаете, если мы еще покатаемся? — повернулся я к Марине.

— А я думала, мы уже перешли на «ты», — ехидно заметила она, дернув носиком.— Или вежливость у милиционеров зависит от оперативной обстановки? Кстати,— продолжала она в том же тоне,— раз уж вы используете мою машину для своих надобностей, может, объясните, почему вы выскочили из подъезда, как ненормальный, а заодно уж за кем это мы «катаемся»?

У меня возникло непреодолимое желание сбить с нее это ехидство.

— В квартире, куда я шел, оказался труп. А там, вон в том «Москвиче», могут быть убийцы.

Краем глаза я увидел, как у нее изменилось лицо. Она прижала руки к груди и в испуге спросила:

— Вы так шутите?

— Какие шутки! — ответил я надувшись.— Я при исполнении.

Миновав эстакаду у Савеловского вокзала, «Москвич» ехал теперь по Верхней Масловке. Ехал не торопясь, в общем потоке машин, и мне не составляло особого труда держаться невядалеке за ним. И вдруг он выкинул совершенно неожиданный фортель. Резко, не включая мигалки, подрезав нос такси, а потом еще кому-то, он пошел забирать вправо и юркнул в первый же переулок. Я понял, что практически не сумею перестроиться за ним. Он уходит от меня. Я рванул вперед, насколько позволяла обстановка, я знал, что через сотню метров есть следующий

переулочек, и, хотя надежда догнать «Москвич» была ничтожна, это была единственная надежда. Мне гудели справа, светили сзади, Марина сидела, сцепившись обеими руками в ремень безопасности, и перевела дух только когда я наконец повернул.

— Прошу прощения, — пробормотал я.

— Ничего-ничего, — ответила она сквозь сжатые зубы. — Машина застрахована. Можете не стесняться.

Я выскочил на параллельную Масловке улицу и увидел хвост «Москвича».

— Вот он! — закричала Марина. Кажется, в ней проснулся азарт. Она спросила: — Будете стрелять по колесам?

— Закидаю гранатами, — ответил я. Но мне было не до шуток.

Почему они это сделали? Просто проверяются на всякий случай? Или что-то почувствовали? Они ведь видели нашу машину у подъезда, когда выходили. И на мне, как назло, форма. На всякий случай я снял фуражку и кинул ее через плечо на заднее сиденье.

«Москвич» снова как будто никуда не торопился. Мы ехали переулками, сворачивая то направо, то налево. Я понял, что если они меня действительно подозревают, то вот-вот получат этому стопроцентное подтверждение. Если уже не получили. Пора было кончать валять дурака. И тут они остановились.

Я тормознул так, что Марина чуть не стукнулась носом в стекло.

— Что случилось? — спросила она с тревогой.

— Кажется, приехали, — ответил я, глядя, как все трое вылезают из «Москвича» и заходят в подъезд старого шестиэтажного дома, серой громадой нависавшего над соседними четырех- и пятиэтажками. Ни один из них даже не глянул в нашу сторону. Просто зашли — все. И тем не менее что-то мне показалось в их поведении странным. Что-то было не так,стораживало. Но что именно, я понять не мог. Я включил первую передачу и очень медленно стал подъезжать ближе. Когда осталось метров тридцать, я остановился.

— Сейчас я вылезу, — сказал я Марине, — и пойду посмотрю, что там к чему. А вы садитесь за руль. Если меня не будет через пять минут, езжайте до ближайшего автомата, звоните «02». Скажите им, что угодно, скажите, убийство, назовите адрес, главное, чтоб они быстрее приехали. Ясно?

Лицо у нее заострилось, глаза из голубых сделались серыми. Но она, хоть и с трудом, кивнула. Я уже понял, что мне показалось странным в их поведении. Выходя, они не закрыли машину. Высокий, что сидел за рулем, не запер ее на ключ. Значит, они вошли в дом ненадолго. Значит, я могу определить, откуда они выйдут. Этого будет достаточно. После этого можно и уезжать. А звонить Валиулину бессмысленно: помощь не успеет.

Я вылез наружу, ободряюще помахал рукой Марине и пошел к подъезду. На всякий случай я на ходу расстегнул под кителем кобуру. С порога я еще раз улыбнулся Марине и потянул на себя тяжелую дверь.

В парадном воияло кошками вперемешку с застарелым запахом мочи. Было полутемно, свет шел откуда-то сверху, и подъезд с уходящими в разные стороны приделами казался бесконечным, как пещера. Поднявшись по ступенькам на площадку первого этажа, я прислушался. Никаких звуков над головой. Вглядевшись, я понял, что и лифт стоит внизу, темной массой притаившись за решеткой. Куда эти типы делись? Я прошел на цыпочках несколько шагов и увидел ступени с той стороны площадки. Они уходили вниз, за ними неясно проглядывали очертания дверного проема. Так. Подъезд проходной. Ждать здесь или пойти вперед посмотреть? Всю жизнь ненавижу ждать, тем более в неизвестности. Я сбегал по ступенькам вниз и отворил дверь.

Я попал на яркий свет, в замкнутый почти со всех сторон и удивительно захламленный дворик. Здесь были слева направо по часовой стрелке: несколько мусорных баков, в которых урча возились голуби, груда почерневшей под дождем и снегом деревянной тары, узкая, как труба, неизвестно куда ведущая арка и еще одна дверь. Вариант первый: эти ребята провели меня, как ребенка, сделав элементарный «сквозняк». Вышли через арку и, пока я их здесь таким опереточным образом выслеживал, обогнули дом, сели в машину и укатили на глазах у беспомощной Марины. Вариант второй: они вошли в эту дверь. Колебался я недолго, ибо если они хотели от меня удрать, то уже, вероятно, сделали это. Слегка подтянув форменные брюки, я пробрался между грязных луж и потянул на себя обшарпанную медную ручку. Новый подъезд ничем не отличался от предыдущего. Та же вонь, та же темнота. И та же тишина.

И вдруг я понял, что не та же. Рядом со мной в темноте кто-то был. То ли неосторожный вздох, то ли легкое движение сказали мне об этом. Я на каблуках развернулся, чтобы выскочить обратно на улицу, но не успел. Справа мелькнула громадная тень, я поднял руку, защищаясь, но совершенно бесполезно. От страшного удара по голове чернота вокруг мгновенно сгустилась, стала нестерпимо яркой, и без всякого осязаемого для себя перехода я увидел, что лежу на обтянутой поверх белой простынки полиэтиленом очень неудобной кушетке, почувствовал нечеловеческую боль в затылке и сразу зажмурил глаза, потому что кто-то светил в них лампой.

— Где я? — спросил я. А может, мне показалось, что я спросил, потому что губы у меня еле шевелились. Но мне ответили: — В травмпункте.

Голос был женский, привычно-безразличный. И сейчас же другой голос, мягкий, страдальческий, шепотом произнес:

— Молчи, молчи, тебе нельзя разговаривать!

Я приоткрыл один глаз и увидел Марину. Черт возьми, теперь она перешла со мной на «ты». Совсем я, что ли, плох на вид? Я приоткрыл второй глаз и увидел сначала женщину в белом халате за столом, а потом мужчину в коричневом костюме, который сидел на табуретке у меня в ногах, уперев руки в свои расставленные колени, и озабоченно меня разглядывал. У него было круглое лицо с ямочками на щеках и на подбородке,

которые смешно двигались все сразу, когда он начинал говорить. Он сказал:

— Я капитан Корнеев из райуправления. Вы видели, кто вас ударил?

Я отрицательно покачал головой. Лучше б мне было этого не делать! В затылке у меня был чугунный шар величиной с небольшой арбуз, и он немедленно дал о себе знать.

— А почему ваша жена позвонила в милицию и сказала, что вас убили? — продолжал он расспрашивать, и теперь я уловил в его тоне признаки подозрительности. — Вас нашли милиционеры из патрульной машины. Она что, заранее знала, что вас могут ударить?

Услышав про «жену», я склонился на Марину, но, увидев ее широко раскрытые глаза и губы бантиком, понял, что сейчас не время поднимать этот вопрос. Потом я перевел глаза на Корнеева. Дружок, подумалось мне, я, конечно, сильно ударенный, но не настолько, как тебе кажется. Ты же, конечно, уже расспросил Марину и узнал, что звонила она по моему указанию. Так что это не очень-то благородно с твоей стороны мучить полумертвого человека глупыми проверками. И я решил не расходовать силы зря, вместо ответа спросив сам:

— «Москвич» нашли?

— «Москвич» стоял у подъезда, — ответил Корнеев, явно недовольный моим поведением. Но все-таки снизошел и объяснил: — Он краденый, со вчерашнего вечера в розыске. Они приехали на нем?

Но я снова решил не потакать его въедливости, тем более что язык у меня еле ворочался. Во-первых, кто на чем приехал, он опять-таки наверняка уже знал от Марины, во-вторых, это дело было ему не по зубам. Мне, впрочем, как оказалось, тоже. Мысли беспорядочно прыгали в голове, натывались на чугунный шар и болезненно отскакивали. «Москвич» ворованный. Это профессионалы. Здорово они меня заманили. И отпечатков на руле наверняка не будет. Идиот. Нат Пинкертон чертов! Так мне и надо!

— Запишите телефон, — просипел я, не узнавая своего голоса.

Корнеев с готовностью вытаскил блокнот, и я продиктовал ему телефон Валиулина. Подумал и добавил телефон дежурного по МУРу. Потом назвал адрес Шкута, он его тоже записал и уставился на меня в своем подозрительном ожидании. Мне даже стало жаль его — все-таки коллега. Но себя было жалче, поэтому я выдавил в телеграфном стиле:

— Позвоните. Пусть поедут. Труп.

После чего я решил, что и с него, и с меня хватит, прикрыл глаза, хотел сделать вид, что отключаюсь, и отключился на самом деле.

Домой меня уже в темноте привезла Марина. Из травмпункта я вырвался под расписку, да и то только после рентгена моей черепушки и под наблюдение «жены». Уже в машине она объяснила свою хитрость тем, что иначе ее бы не допустили к моему бездыханному телу, а она непременно должна была быть рядом,

так как, по ее словам, ощущала за меня ответственность. В чем эта ответственность состояла, я так и не понял, ибо, кроме опрометчивого предложения подвезти меня сегодня утром, никакой исторической вины на ней не лежало. Но мне было приятно. Давным-давно никто не испытывал за меня никакой ответственности.

От машины до квартиры я нес себя, как хрустальную вазочку. Марина очень трогательно придерживала передо мной двери. Оказавшись дома, я с облегчением опустился в старое дедовское кресло и вдруг почувствовал, что хочу есть. Это был хороший признак, и я сообщил о нем Марине. Да, согласилась она, жрать охота. В ассортименте у меня имелись лишь все те же пельмени, правда, на этот раз предусмотрительно размороженные. Марина капризно дернула носиком, но вздохнула и сказала философски, что день, который начался черт-те как, вполне может для контраста закончиться таким пресным ужином. Поев, я ощутил легкое головокружение и вынужден был извиниться перед дамой и прилечь. Дама присела на кровать рядом со мной и произнесла жалостливо:

— Какой бледненький! Как вас оставить-то?

— А вы не оставляйте,— сказал я нахально и взял ее руку в свою.

— Бледненький, но шустренький,— ехидно ухмыльнулась она, но руку не отобрала.

Это воодушевляло, но одновременно внушало опасения, смогу ли я, если что, в нынешнем своем состоянии быть на высоте. Несколько секунд мы смотрели друг на друга, насмешливо улыбаясь, и эти улыбки подвигли меня на то, чтобы сжать ее руку чуть сильнее.

— Больной,— сказала Марина, делая строгое лицо, но носик дернулся и выдал ее с головой,— больной, не забываетесь! Вам нельзя делать резких движений.

— Хорошо,— согласился я,— будем делать плавные.— И потянул ее к себе.

— Ну ладно,— вздохнув, сдалась она.— Вы сегодня герой, вы пострадали, а пострадавшему герою женщина отказать не вправе. Я попелую вас, так и быть. В лоб.

Я не стал спорить, а когда она склонилась надо мной, одной рукой обнял ее, а другой нашарил на стене выключатель. Она таки действительно поцеловала меня в лоб. Но потом губы ее сами собой скользнули ниже, встретившись с мойми. И тут мы окончательно разобрались с местоимениями и перешли на «ты».

Звонок начал звенеть еще во сне. Каким-то неведомым, свойственным снам образом, он вписался в сюжет того, что мне снилось, и поэтому я, даже проснувшись, лежал с закрытыми глазами, пытаясь сам себя уговорить, что все еще сплю. Но он, подлец, звенел, трезвонил, заливался, переходя на треск и хрип, и пришлось все-таки признать его реальностью. Марина ушла под утро, и я шатался, как сомнамбула, стараясь попасть

в рукава халата и слепо шаря босыми ступнями по полу в поисках тапочек.

Передо мной на пороге стоял Валиулин. В одной руке он держал одинокую гвоздику, в другой яблоко. «Вот,— сказал он, протягивая мне то и другое,— приехал навестить больного». Я хотел было сказать ему в ответ, что я о нем думаю, но только безнадежно махнул рукой и пошелся обратно в комнату. Выполняя свой моральный долг, Валиулин, вероятно, поднял бы меня и со смертного одра.

Забившись обратно под одеяло, я слушал, как он по-хозяйски гремит посудой на кухне, наливает воду в чайник, чиркает спичками, и с поразительным спокойствием размышлял о том, что сказал бы Валера, узнай он о моей находке в квартире Черкизова. То есть даже не о самой находке, а о том, что я ее скрыл. В сущности, это было самым настоящим должным преступлением. И чем бы я его ни оправдывал, в данном случае валиулинский моральный долг состоял бы, наверное, в том, чтобы сделать мне козью морду. В полном объеме.

«Где у тебя кофе?» — крикнул Валиулин. Я рассеянно ответил. Может, все-таки сказать ему? Как говорится, лучше поздно, чем никому... Ну сказать, конечно, так просто теперь не скажешь, а под каким-нибудь предлогом пойти туда еще раз с понятием, дальше проявить недюжинную интуицию, обнаружить пакет в альбоме... Еще и благодарность, глядишь, схлопочу. Вопрос: как это отразится на судьбе Витьки Байдакова? Ответ: скорее всего, никак. Им про Черкизова известно, что он мог держать «общак». Решат, что вкладыши хранились у него, а сами книжки — у кого-то другого. И будут радоваться, что лишили мафию такого солидного куша, станут это вставлять во все отчеты...

Я вдруг поймал себя на том, что думаю: «будут», «станут». Будут и станут Валиулин со Степанидой, а я, значит, не буду и не стану? Вопрос: на кой черт мне все это надо? Ответ: ни на кой. Просто я почему-то решил, что это выйдет чересчур жестоко, если Витьку, хоть и отнюдь не безгрешного, расстреляют за то, чего он не совершал.

«Почему-то решил!» Строишь из себя благородного Ланселота? А может, все проще? А может, ты простенько, примитивненько завелся? Обнаружил эти краны-стаканы (черт, почему они все время рифмуются?), потом нашел вкладыши и теперь стопроцентно убежден, что убийца не Байдаков, а тебе никто не хочет верить. И ты завелся. Тебе надо во что бы то ни стало доказать, что ты прав! Так?

Бог его знает... Что мне известно доподлинно, так это то, что вчера я уже получил хорошенько по башке. А если мои игры дойдут до начальства, к этому прибавятся крупные служебные неприятности. Вот сейчас выйти на кухню и сказать Валиулину: «Мне соседи Черкизова сообщили, что у него некоторое время назад подозрительно стучали в пол. Вдруг там тайник? Надо бы сходить, посмотреть...»

Я вышел на кухню, и Валиулин сказал мне, разливая дымящийся кофе по чашкам: «Ну, давай, излагай, как ты на него

вышел». «На кого?» — не понял я. «Как на кого? На этого Шкута! Давай, давай, не скромничай! У него в квартире было в общей сложности четырнадцать разных предметов, находящихся в розыске. И все по нашим семнадцати кражам! Два видеомонофона, норковая шуба, бриллиантовая брошка, — начал перечислять Валиулин. — Но самое главное — спи-со-чек! Двадцать шесть адресов — и против семнадцати уже стоят крестики! Ты понял? Мы нашли наводчика!» «Сказка», — пробормотал я, глядя на ликующего Валиулина. «Ты опять чем-то недоволен?» — подозрительно спросил он.

Я промолчал. Что-то здесь было не так, но моя бедная покалеченная голова никак не могла уловить, что именно. Слишком все просто — действительно, как в сказке. Я искал живого Шкута по одному делу, а нашел мертвого и совсем по другому. Бывают такие совпадения? Все бывает... Но чаще всего совпадения — это непознанная закономерность. А если по-простому, без выкрутасов — недостаток информации.

Я вдруг решил повременить с выдачей Валиулину черкизовских вкладышей. Я сказал, поднимаясь: «Хочу туда съездить, поглядеть своими глазами». «Поезжай, — недоуменно пожал плечами он, всем своим видом показывая, что не понимает, зачем мне это нужно. — Группа там еще работает. Ты имениник. Имеешь право». Кажется, мне прозрачно намекали, что хоть я и герой дня, но все-таки всего лишь участковый, и должен знать свое место. «Спасибо, Валера», — сказал я почувствованно.

На этот раз на площадке перед квартирой Шкута горел яркий свет. Надо было убить человека, чтоб вкрутили лампочку, подумал я. Толкнул незапертую дверь и вошел.

Стул, к которому вчера был привязан труп, все еще стоял на том же месте, но сейчас его занимал живой и даже жизнерадостный Невмянов. Увидев меня, Шурик вскочил и пошел навстречу. «Прибыл на экскурсию?» — расплылся он в ухмылку, протягивая руку. И ты туда же, хмуро подумал я. А Невмянов продолжал, ткнув пальцем в стул: «Ну-с, начало осмотра здесь. Труп был привязан к спинке бельевыми веревками...» «Его пытали?» — перебил я. «По-видимому. Надевали на голову полиэтиленовый мешок. А когда начинал задыхаться, снимали. И снова надевали». «А один раз позабыли снять...» — пробормотал я. «Ага. Узнали, что было надо». «Или, наоборот, не смогли узнать, — заметил я, оглядываясь вокруг. Шкаф раскрыт, ящики стола выдвинуты, пара оперативников копаются у книжных полок. — Это вы тут навели порядочек или до вас постарались?» «Мы, — откликнулся Шурик. — Начальство приказало — рыть носом, вот и роем». «Значит, они здесь ничего не искали?» — уточнил я. «Во всяком случае, внешне это не отразилось», — пожал он плечами. «А где вы обнаружили все эти... вещдоки по кражам?» «Что где. Крупные вещи — видео, дубленку, норковую шубу — в кладовке. Цапки в столе». «А список?» «Тоже в столе. В центральном ящике». «Что, прямо сверху валялся?» «Ну, не сверху. Так, среди других бумажек». «На видеомонофонах пальцев нет?» — продолжал я расспрашивать. Невмянов отри-

цательно покачал головой. «Даже самого Шкута?» «Никаких. Вообще в квартире есть его отпечатки, но других нет. Видимо, работали в перчатках». «А... этот список. Он был от руки?» «Нет, напечатан. Скорее всего вон там». — Невмянов показал подбородком в угол, где на отдельном столике стоял японский компьютер с русской клавиатурой. Монитор цветной и принтер с широкой кареткой, отметил я про себя. Когда я работал на заводе, мы закупили несколько таких комплектов, и я хорошо представлял себе их цену. «Дорогая штучка», — сказал я. «А тут все недешевое», — согласился Шурик.

Больше, кажется, у меня вопросов не было. Я узнал все, что хотел. Даже чуть больше. Напоследок я попросил у Невмянова разрешения просто пройтись по квартире, и он милостиво разрешил. Разумеется, я не рассчитывал найти что-либо, ускользнувшее от внимания целой оравы валиулинских сыщиков. Но личность Геннадия Шкута сегодня интересовала меня даже больше, чем вчера, когда я шел к нему на свидание. И мне хотелось составить хоть какое-нибудь представление о человеке, которого зверски пытали, а потом убили в собственной квартире, убили и ушли, не взяв ничего из дорогостоящих вещей, открыто разбросанных по дому. Что за секрет ценнее компьютеров и бриллиантовых брошек он знал?

204
Осмотрев комнату, я пришел к единственному пока выводу: покойник, мягко говоря, не чурался достижений цивилизации. Фирмы «Грюндиг», «Панасоник», «Джей-ви-си» были широко представлены здесь своими лучшими образцами. Начиная с лазерного проигрывателя и кончая пылесосом и автоответчиком. От комнаты не отставала и кухня: японский холодильник, итальянская посудомоечная машина. В холодильнике водка, шампанское, какой-то недопитый ликер. На полках пусто — консервы, полусъеденная банка красной икры, заветренный кусок ветчины. Похоже, хозяин предпочитал питаться вне дома. Для очистки совести я похлопал дверцами кухонных шкафов. Ничего примечательного. Выдвинул один за другим ящики разделочного стола. В первом ножи, ложки, вилки, все мельхиоровое. Во втором — лекарства, две пачки французских презервативов. В третьем...

Я выдвинул третий ящик, и его содержимое привело меня в состояние некоего ступора. Не помню, сколько я стоял над ним в прострации. Минуту? Две? Больше? Из нее меня вывел Невмянов, войдя на кухню и заглянув мне через плечо.

— Ну что? — спросил он.

— Ничего, — ответил я, задвигая ящик на место. — А скажи-ка, братец, где тут у вас нужник?

— Ты что, и нужник хочешь обследовать? — поразился Шурик.

— Нет, он мне требуется по прямому назначению.

Я солгал. Запершись в уборной, я достал из кармана записную книжку и занес туда несколько слов. На свою память я после вчерашнего удара решил не слишком полагаться, а делать записи при Невмянове мне не хотелось. Потом я спустил воду и долго мыл руки под краном, размышляя о том о сем.

Размышления, впрочем, были вполне бесплодные. Поэтому я решил перейти к действиям.

— Шурик, — спросил я перед уходом из квартиры Шкута, делая вид, будто только что вспомнил о чем-то, — у тебя есть какие-нибудь неформальные связи в ростовском УВД?

— Допустим, — осторожно ответил Невмянов. — А какие проблемы?

— Да навесили тут на меня одну мелкую склоку, — сказал я с досадой. — Фиктивный брак, квартирные разборки. Будь другом, узнай там, есть у них что-нибудь на Скачкову Киру Алексеевну.

— Попробую, — пообещал осторожный Шурик, записывая данные в блокнот.

Следующим моим действием был звонок из ближайшего автомата Гужонкину в НТО. Я задал ему вопрос и через тридцать секунд получил ответ. Потом из того же автомата я позвонил по номеру, который оставил мне Черкизов-второй. Подошедшая к телефону женщина пообещала передать Арсению Федоровичу просьбу связаться со мной поскорее. После этого я набрал третий номер и довольно бесцеремонно напросился в гости к председателю кооператива «Луч». Через полчаса я был у него. Возможно, Елизара Петровича удивило, зачем это участковому понадобилось лично являться к нему, чтобы сообщить о своих, прямо скажем, пока достаточно скромных достижениях в выполнении его просьбы, но мне было наплевать. На этот раз Кадомцев не предлагал ни чаю, ни коньяку, поэтому пришлось самому пожаловаться на жажду, после чего мне была предложена минеральная вода. Я со вкусом выпил полный стакан, поблагодарил и откланялся.

Дойдя засим до отделения, я встретил в дверях майора Голубко. Руководство было, как видно, в курсе моих подвигов, потому что, отечески похлопав по плечу, приказало идти домой отлеживаться. Давненько мне не приходилось выполнять приказ с таким рвением. Дома я едва донес голову до подушки и провалился в сон.

Разбудил меня телефон. Звонил Невмянов с весьма укоризненным голосом.

— Я не знаю, что у тебя называется «мелкой склокой», но, по-моему, ты хочешь втравить меня в историю, — печально начал он и замолчал.

— Не томи! — закричал я в трубку. — Что Скачкова?

— Сама Скачкова ничего, — длинно вздохнул на том конце провода Шурик. — Зато «чего» ее папаша...

Прижав трубку ухом к плечу, я нашарил на тумбочке карандаш и какую-то газету.

— Давай, пишу.

— Пиши, — еще длиннее вздохнул Шурик. — Скачков Алексей Петрович, кличка «Леха-маленький». Говорят, в нем под два метра росту. Один из главных ростовских мафиози. Вор в законе.

— Все? — спросил я.

— А ты хотел, чтоб я его «личное дело» затребовал? — отгры-

нулся Невмянов.— Итак, если эта твоя самодеятельность дойдет...

— Да какая самодеятельность,— перебил я его.— Говорят тебе — мелкая склока.

— Угу,— хмыкнул он.— Между ворами в законе. Короче, на меня просьба не ссылаться.

— Ладно,— согласился я.— И на том спасибо.

— Нахал,— сказал Шурик и положил трубку.

И сейчас же раздался звонок в дверь. Я пошел открывать и увидел, что ко мне пожаловал Черкизов-живой собственной персоной.

— Вы меня искали? — осведомился он, проходя в комнату.

— Искал. Но я не настаивал на личном визите. Можно было поболтать и по телефону.

— Не доверяю телефонам,— проворчал Черкизов, усаживаясь в кресло.— У вас что, есть новости?

— Как вам сказать,— уклонился я от прямого ответа.— Вы разузнали насчет Шкута?

— Разузнал.— Он смотрел на меня насупившись.— Я вообще много чего знаю. Теперь еще и это...

Я понял его и усмехнулся.

— Можете говорить спокойно. Хуже ему уже не будет.

Брови Черкизова вопросительно поползли вверх. Я объяснил:

— Его убили вчера. А перед этим пытали. Ну так?..

Наверное, с полминуты он молчал, разглядывая мой паркет. Потом процедил:

— Шкут был одним из людей моего брата.

— А Леха-маленький? — спросил я, стараясь заглянуть ему в лицо.

Он поднял на меня тяжелый взгляд.

— При чем здесь Леха?

— Пока не знаю,— честно ответил я.— Но Лехина дочь фиктивно вышла замуж за Байдакова, которому обещали за это тридцать тысяч. Очень удобно было подставить его под убийство, чтобы, во-первых, не платить этих денег, а во-вторых, получить всю его квартиру целиком. Шкут был между Скачковой и Байдаковым посредником, вот я и хотел задать ему пару вопросов. Но не успел. Что скажете?

— Скажу, что этого не может быть! — прорычал он.

Я впервые видел Черкизова вышедшим из себя. И понял, что это хороший путь сделать его поразговорчивей. Поэтому произнес с издевкой:

— Вероятно, потому, что этого не может быть никогда?

Однако я недооценил собеседника. Так же быстро, как вспыл, он взял себя в руки. И сказал ровным голосом:

— Мой брат и Леха-маленький были очень близкими друзьями.

В ответ я пожал плечами, показывая, что это весьма сомнительный аргумент. Тогда его тон из ровного сделался снисходительно-усталым.

— И вообще, молодой человек, кое-чего вы просто не сможете понять...

Тут я решил, что настал мой черед разозлиться. И сказал как можно жестче:

— Почему же не смогу? Мы про это проходили. Вор в законе не может убить другого вора в законе без решения воровской сходки. А если он это сделает, то ему одна кара: смерть! Вы об этом, что ли?

Он смотрел на меня во все глаза и молчал. Помолчав немного, встал и произнес так, словно речь шла о расписании автобусов:

— Я наведу справки.

После чего пошел к выходу, стуча палкой.

Позвонила Марина и осведомилась о моем здоровье. Я ответил, что здоровье ужасно и что она должна поторопиться, если хочет успеть со мной попрощаться. Она ответила, что у ее папá какой-то важный прием, полный дом иностранцев, которым ей надо соответствовать, и умоляла продержаться до завтра. Я уныло обещал, что постараюсь. Послonyaвшия по квартире, я выпил чаю и решил, что самое лучшее, что смогу сделать, это завалиться обратно в постель и наконец-то выспаться. Что и сделал.

Проснулся я в холодном поту с сильно бьющимся сердцем. Кругом была полная темнота. В дверь звонили. Светящиеся стрелки показывали половину четвертого утра. Первая мысль была: Господи, почему меня третий раз за сутки будят звонками в дверь?! Вторая: что-то случилось!

За дверью стоял Черкизов. Палку он держал за середину, как жеал тамбур-мажора.

— Я все выяснил, — сообщил он, даже не подумав извиниться.

— А что, до утра не могли подождать? — грубо поинтересовался я.

— Не мог! — отрезал он, похоже, даже не собираясь проходить в квартиру. — У меня через два часа самолет.

— Ну и что вы выяснили?

— Некоторое время назад Леха-маленький попросил брата устроить так, чтобы его дочь получила квартиру в Москве, предлагал деньги. Брат вскоре ответил, что все сделает, причем без денег, и пообещал, что квартира будет двухкомнатная. Так что на Леху время не тратьте, ему незачем было такое устраивать.

Это больше смахивало на приказ, чем на совет, и я уж было собрался напомнить ему в нелицеприятной форме, что в ихней шайке не состою, но он, не попрощавшись, повернулся и пошел к лифту, бросив через плечо:

— Вернусь через два дня.

— Да хоть совсем не возвращайтесь! — обозлившись, сказал я ему в спину, но он ответом не удостоил.

Сон как рукой сняло. Запахнув халат, я сел за письменный стол, зажег настольную лампу. Мысли играли в чехарду, требовалось призвать их к порядку. Положив перед собой лист бумаги, я начал записывать факты не в порядке их поступления, а так, как они выстраивались логически.

В квартире Шкута, в третьем ящике кухонного стола я на-

ткнулся на открытую коробку с чешскими стаканами, украшенными изображениями старинных автомобилей. Их было пять, одно гнездо пустовало. Запершись в туалете, я переписал для памяти названия моделей: «крайслер» 1926 года, «шевроле» 1930-го, «мерседес-бенц» 1934-го, «рено» 1928-го и «бебе-пежо» 1912-го.

В ответ на мой вопрос эксперт НТО Лень Гужонкин сообщил, что на стакане с отпечатками пальцев Байдакова изображен «Форд-Т» 1908 года. Тот самый, которого не хватало для комплекта на кухне у Шкута.

Шкут свел дочь Лехи-маленького с Байдаковым, предложив ему за фиктивный брак с последующим разменом тридцать тысяч.

Но примерно в это же время Черкизов пообещал Лехе, что его дочь получит квартиру бесплатно, причем двухкомнатную.

У Байдакова двухкомнатная квартира.

Шкут — человек Черкизова.

Или я чего-то не понимаю, или по всему выходит, что Викентий Федорович Черкизов сам организовал собственную смерть.

13

— Кто бы мог подумать? — Дыскин плюхнулся на свой стул, нашарил в кармане мятую пачку сигарет, закурил, пустив струю дыма в потолок, и оглядел меня с заметным уважением. — Ну, поздравляю...

— С чем? — спросил я.

— Он еще кокетничает! — вскричал Дыскин. — С наводчиком, с чем же еще! Быстренько проводи со мной семинар, как это у тебя получилось.

Я молчал. Остаток ночи после ухода Черкизова я больше не дожился, проведя его наедине с кофе и своими мыслями. Кофе было чашек пять или шесть, чего не скажешь о мыслях. Мыслей, как я ни пытался их умножить, было всего две: очень мало шансов на то, что с помощью моих умствований, основанных на частных сведениях от весьма сомнительного близнеца покойника, удастся убедить упертого на своем Валиулина, и совсем никаких шансов сдвинуть с места железобетонную Степаниду.

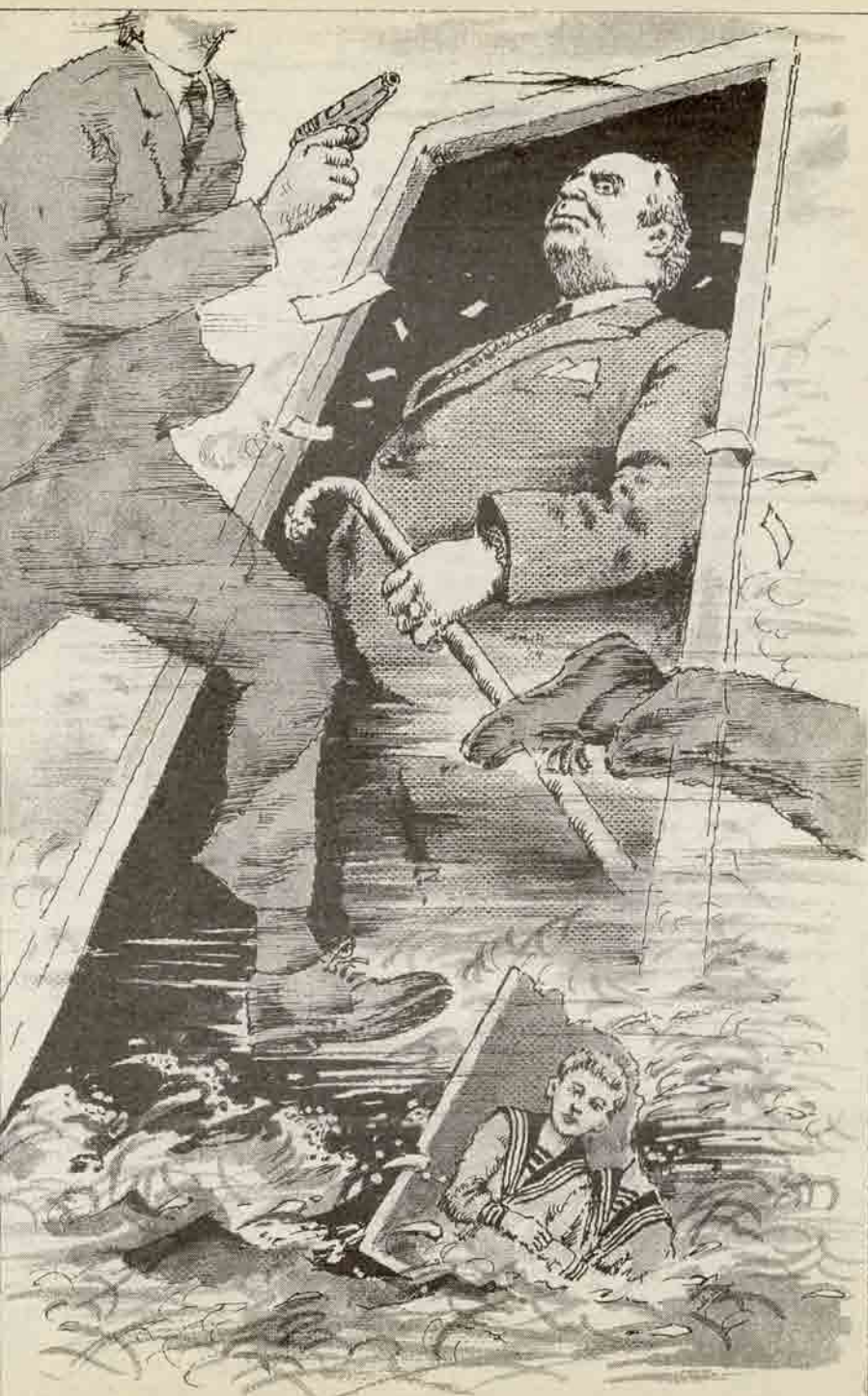
— Не скромничай, не скромничай. — нетерпеливо подбадривал меня Дыскин. — Колись, как на духу.

И я вдруг вспомнил. Как это он сказал тогда? Тот, кто наводит, если у него есть хоть капля мозгов, дома ворованного держать не станет. Мне не много было известно про человека по фамилии Шкут, но считать его полным болваном оснований нет никаких. Все эти дурацкие дубленки, брошки, видеоманитофоны в количестве... И, наконец, список. Список уж ни в какие ворота не лезет! Список — это, знаете ли, из дурного водевиля.

— Шкут не наводчик, — сказал я.

— Что?! — Дыскин выпрямился на стуле и вылупил на меня глаза.

— Не ори. — Я оглянулся на дверь, и он тоже автоматически посмотрел туда же. — Нам его подставляют.

— Кто? — спросил он на три тона ниже, и я увидел, как загорелись его маленькие глазки.

Мне стало окончательно ясно, что если я где и найду понимание, так это здесь. Я рассказал ему все. Все, кроме вкладышей к сберегательным книжкам. Вкладыши были моей наполеоновской гвардией.

Дыскин слушал молча, не перебивая. И я в конце даже засомневался, уловил ли он ход моих рассуждений. Когда я умолк, он пожевал губами и произнес непонятно, глядя куда-то сквозь меня:

— Тише, мыши, кот на крыше...

Я решил не реагировать, а еще немного подождать, не скажет ли он чего-нибудь более определенного. И он сказал: «Если мы не можем пока найти убийцу Черкизова, давай поищем убийцу кота». «Какого кота?» — не понял я. «Рыжего такого котика. Который жил у Байдакова». «А при чем здесь кот?» Дыскин покачал головой, глядя на меня с сожалением. «Байдаков был в завязке целый месяц и развязывать не собирался, так? А если ты прав, и его планомерно подставляли под мокрое, то надо было заставить его развязать. И не просто развязать — а надраться, как зюзя, до беспамьтства. Тот, кто все это придумал, должен был хорошо знать Байдакова. Он рассчитал, что, если удавить любимого Витькиного кота, тот наверняка слетит с катушек. И еще он должен был знать, что, когда Витька пьет по-черному, он наутро ни черта не помнит. Так что первым грохнули котика — с него и надо начать».

210 Ай да Валечка, ай да сукин сын! Все он уловил и даже, кажется, больше того! Дыскин решительно поднялся и ткнул пальцем в телефонный аппарат: «Звони своему другу Панькину, проси у него пару лопат.— Он почесал в затылке и прибавил: — Много чего у меня в жизни бывало, но эксгумация кота — первый раз».

Рыжий был завернут в наволочку. На наволочку налипли комья сырой глины. Дыскин отложил лопату, присел на корточки и принялся разгребать их руками. Вокруг стояли несколько мальчишек, которые показали нам могилу кота, и Панькин, не только лопатами нас снабдивший, но и пожелавший присутствовать при процедуре.

Наконец тело было извлечено, и Дыскин довольно бесцеремонно вытряс его из импровизированного савана. Рыжий умер в борьбе — оскалив зубы и выпустив когти. Вероятно, чтобы поймать, его накрыли рыболовной сетью, в которой он основательно запутался. А потом, уже поверх сети, накинули на шею удавку из толстого двойного провода с хлорвиниловым покрытием, задушив животное с редкостной жестокостью. «Вот живодеры», — пробормотал Панькин.

Дыскин задумчиво потрогал пальцем длинный конед провода, потербил зачем-то краешек сети и поднял глаза на мальчишек. «Кто из вас его первый увидел?» «Я вроде...» — Один из мальчишек, толстый, веснушчатый, слотнул и переступил с ноги на ногу. На кота он старался не смотреть. «Где он висел?» — продолжал расспрашивать Дыскин. «Там... — Парень махнул

в сторону выхода из двора. — На дереве, прямо над дорожкой». «Во сколько это было?» «Ну... часов в десять. За хлебом меня послали». «Значит, в воскресенье в десять утра?» — уточнил я. «Угу», — подтвердил мальчишка и снова переступил ногами. Похоже, больше всего на свете он хотел поскорее отсюда удрать.

Судя по всему, Дыскин был прав. Кота не просто убили. Его еще и повесили на ветку в самом людном месте, где он был бы обязательно обнаружен. Причем повесили достаточно высоко, чтобы первый же доброхот не сумел снять его с легкостью. Снял Рыжего сам Байдаков. Похоронил и отправился справлять поминки по нему к «Гастроному» — все, как оно и было кем-то задумано.

Дыскин встал, отряхнул землю с колен и ладоней, сказал парням: «Сгоняйте, ребята, к молочной, принесите картонную коробку. Покрепче». Мальчишек сдуло ветром. А я спросил удивленно: «Ты чего хочешь?» «Пока возьмем его с собой. — Дыскин бросил быстрый косой взгляд на Панькина и коротко отрезал: — Пригодится».

Через полчаса мы стояли на последнем этаже мрачного пятиэтажного дома из бурого кирпича — их строили после войны пленные немцы. Перед нами была высокая дверь, обитая дерматином, из-под которого там и сям лезла серая от времени вата. В левой руке Дыскин держал под мышкой картонную коробку, правой нажимал на звонок. Дверь не открывалась. Тогда он, оставив церемонии, принялся колотить в нее ногой.

«Да слышу, слышу», — донесся до нас далекий недовольный голос. Замок покнул — и перед нами возникла удивительно неприятная на вид личность. Маленький, меньше Дыскина, тщедушный человечек, над узкими плечами которого на тонкой шее держалась голова ископаемого ящера. Сплошная челюсть, а плоский нос, крошечные глазки и мохнатые ушки — все в придачу к ней.

Увидев Дыскина, ящер коротко моргнул и попытался захлопнуть перед нами дверь, но не на того напал. Валя уже шагнул вперед, за порог, напирая сразу грудью и коробкой. Я держался вплотную за ним. «Ты что же, Сипягин, не рад гостям?» — громко спросил Дыскин, и я догадался, что хозяин, видимо, глуховат. «Рад, рад, — пробормотал Сипягин, отодвигаясь. — Тебе попробуй не обрадуйся». Он ухмыльнулся, и я увидел, что челюсть у него сплошь стальная.

Мы прошли в комнату, и я с интересом огляделся в ней. Здесь повсюду лежали и висели ковры: на полу, на стенах, на диване. Два полированных серванта были плотно забиты разнообразным хрусталем и удивительно безвкусным фарфором — какие-то слоны, футболисты и медведи с баянами. Я глянул на потолок — он оказался без ковра, но зато с хрустальной люстрой. Воздух был затхлый, пахло пылью.

Дыскин тоже огляделся и сказал, почти проорал: «Все копишь добро? А кому достанется?» «Не тебе», — буркнул карлик, бурвя нас настороженными глазками. Сев без приглашения на стул, Дыскин спросил: «Знаешь, зачем пришли?» Сипягин поджал губы. «И знать не хочу». «Хочешь! — крикнул Дыскин. —

Еще как хочешь! А мы тебе не скажем! Ну-ка, угадай, что у нас в ящике?» Но Сипягин демонстративно отвернулся. «Ладно,— смилостивился Дыскин.— Открой, посмотри».

Секунду-другую Сипягин колебался, потом любопытство пере-сидило, и он открыл коробку. Когда он разогнулся, на лице его не было ничего — ни удивления, ни страха. Нормальная реакция мезозойского ящера. «Кошка,— сказал он.— Дохлая». «Твоя работа?» — грозно придвинулся к нему Дыскин, и Сипягин отшатнулся. «С чего взял?» — завопил он. «Не ори,— оборвал его Дыскин.— Это ты глухой, а не я. С того взял, что больно ловко сделано. Руку видно. Или это не ты всю жизнь на собаководке проработал? Тут все,— уже потише сказал мне Валя, обведя комнату рукой,— на собачьих шкурах построено».

«Работал я,— проворчал Сипягин.— А кошку вашу не трогал. Нужна она мне!» «Конечно,— согласился Дыскин.— Бродячих собак ловить — это одно, а чужих кошек вешать в общественном месте — совсем другое. За это статья теперь, да, Сипягин?» Ящер молчал. Тогда Дыскин наклонился и крикнул ему в самое ухо: «Сколько тебе заплатили?» Но и этот вопрос остался без ответа. «А если мы поищем и найдем у тебя дома вот такую сеть и вот такой провод, а?» «Ордер на обыск покажь», — с ненавистью процедил Сипягин. «Проняло,— с удовлетворением констатировал Дыскин.— Собирайтесь, гражданин Сипягин, пойдете с нами». «Куда?» «Тут недалеко. В отделение. Там напишете объяснение, и заодно решим насчет обыска».

Когда мы спускались по лестнице, Валя негромко сказал мне, ткнув пальцем в худую спину перед нами: «Ты не смотри, что он такой щуплый. Между прочим, две судимости — и оба раза за нанесение тяжких телесных. Зверь». Возле отделения мы растались. На прощание Дыскин ткнул меня кулаком в бок и шепнул: «Можешь не нервничать, я его развалю. У меня на этого говноеда давно материал копится».

Я шагал по улице в приподнятом настроении. Если Дыскин действительно сумеет выколотить из Сипягина, кто поручил ему убить кота, с этим, пожалуй, уже можно будет идти к Валиулину. А то и к Степаниде. Как-то они запоют!

А если не сумеет? У этого гнома, похоже, не только зубы железные... Что тогда у меня останется?

Сашка Пузырь, Валька-хромой и никогда не снимающий шляпы Петр Сергеевич, с которыми в день убийства пил у «Гастронома» Байдаков.

Председатель ЖСК «Луч» Кадомцев, обладатель пяти чешских стаканов со старинными автомобилями на боку. Правда, когда в последний раз он угощал меня минеральной водой, я отметил, что «Форд-Т» 1908 года стоит в стойле, а гуляет где-то «мерседес-бенц».

И, наконец, последнее. Если я прав и ворованные вещи вместе со списком подброшены, смерть Шкута под пытками связывает между собой убийство Черкизова и кражи из квартир. О кражах я собирался подробно и обстоятельно беседовать с Лериком.

Все. Не густо, подумал я, взглянув на часы. Скоро двенад-

цать. Лерика, конечно, нет дома, он занят своими кооперативными делами. К Кадомцеву идти просто не с чем, о нем нужно подсобрать информацию более подробную, чем та, которую предоставила мне моя голубоглазая подружка. Как подсобрать и где — над этим еще предстоит подумать.

Таким образом, методом исключения остается «Гастроном». И, кстати, самое время участковому инспектору вспомнить о своих обязанностях, посетить криминогенную точку.

Но посетить оказалось не так просто. Толпа вокруг входа в винный отдел стояла плотно, как на митинге. Все лица были повернуты к высоким ступеням, на которых заметно пьяный парень с мучнистым, нездоровым лицом и в сером грязном халате на голом волосатом торсе руководил процессом. Властью, данной ему высоким званием гастрономовского грузчика, он бесцеремонно материл и отпихивал всех напивавших, держа оборону цитадели. Стоящие впереди не обижались ни на ругань, ни на тычки, потому что тоже знали про него, что он власть, но не напирать не могли, ибо на них жали задние. Внутрь запускали пятерками.

— Чего дают? — спросил я красную плотную шею, обладатель которой терся на периферии, поднимаясь на цыпочки и стараясь заглянуть поверх голов.

— Партейное вино привезли, — ответила шея, не оборачиваясь.

Пристроившись в сторонке под деревом, газон вокруг которого был истоптан стадом бизонов и напоминал к тому же обширную плевательницу, я принялся наблюдать. Очень скоро я заметил, что царь горы в сером грязном халате проявляет свою агрессивность выборочно. Несколько одних и тех же потертых и не слишком трезвых личностей нечувствительно проскакивали у него под рукой, когда дверь отворялась, впуская или выпускаемая очередных клиентов. Вскоре потертые вываливались наружу, нагруженные бутылками с водкой и портвейном. Их уже ждали. Тариф или был известен, или обговорен заранее: расчет происходил мгновенно. Получил свое и обладатель красной шеи.

Тэк-с, подумал я, этот бизнес мы, конечно, прекратим. Но не сей секунд. Одиноким кавалерийским наскоком такие дела не делаются. Здесь бы надо провести ме-ро-прия-тие.

И тут мои размышления прервало появление на ступеньках магазина нового лица — сиреневого в крапинку. Сам Бог за мое долготерпение посылал мне Парапетова, утыканного, как ежик, бутылочными горлышками. Погруженный в свое увлекательное дело, он остановился в каких-нибудь пяти шагах от меня и приступил к распределению заказов. Я свистнул легонько, Парапетов обернулся и чуть не выронил из рук драгоценную ношу. Я поманил его пальчиком. Слепо сунув кому-то оставшиеся напитки, он рысью бросился ко мне. На лице его подпрыгивала жалкая улыбка.

Но в мои планы не входило немедленно начать его воспитывать. Поэтому я спросил строго и деловито: «Пузыря не видел?» «Пузыря? — удивился Парапетов. — Так вы ж его того... упекли вчера... на десять суток». «Ах да, — сказал я на всякий слу-

чай.— А Вальку-хромого?» «Хромой вроде в деревню уехал, к братану». «Петр Сергеевич здесь?» — продолжал я расспрашивать. «Шляпа, что ли? Был тут. А сейчас не видать». — «Куда делся?» «Может, в «Пяти колечках»? — предположил Парапетов, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу: неслышимая труба звала его туда, в магазин. — Может, он пивком перекаладывает?» «Пошли со мной, покажешь», — мотнул я головой, и на цветистой парапетовской физиономии проступила неподдельная мука. Он тоскливо оглянулся назад, на поле своей плодотворной деятельности, и пришлось мне добавить сурово: «Пошли, пошли, а то я вам сейчас устрою коммерцию... в компанию к Пузырю». Я повернулся и пошел, не оглядываясь, боковым зрением видя, что он покорно семенит следом.

«Пять колечек» — так называют в нашем районе пивную, открытую в бывшей временной олимпийской столовой, собранной из готовых железных блоков. После Олимпиады разобрать ее, конечно, никто не подумал, приспособили сперва под склад стеклотары, а потом, когда утихла борьба с пьянством и алкоголизмом, — под пивной бар-автомат. Местечко тоже вполне криминогенное, но, слава Богу, уже не на моей территории.

В зале было гулко и душно, как в бане. Люди с кружками со всех сторон облепили мокрые от пива стоячие столы. Под ногами шелестел мусор, рыба шелуха. Дальняя стена терялась в слабом свете. Я приуныл: черт побери, как мы будем здесь кого-то искать?! Но Парапетов был тут как у себя дома. Он шнырял между столиков, словно рыбка среди родных кораллов, я еле поспевал за ним. «Вон Шляпа!» — услышал я через пару минут его победный клич и увидел того, на кого он указывал.

Кряжистый мужчина неопределенного возраста в мятой шляпе неопределенного цвета стоял, крепко упершись обоими локтями в стол. Перед ним на бумажке возвышалась горка подсолненных сушек, с ними соседствовали две полных кружки, и еще одну, почти пустую, он держал в правой руке. В левой он держал сушку и, когда мы подошли, как раз отправил ее в рот. На нас он не прореагировал никак, даже головы не повернул, что показалось мне странным.

«Ну, я пошел, что ли?» — бодренько повернулся к выходу Парапетов. «Погоди, — придержал я его за рукав и обратился к Шляпе: — Петр Сергеевич, здравствуйте, моя фамилия Северин, я участковый инспектор...» Мне показалось, что слова мои падают, как в вату, совершенно не достигая ушей собеседника. Все так же глядя мимо меня, он отправил в рот следующую сушку, сделал большой глоток, и его челюсти заработали с бесстрастностью мельничных жерновов. «Петр Сергеевич, — сказал я громче, протянул руку и потряс его за плечо. На мою форму косились с соседних столиков. — Вы меня слышите?» Он медленно повернул ко мне лицо, и я увидел совершенно стеклянные, как у чучела в зоологическом музее, глаза. Петр Сергеевич был мертвецки пьян. Хорошенького я себе нашел свидетеля!

И все-таки он так крепко стоял на ногах, что я решил сделать еще одну попытку пробиться. «Вы помните, как в воскресенье выпивали с Виктором Байдаковым? У него кот погиб. Помни-

те? — И я громко отчеканил: — Бай-да-ков!» «Помню», — неожиданно ясно сообщил Петр Сергеевич и после этого погрузился в полную нирвану. Я тряс его за плечо, даже пытался отнять кружку, но все напрасно.

И вдруг робко подал голос Парапетов: «Эт, что ль, когда они с хромым и Пузырем гужевались?» Я повернулся к нему и кивнул с надеждой. «Эт я помню, эт умора была! Витечка сильно был датый, ну, в полном недоумении! Коньячок, красненькое, да еще пивком отлакировали! Часам к двум уже отпевать можно было!» «А куда потом Байдаков делся, не видел?» — спросил я. «Да никуда он не делся, куда ему было деваться? — вполне искренне подивился Парапетов. — Он ить не то что стоять — сидеть не мог. Дотащили его до лавочки, а он набок, набок. С лавочки его и забрали». «Кто?» — спросил я, как мне хотелось верить, ровным голосом. «Друганы его, поди. Кому он еще-то нужен?» «А как они выглядели, друганы?» «Ну... — Парапетов глубоко задумался, наморщив лоб. — Как? Обыкновенно. Один здоровый такой бугай, а другой маленький. — Он еще поразмыслил немного и добавил: — Маленький и лысый». «Что значит «лысый»? — насел я на него. — Большая лысина, маленькая?» «Совсем лысый, — уверенно ответил Парапетов. — Как колено».

Новых подробностей я от него добиться не смог. Взглянул с досадой на Петра Сергеевича, который с незамутненным взором отправлял в рот очередную сушку, и спросил Парапетова без особой надежды на успех: «А куда они его забрали?» Он подумал, почесал плохо выбритую щеку и сообщил: «Я так думаю, на бегунки». «Почему ты так думаешь?» — поразился я. «А лысый ему говорил: поехали, говорит, на бегунки, продышишься там. Вот я и думаю: туда поехали». «Они что, в машину его посадили?» «Не, просто взяли под руки и повели. А там, может, и в машину...»

Выбравшись наружу из прокисшей насквозь олимпийской пивной, я с наслаждением глотнул свежего воздуха. И так, какие у нас результаты?

Маленький лысый человек с помощью здорового бугая увез куда-то Байдакова за несколько часов до убийства Черкизова.

Маленького лысого человека уже с двумя здоровыми бугаями я встретил в подъезде убитого Шкута. Насколько бугаи здоровые, моя черепушка узнала через полчаса после этого.

Похоже, сдвинулось. Я мысленно поплевал три раза через левое плечо.

— Не помню. — Байдаков сидел, обхватив голову руками, словно снова переживал то понедельничное похмелье. — Ничего не помню.

Облупленные стены комнаты для свиданий наводили тоску. Ничего, кроме глухой тоски, не было и в Витькиных глазах, когда он глядел мимо меня сквозь пыльное зарешеченное окно. Степанида дала разрешение на встречу неожиданно легко. На-

верное, считала Байдакова отработанным материалом, «делом», в котором поставлена точка. Похоже, она была права: передо мной был прогоревший до сердцевины шлак, пустая порода, предназначенная в отвал. За то время, что мы не виделись, Витька смирился со своей судьбой.

— Что значит «не помню»? — спросил я, отбросив увещательный тон, не скрывая больше раздражения. — Меня не интересует, как ты нажрался до беспамятства, меня интересует, есть ли у тебя такой приятель: маленького роста, абсолютно лысый?

Байдаков повернул ко мне пустое лицо, и вдруг на нем короткой искоркой мелькнула усталая усмешка. Мелькнула и пропала, но я все понял. Я понял, что есть, есть у него такой приятель, а может, и не приятель даже, может, что-нибудь посерьезнее. Но еще я понял, что ни черта мне Витька рассказывать не будет. Потому что по одну сторону облезлого канцелярского стола, залепанного чернильными пятнами от сотен и тысяч написанных здесь прошений и жалоб, сидит он, Витька Байдаков, Байдак, катала, тотошник, наперсточник, у которого своя жизнь, свой мир, где свои законы. А по другую сторону — я, бывший дворовый кореш, а ныне обыкновенный, каких много он повидал на своем веку, мент. Мусор. Лягавый. Который, падла, сконструировал какую-то дешевую феню и теперь покупает на нее его, Витьку, фалует Байдака в стукачи. Он и про Генку Шкута зря тогда сказал, не надо было. У него в камере хватало времени подумать, и он додумался: дураков нет за его, байдаковскую, задрипанную фатеру и несчастные тридцать тысяч городить огород, мочить такого человека, как Кеша. Уж куда проще было бы грохнуть самого Байдака, да хоть по той же пьянке башкой об асфальт, никто бы и не чухнулся. Нет, не сходятся здесь у мильтона концы с концами, верить ему без мазы. Уж лучше, как есть: Бог не фрайер, уйдет Витечка от вышки на чистосердечном, а на зоне тоже люди живут...

— Отпустил бы ты меня в камеру, — глухо произнес Байдаков, глядя в пол. — Обед скоро.

— Иди, — пожал я плечами. А когда он, ссутулясь, поднялся, спросил между прочим: — Ты слышал, что Черкизов держал «общак»?

Он дернулся, хотя и промолчал. Но я понял, что слышал.

— Его убили, а кассу взяли, — сказал я, стараясь говорить будничным тоном. — И Шкута убили. К стулу привязали и на голову мешок. И тебя теперь убьют.

— С чего это? — злобно оскалился Витька.

— Шкут что-то знал...

— А я не знаю! — торжествующе перебил меня Байдаков.

— Знаешь, — возразил я. — Раньше не знал, а теперь знаешь.

От меня.

— Что я знаю? — заорал он. — Что?

— Ну, например, что от «Гастронома» тебя, тепленького, увез маленький лысый человек. Мне пока неизвестно, кто это такой, а тебе известно! Тут ведь, понимаешь, убили такого человека, как Кеша, и хапнули «общак». И тот, кто это сделал, даже не так

нас боится, как... кое-кого другого. Или ты думаешь, тебя на зоне не достанут?

По лицу Байдакова я видел, что он так не думает. Оно больше не было пустым, на нем отражалась лихорадочная работа мысли: игрок просчитывал шансы и возможные варианты.

— Так,— сказал он и опустил обратно на табуретку.— А ведь если я тебе скажу, кто такой лысый, ты с этой минуты тоже будешь знать.

Я кивнул. Витька помахал указательным пальцем у меня перед носом.

— И, значит, тебя тоже могут прихлопнуть!

— Могут,— согласился я.

Чертов замок не хотел отпираться. Я отчаянно крутил здоровенный ключ туда и сюда, но он не проворачивался даже на миллиметр. Перспектива искать где-то ножовку и перепиливать толстые дужки не вдохновляла.

— Тормозухи надо капнуть,— услышал я за своей спиной знакомый голос, обернулся и увидел Сережку Косоглазова. Вид у Зайца был вполне праздный, он стоял, засунув руки в карманы, с оттопыренной нижней губой, к которой прилипла сигарета.

Меня в эту минуту вывести из себя было нетрудно: тормозная жидкость, как, впрочем, и все остальное, находилась за железными воротами под этим самым замком. Видимо, лицо у меня было нехорошее, потому что Сережка быстренько сплюнул окурочек на землю, скрылся куда-то между гаражами и через пару минут вернулся, неся в склянке тормозуху. Ее хватило не только на замок, но и на петли ворот, которые по моей прикидке не открывались минимум года полтора. Мы откатили их в сторону, и я с теплым чувством увидел старого друга «Жоржа» — так дед именовал свой голубой «жигуленок», самую первую модель семидесятого года.

Я похлопал его ладонью по пыльному крылу и обошел кругом. Баллоны сели, но это еще даже не полбеды. У меня не было ни малейшего представления, в каком состоянии машина. Если бы под капотом не оказалось двигателя, я бы не слишком удивился. Я открыл дверцу, сел за руль и вставил ключ в зажигание. «Жорж» слабенько тавкнул, потом еще раз, еще — и угас. Заяц, темная фигура которого маячила в проеме ворот, бестактно хохотнул:

— Пора его в Политехнический...

Я вылез наружу, в сердцах шибанул дверцей и выверился на Косоглазова:

— Ты когда работать пойдешь?

— А вот, начальник, сдай мне свой гараж, я кипиратив устрою,— нагло ухмыльнулся он, но добавил:— Твою буду делать бесплатно.

Я кинул ему ключи, и он поймал их на лету.

— На, потренируйся,— сказал я. Может, это было с моей стороны не слишком этично, но я успокоил себя мыслью, что Зайцу сейчас полезна трудотерапия в любом виде.

Через два часа «Жорж» взревел мотором, и мы с Сережкой сделали пробный круг по окрестностям.

— Машина — класс! — показал мне Косоглазов большой палец, выпачканный машинным маслом. — Сразу видно: итальянцы делали.

— Бери гараж, — сказал я ему. — С девяти утра до шести вечера. Как только разбогатеешь, ищи другое помещение.

— Не извольте беспокоиться, — важно подмигнул нахальный Заяц. — Долго ждать не придется.

Весенний день клонился к тихому прозрачному вечеру, когда я закончил обход вверенного мне микрорайона. Два незапертых подвала, один пожароопасный чердак. Угроза обварить кипятком, если не прекратится игра на тромбоне. Мелкое мародерство соседей в комнате почившей в бозе старушки. Записи в тетрадке: «Начальник ДЭЗа и техник-смотритель предупреждены», «Проведена профилактическая беседа», «Передать материал в следственный отдел». Что я буду делать, когда найду лысого? Проведу с ним профилактическую беседу? Во всяком случае, материалов для следственного отдела у меня на него нет. Ладно, Бог не выдаст, свинья не съест. Лысый откладывается на завтра — таковы условия игры. На часах начало седьмого, а с Мариной мы договорились созвониться в девять. Есть время поразбрасывать немного камни.

Когда к тебе домой незваным является милиционер, это вообще мало кого может обрадовать. Но высокий толстый человек с огромным животом под измазанным красками клеенчатым фартуком, увидев меня на пороге, окаменел. «Ты?! — выдохнул он. — Чего надо?» «Пузо, Пузо, — сказал я укоризненно. — Пусти меня в дом, а то соседи могут услышать».

Помедлив еще секунду, он посторонился. Полутемная прихожая уходила налево, конец ее терялся где-то вдали. Я хорошо помнил эту огромную квартиру, где в пяти комнатах, кроме хозяина, разместились его жена, теща, четверо детей и пять собак. Мне было прямо, в ближайшую от входа дверь, за которой находилась самая большая комната: одновременно мастерская, кабинет и спальня главы семьи. Когда мы оказались в ней, Пузо подпер затылком притолоку и хрипло выпалил: «Я на тебя больше не работаю».

Я огляделся. За два года здесь мало что переменялось: те же полки с альбомами по древнерусскому искусству, иконы на стенах, иконы на стульях, иконы на полу. Я посмотрел на Пузо, как он, сжавши зубы, играет желваками, и сказал: «Да не трясься ты, Господи Боже мой...» «Я на тебя больше не работаю», — набычившись, упрямо повторил он. «Это почему ты так решил?» — поинтересовался я. «Тебя же выперли...» — начал Пузо и осекся, увидев в моих руках красную книжечку.

Спрятав ее обратно в карман, я прошелся вдоль длинного деревянного стола, на котором в разной степени готовности были разложены части большого, пятнадцатистворчатого складня. Пузо был гениальным художником-реставратором, равных ему, пожалуй, не было в Москве. А еще он был жадным, трусливым, подлым человеком, не единожды по разным поводам продавав-

шим своих друзей и клиентов. Пузо был стукачом. «Неблагодарная ты свинья,— сказал я ему со вздохом.— Почему ты не ценишь, что, уйдя с Петровки, я тебя никому не передал, а?»

Пузо бессильно опустил тяжелые руки. Он уже сдался, как сдавался тысячу раз на моей памяти. «У меня же семья,— объяснил он мне как-то, оправдываясь,— да еще собаки...»

«Ты такого Кадомцева Елизара Петровича знаешь?» — спросил я. Пузо дернул плечами. «Лично — нет, а слышать — слышал». «Вот тебе задание: собери мне про него всю информацию, какую сможешь. Причем быстро. Отложи работу, это тебе дешевле встанет», — добавил я на всякий случай, чтобы он не расслаблялся.

Щекастое лицо Пузо повеселело: я не требовал от него ничего сверхординарного. На прощание я дружески хлопнул его по плечу: «Когда соберешься на пенсию, закажу тебе свой портрет». «В гробу», — беззлобно проворчал Пузо.

Лерик, которому я позвонил из автомата, был дома. Они с Лялькой готовы были меня принять. «Что ты будешь есть?» — спросил он деловито. «Пожалуй, немножко омаров», — сказал я. Он неопределенно хмыкнул. «А пить?» — «Вдову Клико». «Заказ принят», — сообщил он. — Подваливай».

Когда-то, много лет назад, мы с Лериком только в такой манере и разговаривали. И сейчас он с готовностью подхватил ее. Много лет назад мы с Лериком были ближайшими друзьями. Потом мы были лютыми врагами. Потом... Потом не было ничего. Время обтесало острые грани и дружбы, и вражды, как море обтесывает осколок бутылочного стекла — гладкого и мутного, неспособного больше ранить. Смешно ведь двадцать лет спустя переживать детские обиды. Лялька выбрала его — и оказалась права. «Волги», шубы и бриллианты ей со мной не светили. Впрочем, что это я? В семнадцать лет они не светили ей и с Лериком. Это уж после каждый из нас распорядился собой как смог: он стал преуспевающим кооператором, я — опальным милиционером. И хватит об этом.

«Жорж» весело катил по пустынным в субботний вечер улицам. На Ленинградском проспекте я дал ему шпоры, и он без напряжения мгновенно набрал сто двадцать. Молодец, похвалил я его, сбавляя скорость. Завтра ты можешь пригодиться.

Дверь мне опять открыла Лялька. Но сегодня она выглядела скромнее — джинсы в обтяжку и черный облегающий свитер. В ушах и на шее тоже ничего не было, только на безымянном пальце левой руки посверкивал изумруд карата на полтора-два. Как говорится, скромненько, но со вкусом.

— Без формы ты выглядишь гораздо приятней, — сообщила она мне с обезоруживающей тактичностью. Сама она заметно пополнила за эти годы, и у меня на языке вертелся ответный каламбур насчет ее форм, но я оставил его при себе.

На пороге гостиной возник Лерик, раскрыл объятия и полез целоваться, щекача усами.

— Пра-ашу, — сделал он приглашающий жест. — Администрация приносит извинения: вместо омаров — крабы, вместо Клико — Новосветское. Сами понимаете, время тяжелое, перестроенное.

И мы хохмили под крабы и шампанское, пикировались под семгу и коньячок, смешили Ляльку до слез. Потом она собрала посуду и ушла на кухню варить кофе, а мы остались одни, и Лерик, распечатав пачку «Салема», сказал серьезно:

— Я ведь в прошлый раз не шутил. У меня дело расширяется. А в нашей богоизбранной стране чем больше у тебя дело, тем сильнее головная боль. Нужны люди... — он запнулся, подбирая слово, — твоей специализации.

Лерик прикурил от зажигалки в кожаном чехольчике, затаился и посмотрел на меня, как бы оценивая:

— Для начала будешь получать тысячу в месяц плюс премия. — И он подчеркнул: — Для начала.

Я слегка обалдел. На фоне коньяка с шампанским от такого предложения могла закружиться и не такая слабая голова, как моя.

— А что делать?

— Скучать не будешь. — Лерик откинулся в кресле. — Мне ведь тебе про ракет рассказывать не надо? У меня, например, несколько видеобаров, два комиссионных магазина да плюс игральные автоматы в аэропортах и на вокзалах. Нужно организовать охрану, нужно сопровождать деньги, да мало ли что еще.

— Надо подумать, — сказал я. Мне действительно надо было подумать, желательно на трезвую голову. — А пока что у меня к тебе тоже просьбишка. Удели мне завтра часок-другой, поболтаем насчет той кражи у тебя из квартиры.

Лицо Лерика выразило удивление.

— Вот те на! А меня как раз сегодня тягали на Петровку для опознания! Нашелся мой видик и Лялькина шуба! Я так понял, что воров поймали...

— Нет, Лерик, — покачал я головой. — Никого пока не поймали. И поэтому до сих пор есть опасность, что вас могут ограбить еще раз. Так что считай, что я на тебя уже работаю. Пока бесплатно.

— Отлично! — согласился он. — Хотя больше всего на свете я не люблю, когда мне что-нибудь делают бесплатно. — И пояснил: — Отрывка социализма...

Ровно в девять я набрал номер Марины.

— О-о, мой рыцарь! — пропела она. — Вас больше не били по головке?

— Нет, — ответил я, — но гладить тоже не гладили.

— Я должна предложить свои услуги? — Голос у нее был иронический. Живо представив себе, как она смешно дергает при этих словах носиком, я почувствовал легкое томление внизу живота и быстро сказал:

— Готов встретиться через две с половиной минуты.

— Увы мне! — вздохнула она. — Я уже полчаса, как должна быть у родителей. Маман лежат с мигренью, нужно покормить ужином бабулю и папá. Кстати, — тон ее стал деловым, — ты не голоден?

— Э-э, — проблеял я, — мы тут слегка перекусили...

— Квартира сто семнадцать, — перебила она меня. — Этаж шестой, подъезд третий, дом стеклянный. Форма одежды произ-

вольная. Папá — большой демократ, а бабуля ничего не видит. Целую. — И на прощание она так чмокнула в трубку, что в ухе у меня зазвенело.

Тщательно повязывая перед зеркалом галстук и облачаясь в свой лучший пиджак, я в некоторой растерянности размышлял о том, что ночь, проведенная в постели, еще не повод для знакомства, во всяком случае, с родителями. Растерянность моя усугублялась тем, что я ощущал непреодолимое желание увидеть Марину немедленно, даже в комплекте с подслеповатой бабулей и демократическим папá.

Лев Ильич, а именно так звали демократа, первым делом предложил мне снять пиджак и вообще чувствовать себя как дома. Сам он был в спортивном костюме невысказанно оранжевого цвета, который отлично смотрелся на его тощей, поджарой фигуре. У папá были тонкие, чувствительные руки пианиста и худое, удлинненное лицо с глубоко посаженными умными глазами, которые выглядывали из глазных впадин, как два хитрых и осторожных зверька.

В последний момент оказалось, что и бабушка не выйдет из своей комнаты, так что решено было ужинать, как выразился Лев Ильич, по-простецки, на кухне. Но чего в этой кухне было меньше всего, так это простоты. Если Маринин папá рассчитывал паразитировать воображение бедного милиционера, он своего достиг.

Больше всего кухня походила на кабину стратегического бомбардировщика — столько здесь было техники и электроники. Плита с программным управлением, высокочастотная печь с вращающимися внутренностями, кофемолка, кофеварка, мясорубка, терка, соковыжималка — все не виданных мною форм и размеров, а также другие сверкающие пластмассой и никелем приспособления неизвестного мне назначения, вплоть до укрепленной под полкой хреновины, оказавшейся электрооткрывалкой для консервных банок. Вжжжик — и жестянка с ананасовым компотом готова к употреблению. Положительно, начав сегодняшний день где-то в придонном слое нашего общества, и последние часы плавал совсем недалеко от поверхности. Что-то в этом есть: от крабов с шампанским перейти к ананасам...

Лев Ильич откровенно сиял, демонстрируя мне чудеса своей техники. Заметив в моих глазах отблеск интереса, он не успокоился, пока не показал наглядно, как действует каждый из начинавших кухню приборов. У меня уже жужжало в голове и мелькало в глазах, когда Марина решительно прервала сеанс, сообщив, что цыпленок готов. Папá достал из холодильника запотевающую бутылку «Пшеничной», и мы уселись за стол.

— Это у него болезнь такая, — пожаловалась на отца Марина. — Готов рекламировать свой товар кому угодно. Ну что у тебя может купить участковый милиционер?

— А вдруг он станет министром внутренних дел? — оптимистично парировал Лев Ильич. — Тогда я заключу с ним потрясающий контракт!

— Погодите, — удивился я. — Это что, все продается?!

— В некотором роде, — хмыкнул папá. — Здесь продукция

четырёх сингапурских и южнокорейских фирм, которые я представляю. Я генеральный директор совместного предприятия «Глоба». Если у вас есть валюта — милости прошу, обращайтесь! Для вашего ведомства могу предложить портативные рации, компактные видеокамеры, а также... — он заговорщицки подмигнул и понизил голос, — подслушивающую аппаратуру. Если у вас есть машина, имеются антирадарные устройства.

— Благодарю, — чинно кивнул я и заинтересовался: — А за рубли вы что-нибудь продаете?

— Разумеется! — воскликнул он с воодушевлением, а закончил на пару тонов ниже: — Но очень дорого. В двадцать раз дороже, чем на доллары.

Я крикнул.

— И что, находятся покупатели?

— В очереди стоят, — заверил он меня и поднялся из-за стола. — Пойдемте-ка, я вам еще кое-что покажу.

Марина закатила глаза, а я показал ей лицом, что делать нечего, придется терпеть до конца. Вслед за говорливым папá мы прошли в гостиную. Здесь, вероятно, было продолжение экспозиции.

— Ну, это обыкновенный компьютер, это обыкновенный телефакс, это радиотелефон, а это... — указующий палец Льва Ильича торжественно замер, — это вещь необыкновенная! — Он подошел к огромному, как стол, агрегату и нежно погладил крышку из шероховатого пластика. — Цветной ксерокс! Кроме как у меня, нигде не увидите!

Он глядел на меня соколом, его глубоко посаженные глаза блестели, как вода на дне колодца. Я вежливо покивал, хотя, по-моему, прочувствовать всю грандиозность момента не смог. Возможно, папá уловил это, потому что вдруг спросил строго:

— У вас есть деньги?

— В каком смысле? — оторопел я.

— Ну, деньги, бумажки, — нетерпеливо повторил он, а Марина, стоя за моим плечом, вздохнула длинно и сказала:

— Дай ему трешку или пятерку.

Тон у нее был устало-снисходительный, как будто речь шла о приставучем ребенке. «Дай, а то не отвяжется». Я порывлся в карманах и извлек червонец. Лев Ильич выхватил его у меня из рук, откинул крышку агрегата, нажал какие-то кнопки, отчего загорелось сразу несколько разноцветных лампочек, и суул кредитку в утробу своему монстру. Тот заурчал, что-то глухо заворочалось у него внутри, и он вдруг выплюнул лист бумаги с изображением десятирублевки. Я взял его в руки и всмотрелся. Это была точная копия, вплоть до мельчайших завитушек, до малейшего рубчика! Да ведь эдак ничего не стоит лепить фальшивые купюры, обалдело подумалось мне. Я поднял глаза на папá. У него был вид именинника.

— Знаю, знаю, о чем вы думаете, товарищ милиционер, — засмеялся он. — Для фальшивых денег прежде всего бумага нужна, водяные знаки, а печатать их еще в прошлом веке без всякого ксерокса умели!

Черт, подумал я с огорчением, нехорошо-то как! Если всякий будет по моей физиономии угадывать, о чем я думаю...

— А настоящие деньги назад можно получить?

— Будьте любезны! — Он жестом фокусника извлек из аппарата мой червонец и обратился к Марине: — Детка, дай нам стопочки, я товарища сыщика угощу настоящим куантро.

Я смотрел, как льется из бутылки тягучий янтарный ликер, и вдруг без всякой связи вспомнил, что, пока я целый вечер предаюсь бессмысленной роскоши и душевному разврату, бедный Дыскин где-то там бьется, возможно, с железозубым ящером, тупым и жестоким, как всякое ископаемое.

— Вы позволите от вас позвонить? — спросил я.

Здесь и телефон был какой-то невиданный. Кроме обычных десяти цифр, еще множество кнопок.

— Это у него память на сорок восемь номеров, — снова угадав мои мысли, объяснил Лев Ильич.

— А для чего тут окошко? — спросил я, набирая рабочий телефон Дыскина и слушающая длинные гудки.

— Если нажать вон ту кнопку, в окошке появится номер, с которого вам звонят.

— И зачем это нужно? — удивился я. В отделении Дыскина нет, надо позвонить ему домой.

— Такие аппараты используют в полиции, на «Скорой помощи», в пожарной охране. Для борьбы с хулиганскими звонками. Оч-чень полезная вещь! — Хозяин с удовольствием отхлебнул ликера. — Что же вы не пьете? Пейте!

Дыскин наконец снял трубку, и я сказал:

— Валя, это я. Ну, что Сипягин?

Стопочка коварнейшим образом выскользнула из пальцев Льва Ильича, он попытался подхватить ее на лету, но тщетно: роскошный костюм оказался напрочь залит липким напитком.

— Порядок, — уверенно говорил в это время Дыскин. — Сделали обыск, нашли и сеть, и провода целую бухту. Он пока молчит еще, но это из упрямства. Я его домой отправил думать до утра. Или он завтра напишет мне чистосердечное, или я не профессор Дыскин!

Что-то творилось с милейшим Львом Ильичом, на нем не было лица. Марина бросилась к нему с салфеткой, стала промокать испачканные места, он вяло помогал ей. Неужели папá так расстроился из-за костюма?

— Сипягин? — повернулся он ко мне. — Вы сказали — Сипягин?

— Да, — подтвердил я. — А в чем дело?

— Как его зовут? — спросил он, и я уловил дрожь в его голосе. — Виктор Андреевич?

— Нет, — покачал я головой, внимательно его разглядывая. — Его зовут не так.

— Слава Богу, — вздохнул он с облегчением. — Значит, однофамилец.

Залившая было его лицо серость уходила. Черты снова стали твердыми, в глаза вернулась ясность.

— Ну-с, что вас еще интересует? — весело осведомился он.

И тут наконец Марина не выдержала. Взяв меня за руку, она сказала, делая ударение на каждом слове:

— Его интересует твоя дочь!

Через две минуты мы неслись как угорелые по улице, через пять минут мы ворвались в мою квартиру, через семь минут лежали в постели. А еще через два часа Марина объявила, что дико хочет есть. Я пошел на кухню и сделал бутерброды себе и ей. Мы сидели, зарывшись с разных сторон под одно одеяло, и она тихо говорила: «Ты не смейся над ним, он вообще-то мужик неплохой. Это сейчас у нас все шикарно, а ведь раньше было не так. Он во Внешторге работал, и какая-то гадина его подставила, отец не любит про это говорить. Короче, была растрата. В валюте. И он сидел, представляешь?» Я кивнул. Чего ж тут не представлять? «А мы с мамой одни жили. А потом отец вернулся. И долго не мог никуда устроиться. А ведь у него четыре языка! И вот это эспэ с корейцами. И деньги появились, и все такое. Он радуется, как ребенок! Понимаешь?» Я снова кивнул. Чего ж тут не понимать?

Марина сидела в уголке кровати, сгорбившись, обняв колени руками. Мне казалось, что лицо ее светится в темноте. Вдруг она спросила: «А за что тебя из сыщиков выгнали?» «Ты откуда знаешь?» — поразился я. «Знаю. Люди говорят». «Кто? — спросил я, напрягшись. — Кто говорит?» «Какая разница?» — взмахнула она белеющей во мраке рукой. «Есть разница», — настаивал я. «Ну, Малушко, лифтер. Он всегда все знает. Так за что выгнали? Или не хочешь говорить?»

224 Я не хотел говорить. Зачем ей это? Она тихонько вытянула под одеялом ногу и коснулась меня своей мягкой, кошачьей подошвой. Она умела обращаться с такими дураками, как я. Стасик Северин был сейчас воском в ее руках. Он не хотел говорить, но сказал: «Я убил человека». Марина не удивилась, не ахнула, не всплеснула руками. Только спросила: «Хорошего?» «Необыкновенного», — ответил я. — «Выдающегося гуманиста всех времен и народов». «Расскажи...» — прошептала она.

В тот ясный и холодный осенний денек мы собирались брать группу Золотцева, по кличке «Хулиган». Председатель торгово-закупочного кооператива «Роза» должен был привезти на площадь автовокзала в Химках восемьдесят тысяч, и мы очень надеялись, что Золотцев за такой суммой явится сам. По нашим оперативным данным, на нем было как минимум два убийства, и это он лично замучил пытками до смерти молодую женщину, бухгалтера кооператива «Содружество». Имелись также сведения о нескольких изнасилованиях, о развратных действиях с несовершеннолетними, но ни потерпевших, ни свидетелей, готовых идти в суд, не было. Бывший десятиборец, двухметровый и стокилограммовый Хулиган умел затыкать рты. По самым приблизительным подсчетам, в его банде насчитывалось не меньше двенадцати членов. На вооружении — обрезы, пистолеты, велосипедные цепи и стальные прутья.

Площадь была блокирована уже часа за два до назначенного срока. Собственно, основная работа возлагалась на одетых в штатское омоновцев, мы, оперативники, были на подхвате.

Я, например, сидел в нашей «разгонке», укрытой в одном из боковых проездов, вместе с водителем Виталькой, который непрерывно травил бородатые анекдоты. Неожиданности не планировались.

Встреча должна была состояться в семнадцать часов. Как договорились, председатель «Розы» подъехал без пяти, вылез из своей «Волги» и остался стоять с портфелем в руках. В десять минут шестого на площадь выехали голубые «Жигули». Еще через пару минут «Москвич». Они остановились неподалеку от председателя, но никто не торопился выходить к нему. В обеих машинах сидело человек восемь. В семнадцать двадцать показался «мерседес» Золотцева. Он сам сидел за рулем, с ним были еще двое. Припарковавшись поодаль, Хулиган опустил боковое стекло. Вероятно, это было сигналом, потому что из «Москвича» вылез небольшого росточка парень и вразвалочку направился к председателю. Коротко переговорив, он взял у него из рук портфель и так же неторопливо пошел через всю площадь к «мерседесу». Все шло самым замечательным образом, и тут председатель совершил непростительную глупость. Потом он, сокрушаясь, объяснял, что видел, как все дальше и дальше уносят его деньги, а никто не хватает преступника. Ему вдруг на нервной почве взбрело в голову, что милиционеры зазевались, и он, обернувшись, отчаянно замахал рукой.

У Хулигана оказалась отменная реакция. «Мерседес» рванул с места так, что пыль встала столбом. Через две секунды он пронесся мимо нас, и Виталик сумел показать, что его реакция не хуже. Все остальные остались сзади, но нашей старой, разбитой «Волге» было трудно тягаться с «мерседесом». Шансы уравнивала дорога — столько на ней было ям, трещин и ухабов.

— Остановитесь! — орал я в мегафон. — Милиция! Остановитесь!

Но Хулиган постепенно отрывался. Я открыл боковое окно, высунул по пояс и выстрелил для начала в воздух. «Мерседес» вильнул и ушел вперед еще метра на три. Я выстрелил еще раз, целясь в колесо, но машину трясло, и пуля щелкнула в бампер.

— Держись! — заорал мне Виталик. — Обойду слева!

Он выскочил на обочину, скользя левыми колесами по самому краю кювета, и на секунду сумел поравняться с «мерседесом». Я увидел, как человек на заднем сиденье опускает стекло, одновременно поднимая обрез. И выстрелил в третий раз.

Золотцев ткнулся лицом в руль, «мерседес» круто ушел вправо, его перенесло через канаву, он дважды перевернулся и влетел в телеграфный столб.

По прокуратурам меня таскали в общей сложности месяцев восемь. Моя пуля попала Хулигану под левую руку и пробила сердце. Двое других остались живы, хоть и были изрядно покалечены. Главное обвинение предъявлялось такое: я не имел права стрелять в Хулигана, потому что никаких противоправных действий, кроме отказа остановиться, он не совершал. Бесстрастные рожи моих следователей стали сниться мне по ночам. Разговаривать с ними о том, кто такой Золотцев, было

бесполезно, они делали вид, что не понимают. И я, сжав зубы, держался версии, что целился в колесо, но в момент выстрела машину подбросило на ухабе. Слава Богу, Виталик все подтверждал.

В конце концов дело все-таки прекратили, но из розыска пришлось уйти. Как сказал тогда Валиулин, чтоб и овцы были сыты, и волки целы.

Я замолчал. Марина змейкой скользнула под одеялом, обняла меня за шею и поцеловала в подбородок. «А куда ты стрелял на самом деле?» — тихонько спросила она, и я близко-близко увидел ее широко раскрытые глаза. «В Хулигана», — сказал я честно. «Так я и думала», — с удовлетворением вздохнула она.

Был второй час ночи, когда я проводил ее до подъезда. Заспанная лифтерша открыла на наш звонок и с большим неодобрением наблюдала, как мы еще и еще раз целуемся на прощание.

Я шел по весеннему ночному городу, вдыхая свежий, наполненный запахом цветущей липы воздух. Во всем теле и голове была удивительная легкость. Я просто шел и дышал, гоня от себя прочь все мысли о завтрашних делах. Навстречу по другой стороне переулка прошла припозднившаяся парочка. Мужчина что-то глухо бубнил, а женщина разговаривала высоким, взволнованным голосом. Я разобрал слова «этаж», «насмерть» и «вдребезги». Повернув за угол, я остановился. Что-то происходило на том конце двора, за детской площадкой. Там стояла «Скорая» и две милицейские машины с включенными мигалками. Бегом я оказался рядом с ними через полминуты.

— Самоубийца, — доложил узнавший меня сержант-водитель и показал наверх; — Сверзился с пятого этажа.

Несмотря на поздний час, вокруг стояли несколько жильцов дома. Два санитара охраняли труп на асфальте, уже прикрытый от нескромных глаз простыней. Я присел на корточки и откинул край. Вероятно, погибший ударился головой — вместо лица была кровавая маска. Но я узнал его по тонкой шее и железным зубам, которые блестели между разбитых губ. Кошковад Сипягин умер, так и не успев написать чистосердечное признание.

15

Невыспавшийся, с кругами вокруг глаз, злой, как собака, Дыскин сидел напротив меня и остервенело ругался.

— Самоубийство! — едчайшим голосом произнес он, устав материться. — Да эта гнида была способна на самоубийство не больше, чем чугунная сковорода!

Я молчал, потому что сказать мне было нечего. Следов борьбы в квартире Сипягина не обнаружено, но заклеенный на зиму балкон был распахнут совсем недавно: ключья бумаги остались и на притолоке, и на балконной двери. В мертвенную фарфоровую аккуратность сипягинского жилища это не вписывалось. Впечатление, однако, не доказательство. Чужих отпечатков пальцев на рамах и на ручке двери обнаружено не было. Отработка жилого сектора на этот раз ничего не дала.

Я молчал, хотя тоже был уверен, что Сипягин убит. Я видел тех двух ребят, что сопровождали лысого к Шкуту, и мне нетрудно было представить, как один из них легко берет щуплого живодера за горло, а другой в это время, надев перчатки, открывает дверь на балкон... Может, было так, может, иначе. Но в одном я теперь был уверен твердо.

Кто-то очень неглупый, хитрый и расчетливый постоянно играет в занимательную игру, в которой неизменно выходит победителем. Он не просто развлекается, он играет всерьез, на большие ставки. Что ни ход, то разыгранная комбинация! Убит Черкизов, взят «общак», а подставлен Витька. Да не просто подставлен, а так, что дочери крупного мафиози достается прекрасная квартира в престижном доме.

Убит Шкут. Убит, потому что знал что-то о деталях предыдущей операции. Перед смертью его пытали, и я, кажется, догадываюсь, зачем. Тех, кто взял из сейфа Черкизова сберкнижки на предъявителя, теперь интересовало, где вкладыши. Но Шкут скорее всего этого не знал. Впрочем, он все равно был обречен. А из его убийства извлечена двойная выгода: в квартиру подброшены вещдоки, проходящие по кражам с тряпками, и даже для полной убедительности — список, значит, поиски наводчика милицией прекращаются.

И, наконец, убит Сипягин. Надо думать, как только Дыскин его отпустил домой, он бросился сообщать тому, кто нанял его для убийства кота, и это сообщение стоило ему жизни. Решение было принято быстро. А потом точно так же выполнено.

Я посмотрел на часы: четверть первого. В час начинаются бега. Витька Байдаков рассказал все, что знал про маленького лысого человека. Его зовут Юра, кличка «Глобус». Большой авторитет в московском преступном мире. Всегда ходит с одним или двумя телохранителями. Не пропускает ни одного бегового дня, обычно стоит на одном и том же месте трибуны — напротив финиша между каменными колоннами. Он игрок, очень серьезный игрок. Может быть, тот самый, что мне нужен.

— Ты поедешь со мной? — спросил я Дыскина.

— Куда ж я денусь, — кивнул он и, почесав в затылке, добавил: — Только вот что. Давай так: ты на «Жорже», а я на своей таратайке, для страховки.

Это было вполне разумное предложение. Дыскинская двухцилиндровая «Ява» предоставляла нам в случае чего свободу маневров.

— На бегах друг к другу без нужды не подходим, — сказал я. — Но из виду не выпускаем. Теперь «маяки». Если нужно отойти в сторону, чтобы переговорить, вынимаешь из кармана платок...

— У меня нет платка, — насупился Дыскин.

— Стыдно, — укорил я его. — А что у тебя есть?

Дыскин пошарил по карманам.

— Сигареты, спички, ключи. Пистолет.

— Пистолет вынимать не надо, — сказал я. — Могут не так понять. Достоешь пачку сигарет и держишь ее в левой руке. Вопросы есть?

— Есть, — ответил Дыскин. — Что мы станем делать с этим Глобусом, когда найдем?

— Станем раскручивать, — сказал я, но, судя по дыскинскому хмурому лицу, мой каламбур пронал даром. Пришлось пояснить: — Нам нужны его анкетные данные. Ну, и связи, если будут.

В воскресенье на бегах народу тьма-тьмушая. Я с трудом нашел место на стоянке, чтобы воткнуть «Жоржа». Дыскину, разумеется, было легче. Я подождал, пока он, размахивая мотоциклетным шлемом, взбежит по ступенькам, закрыл машину и двинулся следом. В очереди за билетом и программкой он стоял человек на двадцать впереди меня, но когда я прошел контролеров, то сразу же увидел его: Валя был неподалеку, увлеченно изучая состав участников первого заезда. Как только я оказался в поле зрения, он повернулся и пошел на трибуны. Предосторожности не были лишними: в такой плотной толпе мы могли потеряться в два счета.

Я уже минут десять стоял на самом верху лестницы между двумя колоннами, а никого, хотя бы отдаленно похожего на Глобуса, не было видно. Наездники в своих качалках один за другим выкатывались на старт. Я поискал глазами Дыскина. Он стоял с другой стороны, методически обшаривая взглядом публику. Вид у него был смурной.

Ударил гонг, лошади побежали. Все взгляды были теперь устремлены на дорожку. Вдруг по толпе прошло глухое брожение, будто порывом ветра кольнуло верхушки деревьев.

— Арбат сбоял и сделал проскачку, — бесстрастным голосом сообщил репродуктор.

— Ах, мать твою! — воскликнул мужчина в клетчатой кепке рядом со мной и даже зачем-то ударил меня программкой по плечу. — Жулье! Арбат — невыбитый фонарь! Его весь ипподром играет!

Я сочувственно кивнул ему и в процессе этого кивка увидел прямо под собой, пятью ступенями ниже, круглую, как шар, лысую голову. Быстро взглянув на Дыскина, я понял, что он тоже увидел Глобуса. Ну, сказал я сам себе, с Богом!

Рядом с лысиной возвышалась черноволосая лохматая голова, посредством крепкой борцовской шеи укрепленная на широких плечах. Если мне не изменяла память, именно этот паренек сидел тогда за рулем белого ворованного «Москвича». Второй был, кажется, пониже ростом и к тому же белобрыс. Интересно, к кому из них двоих у меня имеется небольшой счетик?

Глобус что-то пометил в программке карандашиком и, обернувшись, сказал несколько слов красивому молодому человеку в твидовой куртке, отчего тот засмеялся. Я начал потихоньку спускаться к ним. Когда между нами осталась одна ступенька, я остановился. Нас разделяло несколько голов, но теперь при желании можно было расслышать отдельные слова.

Заезд окончился. На землю полетели тысячи проитравших зрителей. Голубое несбывшееся счастье.

— Иди получи, — лениво бросил Глобус своему черноволосому

телохранителю. Голос у него был бархатный, с легкой хрипотцой.

Раздвигая толпу плечом, лохматый протиснулся вниз, к барьеру, и оказался рядом с маленьким плотным коротышкой в распахнутом пальто, вокруг которого происходило постоянное движение наподобие водоворота. Люди подходили и уходили, совали деньги или, наоборот, получали, а букмекер с непостижимой скоростью обслуживал клиентов, успевая считать купюры и что-то чиркать в своей программке. Однако с появлением лохматого в рабочем ритме коротышки произошел легкий сбой. Оставив на секунду другую остальных игроков, он нашел для посылного Глобуса не только деньги, но и улыбочку. Как мне показалось, слегка подбострастную.

Красавчик в твидовой куртке слегка наклонился к уху лысого. Я весь подался вперед и услышал:

— Мы сегодня играем конюшню?

— Да,— буркнул в ответ Глобус.— Два раза. Все заряжено.

Красавчик с удовлетворенным видом откинулся. Отлично, подумал я. «Мы» — это замечательно! Вот и первая связь наметилась. Насколько позволяли судить мои знания предмета, этот диалог, во-первых, означал, что сегодня, по крайней мере в двух заездах, «заряженные» наездники, которым за это заплатили, будут придерживать лошадей, выпуская вперед какую-нибудь темную кобылку, а во-вторых, что твидовый красавец и наш Глобус хлебают из одного корыта. Причем, если я правильно оценивал статус лысого, сам он, не считая мелких ставок у бука, играть не станет. По всему ипподрому разбросан добрый десяток «ставщиков», которые в нужный момент поставят определенную сумму на заранее известную комбинацию. В конце концов денежки все равно истекут туда, куда надо.

После четвертого или пятого заезда красавчик снова наклонился к Глобусу, сказал что-то, чего я не расслышал, хлопнул его легонько по рукаву и стал пробираться к выходу. Я вытащил из кармана платок и вытер совершенно сухой лоб. Дыскин смотрел на меня вопросительно. Я показал ему глазами на твидового, и он, еле заметно кивнув, двинулся следом.

Время тянулось томительно-медленно. Я заглянул в конец программки — последний заезд начинался в шесть вечера, а сейчас только начало пятого! Глобус развлекается, лохматый работает, а я, видимо, составляю им компанию. Ноги у меня затекли, с непривычки от долгого стояния ломило спину. К шестнадцатому заезду я насчитал тридцать девять человек, которые приветствовали Глобуса, пожимали ему руку и даже кланялись. Но ни один из них в разговоры с ним не вступал.

Наконец отзвучал последний гонг. Толпа тотощников потянулась к выходам, трибуны пустели. Но я рано обрадовался: Глобус никуда не торопился, а его чернявый охранник развил бурную деятельность. Он сновал туда и сюда, переходил от одного к другому, и всюду, насколько я мог видеть, ему отстигивались купюры. Сначала я было решил, что это «ставщики» отдают ему полученное в результате «заряженных» заездов, но вскоре понял свою ошибку. Лохматый собирал деньги у букмекеров — вон и коротышка в пальто нараспашку с улыбочкой сунул

что-то ему в руку. Буки — публика тертая. И если все они беспрекословно платят... Это уже походило на оброк. Иными словами, рэкет. Лысый Глобус, опершись о стенку, благосклонно взирал сверху на всю эту суету.

Управившись с работой, подошел лохматый, и они вместе с хозяином, не торопясь, покинули ипподром. Мой «Жорж» стоял ближе к выходу, и я наблюдал, как чернявый громила открывает Глобусу дверцу белой «Волги» и чуть только его туда не подсаживает. Надеюсь, хоть эта-то не краденая, думал я, отъезжая следом за ними и несколько раз повторяя про себя номер, чтобы получше запомнить.

Путешествие наше не было особенно долгим. Но я пожалел, что со мной нет Дыскина: в воскресный вечер город был пустоват, машин мало, а я еще не забыл урок, который мне преподали те же джентльмены, что ехали сейчас впереди меня. Приходилось держать дистанцию, по возможности прячась за редкими автомобилями, но при этом ухитриться не отстать, не застрять на каком-нибудь светофоре. Пару раз я проскочил на желтый свет, а один раз даже на красный, однако не было похоже, что они меня срисовали. С Беговой выехали на Ленинградский проспект, прокатились по Тверской и на площади Пушкина свернули направо, на бульвар. Миновали Никитские ворота, затем туннель под Калининским, и вскоре «Волга» замигала, показывая, что собирается повернуть на Сивцев Вражек.

230 Это было плохо, совсем плохо. В узких и коротких арбатских переулках они вычислят меня в два счета. А с другой стороны, подумал я, терять мне нечего. И решительно свернул следом. Белая «Волга» была впереди метров на сто, мелькнули тормозные фонари, и она нырнула налево. Я вдавил в пол педаль газа и потом резко затормозил в трех метрах от угла. Медленно высунул капот «Жоржа» вперед и успел заметить, что теперь «Волга» уходит вправо. Я снова рванул вперед и ударил по тормозам, не доезжая угла. Руки у меня стали липкими, зубы сжимались сами собой. Я почувствовал, что долго играть в такие пятнашки не сумею. И тут с облегчением увидел на очередном повороте, что они stanовятся к тротуару.

Я мгновенно сдал назад, остановился и выскочил наружу. Пересекая пешочком дорогу, я краем глаза видел, что оба вышли из машины и стоят перед дверью старого двухэтажного особняка. Я не просто шел, я медленнейшим образом прогуливался и поэтому, прежде чем угол противоположного дома скрыл их от меня, я увидел, как дверь особняка открылась, поглотив лысого Глобуса вместе с его лохматым спутником.

Так я привел в порядок нервы, горопиться стало как будто незачем. Выждав на всякий случай еще несколько минут, я двинулся к особняку. «Волга» чернявого стояла здесь не одна, а в компании. Вдоль тротуара выстроились десятка полтора «Жигулей», пара «мерседесов», «вольво» и «тойота» — все с частными московскими номерами. Я шел по противоположной стороне переулка и, когда до двери оставалось шагов двадцать, увидел над ней скромную вывеску: «КООП». А рядом трогательное название: «Кафе «РОСИНКА». И ниже совсем уж неболь-

шую табличку: «Семейная гостиница «Уют». Опустив глаза, я заметил, что на самой двери тоже имеется надпись. Выполненная на толстом листе меди, она производила впечатление отнюдь не временной, а, наоборот, намекала, что выполняет здесь постоянную функцию: «Мест нет».

Я перешел дорогу и остановился перед этой дверью. Обитая сталью, с квадратным окошком посередине, она больше напоминала вход в банк, чем в предприятие общепита. Поискав глазами, я обнаружил сбоку кнопку звонка и надавил на нее. Почти тотчас же открылось окошко. В нем показалось лицо, и лицо это мне не понравилось. Плоское, как будто по нему проехали асфальтовым катком, с приплюснутым носом, с узкими глазами под скошенным лбом, тонкими ломаными губами и тяжелым, как амбарный замок, подбородком. «Чего?» — коротко спросил меня обладатель всех этих замечательных черт. «Командир, — сказал я, демонстрируя перед окошком зажатую в руке пятерку, — жрать охота. Я один, приткнусь там где-нибудь, а?» Ни один мускул у него не дрогнул, когда, даже не взглянув на деньги, он так же коротко ответил: «Все занято» — и захлопнул окошко, чуть не прищемив мне пальцы. Ай да кооперативное кафе «Росинка»! Знатного завело себе швейцара! Строг, неподкупен. Может, у него еще есть какие достоинства?

Я оглядел фасад особняка и только тут обратил внимание, что все до единого окна занавешены тяжелыми велюровыми шторами. Странный дом, странное кафе, странный швейцар. Метрах в двадцати по ходу чернела низкая арка, ведущая, вероятно, во двор. Если крепость не удалось взять фронтальным штурмом, попробуем обойти ее с тыла.

Двор был как двор. Во втором эшелоне стояла длинная, облупившаяся от времени четырехэтажка. Пара корявых, дряхлых тополей. Скамейка с тремя старушками. Пустынные качели. Одинокий карапуз в центре песочницы. Идиллия. Вот если бы только и с этой стороны все окна не были плотно завешены...

Всякое кафе, рассуждал я, должно иметь задний вход для подвоза продуктов. Если это, конечно, кафе. Ну а если нет, тогда оно тем более должно иметь задний выход.

Передо мной были три двери. Но муки выбора я был лишен: подергав первые две, я убедился, что они заперты. Третья дверь открылась. Я осторожно просунул голову внутрь и увидел довольно мирную картину: штабеля ящиков с пустыми бутылками, какие-то металлические лотки, подносы и бидоны. Прямо передо мной уходила вниз, в подвал, крутая железная лестница. Слева за поворотом что-то шипело и гремело, оттуда пахло готовкой. Направо вел узкий, плохо освещенный коридор, из которого доносилась далекая приглушенная музыка. Я решительней приоткрыл дверь, шагнул за порог, еще раз огляделся, прияхался, прислушался и выбрал путь направо.

Коридор оканчивался еще одной дверью. Я ее распахнул и попал в небольшой предбанник, что-то вроде комнатки вахтера с канцелярским столом посередине. За этим столом сидел, задрав на него ноги, молодой широкоплечий парень с розовощеким

лицом. Следующая дверь была за его спиной. Я с ходу хотел обогнуть его, но не тут-то было. В мгновение ока он спустил свои ноги на пол и оказался передо мной. Росту в нем было не больше, чем во мне, но видневшиеся из-под коротких рукавов рубашки мускулы говорили, что это хорошо тренированный спортсмен. «Куда?» — спросил он, и я подумал, что здесь, как видно, весь персонал разговаривает исключительно односложными предложениями. «На кудыкину гору», — ответил я как можно небрежнее, делая еще одну попытку обойти его с фланга.

Он отступил на шаг и вдруг ловким движением извлек из-под стола резиновую милицейскую дубинку. Я понял, что увертюра окончилась. Если это боксер или каратист, мне голыми руками с ним не справиться. «Ты что, сынок?» — сказал я миролюбиво и, не спуская с него глаз, шагнул вперед.

Мое миролюбие обмануло парня не больше, чем меня — его розовощекость. Он широко взмахнул дубинкой и наверняка попал бы мне по голове, если бы я не отскочил в сторону. Обращаться с ней он, слава Богу, не умел. Будь она у меня, я б ему показал, чему нас в свое время учили. Но дубинка была в его руках, и он снова размахнулся и ударил. На этот раз я, наоборот, нырнул вперед, ему под локоть, оказался сзади и резким движением вывернул пареньку запястье. Он взвыл от боли и выпустил свое оружие. Нет, подумал я, не боксер и не каратист, а скорей всего какой-нибудь здоровяк-футболист. Подхватив дубинку, я пнул его коленом под зад, он пролетел вперед и ударился о стенку. Но хорошей спортивной злости ему было не занимать. Развернувшись, он наклонил голову, бросился на меня и получил концом дубинки в солнечное сплетение. Глаза у него вылезли из орбит, он ловил ртом воздух. Я еще раз легонько толкнул его, и парень сел на пол.

Пока он приходил в себя, я порывлся в ящиках его стола, нашел стопку чистых полотенец, одним крепко связал ему руки, другое заткнул в рот. «Дыши носом», — строго посоветовал я ему, поднял за шкурку и выволок в коридор, где еще раньше заприметил что-то похожее на стенной шкаф. Открыл створки — точно, здесь хранились щетки и ведра. Запахнув туда розовощекого футболиста, который, впрочем, был в эту минуту отнюдь не розовощек, а может, был вовсе и не футболист, я продел в ручки шкафа дубинку, чтоб он ненароком не выбрался отсюда раньше времени. Потом я вернулся в предбанник, открыл следующую дверь и оказался в зале, где играла негромкая музыка, где был мягкий, притушенный свет, где безмятежно ели и пили несколько десятков человек.

Одернув куртку и пригладив волосы, я прошелся между столиками и с удивлением отметил, что меню в кафе «Росинка» могло бы дать фору интуристовскому ресторану. Чего стоил один молочный поросенок, обложенный всем многоцветьем грузинских трав, которого на огромном блюде пронес мимо меня шустрый официант! Мне, однако, было не до кулинарии. Глобуса здесь нет, и хотя вон та красотка, что сидит в одиночестве за бутылкой шампанского, смотрит на меня откровенным призыв-

ным взглядом, с этим тоже придется повременить. Я попал сюда слишком экстравагантным способом, чтобы долго здесь задерживаться.

Пройдя через весь зал, я очутился в фойе. Направо — входная дверь, возле которой спиной ко мне стоял, вероятно, плосколицый вышибала. Налево — широкая, устланная ковровой дорожкой лестница на второй этаж. Я стал подниматься по ней на цыпочках, чтобы не потревожить своего друга-швейцара.

Помещение, в котором я оказался, и было, видимо, тем, что называлось «семейная гостиница «Уют». Из небольшого деревянного холла со стенами, обшитыми панелями натурального дерева, расходились два устланных коврами коридора. Похоже, в отделку особняка были вложены немалые средства. Я совершенно не представлял, как и что буду здесь искать. Если это и впрямь гостиница, Глобусу тут делать нечего. Войдя в ближайший коридор, я остановился у первой двери и прислушался. Как будто тихо, никаких голосов. И вдруг я стал различать какие-то странные, едва слышные звуки. Словно бы далекие жалобные стоны, чье-то глухое бормотание, а потом отчетливый короткий крик. Я нажал на ручку двери, она оказалась заперта, я подергал ее сильнее, и стоны мгновенно стихли.

В этот момент в дальнем конце коридора открылась узкая дверь, послышался звук спускаемой воды, я резко повернул голову и обомлел. Неслышно ступая по коврику босыми ногами, прямо на меня шла девица с распущенными волосами, абсолютно голая. Скользнув по мне равнодушным взглядом, она открыла один из номеров и скрылась в нем, щелкнув замком.

Примерно с полминуты я приходил в себя, а потом уже решительно взялся за ручку следующей двери. Эта поддалась, и я увидел изумительную картину. Прямо на полу, на широком ковре, лежал на спине мужчина со спущенными до колен брюками. Верхом на нем в недвусмысленной позиции сидела худенькая девушка, всю одежду которой составляла короткая, до пупка, прозрачная распашонка. Услышав сзади шорох, она, прерывая своих упражнений, обернулась в мою сторону и ухмыльнулась мне совершенно бесстыжей ухмылкой. Мужчина же, слегка приподняв голову, сказал не слишком трезвым голосом: «Закройте дверь, мерзавцы». Что я и сделал немедленно, отступив назад. Мужчиной был архитектор Таратута, любитель проверенных женщин. Меня он, похоже, разглядеть не успел.

Так вот, значит, какие нынче пошли «семейные гостиницы». Уют, ничего не скажешь. Я прошелся по обоим коридорам, трогая все двери подряд, но номера оказывались или запертыми, или пустыми. На звуки, которые до меня доносились, я больше не обращал внимания. Если Глобус не здесь, то где же? И тут я вспомнил про железную лестницу в подвал. Там я еще не был.

Снова пройдя через кафе, я отметил, что одинокая мадонна с шампанским обрела теперь кавалера — толстенького плешивого господинчика с огромным золотым перстнем на левой руке. В предбаннике было все спокойно, если не считать того, что из коридора доносились глухие удары и мычание. Я подошел

к стенному шкафу и внятно сказал: «Если не хочешь получить по голове, немедленно замолчи». В шкафу немедленно замолчали.

Я стал спускаться вниз по лестнице. Снова дверь. И снова обитая железом. Черт подери, сколько их здесь! Я толкнул ее и опять очутился в небольшом тамбуре, где рядом со следующей дверью сидел на стуле маленький, щуплый, похожий на подростка человек с раскосыми глазами. На коленях у него лежали нунчаки, и я почему-то сразу понял, что здесь мне не светит.

Я ждал, что этот тоже спросит меня, куда я иду, но он только встал, загородив спиной дверь, сжимая в руке нунчаки и глядя на меня вопросительно. Я вздохнул и вытащил из-под мышки пистолет. Все так же молча он глядел прямо на направленное в него дуло. «Брось», — скомандовал я, глазами показывая на нунчаки. Он помедлил секунду и разжал пальцы. «Отойди от двери. Лицом к стене». Он нехотя выполнил приказание. «Подними руки, упрись в стенку. Так. Теперь отходи назад».

Даже когда он стоял теперь в такой неудобной позе, я относился к нему с опаской. Я знал, на что способны эти маленькие корейцы, которые любят ходить с нунчаками. Зайдя сзади, я ударил его рукояткой пистолета по затылку, и он упал. Я спрятал пистолет обратно в кобуру и вошел в следующую дверь.

У меня не было сомнений насчет того, куда я попал. Это был катран — подпольный притон для азартных игр. В просторном помещении было полутемно, только над столами горели сильные лампы, в свете которых столбом стоял сигаретный дым. Глобуса я увидел сразу возле рулетки, которую с разных сторон окружили человек двенадцать — пятнадцать. За тремя или четырьмя столами играли в карты, еще за одним — в нарды.

На меня никто не обратил внимания, все были слишком заняты, но я предпочел остаться у стенки, в глубокой тени, на это были свои резоны. Вон в профиль ко мне сидит крупный мужчина со сломанным носом. Это Клык, знаменитый разгонщик, который под видом работника ОБХСС чистил подпольных миллионеров. А я-то думал, он еще в колонии. Откинулся или подорвал? А рядом с Глобусом тоже интересный персонаж: Витя Птенчик, кидала с автомобильного рынка. Только что сделал ставку — швырнул крупье пачку десятирублевок.

Я огляделся. На всех столах лежали груды денег, игра шла по-крупному. Ага, и профессиональные каталы тоже здесь представлены. Лева Звездкин, кликуха Барин, которого я лично сажал в восемьдесят четвертом, сидит в дальнем углу. Пожалуй, если я дорожу своей брэнной жизнью, надо отсюда сматываться, нечего искушать судьбу. По стеночке, по стеночке, вот и выход...

Дверь распахнулась, когда я только протягивал к ней руку. На пороге стоял футболист, его некогда розовые щеки тряслись от бешенства, дубинку он держал наперевес. Черт, подумал я, пятясь назад, какой гад его выпустил?

Футболист был явно полон решимости взять реванш и доказать, что он не зря получает зарплату в этой богадельне. Не

говоря ни слова, он сделал выпад дубинкой вперед, показав, что усвоил мои уроки. Я еле увернулся, успев заметить, что все игроки разом повернулись в нашу сторону. Сейчас они разберутся что к чему, и мне конец.

Отскочив еще на метр, я схватил пустой стул, выставил его ножками вперед и бросился на прорыв. Футболист, крикнув, с хрустом вломил дубинкой, щит мой разлетелся вдрызг, но одна из ножек заехала ему в живот, другая в лицо, и пока он хватался за то и за другое, я выскочил в дверь, пролетел через тамбур и загромыхал вверх по железной лестнице.

Они опомнились, когда я был почти на самом верху. Как ни странно, первой показалась внизу лысая голова Глобуса, за ним толкались лохматый охранник и еще кто-то. Две секунды не выигрывш. Оглядевшись вокруг, я подхватил молочный бидон и швырнул его вниз. Он дико загромыхал по ступенькам, а за ним отправились второй и третий. Войдя во вкус, я швырял туда один за другим ящики с бутылками, лотки и подносы. Звон стоял всеуниверсальный. Когда я увидел, что проход забит основательно, настало время выбираться поскорей. Я бросился к двери, ведущей во двор, и чуть не расшиб себе лоб. Она была заперта на ключ. Этот малый с дубинкой оказался не такой дубиной, как мне показалось сначала. Путь оставался один: через кафе.

Когда я влетел в зал, публика была на ногах. Наверное, их всех перепугал тарарам, который я устроил за кулисами. На моей стороне был эффект неожиданности, и я очень рассчитывал, что никто из них не успеет опомниться, пока я буду нестись мимо. Так и вышло, однако я позабыл про симпатичного швейцара. Он опомниться успел и сейчас стоял посреди зала, как раз на траверзе моего полета.

В дополнение ко всему очаровашка, как я его про себя обозвал, имел строение гориллы: короткие ноги, мощный торс и длинные руки до колен. Вот этими ручищами он и загребал сейчас воздух, как будто играл со мной в горелки.

Почему-то я сразу понял, что бесполезно пытаться его обойти. И с лета ударил его ногой в живот. С таким же успехом я мог бы пинать стальную дверь, которую он сторожит. В ответ он заехал мне кулаком по уху так, что я отлетел в сторону и опрокинул накрытый стол. Завизжали дамы.

Когда я подвинулся, в руке у очаровашки была пустая бутылка от шампанского, а на роже ухмылка: горилла радовалась легкой добыче. Не хотелось мне этого делать, но пришлось — времени оставалось в обрез, вот-вот могла появиться вся компания из подвала. Я вытащил пистолет.

— Уйди, — сказал я ему. Вместо ответа он метнул в меня бутылку.

Я успел поднять руку, но сумел лишь ослабить удар, который пришелся по лбу. Кровь стала заливать мне левый глаз, я поднял пистолет и выстрелил.

Я выстрелил вверх, в плафон. Посыпались стекла. И я тут же перевел ствол на гориллу.

Два года назад я поклялся никогда больше не стрелять в человека, но очаровашка этого не знал и довольно грамотно

кинулся мне в ноги. Если бы он свалил меня на пол, в партере я бы проиграл. И я перескочил через него сам не знаю как, через секунду был в фойе, отодвинул засов и вырвался на волю.

Когда я поворачивал за угол, то увидел, как целая толпа преследователей вываливается из кафе. Милый «Жоржик» завелся с пол-оборота. Я с ветерком пронесся мимо них. Последнее, что я видел,— перекошенная рожа лохматого вертухая.

«Драться нехорошо»,— наставительно говорил Дыскин, заклеивая мне пластырем рану на лбу. Я шипел от боли. «Вот я, например,— продолжал он,— весь вечер тихо-мирно катался за симпатичным юншей по самым шикарным кабакам города. «Союз», «Салют», «Космос», «Интерконтиненталь»... Весь бак, считай, сжег». «Чего он там делал?»— спросил я, трогая пальцем повязку. Жгло жутко. «Известно чего!— отозвался Дыскин.— Он у этих путаночек заместо инкассатора работает. Я тебе скажу, там такие девочки есть...» «Рэкетир, что ли?»— перебил я его. «Натуральный! Причем он не только девочек, он и мальчиков стрижет». «Каких мальчиков?»— не понял я.— «Голубых?»— «Во всяком случае, не розовых. По-моему, котов, которые этих девчонок выгуливают. И ты представляешь, так легко получает, с улыбочками, с шуточками-прибауточками! Без малейших эксцессов».

Я вспомнил, как с такой же легкостью подручный Глобуса собирал деньги с букмекеров. Похоже, речь идет об очень мощной организации.

Порывшись в столе, я нашел свою старую записную книжку, отыскал нужную страничку и набрал номер. «Здравствуй, Костя,— сказал я.— Узнаешь?» «Если б ты не звонил мне лет двадцать,— ответил жизнерадостный голос,— не узнал бы. А два года для нас не срок!»— «Костя, у меня к тебе просьба». «Ясное дело,— хохотнул он.— Стал бы ты мне звонить просто так! Права забрали?»— «Нет, Костя, права на месте. Я хочу, чтоб ты завтра утром изъяс из картотеки данные на одну машину». «Чью?»— враз посерьезнев, спросил Костя. «Мою»,— ответил я. «Ты что, сбил кого-нибудь?» «Болван,— сказал я.— Если б я кого-нибудь сбил, инспектору розыска ГАИ я позвонил бы в последнюю очередь. Я не хочу, чтоб меня вычислили». «Кто?»— «Подумай сам». «Ты что, опять работаешь?» «Да. А на другую машину мне, наоборот, надо данные получить».

«Стасик,— сказал он с сомнением,— ты толкаешь меня сразу на два служебных преступления. А нельзя официально, запросом?»— «Нельзя»,— ответил я.— «Нет времени. И потом, Костя...» Я вздохнул, потому что мне очень не хотелось говорить то, что через секунду сказал:— «Однажды ты обещал, что будешь моим должником до гроба...» «Это так серьезно?»— спросил он. «Да. Во сколько ты завтра будешь в управлении?» «Рано. Часов в девять». «Хорошо. Записывай номера. И в четверть десятого жди моего звонка».

Я положил трубку и посмотрел на Дыскина.

— Береженого Бог бережет,— кивнул он одобрительно.— Значит, завтра будем пасти белую «Волгу»?

— Да. Только пасти будешь ты. Мне придется держаться подальше.

Зазвонил телефон, и я сказал, протягивая к нему руку:

— Это Марина.

— Сердце — вещун,— насмешливо сказал Дыскин.

— Здравствуйте, Станислав Андреевич,— произнес в трубке бархатный, с легкой хрипотцой голос.

Наверное, что-то необычное творилось в этот момент с моим лицом, ибо Дыскин навострил ушки на макушке. Несколько секунд я был не в силах вымолвить ни слова, потом перевел дух и сказал, очень стараясь, чтобы тон мой был как можно более безмятежным:

— Мы вроде сегодня уже виделись? Я вас не очень ушиб бидоном? А, Юра?

Он тоже взял тайм-аут на некоторое время. Потом прокашлялся и сообщил:

— Ну что ж, очень хорошо. Вы знаете, кто я, я знаю, кто вы. И, кажется, нам есть о чем поговорить.

— Есть,— согласился я.

Дыскин приник ухом к моей трубке.

— Сегодня вы нанесли нам серьезный ущерб,— начал Глобус.— Заведение пришлось спешно эвакуировать. Кстати, почему вы не прислали туда своих друзей с Петровки?

— Потому что я не сомневался в вашей оперативности,— ответил я.

— Правильно сделали,— похвалил он.— Мне вообще кажется, что мы с вами поладим. Не хотите поработать с нами, посотрудничать? Внакладе не будете.

Так, это уже третье предложение за последнюю неделю.

— Спасибо,— сказал я.

— Спасибо «да» или спасибо «нет»?

— Спасибо «нет».

— Жаль,— вздохнул он.— Тогда скажите, чего вы добиваетесь?

Я подумал немного.

— Для начала хочу, чтобы оправдали Байдакова.

— Дался вам этот Байдаков! — сказал он с досадой.— Он что, ваш родственник? Мелкая тварь. К тому же гнусная.

Я молчал.

— С Байдаковым ничего не получится,— отрезал он.— Машина закручена, назад хода нет. К тому же, если вытащить Байдакова, станут искать другого убийцу, а мы в этом не заинтересованы.

— С Байдаковым не получится, со Шкутом не получится, с Снягиным не получится,— сказал я.— Ни с чем у нас с вами не получится.

Он покашлял в трубку и сказал сухо:

— Как хотите. Каждый человек — кузнец своего несчастья.

— Это точно,— с готовностью подтвердил я и услышал в ответ короткие гудки.

— Интере-сно,— протянул Дыскин, откидываясь,— как это они тебя прокололи за...— он посмотрел на часы,— меньше чем за два с половиной часа?

Ответа на этот вопрос у меня не было.

На следующее утро, в 9.25, лохматый владелец белой «Волги» обрел имя: Бурьгин Анатолий Владимирович, 1960 года рождения. В 10.05 мы с Дыскиным уже были возле его дома на Малой Лесной улице. «Волга» стояла на месте. В 11.02 Бурьгин вышел из подъезда, осмотрел машину со всех сторон, потыкал носком ботинка колеса и сел за руль. В 11.06 наша кавалькада тронулась в путь. Сначала «Волга», потом Дыскин на своей «Яве» в мотоциклетном шлеме с опущенным солнцезащитным забралом, и наконец мы с «Жоржем» метрах в ста позади. Я очень надеялся, что мы направляемся в гости к Лысому.

Бурьгин ехал неторопливо и никакого беспокойства не проявлял. У меня постепенно отлегло от сердца: значит, они не предполагают, что мне известна их машина.

Утро понедельника — не чета воскресному вечеру. Улицы забиты транспортом, и очень мало шансов, что «хвост» засветится. Развернувшись у Белорусского вокзала, мы покатали в сторону Центра. Снова разворот на Манежной, вверх мимо Большого театра и «Детского мира», направо через Китайский проезд — и мы на набережной. Долго это будет продолжаться, думал я?

Это продолжалось долго. С набережной Бурьгин повернул на Пролетарский проспект, потом из-под моста выскочил в сторону Южного порта. Я начал нервничать, когда он свернул направо, к портовым сооружениям. Куда мы едем? Здесь же нет никаких жилых зданий!

Легковых машин вокруг почти не осталось, только тяжело груженные «ЗИЛы» и «КАМАЗы» попадались навстречу. И вдруг я как-то разом понял, что забрызганная грязью красная «Нива» с неразличимыми номерами едет передо мной уже довольно давно. Случайность? Или нет?

Я увидел, как бурьгинская «Волга» набирает скорость. Валя не отставал. Но самым страшным было то, что и «Нива» начала ускоряться. В ее заднем стекле я увидел белобрый затылок и, кажется, начал догадываться, что происходит.

Вот почему Бурьгин был так спокоен, не проверялся, не пытался обнаружить «хвост»! Его страховал сзади дружок на «Ниве», и у меня не было сомнений, что он уже срисовал Дыскина. Кретин, ведь я же знал, что это профессионалы! Ну почему, почему я решил, что они глупее меня?

С бешеной скоростью «Волга» летела теперь по совершенно пустой дороге, петлявшей среди каких-то мрачных пакгаузов, огороженных серыми бетонными заборами. Ее заносило на виражах, пыль стояла столбом. Дыскин и «Нива» летели следом, а мой «Жорж» напрягался из последних сил. И я вдруг увидел, как белобрый подносит ко рту продолговатый предмет. Боже правый, неужели у них рации?!

Да, похоже, «Волга» вдруг сбросила скорость. Дыскин соответственно тоже, а «Нива», «Нива» — нет! Я уже все понял, мне

хотелось крикнуть Вальке: по газам, по газам, уходи вперед! Но я ничего не мог сделать. «Нива» уже настигла мотоциклиста и обходила его слева. Я выжимал из «Жоржа» все, что он мог, но ясно видел, что не успеваю. Белобрысый начал неуклонно прижимать Дыскина правым боком. Валя попытался уйти, но ему было некуда деться. На скорости около ста километров я увидел, как белобрысый резко крутанул руль. «Нива» ударила «Яву» крылом, Валю вынесло на узкий тротуар, ударило о бетонный забор, мотоцикл завертелся на асфальте, и, когда я юзом затормозил перед ним, его колеса еще крутились. Дыскин лежал на земле метрах в пятнадцати, шлем раскололся пополам, как ореховая скорлупа.

Пока я нашел телефон, пока примчался реанимобиль, прошло минут тридцать. Но приехавшей бригаде врачей потребовалось на диагноз совсем немного времени.

— Вы кто будете, родственник? — испытующе посмотрел на меня пожилой реаниматор с добрым усталым лицом.

— Друг, — выдавил я. — Он выживет?

— Нет. Он мертв. Я думаю, он умер мгновенно, в момент удара. Очень сожалею, но сделать ничего нельзя.

Я медленно ехал в обратном направлении и думал о том, что вот другого человека убили вместо меня. Наверняка они думали, что это я опять преследую Бурыгина, из-за шлема они не смогли различить, кто сидит в седле мотоцикла. Они убили Валю, и я опять бессилён что-либо сделать.

С тяжелым чувством я подъехал к отделению. Мне предстояло подняться на самый верх Голгофы: рассказать о смерти Дыскина, а потом ответить на тысячу неизбежных вопросов.

— Северин, — сказал, увидев меня, дежурный капитан Калистратов, — тебя начальник уже целый час ищет, быстро дуй к нему.

Он как-то странно посмотрел на меня или мне показалось?

Когда я вошел в кабинет к начальнику, там находился весь триумвират: сам майор Голубко, зам. по розыску Мнишин и замполит Крячков. Все трое повернулись в мою сторону, и Голубко прогудел:

— Вот он, красавец! Иди, иди сюда!

Сесть мне не предложили. Зато я узнал, что на меня в прокуратуру города поступила коллективная жалоба от сотрудников и гостей кооперативного кафе «Росинка», где я вчера вечером устроил пьяный дебош и драку со стрельбой. Между прочим, среди подписавших письмо один депутат, два члена бюро горкома, директор крупного завода и член коллегии союзного комитета. Случай на контроле в министерстве и в прокуратуре Союза. Что я могу сказать по этому поводу?

По этому поводу я не мог сказать ничего. У меня не было в свое оправдание ни достоверных фактов, ни убедительных аргументов. Я играю со слишком сильным противником.

— Сдай оружие и удостоверение, — неприятным голосом сказал Мнишин. — И сиди дома, тебя вызовут.

Я аккуратно выложил на стол то и другое. Повернулся

и ушел, так не рассказав им про Валу. Они теперь сами по себе, а я сам по себе.

Придя домой, я первым делом позвонил Валиулину. Хватит играть в прятки, в конце концов это он втравил меня в это дело, пусть теперь и вытаскивает.

Телефон не отвечал. Тогда я набрал номер Невмянова.

— Валиулин? — удивился Шурик. — Спохватился! Он уже два дня, как улетел в Томск, зам. начальника УВД. Получил полковника и улетел. Но обещал звонить. Что-нибудь ему передать?

— Пламенный привет, — сказал я и повесил трубку.

Посидев в раздумье у аппарата, я позвонил по телефону Черкизова-второго. Подошла все та же женщина. Я сказал, кто я и что мне нужно. Она обещала передать. Поразмыслив еще немного, я пришел к выводу, что самое худшее, что может быть в моем положении, — это выполнять приказ Мнишина сидеть дома и ждать, пока вызовут.

За оставшееся до вечера время я сделал все намеченные дела. Я навестил Пузо, который прочел мне целый доклад о жизни и, если можно так выразиться, творчестве Елизара Петровича Кадомцева, председателя кооператива «Луч».

Потом я, надев для солидности форму, поехал в суд Киевского района и тщательно изучил в архиве дело бывшего работника Внешторга Льва Ильича Зубова.

Затем я воспользовался тем, что еще не все жители микрорайона поставлены в курс того, что меня сместили с занимаемой должности, и совершил кое-какие действия.

После всего этого я вернулся домой и обнаружил перед подъездом «вольво», на которой обычно ездит Черкизов-второй. Мы с ним молча поднялись ко мне на этаж, и, только когда вошли в квартиру, он спросил: «Какие новости?» «У меня отобрали служебное удостоверение и личное оружие», — сообщил я. Он поцокал языком. «С оружием могу помочь. Что вы хотите: пистолет, автомат? Если пистолет, то какой системы?» «Пулемет, — сказал я. — И гранатомет».

Его левая бровь поползла вверх. «Ну... На это мне нужно будет дня два. Может, три...» «Шутка, Арсений Федорович, — сказал я. — Мне ничего этого не нужно».

Он с осуждением покачал головой. «Тогда чего вы меня искали?» «Мне необходимо, чтобы, начиная с семи утра завтрашнего дня, вы в течение двадцати четырех часов были в моей досягаемости. То есть рядом с телефоном». «Двадцать четыре часа?» — переспросил он. «Лучше сорок восемь, — поправился я. — Так будет надежнее». «Значит, — сказал он, — вы надеетесь на результаты». «Да, — подтвердил я, — надеюсь».

Рано утром следующего дня я был на Малой Лесной улице. Нашел нужный мне дом, поднялся на пятый этаж и позвонил в звонок. Сначала долго не открывали, потом заспанный голос спросил:

— Кто там?

— Ваш агитатор,— проворковал я.

— Какой еще к черту...— начал Бурьгин, распахивая дверь. На нем был короткий махровый халат, под которым виднелась широкая волосатая грудь.

Договорить ему я не дал. Чтобы попасть ему точно в лоб, мне пришлось немного подпрыгнуть, но я вложил в удар столько чувства, что он пролетел через весь коридор и вломился в дверь сортира. Там я его снова настиг, взял двумя руками за отвороты халата и пару раз хорошенько стукнул головой об унитаз. Толик поплыл.

Я выволок его в комнату и бросил на незастеленную кровать. Потом быстро осмотрел комнату и на кресле под курткой обнаружил револьвер. Это был великолепный американский «магnum» тридцать восьмого калибра с глушителем. Раньше я видел такие только в кино и на картинках.

Я подошел к Бурьгину и несколько раз хорошенько дал ему по щекам, чтобы привести его в чувство.

— Слушай, ублюдок,— сказал я ему,— слушай и запоминай. Скажешь своему Глобусу: четыре восемьдесят пять, которые они ищут, у меня. Повтори.— И я для укрепления памяти сунул ему под нос ствол «магнума».

— Четыре... восемь... пять...— повторил он непослушными губами. Я положил пистолет в карман, повернулся и вышел, хлопнув за собой дверь.

Поставив рядом с собой телефонный аппарат, положив на колени пистолет, я сидел в деловском кресле и ждал. Это была работа, тяжелая работа, и я не мог отвлечься ни на что другое. Ни читать газету, ни слушать радио, ни смотреть телевизор — только ждать.

Если они придут, мне понадобится пистолет. Если позвонят, пригодится чудесный сингапурский телефон, который моя подруга приволокла вчера по секрету от своего папа. Но они не звонят и не приходят, хотя я жду уже семь с половиной часов.

И все-таки звонок прозвучал неожиданно. Я как раз задумался, когда он тоненько пропикнул.

— Здравствуйте, Станислав Андреевич,— вежливо сказал Глобус.— Вы нас приятно порадовали. Бумажки действительно у вас?

— Действительно.

— А как они к вам попали, можно узнать?

— Ветром надуло,— любезно сообщил я.

— Ну и что вы хотите взамен?

— Много чего.

— Хе,— сказал он.— Мы это предполагали. Поэтому предприняли кое-какие шаги, чтобы уравнивать шансы. Эта девушка... Марина... Она сейчас у нас.

Сволочи, подумал я с отчаянием, какие сволочи! Вот почему они не звонили столько времени. Ладно, надо немедленно взять себя в руки.

— Ваши предложения,— сказал я.

— Давайте встретимся и все обсудим.
— Где? Когда?
— Сейчас около четырех. Скажем, часов в семь на сороковом километре Минского шоссе. Идет?

— Идет.
— Только не делайте глупостей. Вы ведь, кажется, уже имеете о нас представление.

— Вы обо мне тоже,— буркнул я, но прежде, чем положить трубку, нажал на нужную кнопку, и в стеклянном окошечке загорелся номер. Ничего сверхнеожиданного он мне не дал. Просто последнее и неопровержимое подтверждение.

Если подняться на чердак моего «желтовского», а оттуда по железной пожарной лесенке выбраться на крышу, то с самого дальнего ее края, укрывшись за выступом вентиляционной трубы, можно наблюдать сразу за всеми подъездами стеклянного дома. Это открытие я сделал вчера теоретически, еще не зная, пригодится оно или нет. А сегодня проверил его на практике. Я знал, что мне снова придется подождать, но на этот раз был уверен, что не слишком долго. Двадцать четыре минуты спустя я дождался. Теперь мне предстояло начать, как сказал бы Юра Глобус, делать глупости. Первая заняла у меня часа полтора. Сколько уйдет на вторую, я не знал.

Дверь квартиры мне открыл Лерик. Он был с мокрыми волосами, в расстегнутой рубашке.

— Здорово,— сказал он.— Проходи. Только извини, старичок, если ты насчет этой кражи, то сейчас нет времени. Видишь, убегаю. Можно, я буду при тебе одеваться?

— Можно,— сказал я, усаживаясь в кресло.— Но я не насчет кражи. Тем более что наводчик нашелся.

— Да? — удивился Лерик, затягивая на шее галстук.— И кто же это?

— Ты.

Он на мгновение замер, а потом расхохотался.

— Ну и шутки у тебя! — И добавил, посерьезнев: — Ты воображаешь, чего говоришь?

Я кивнул.

— Причем ты не просто наводчик. Ты еще и убийца. И, как я подозреваю, главарь преступной шайки. Ну, скажи мне «нет»!

Лерик молча смотрел на меня в упор. Потом медленно произнес:

— На сумасшедшего ты как будто не похож. Тебя, что же, не учили в университете, что такие обвинения надо доказывать?

— Учили,— вздохнул я.— Но в том-то и беда, что доказать я ничего не могу. Потому что ты все время загребашь жар чужими руками. Ты только придумываешь, а делают за тебя другие.

По лицу Лерика скользнула улыбка.

— Нет, все-таки ты сумасшедший.— Он прошелся по комнате, уселся в крутящееся кресло за письменный стол и спросил: — Нельзя ли поконкретней, что я там такое придумываю?

— О,— сказал я,— это долгий разговор. А у нас мало времени.

— Ты куда-то торопишься? — слегка усмехнулся он.

— Да. И ты отлично знаешь — куда. Полтора часа назад из твоего подъезда вышли Глобус и Бурыгин.

— Какой Глобус? Какой Бурыгин? — Он поднял брови вверх. — Определенно ты ненормальный! У нас в подъезде десять этажей, и на каждом этаже четыре квартиры!

Я внимательно пригляделся к нему и пришел к выводу, что он все еще думает, будто я беру его на пушку. Ну что ж, пора пушке выпалить.

— Два часа назад Глобус разговаривал со мной с твоего телефона. У меня дома стоит аппарат, который позволяет определить, с какого номера звонят. Так что кончай придуриваться, у меня к тебе деловое предложение.

— Никогда не слышал про подобные аппараты, — пожал плечами Лерик.

— Сингапурский. Хочешь прогуляться до меня, посмотреть?

— Нет, — махнул он рукой, сделал паузу и спросил: — А что за деловое предложение?

Проняло наконец, подумал я и мысленно перевел дух.

— Твои бандиты ждут меня сейчас на Минском шоссе. Я не знаю, что именно ты придумал на этот раз, но уже усвоил твои правила. Живым меня отпускать не собираются. А я имею другие планы. Поэтому, пока они там, мы с тобой поедем туда, где находится Марина, и ты мне ее отдашь...

Лерик с сосредоточенным видом достал из пачки сигарету, задумчиво засунул ее в рот и зашарил по столешнице в поисках спичек. Не нашел и потянулся к ящику письменного стола.

— Убери руку, — сказал я угрожающе.

Он поднял глаза и увидел направленный на него «магнум». Потом медленно отвел руку и выпрямился в кресле с застывшим лицом.

Я указал подбородком:

— Зажигалка справа от тебя, можешь прикурить.

Он прикурил, и я заметил, что пальцы у него чуть-чуть дрожат.

— Встань, — приказал я. — Вставай медленно, без резких движений. А то я испугаюсь, и эта штука может ненароком выстрелить.

Лерик молча подчинился, буравя меня взглядом. Он тоже не знал, что я поклялся не стрелять в людей.

— Теперь выйди из-за стола, — я дулом револьвера указал ему направление движения, — и перейди на диван.

Когда он выполнил приказание, я, не спуская с него глаз, обошел стол с другой стороны и открыл ящик. Там, слегка прикрытый бумагами, лежал точно такой же «магнум» с глушителем.

— Вы что, закупили целую партию? — удивился я.

Он молчал, глядя на меня с ненавистью. Поэтому я вздохнул и сказал:

— Ладно, хватит терять время. Вставай, поехали.

Лерик не тронулся с места, зато открыл наконец рот.

— Никуда я не поеду. — Он осклабился. — Вряд ли ты возьмешь и просто так меня пристрелишь.

Я покачал головой.

— Конечно, нет. Очень нужно садиться в тюрьму из-за такого подонка...

— Друзей детства не выбирают,— хмыкнул он.

— Ага,— кивнул я.— Поэтому тебе говорят: у меня деловое предложение.

Я сунул руку в карман куртки и вытащил туго перетянутую резинкой пачку вкладышей.

— Держи!

Пачка полетела к нему на колени. Он подхватил ее, живо содрал резинку и пролистнул. На лице его мелькнуло удовлетворение.

— А теперь кидай обратно,— сказал я. Лерик медлил, и я повторил: — Кидай, кидай! Не бойся, все равно твоё будет!

Он нацепил резинку обратно, и через секунду пачка опять была в моем кармане. Я продолжал:

— Рассуждай, как нормальный человек. Я много про тебя знаю, но доказать ничего не могу. Если б мог, разговаривал бы с тобой иначе. Убивать тебя мне смысла нет — я уже сказал. Держать у себя эти бумажки,— я похлопал по карману,— еще меньше смысла. Проку от них — ноль, а головной боли — вагон. Потому что, пока они у меня, ваша банда не отцепится до конца жизни...

Я очень старался говорить убедительно. И мне показалось, что на лице Лерика появилось понимание.

— Тебе нужны бумажки, мне нужна Марина. Решай.

Он встал и сказал:

— Поехали.

— Далеко? — поинтересовался я, кладя в карман второй «магнум».

— За город. Минут сорок езды.

Из подъезда вышли на улицу два старых школьных товарища, оживленно беседующих между собой. Они пересекли двор и уселись в потрепанные «Жигули» 1970 года. Там один из товарищей велел другому:

— А ну, протяни руки.

И защелкнул на нем наручники.

Лерик усмехнулся, оглядел скованные запястья и сказал:

— Боишься. А ведь говорил, будто знаешь, что я сам никогда ничего не делаю...

Я промолчал.

— Кстати,— продолжал он,— расскажи уж тогда мне, дураку, где я прокололся. Интересно ведь.

— Это пожалуйста,— охотно ответил я.— Первое подозрение у меня мелькнуло, когда в квартире Шкута нашли Лялькину шубу, о которой она так убивалась. Теперь я знаю, что сначала ты организовал кражу у самого себя, чтобы оказаться вне подозрений и при этом еще иметь возможность, как потерпевший, следить за действиями милиции. А потом, когда возникла необходимость убрать Шкута, у тебя появилась идея решить три проблемы сразу: прикончить свидетеля, подсунуть нам наводчика и облажить любимую жену. Так?

Лерик расхохотался — на этот раз, кажется, искренне.

— А ты востер! Не зря я тебя хотел взять на работу!

— Благодарю,— кивнул я. Мы выехали на улицу Алабяна и двигались теперь в направлении Крылатского.— У тебя вообще все комбинации многослойные. Я ведь сначала Кадомцева подозревал...

— Что, увидел у него в баре стаканы? — со смешком догадался Лерик.

— Да. А потом такие же стаканы я увидел в квартире Шкута. Но у Шкута отсутствовал стакан с «фордом» 1908 года, на котором как раз были обнаружены отпечатки Байдакова. А у Кадомцева не было в комплекте другого. И тут я запутался.

— Бедняжка,— сказал Лерик.— Я помню, ты всегда путался в уравнениях.

— Да,— подтвердил я.— Зато тебе все легко давалось.

— Но ты у нас брал упорством,— заметил он с иронией.

— Брал,— кивнул я.— И на этот раз взял. Я собрал информацию на Кадомцева и узнал, что он всего лишь тихий спекулянт иконами, правда, с большим стажем и поэтому очень богатый. Еще раньше я кое-что узнал про Шкута, и мне стало известно, что он человек Черкизова. Это подтверждалось тем, что его убили под пытками. Я сделал предположение, что пытали его, чтобы узнать, где вкладыши, которые в это время были уже у меня. И тут все встало на свои места.

— За кольцевой сворачивай на Рублевское шоссе,— сказал Лерик.— Ну-ну, очень интересно.

— Да, все встало на свои места. Шкут не убивал Черкизова, ибо в этом случае не стали бы убивать да еще пытаться его самого. Кадомцев не убивал Черкизова потому, что он вообще не по этой части. Но чешские стаканы были в квартирах у всех трюх! И тогда я предположил, что существует некто, предложивший Черкизову комбинацию: убить и ограбить Кадомцева, подставить Байдакова, а в результате получить для его фиктивной жены квартиру. Но на самом деле этот некто хотел, чтобы Черкизов помог ему подготовить операцию, а затем собирался убить самого Черкизова и взять «общак».

Лерик молчал, глядя перед собой на дорогу.

— Ты хочешь знать, где ты прокололся? — спросил я его.— Скажу. Ты прокололся с кранами. Ну, и с ключами от переходов, которые ты спер у Малышко.

Он с удивлением повернул ко мне голову.

— Да, именно так. Тебе было нужно открыть краны только под утро, чтобы убийство обнаружили тогда, когда Витька уже проснется, найдет в карманах деньги и пойдет опохмеляться. Но поскольку лифтеры на ночь запирают входные двери, а вы все в разных подъездах, тебе потребовались ключи от переходов. Тут, как всегда, ты решил извлечь двойную выгоду. И после того, как открыл краны, подложил эти ключики мертвецки пьяному Байдакову, чтобы подкинуть следствию объяснение, почему никто не видел Витьку входящим в черкизовский подъезд. Следствие-то клонуло. Но когда мне стало ясно, что убийца

не Байдаков, я совершенно точно понял, что некто тоже должен жить в стеклянном доме.

Я замолчал, ожидая, что он о чем-нибудь спросит меня, но он не спрашивал. Я вспомнил, что сначала подозревал еще одного человека — Льва Ильича Зубова, из-за его реакции на фамилию убитого кошкодава. Но потом я изучил в суде его уголовное дело и узнал, что Сипягин — это фамилия бухгалтера, который проходил главным свидетелем по делу о растрате.

Но об этом Лерику я рассказывать не стал. Вместо этого я сказал:

— Осталось выяснить, кто же этот некто. Я пытался выйти на него через Глобуса и, как видишь, в конце концов добился своего. Правда, вчера я получил подсказку: всеведущий лифтер Малюшко доложил мне, что из всех обитателей стеклянного дома к Черкизову чаще всего ходили Байдаков и ты.

— Осторожно, здесь крутой поворот, — сказал Лерик.

Я сбавил скорость. И спросил:

— Неужели ты не боялся попереть на такого человека, как Черкизов?

Лерик молчал.

— И ведь Глобус может теперь тебя заложить... — сказал я осторожно.

Он хмыкнул. И пробурчал:

— Глобус может заложить только себя. Это он проломил старику голову. Я, как ты говоришь, только придумываю. А Кеша... — тут его вдруг прорвало, и он заговорил с неожиданной злобой: — Кеша зарвался! Мы крутились с утра до вечера, как бобики, а он, ни хрена не делая, забирал себе половину! Потому что он, видите ли, в законе, потому что он авторитет! Да я...

247

Он замолчал, как будто что-то в себе подавил. Больше я его ни о чем не спрашивал. Больше мне ничего и не было нужно.

Мы свернули на боковую дорогу и поехали среди сплошных заборов, над которыми иногда выглядывали утопающие в деревьях верхушки дач.

— Сюда, — сказал Лерик, кивая на высокие железные ворота.

Я остановился перед ними и поинтересовался:

— Надо полагать, в доме кто-то есть?

— Да, один или двое. Вообще-то лучше тебе снять с меня браслеты. Ребята могут что-нибудь не так понять.

Подумав, я отпер замочки, но заявил ему:

— Я буду держать руку в кармане, а ты все время будешь рядом. Согласен?

— А что, я могу отказаться? — спросил он с иронией. — Подуди, если хочешь, чтобы нам открыли.

Через пару минут ворота распахнулись. Привратника они себе подыскали из баскетбольной команды — в нем было никак не меньше двух метров. Увидев Лерика, он приветственно сделал ручкой.

Прокатившись по дорожке, мы остановились перед большим двухэтажным домом с длинной застекленной верандой. На крыльце нас встречал еще один тип: уже нормального роста,

худой, с умным нервным лицом. Этот вполне мог сойти за представителя какой-нибудь интеллигентной профессии, если бы не автомат Калашникова, который он держал в левой руке.

— Вперед, но не слишком резво,— скомандовал я Лерику. Мне не нравились ни баскетболист за моей спиной, ни интеллигент с автоматом.

Когда поднялись на веранду, я сразу занял место в углу напротив двери — с максимальным сектором обстрела. Лерик усмехнулся и покачал головой. Он вел себя совершенно спокойно. Уселся в плетеное кресло и сказал интеллигенту:

— Приведи девчонку. Он привез то, что нужно, и мы их отпускаем.

Тот почему-то не сразу выполнил приказание, а стоял, переминаясь с ноги на ногу и вопросительно глядя на хозяина. Лерик повысил голос:

— Ты что, не понял? — И повторил, разделяя каждое слово, как будто говорил с дебилом: — Мы — их — отпускаем.

Теперь дебилный интеллигент наконец усвоил, что от него требуется, и, стуча каблуками, скатился с крыльца.

Его не было минут пять. Лерик сидел в кресле, беззаботно качая ногой. Баскетболист подпирал макушкой притолоку. Я сжимал в кармане рукоятку пистолета. Чтобы отвлечься, я наклонился к Лерику и сказал:

— Все хочу тебя спросить, да забываю. Лялька в курсе?

Он перестал качать ногой и ответил:

— Да.

Но по тому, как он напрягся, я понял, что задел болезненное место. Если Лялька и в курсе, то, видимо, далеко не полностью.

Баскетболист посторонился, и на веранду в сопровождении худого вошла Марина.

— Ну, наконец-то! — воскликнула она таким тоном, будто я назначил ей здесь свидание, а сам опоздал. — Я уж думала...

Эта идиотка чуть не бросилась ко мне, но я заорал: «Стой, где стоишь!» — И она послушно притормозила. Не хватало нам завалиться на такой ерунде! Она едва не оказалась между мной и Лериком, но сейчас его кресло по-прежнему было у меня под прицелом.

— Давай бумажки,— произнес он.

Я взгляделся в Марину. У нее было какое-то мятое, опухшее лицо.

— С тобой все в порядке? — спросил я с тревогой. — Ты что, плакала?

— Нет,— ответила она и зевнула, прикрыв рот ладошкой. — Я спала.

У меня не нашлось слов.

— Бумажки давай,— настойчиво повторил Лерик и даже руку нетерпеливо протянул. Ишь, как его лихорадит, подумал я. Вытащил вкладыши из кармана, положил их на подоконник и сказал:

— Они полежат здесь, а ты прокатайся с нами.

— Мы так не договаривались,— процедил Лерик, вцепившись в подлокотник.

Я кивнул на интеллигента с автоматом.

— Так мы тоже не договаривались. Я не хочу в последний момент получить очередь в затылок. Отыедем на километр, и я тебя отпущу. Растрясешь жирок — тебе полезно.

Он поднялся, подошел к подоконнику, проверил вкладыши — не подсунул ли я ему «куклу», убедился, что все в порядке, и с неохотой согласился:

— Делать нечего.

— Тогда выходим по одному, — предложил я. — Я замыкающий.

Баскетболист и интеллигент с бесстрастными рожами наблюдали, как мы залезаем в машину. Дисциплинка у них! Я посадил Марину за руль, а сам устроился сзади рядом с Лериком и сказал:

— Поехали с Богом.

Вокруг сгустились сумерки. Марина ехала медленно и неуверенно. Когда добрались до поворота на шоссе, я попросил ее остановиться. А Лерику предложил:

— Выметайся.

На этот раз он подчинился с явным удовольствием и даже дал добрый совет:

— Между прочим, скоро восемь. Глобус тебя не дождался и сейчас наверняка дует сюда. Езжайте скорее, а то как бы вам не встретиться...

Он повернулся и растаял в полутьме. Марина перебралась на пассажирское кресло, я сел на водительское и скомандовал:

— Пристегнись, подруга, он прав, надо ехать быстро.

И «Жорж» рванулся с места во всю мощь своего итальянского мотора.

— Где-то я видела этого, с усами, — задумчиво сказала Марина.

— Объяснить тебе где? — засмеялся я, притормаживая на крутом повороте, о котором предупреждал Лерик по пути туда. Но «Жорж» тормозить не желал.

Я еще и еще раз надавил на педаль тормоза, с леденящим ужасом чувствуя, как она проваливается под моей ногой. В последний момент я успел врубить первую передачу и дернуть ручник, но это уже почти ничего не решало. На нас неслась темная масса кустов. На скорости километров девяносто с диким воем и визгом «Жоржа» занесло боком, он перелетел через кювет, опрокинулся и врезался в дерево.

Во внезапно наступившей тишине я обнаружил, что жив и вишу на ремне вверх ногами. Рядом шевелилась и охала Марина.

Кое-как мы выбрались наружу и сейчас же провалились по щиколотку в какое-то чавкающее болото. «Руки, ноги целы?» — спросил я. «По крайней мере на месте», — ответила Марина. Я нырнул обратно в машину, открыл «бардачок» и нашарил в нем фонарик. К моему удивлению, он работал. В его свете я оглядел Марину. Кроме длинной царапины через всю щеку, других внешних повреждений не было видно. Дешево отделались! После этого я перевел луч на машину, вернее, на ее

беспомощно поднятые вверх передние колеса. И увидел то, что ожидал: тормозные шланги были надрезаны, вся жидкость ушла из них.

«Молодец», — подумал я про Лерика. Неужели это не экспромт, а домашняя заготовка, обговоренный вариант? Похоже. Как это он сказал худому интеллигенту: «Мы — их — отпускаем!» И тот сразу сообразил, что нужно делать. Предусмотрели и обудили ситуацию, которая сложится, если нас (или меня одного) придется по каким-то причинам отпустить. Так сказать, запасный выход. «Езжайте скорее», — посоветовал мне друг детства.

Да что ж они, правда, не делают ошибок?! Что ж мне, никогда Лерика не переиграть?! Я разозлился до дрожи в руках, глядя на останки своего «Жоржа», а тут еще Марина стала выбираться на дорогу. «Назад!» — заорал я не своим голосом. Она удивленно обернулась: «Ты что? Надо поймать попутку». «Назад иди, — сказал я спокойней. — А то, если будешь торчать на дороге, такая попутка может остановиться...» «Куда же нам?» — спросила она с испугом. «В лес», — ответил я.

Мы брели по этому лесу уже более часа. Нас исполосовали ветки, в ботинках хлюпало, я распорол бок о какой-то сук, а Марина ныла, что у нее болят нога и плечо. У меня самого болели голова и грудь, но я помалкивал. Я не говорил ей о том, что мы идем в противоположную от Москвы сторону. Я знал, что если нас сейчас ищут, то по дороге в город. И я принял единственно правильное, как мне казалось, решение: идти туда, где нас ждут меньше всего. Обратю на дачу, где держали Марину. И теперь я молил Бога об одном — чтобы не сбиться с направления, чтобы мои расчеты оказались правильными.

В исходе второго часа, когда Марина уже почти не могла двигаться, да и я еле стоял на ногах, мы снова вышли на шоссе. Протащились по нему метров тридцать и свернули на боковую дорогу, идущую между глухих заборов. Высоких железных ворот, которые тускло поблескивали в лунном свете, мы достигли еще через полчаса ходьбы. «Жди меня здесь», — сказал я Марине шепотом, но она вцепилась в мой рукав и не отпустила. — Я скоро буду», — пообещал я ей ободряюще и пошел вдоль забора.

Наконец я нашел место, где с помощью близко стоящего дерева можно было перебраться на ту сторону. Повисел немного на вытянутых дрожащих руках, а потом благополучно приземлился на кучу прошлогодних листьев. На веранде дачи горел свет.

Я обошел дом вокруг и увидел стоящую недалеко от входа машину. Судя по очертаниям, это была «Нива». Пригнувшись, я тихонько подкрался к веранде, приподнял голову и заглянул внутрь. В кресле с автоматом на коленях сидел белобрысый и пилочкой полировал себе ногти.

Вот, значит, кого оставили сторожить дом, пока вся шайка-лейка разыскивает нас. Стало быть, судьба. Я снова пригнулся и добежал до крыльца. Прислушался, а потом на цыпочках поднялся по ступенькам и достал из кармана пистолет.

Да, два года назад я поклялся больше никогда не стрелять в людей. Но ведь из каждого правила бывают исключения! Думаю, Валя Дыскин на моем месте поступил бы так же. Я ударом ноги распахнул дверь. Белобрысый успел вскинуть не только голову, но и автомат. Однако выстрелить я успел раньше. «Магнум» хлопнул не сильнее, чем пробка от шампанского. Пуля попала белобрысому в переносицу — неплохо, если учесть, сколько времени у меня не было практики. Я обшарил его карманы и нашел ключи от машины. Через пять минут, когда я распахнул ворота, в свете фар возникла Марина — трясущаяся, как осиновый лист на ветру.

Не знаю, сколько времени мы колесили какими-то проселками и объездными дорогами, пока я не въехал в город почему-то с Ленинградского шоссе. Было около четырех часов утра, когда я позвонил в дверь квартиры Невмянова.

— Кто там? — спросил сонный Шурик.

— Плохо организованные преступники, — сказал я.

Узнав мой голос, он открыл дверь и обомлел, увидев нас: грязных, ободранных, мокрых. Не давая ему опомниться, я с порога сообщил:

— Даме срочно нужна ванная, а мне срочно нужны магнитофон, бумага и ручка. Потом мы оба хотим жрать, а если есть что, то и пить. Задание поняли? Выполняйте!

18

По дороге в аэропорт я остановился на мосту через Москву-реку и выбросил вниз оба «магнума». Все равно с ними в самолет не пройдешь. Во Внукове я первым делом отправился в линейный отдел милиции, нашел там старого приятеля Алешку Симакова и через полчаса имел билеты на ближайший рейс до Сочи. Но перед отлетом мне предстояло сделать еще два дела.

Из автомата я набрал номер Лерика. Подошла заспанная Лялька.

— Здравствуй, — сказал я. — Муж дома?

— Конечно, — сказала она шепотом. — Только он спит. Ты чего звонишь в такую рань?

— Разбуди, — потребовал я. И, почувствовав, что она колеблется, добавил: — Разбуди, а то он потом жалеть будет.

Через минуту трубку взял Лерик.

— Что вы сделали с трупом? — спросил я.

— Не твое дело, — грубо ответил он. — Звонишь позлорадствовать?

— Нет. У меня есть сообщение.

— Какое еще сообщение?

— Один мой знакомый одолжил мне специальное записывающее устройство, компактное и очень качественное. Так что весь наш разговор в машине записан на пленку.

— Скотина, — сказал после паузы Лерик. — Ну и что дальше?

— От скотины слышу, — остроумно парировал я. — Дальше я эту пленку вместе со своим подробным рапортом отправил в прокуратуру города. Это заставит их задуматься, прежде чем осудить Витьку. А что касается тебя...

— Что касается меня,— перебил он,— то магнитофонная пленка — не доказательство.

— Для кого как,— заметил я.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что сделал с этой пленки копию. А через десять минут у меня назначена встреча с одним человеком.

Я мстительно замолчал.

— Каким человеком? — угрюмо спросил Лерик.

— С таким, который как две капли воды похож на Кешу Черкизова из сорок четвертой квартиры. Того, что вы с Глобусом убили и ограбили.

Теперь замолчал Лерик. Когда он заговорил, голос у него был севший, как спущенное колесо.

— Сколько он тебе платит?

— Нисколько.

— Ты не должен этого делать,— сказал он убежденно.— Ни в коем случае.

— Почему?

— Ты... ты не представляешь себе, что будет, если ты это сделаешь!

— Очень даже хорошо представляю,— сказал я.

— Не делай этого! — заорал он в трубку.— Не делай! Я тебя умоляю! Я... — Он был на грани истерики.

— Не надо меня умолять,— сказал я, не чувствуя в этот момент ничего, кроме гадливости.— Я звоню для того, чтобы дать тебе шанс. Беги, Лерик. Бросай все и беги. Спасайся, если можешь. У тебя есть время. Не много, но есть.

— Хорошо.— Он уже, кажется, взял себя в руки.— Хорошо. Давай поговорим, как деловые люди. Сто тысяч за кассету тебя устроит?

Я молчал.

— Полмиллиона,— сказал он.— Полмиллиона за паршивую кассету!

— Спрячься куда-нибудь, Лерик,— вздохнул я.— Заройся поглубже. Ну, а кто не спрятался — я не виноват.

— Миллион! — заорал он.— Ты знаешь, у меня теперь есть эти деньги!

— Передай Ляльке, что мне очень жаль,— сказал я.— Жаль, что жизнь сложилась именно так...

— Два! — крикнул он.

Я тихонько повесил трубку и подошел к Марине.

— У нас ведь даже зубных щеток нет,— жалобно сказала она.

— Я снял все, что было на моей и на дедовской книжках. Мы имеем кучу денег,— успокоил я ее.

На площадь выехало роскошное иностранное авто и остановилось около нас. Черкизов-второй вылез из своего «вольво» и легкой походкой, без всякой палки направился к нам. Я представил ему Марину, и он галантно поцеловал ей руку. После этого мы отошли в сторонку, и я передал ему кассету.

— Вы прослушаете и все поймете,— сказал я.

— Спасибо, я сделаю это сейчас же,— ответил он.— У меня в машине есть магнитола.

Он внимательно посмотрел на меня и спросил:

— Вы уверены, что я вам ничего не должен?

— Уверен,— ответил я.— Тут, видите ли, дело принципа...

— Как хотите.

На прощание он еще раз поцеловал Марине руку, сел в свой сверкающий лимузин и отчалил.

— Кто этот очаровательный старикан? — спросила меня Марина, глядя вслед машине.

— Палач, — ответил я.

Уже в самолете, когда кругом были только белые облака и голубое небо, а все дома, деревья, люди и дела остались внизу, став маленькими и незначительными, Марина положила мне голову на плечо и сказала:

— Я тебя люблю. Неужели ты правда заплатил за меня пять миллионов?

— Черта с два! — фыркнул я. — Перед тем как пойти к Лерику, мы с твоим папá изготовили на ксероксе четыреста восемьдесят пять копий одного и того же вкладыша — по ним нельзя получить ни копейки. А настоящие я вместе с рапортом отправил в прокуратуру.

Она сняла голову с моего плеча и откинулась в кресле. Лицо у нее было непередаваемое. Боже мой, а я-то еще думал, что разбираюсь в женщинах! Вы мне не поверите — но она была разочарована!

АЛЕКСАНДР МАРКЕВИЧ

Рок-н-роллный Рембо

*«Когда я умру —
в рай попаду:
Я же все время
провел в аду».*

МИК ДЖЭГГЕР

Иногда мы забываем о нем, иногда вспоминаем. Иногда. Но он всегда где-то рядом. Его голос («Голоса-то у меня нет, вы понимаете, что я имею в виду? Я же не Том Джонс...») столько раз заполнял до отказа вашу квартиру, вашу жизнь, вы столько раз видели его губастый большой рот в видеоклипах и фильмах с его участием, что он стал своим в доску, клевым чуваком, другом-друганом («Мне нужен кто-то, кому бы я мог поплакаться в жилетку, кого бы я мог защитить...») из песни «Waitin' on a friend» («В ожидании друга»). Что движет им? Желание быть на виду, мелькать в газетных заголовках, наконец, просто нравиться? Неисправимый эксгибиционизм? Зачем ему, заслуженному миллионщику Британских островов, все эти гастроли, съемки, записи в студии, изобретение новых линий в детской одежде, писание биографии без помощи журналиста... («Никто меня не просит писать киносценарии. А я пишу».) А может быть, в его суетливой активности — страх перед последним пунктом Старой Голливудской Шутки? Кстати, вы помните Старую Голливудскую Шутку? Нелишне напомнить ее в эпоху наступления по всем фронтам ядреного отечественного шоу-бизнеса. В качестве иллюстрации воспользуемся именем восходящей старлетки:

1. Кто такая Наталья Негода?
2. Покажите мне Наталью Негоду.
3. Покажите мне актрису, напоминающую Наталью Негоду.
4. Покажите мне юную Наталью Негоду.

5. Кто такая Наталья Негода?

Шутка шуткой, но в обиходе суперзвезд всерьез и надолго задерживаются лишь единицы. Самые-самые. Из их числа Мик Джэггер, певец и композитор лучшей рок-группы мира «Роллинг Стоунз». Титул лучшей «роллинги» носят, как клеймо, вот уже добрых лет 20. Как заметила писательница Барбара Черон, по отношению к другим группам Мик употребляет эпитет «отличные», а о своей говорит только как о «хорошей». Быть может, именно поэтому «Роллинг Стоунз» — лучшие в мире?

Мик Джэггер появился на свет 26 июля 1943 года. «Я рожден под ураганным перекрестным огнем...», — слегка мифологизирует он факт своего явления в этот мир в песне «Jumpin' Jack Flash». Его отец, преподаватель физвоспитания в колледже, трогательно сожалел в 74-м, что из сына не вышел знатный спортсмен. «Мик мог бы стать изумительным игроком в крокет...» Побывав с супругом на первой, шумливой и колготной свадьбе Мика, его мама призналась: «Надеюсь, мой младшенький, Крис, никогда не станет суперзвездой». Еще в детсаде Мик отличался умением корчить рожи, вертлявостью (любимый герой детства — Тарзан) и тягой к пению. Причем к пению от души. «На уроках пения в школе я всегда орал громче всех, я пел что есть мочи, даже если не знал слов. Я их просто придумывал». Когда Мик учился в Лондонской школе экономики, на уроке физкультуры в один ужасный (прекрасный?) день он откусил кончик своего языка и на несколько суток лишился дара речи. Впоследствии оказалось, что его голос роковым образом изменился. Любой, даже начинающий оккультист увидит в этом случае

удар судьбы, небесное знамение. Мик всегда питал любопытство ко всему потустороннему. Однажды вместе с Кейтом Ричардзом, соавтором и соло-гитаристом, он вознамерился слетать в Рио, где объявился ведьмак. Популярный, как у нас Чумак. Перед отлетом Ричард сообщил газетчикам: «Мы надеемся на встречу с этим колдуном, занимающимся сразу черной и белой магией. У него длинное трудное имя, которое мы не в состоянии выговорить. Для краткости мы зовем его просто: Банан».

Историческая встреча Мика и Кейта случилась в 60-м, в прокуренном вагоне пригородного поезда, в котором путешествовали еще Ш. Холмс с нетерпеливым доктором. Мик ехал в обнимку с дисками рок-н-ролльщиками, с Чаком Берри, Литтлом и Мадди Уотерсом. Кейт и Мик вместе росли, но никогда не были на дружеской ноге. Однако Кейт узнал Мика с первого взгляда и вспомнил случай из детства, когда маленький Мик приторговывал мороженым, чтобы иметь «капусту» на карманные расходы. И он, Кейт, тогда раскошелился и, по-видимому, из жалости, купил порцию. В поезде они разговорились и сразу поняли, что их объединяет одна, но пламенная страсть. Нет, не музыка. Музыка была только частью айсберга. Они оба боготворили Америку, Эльдorado для тинэйджеров. Классные фильмы, модные шмотки, сленг — все там было не таким, как в пуританской, чопорной Англии. Гамбургеры. Гангстеры. Кока-кола. Калифорния. Новый Орлеан. Блюз. И рок-н-ролл. Бадди Холли и Великий Элвис! В Англии Холли был не менее популярен, чем Элвис, и поначалу Мик копировал именно его манеру пения. Английская пацанва в те дни раскололась на два лагера: поклонники Элвиса Прес-

ли облачались в кожу, болельщики Бадди Холли кожгалантерею презирали.

Через несколько лет в советских школах подростки разделялись на битломанов и роллингманов. Разделяется тихо-мирно, без драк, ибо всех объединяли запреты: на новый музон, на джинсы, на длинные волосы и т. д. Режиссер «Пластилиновой вороны» Саша Татарский вспоминает в «Юности», что «длинные волосы носить было можно, но только после школы. В школе все носили короткие». Вообще говоря, ничто так крепко не сплачивает людей, как общие лишения и система запретов. Об их благотворной роли в тоталитарных государствах еще будут написаны книги, томов премногих тяжелей.

Мик Джэггер не видел в запретах ничего положительного и с самого начала вел против них подрывленную деятельность. А начинали «Стоунз» с подражания. «Мы копировали песни нота в ноту, но даже «сняв» один в один, первоизданного звука не добивались». Так, из опыта, Мик пришел к пониманию важного закона искусства: формальная точность ничего не значит, она бессильна передать дух. Мик как-то признался, что жалеет, что не родился американцем. Может быть, черным. Это решило бы все проблемы.

Нет, все-таки хорошо, что Мик не родился черным американцем. Иначе мир потерял бы гениального исполнителя белого ритм-энд-блюза.

Что требуется исполнителю, чтобы выбиться в сверхзвезды? В самом грубом виде, по нашему разумению, как минимум, три вещи:

1. Ремесло (профессионализм).
2. Сердце (душа).
3. Мозги.

Сочетание трех этих качеств

в одном человеке — редкость необыкновенная. Чтобы преуспеть в поп-музыке, вполне достаточно первых двух. Хуже с мозгами. Как доходит дело до наруливания абсолютно свежих идей, 95 процентов групп останавливаются как вкопанные.

В 60-е годы «Стоунз», проигрывая битлам в изощренности гармоний и чистоте исполнения, максимально точно передают пульсацию времени. «Они объясняли нам, что происходит. И мы доверяли им во всем», — примерно так утверждали фанаты роллингов, имея на то полное право. Ирландец Боб Гелдоф в своих мемуарах «Это все?» пишет, что смазливые мальчишки-чистюли из «Битлз» вызывали у него зевоту (пока он не овладел игрой на гитаре). Другое дело «Стоунз», которых ненавидели все родители мира. За то, что одним своим уродским видом они как бы говорили: «А плевать мы хотели на ваши устои».

Впрочем, «Стоунз» специально этот имидж не изобретали, все у них получалось спонтанно. Вот характерный фрагмент из интервью с Миком в 68-м году:

ЖУРНАЛИСТ.— Что ты думаешь о людях, которые относятся к твоим песням, как к политическим и социальным заявлениям?

МИК.— ...Для «Стоунз» это всего лишь попытка сумбурно высказать то, что мы чувствуем.

ЖУР.— Но, кажется, ни одна другая группа этим не занимается?

МИК.— Отчего же, множество групп.

ЖУР.— Какая еще группа написала «19 th Nervous Breakdown» («19-й нервный припадок») и «Mother's Little Helper» («Мамин маленький помощник»)?

МИК.— Ну... Боб Дилан.

ЖУР.— Нет, у него другая «фишка».

1968 год стал последним годом молодежного бунта. Во Франции студенты прибегли к более действенному средству, чем рок-н-ролл. «Будь я французским рок-певцом, — заявил Мик, — я неизбежно принял бы участие в революции во Франции. Но у нас в Англии ужасно трудно разобраться, где же они находятся, эти самые баррикады».

После 68-го Мик переносит свой бунтарский запал с окружающего мира на самого себя. Прогрохотав в 60-е по всем запретным темам, от сатанизма до наркотиков, «Катящиеся камни» во главе с Миком осознали, что у музыки нет другой цели, кроме музыки, и жизнь надо принимать, как данность. «Жить только рок-н-роллом... ты мог себе позволить, пока был тинэйджером. Было бы глупо делать это все время». Мик — в соответствии со своей песней-декларацией «I'm free» («Я свободен») избегает отныне всего концептуального. Левые рок-критики чувят измену. И заживо хоронят «Стоунз» со всеми подобающими почестями. Перечитывая критику тех лет, поражаешься, до чего же хлесткие, эрудированные, ядовитые и многоумные западные журналисты обожают мартышкин труд. Практически все их выпады против «Стоунз» — нарциссизм чистой воды. Театр немых суфлеров. Под натиском времени их статьи рассыпаются, как трухлявый пенек. «Стоунз» же продолжают делать то, что умеют только они. И чаще всего как Бог на душу положит. Но это чисто «стоунзовское», это примета стиля. Ну нельзя отучить

Джэггера не быть сентиментальным, ну не может он наступить на горло собственной песне и не писать вещей типа «Angie». Голая коммерция, — комментируют тамошние писаревы. На диске «Black and Blue» «Стоунз» обращается к музыке реггей — и со всех сторон несутся упреки в том, что он поступаетя принципами старого доброго рок-н-ролла. Каждый новый альбом встречается критикой (не слушателями!) в штюки.

«Время никого не ждет» — знает Мик и стремится перепробовать все на свете. Для самоанализа просто нет времени. «Я никогда не читаю аналитических материалов, — издевается мстительный Мик, — я их пропускаю. Я просматриваю только первые страницы и снимки. Кто-то спросил меня, побаиваюсь ли я разгромных статей, и я ответил: «Нет». Пока мое фото на обложке, мне начхать, что обо мне говорится на странице 96».

А на стр. 96 журналисты, как повелось с 63-го года, копаются в его грязном белье. И Мик выдает печальный афоризм: «Сплетня всегда больше, чем музыка».

Скандалная хроника длится бесконечно, как мыльная опера. Развод с первой женой, Бианкой, чем-то неуловимо похожей на Мика. По его словам, он любил в ней самого себя. Запутанные добрачные отношения со второй, Джерри Холл, высокооплачиваемой манекенщицей из Техаса, которую Мик отбил у небезызвестного плейбоя Брайена Ферри. Заметим в скобках, что в отличие от битлов, льстивших женскому полу, роллинги всегда выказывали глубокие сомнения в умственных способностях представительниц луч-

шей половины рода человеческого (сравните хотя бы «Girl» Леннона — Маккартни и «Stupid Girl» (букв. «Глупая девушка») Джэггера — Ричарда). О неотразимой блондинке Джерри писали, что благодаря своему тягучему акценту она превращает не самое длинное английское слово sex в поистине нескончаемое. Но в пику всем прогнозам второй брак Джэггера удачен, и сегодня папаша Мик Джэггер, в лучших английских традициях, запрещает своему пятилетнему наследнику смотреть телевизор.

В свои 47 Мик по-прежнему в отличной форме, время пощадило его. А в душе он остался подростком. «Я обнаружил это, вглядываясь в лица других рок-н-ролльщиков. Они задержались в подростковом возрасте. Я не знаю, хорошо это или плохо, я не в силах это оценить. Мне в кайф быть таким, какой я есть... Я постоянно проживаю наяву свои подростковые сны». В наше время зрелость приходит к мужчине годам к сорока. Первым обратил на это внимание Василий Аксенов в «Поисках жанра», где сетовал, что проскочил поворот на 40 годов, все повернули, а он задержался. Речь здесь идет не о молодящихся старичках, не об инфантильном бегстве от ответственности, а о мироощущении. Возможно, константность этого мироощущения и является смыслом рок-н-ролла.

В середине 80-х сердца фанатов «Стоунз» чуть не разорвались от обилия слухов о распаде группы. Мик раздает интервью, где упорно говорит о желании начать сольную карьеру, соединить американский поп с некоммерческим британским роком. В этом альянсе —

соль задуманного эксперимента. Вскоре появляется пластинка «She's the boss», где роль «босса» отдается главе семьи, то есть жене, а суть одноименной песни легко сводима к двустихию из поэмы Арсения Тарковского:

*Она давно меня хотела,
А я плевал на это дело!*

Джэггер ироническим оком оглядывает повседневно, свои слабости, комплексы, страхи. Свою ревность. В записи альбома участвуют отличные музыканты, Мик в очередной раз попадает в десятку, уловив заказ времени — танцевальные ритмы, сдобренные ностальгией по утраченному в туповатом диско мелодизму. Диск бойко раскупается. Что ж, лиха беда начало. Мик выпускает еще один сольник, со знаменательной песней, построенной в форме диалога сына с отцом: «Скажи-ка, Daddy, ведь недаром... в 60-е ты слыл кем-то вроде рок-н-рольного Рембо...», и еще парой-тройкой хитов, достойных занять место в антологии шедевров «Стоунз». Ричардз не остается, естественно, в долгу и делает сольный диск, где у мэтра гитары внезапно прорезается недурственный вокал. Старые поклонницы Кейта ковыряются платочками в уголках повлажневших глаз.

Между тем Мик сколачивает группу, увлеченно репетирует и прокатывается по городам и весям Японии и Австралии. Успех триумфальный. Здесь самое время процитировать забавную мысль журналиста из Сан-Франциско: «Величайшая правда о Мике Джэггере в том, что он знает, что все в зале знают, что он знает, что они знают, что он великий».

В конце концов примирение Мика и Кейта все-таки состоялось, их болельщики нервно перебрались, а «Стоунз» записали энергичный альбом «Steel Wheels» («Стальные колеса») и под это дело отправились в турне по земшару.

Сколько лет существуют роллинги, столько раз они не приехали в гости к нам. Хотя в это лето, после лавины сообщений о предстоящих концертах в Лужниках, впору было пустить слезу.

А «Стоунз» были от нас близко-близко: по личному приглашению президента Гавела они закатали супершоу в Праге в присутствии 130 тысяч зрителей.

А может быть, и хорошо, что «Стоунз» прокатились мимо? Помнится, Михаил Сергеевич Боярский, узнав, что Йоко Оно в Москве, очень опечалился. И объяснил причину расстройства весьма оригинально: рок-звезды должны держаться на дистанции, их можно только разглядывать до дыр на фотках, как все мы делали в 60-х. Тогда сохраняется аромат тайны. Это как ров вокруг замка. Ежели ров перейти, может выясниться, что в замке нет туалета, горячей воды, да и вообще там — ирак с привидениями.

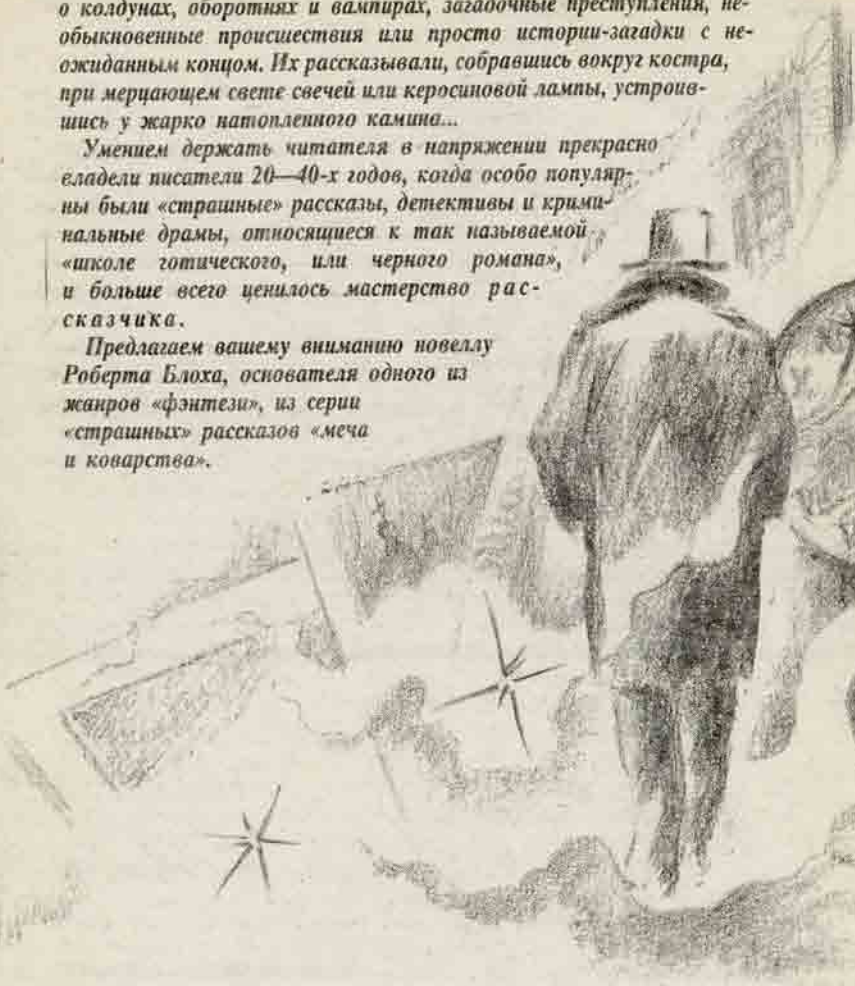
Так что будем признательны Госконцерту, хранителям тайны, за наше счастливое детство. Спасибо всем, кто лично позаботился о неприезде «Роллинг Стоунз».

А заодно поблагодарим фирму «Мелодия» за уникальный подарок, диск из серии «Архив популярной музыки», с ходу попавший в западные каталоги как раритет из раритетов. Этот сборник «Стоунз» поражает качеством звучания так, как поразила бы нас лапоть, изготовленный в Катманду.

Таинственные истории... Сказания и подвиги древних героев, легенды о колдунах, оборотнях и вампирах, загадочные преступления, необыкновенные происшествия или просто истории-загадки с неожиданным концом. Их рассказывали, собравшись вокруг костра, при мерцающем свете свечей или керосиновой лампы, устроившись у жарко натопленного камина...

Умением держать читателя в напряжении прекрасно владели писатели 20—40-х годов, когда особо популярны были «страшные» рассказы, детективы и криминальные драмы, относящиеся к так называемой «школе готического, или черного романа», и больше всего ценилось мастерство рассказчика.

Предлагаем вашему вниманию новеллу Роберта Блоха, основателя одного из жанров «фэнтези», из серии «страшных» рассказов «меча и коварства».

РОБЕРТ БЛОХ

НАВОСЬ ВАШ —

Рисунки ВАЛЕНТИНА ДАВЫДОВА

ПОТРОШИТЕЛЬ

Передо мной стоял типичный, будто сошедший со сцены, англичанин. Мы смотрели друг на друга.

— Сэр Гай Холлис? — спросил я.

— Именно так. Я имею удовольствие беседовать с Джоном Кармоди, психиатром, не так ли?

Я кивнул. Окинул взглядом фигуру моего необычного посетителя. Высокий, стройный, песочного цвета волосы плюс традиционно пышные усы. И, конечно, твидовый костюм. В кармане он наверняка держит монокль, подумал я; интересно, куда он дел зонтик, очевидно, оставил в приемной?

Но, честно говоря, гораздо больше меня интересовало другое: какого черта понадобилось Гаю Холлису из Британского консульства искать встречи с совершенно незнакомым ему человеком здесь, в Чикаго?

Сэр Гай Холлис не торопился удовлетворить мое любопытство. Он сел, откашлялся, нервно оглядел комнату, постучал трубкой о край стола. И, наконец, заговорил.

— Мистер Кармоди, вам приходилось когда-нибудь слышать о... о Джеке Потрошителе?

— Об убийце? — спросил я.

— Именно так. Это — самое страшное чудовище из всех, подобных ему. Страшнее Джека Прыгуна или Криппена. Джек Потрошитель. Кровавый Джек.

— Слышал о нем, — сказал я.

— Вам известна история его преступлений?

— Послушайте-ка, сэр Гай, — процедил я сквозь зубы. — Если мы начнем пересказывать друг другу бабушкины сказки о знаменитых преступлениях, мы с вами вряд ли добьемся толку.

Ага, мои слова явно задели его за живое. Он сделал глубокий вдох, зажег сигарету и заговорил.

— Тут не бабушкины сказки. Это вопрос жизни и смерти.

Лондон, 1888 год. Время между поздним летом и началом осени. На ночные улицы безмятежно спящего города неизвестно откуда опустилась зловещая тень Джека Потрошителя — тень убийцы, крадущегося с ножом по трущобам лондонского Ист-Энда, подстерегающего прохожих у жалких пивнушек Уайтчепела и Спайтфилда. Он нес с собой смерть. Смерть от ножа.

Шесть раз этот нож возникал из мрака, шесть раз чья-то рука опускала его, чтобы раскроить горло и изуродовать тела жертв, лондонских женщин. Уличных потаскушек и проституток. Седьмое августа — первый случай зверского убийства. На ее теле насчитали 39 ножевых ран. Чудовищное зверство. Тридцать первое августа — следующая жертва. Заволновалась пресса, но гораздо больше заволновались обитатели трущоб.

Кто этот неуловимый убийца, бродящий среди них, наступающий избранную жертву в пустынных переулках ночного города? И, самое главное, когда он объявится вновь?

Это случилось 8 сентября. Скотленд-Ярд создал специальную группу сыщиков. По городу гуляли слухи. Особо зверский харак-

тер преступлений давал почву самым невероятным предположениям.

Убийца пользовался ножом, и весьма умело. Он перерезал горло и вырезал определенные части тела после смерти женщины. С чудовищной тщательностью он выбирал свои жертвы и место, где совершал убийства. Ни одна жертва не слышала и не видела ничего. Лишь дозорные, обходя город, когда занимался рассвет, натыкались на истерзанный кусок мяса — дело рук Потрошителя.

Кто он? Что это за создание? Обезумевший хирург? Мясник? Сумасшедший ученый? Богатый джентльмен, ищущий острых ощущений? Выродок, сбегавший из сумасшедшего дома? Или один из полицейских Лондона?

Потом в газете появились стихи. Анонимное четверостишие, с помощью которого хотели положить конец пересудам и сплетням. Но оно лишь взвинтило истерический интерес людей. Небольшое насмешливое стихотворение:

*Я не мясник, не иудей
И не заезжий шкипер,
Но любящий и верный друг,
Навек ваш — Потрошитель.*

А 30 сентября были найдены еще два трупа с перерезанным горлом.

Здесь я прервал сэра Гаа, и, боюсь, что голос мой звучал несколько насмешливо:

— Все это очень интересно.

Он поморщился, но, не сбившись, продолжал:

— И тогда в городе воцарилась тишина. Тишина и невыносимый страх. Когда Кровавый Джек нанесет следующий удар?

Ночной туман прятал его, словно призрака. Прятал надежно, ибо никому не удавалось установить личность убийцы или выяснить его мотивы. Вечерами под порывами холодного ноябрьского ветра дрожали уличные потаскушки и, как избавления, ждали рассвета.

9 ноября. Ее нашли в спальне. Она казалась очень спокойной, руки аккуратно сложены на груди. А рядом с телом так же аккуратно были сложены ее сердце и голова. На этот раз Потрошитель превзошел самого себя.

Жители Лондона, полиция, газеты — все в бессильном отчаянии ждали следующей жертвы. Но Джек Потрошитель исчез.

Прошли месяцы. Год. Страсти поутихли, но люди помнили Кровавого Джекка. Говорили, что он уплыл за океан, в Америку. Что он покончил жизнь самоубийством. О нем говорили, о нем писали. И пишут до сих пор. Трактаты, теории, гипотезы, предположения. Но никому так и не удалось выяснить, кто был Джек Потрошитель. Почему совершались убийства и почему они внезапно прекратились.

Сэр Гай молча посмотрел на меня.

— Вы хороший рассказчик, — отметил я. — Правда, излишне эмоциональный.

— У меня хранятся все документы. Я собрал полную коллекцию фактов и изучил их, — ответил сэр Гай.

Я встал, зевнул, изображая усталость.

— Что ж, вы прекрасно развлекли меня своей маленькой вечерней сказкой, сэр Гай. Очень любезно с вашей стороны отложить все дела в Британском консульстве, чтобы навестить меня, бедного психиатра, и угостить забавной историей.

Мой насмешливый тон снова подхлестнул его.

— Вы не хотите узнать, почему я так заинтересовался этой историей?

— Хочу. Именно это я и хотел бы узнать. Действительно, почему?

— Потому, что я иду по следу Джека Потрошителя! И я уверен, что он сейчас здесь — в Чикаго!

Сэр Гай застал меня врасплох.

— Повторите-ка еще раз, — пробормотал я.

— Джек Потрошитель жив, он находится в Чикаго, и я намерен найти его.

— Одну минуту. Одну минуту. Послушайте, когда произошли все эти убийства?

— С августа по ноябрь 1888 года.

— Тысяча восемьсот восемьдесят восьмого? Но если Джек Потрошитель тогда был совершеннолетним, он давным-давно уже состарился и умер! Даже если бы он родился в 1888 году, ему бы сейчас исполнилось 57 лет!

— Так ли с ним все просто? — улыбнулся сэр Гай. — Или надо говорить «с ней»? Ведь это могла быть и женщина. Тут можно предполагать все, что угодно.

— Сэр Гай, — объявил я, — вы правильно сделали, что обратились ко мне, так как явно нуждаетесь в услугах психиатра.

— Мистер Кармоди, разве я похож на сумасшедшего?

Я взглянул на него и пожал плечами.

— Если честно, то нет.

— Тогда вы, возможно, пожелаете узнать, почему я так уверен в том, что Джек Потрошитель сейчас жив?

— Возможно.

— Я изучал эти дела в течение тридцати лет. Побывал на местах преступлений. Говорил с официальными лицами. Встречался с жителями тех кварталов. С друзьями и близкими несчастных потаскушек, ставших жертвами убийцы. Собрал целую библиотеку сведений, имеющих хоть какое-то отношение к Потрошителю. Ознакомился со всеми дикими теориями и сумасшедшими идеями, существующими на этот счет. Не хочу утомлять вас долгим рассказом о том, к каким выводам я пришел. Однако я вел поиски и в другом направлении, что оказалось гораздо плодотворнее. Я изучал нераскрытые преступления. Убийства.

Могу показать вам вырезки из газет крупнейших городов мира. Сан-Франциско. Шанхай. Калькутта. Омск. Париж. Берлин. Претория. Каир. Милан. Аделаида.

Всюду прослеживается закономерность. Нераскрытые убийства. Определенным образом нанесены удары, определенные части тела вырезаны. Да, я проследил его путь — кровавый

путь. От Нью-Йорка — на запад, через весь континент. Потом — до побережья Тихого океана. Отсюда — в Африку. Во время первой мировой войны он был в Европе, затем в Южной Америке. И после 1930 года он снова в Соединенных Штатах. Восемьдесят семь убийств. Для опытного криминалиста не составляет труда увидеть, что все они — дело рук Потрошителя.

Не так давно произошла серия убийств, так называемые клевландские. Помните? Жуткие убийства. И, наконец, совсем уж недавно, нашли два трупа здесь, в Чикаго. Промежуток между этими убийствами — шесть месяцев. Одно произошло в Южном Дерборне. Второе — где-то в районе Халстеда. Тот же стиль, та же техника. Говорю вам, во всех этих делах есть неоспоримые указания на то, что они — дело рук Потрошителя! Я улынулся.

— Очень крепкая, продуманная версия. Вы специалист в области криминалистики, и я не вправе усомниться в ваших выводах. Остается единственная неувязка. Пустьяковый вопрос, но о нем стоит вспомнить.

— Что же это? — осведомился сэр Гай.

— Объясните, как способен человек в возрасте, скажем, 85 лет совершить все эти преступления? Если Джеку Потрошителю в 1888 году было около тридцати и он до сих пор жив, сейчас ему должно быть не меньше 85 лет.

Сэр Гай Холлис молчал. Я убедил его. Однако...

— Что если он с тех пор не постарел? — прошептал он.

— Как, как?

— Если мы предположим, что Потрошитель не постарел? Что он остается молодым до сих пор?

— Ну хорошо, — произнес я, — давайте предположим. Только потом я вызову санитара со смиренной рубашкой.

Жестко, конечно, но это дало свои результаты. Он резко встал и повернулся ко мне.

— Безусловно, бредовая теория. Все теории насчет Потрошителя бредовые. Что он был доктором. Или маньяком. Или женщиной. Все построены на песке. Не за что зацепиться. Чем моя версия хуже?

— Тем, что людям свойственно стареть, — убеждал я его. — И доктора, и женщины, и маньяки — все стареют.

— А колдуны?

— Колдуны?

— Маги. Знатоки «Черной магии».

— Не понимаю, о чем вы?

— Я изучал все, что могло бы как-то помочь мне. В том числе и даты убийств. Цикл, который образует эти числа. Ритм. Ритм движения Солнца, Луны, Земли. Расположение звезд. Астрологическое значение всего этого.

Без сомнения, полоумный. Но я все равно внимательно слушал.

— Представьте себе, что Джек Потрошитель совершал убийства не ради садистского удовольствия. Может быть, он хотел принести жертву?

— Какую жертву?

Сэр Гай пожал плечами:

— Говорят, если предложить силам зла человеческую кровь в жертву, они могут ниспослать дары. Да, если жертва принесена в определенное время — при определенном расположении Луны и звезд, с соблюдением ритуальных церемоний, — они посылают дары. Дары юности. Вечной молодости.

— Но это же абсурд!

— Нет. Это Джек Потрошитель.

Я встал.

— В высшей степени любопытная теория. Однако, сэр Гай, меня по-настоящему волнует здесь только одно. Почему вы пришли сюда и изложили эту теорию мне? Я не специалист по магии и оккультизму. Не полицейский чин и не криминалист. Я психиатр с обширной практикой. Где здесь связь?

Сэр Гай улыбнулся.

— Значит, я сумел заинтриговать вас?

— В общем, да. Что-то в этом есть.

— Разумеется, есть! Но мне хотелось сначала убедиться в том, что вы проявите интерес. Теперь я могу изложить вам свой план.

— Какой план?

Сэр Гай ответил не сразу. Он окинул меня долгим, изучающим взглядом. И, наконец, заговорил.

— Джон Кармоди, — произнес он, — мы вдвоем должны поймать Джека Потрошителя.

2

С этого разговора все и началось. Я изложил обстоятельства нашей первой встречи во всех подробностях, так как важна каждая деталь. Это помогает понять особенности характера и поведения сэра Гая. Ведь то, что произошло потом...

Но не будем забегать вперед.

Замысел сэра Гая был достаточно прост. Даже не замысел — интуитивное озарение.

— Вы всех здесь знаете. Я наводил справки, — сказал он. — Вот почему я выбрал вас, как идеального помощника в осуществлении моего плана. Среди ваших знакомых — писатели, художники, поэты. Так называемая интеллигенция. Богема. Безумные гении из северной части города.

— В силу определенных причин — сейчас не важно, каких именно, — собранные мной факты указывают на то, что Джек Потрошитель входит в эту среду. Он предпочитает играть роль эксцентричного дарования. Я подумал, что с вашей помощью — вы покажете мне город и введете в круг ваших друзей — у меня есть шанс узнать его.

— Я не против. Непонятно только, как именно вы собираетесь его искать? Вы сами только что сказали: тут можно предполагать все, что угодно...

— Там увидим. — Сэр Гай тяжело вздохнул. — Я просто обязан найти его. Пока не поздно.

— К чему такая спешка?

Он снова вздохнул:

— Потрошитель должен совершить следующее убийство в течение двух суток. Вот к чему.

— Вы убеждены в этом?

— Я уверен в этом, как уверен в движении планет. Понимаете, я составил схему. Все убийства совершаются в соответствии с определенным астрологическим ритмом. Если, как я думаю, он приносит человеческие жертвы для обновления своего дара молодости, он должен сделать это в течение двух дней. Посмотрите на цикл, который образуют его первые преступления в Лондоне. 7 августа. Затем — 31 августа. 8 сентября. 30 сентября. 9 ноября. Интервалы составляют 24 дня, 9 дней, 22 дня — тогда он убил двоих — и затем 40 дней. Конечно, между этими датами были совершены другие убийства. Просто их тогда не обнаружили и не отнесли на его счет.

Так или иначе, я выработал схему его действий, основанную на всех собранных мной фактах. И я утверждаю, что в течение двух суток он совершит убийство. Поэтому мы должны во что бы то ни стало найти способ разыскать его до того, как произойдет трагедия.

— Я не понимаю, чего конкретно вы от меня хотите.

— Познакомьте меня с городом, — ответил сэр Гай. — Представьте друзьям. Проведите меня на вечеринки, которые они устраивают.

— Но с чего мы начнем? Насколько я их знаю, мои друзья из артистической богемы при всей эксцентричности вполне обычные люди.

— Как и Потрошитель. Обычный человек. За исключением определенных ночей. — И снова этот отсутствующий взгляд. — В такие ночи он превращается в неподвластное времени патологическое чудовище, затаившееся перед броском.

— Ну, хорошо, — пробормотал я. — Хорошо, я поведу вас на вечеринки, сэр Гай.

Этим же вечером я взял его с собой в студию Лестера Бастона.

Пока мы поднимались на лифте, я решил предупредить сэра Гая.

— Бастон — настоящий сумасброд. Его гости — такие же. Будьте готовы ко всему, к любым выходкам.

— Я готов. — Сэр Гай засунул руку в карман брюк и вытащил револьвер.

— Что за... — начал я.

— Если увижу его, не промахнусь, — произнес Холлис.

— Но нельзя же крутиться на вечеринке, старина, держа в кармане заряженный револьвер!

— Не беспокойтесь.

Мы вышли из лифта и направились к дверям апартаментов Бастона.

— Между прочим, — шепнул я сэру Гаю, — как вас представить собравшимся? Сказать им, кто вы и в чем ваша цель?

— Мне все равно. Пожалуй, лучше открыто объявить обо всем.

— А вам не кажется, что Потрошитель, если каким-то чудом он или она окажется здесь, моментально почует опасность и поспешит затаиться?

— Я считаю, что неожиданное объявление о преследовании заставит Потрошителя выдать себя, — сказал сэр Гай.

— Из вас вышел бы неплохой психиатр, — доверительно произнес я. — Отличная мысль. Но предупреждаю, вас могут задержать. Здесь собралась дикая компания.

Сэр Гай улыбнулся.

— Меня это не пугает. Я кое-что задумал. Что бы ни случилось, не нервничайте.

Я кивнул и постучал в дверь.

Бастон, словно амеба, вытек в коридор. Его глаза были красны, как пьяные вишни из коктейля. Раскачиваясь всем туловищем, он мрачно и очень внимательно разглядывал нас. Прищурившись, уставился на мою охотничью шляпу и пышные усы сэра Гая.

— Ага, — объявил Бастон. — Явились Морж и Плотник из «Алисы в Стране Чудес».

Я представил сэра Гая.

— Мы все рады вам. — Бастон с утрированной вежливостью прошел за нами в пестро украшенную гостиную.

Я увидел скопище людей, без усталости спящих в плотной завесе сигаретного дыма.

Веселье было в полном разгаре. На лицах горел яркий румянец. Мощные аккорды марша из «Любви к трем апельсинам» раздавались из угла комнаты, где стояло пианино, но они не могли заглушить более прозаические звуки, доносившиеся из другого угла, где шла азартная игра в кости.

Белые кубики стучали по столу все громче, музыка Прокофьева безнадежно проигрывала в этом состязании.

Сэру Гаю повезло: перед его аристократическим взором предстали во всей красе основные участники собрания. Он узрел, как Ла Вери Гоннистер, поэтесса, стукнула Химми Кралика в глаз; как Химми, горько плача, опустился на пол и сидел так до тех пор, пока Дик Пул, торопясь за порцией выпивки к столу, не наступил ему случайно на живот.

Он услышал, как Надя Филинофф, художница рекламного агентства, громко объявила Джонни Одкату, что у него страшно безвкусная татуировка, и увидел, как ползут под обеденный стол Барклай Мелтон вместе с супругой Джонни Одкатта.

Его антропологические наблюдения могли бы продолжаться до бесконечности, если бы хозяин, Лестер Бастон, не встал в центре комнаты и призвал всех к тишине и вниманию, уронив на пол вазу.

— Здесь находятся важные гости, — проорал Лестер, указывая на нас пустой рюмкой. — Не кто иной, как Морж, а с ним и Плотник. Морж — это сэр Гай Холлис, достопочтенный кто-то там из Британского консульства. А Плотник, как всем известно, — наш верный друг Джон Кармоди, популярный распро-

странитель притираний для активизации подавленных сексуальных инстинктов.

Он повернулся и ухватил за руку сэра Гаа, втащив его на середину ковра в центре комнаты. На мгновение мне показалось, что Холлис начнет протестовать, но он быстро подмигнул мне, и я успокоился. Сэр Гай был готов к таким оборотам.

— У нас есть обычай, сэр Гай,— громко объявил Бастон,— устраивать новым друзьям небольшой перекрестный допрос. Просто формальность, так уж принято на наших весьма неформальных собраниях, вы понимаете?

Сэр Гай кивнул и ухмыльнулся.

— Очень хорошо,— пробормотал Бастон.— Друзья, вот вам посылка из Британии. Он весь ваш!

И тут они принялись за сэра Гаа. В этот момент меня заметила Лилия Дээр и утащила в прихожую, где в ее исполнении прозвучал знакомый монолог: милый-я-ждала-твоего-звонка-целый-день...

Когда мне удалось от нее избавиться и я вернулся, импровизированный вечер вопросов и ответов был в полном разгаре. По реакции собравшихся я понял, что сэр Гай смог продержаться и без моей помощи.

И тут Бастон произнес роковые слова, взорвавшие атмосферу пьяного веселья:

— И что же, если позволишь спросить, привело тебя к нам этой ночью? В чем цель твоих странствий, о Морж?

— Я ищу Джека Потрошителя.

Ни один из них не засмеялся.

Возможно, это заявление просто ошеломило всех. Я взглянул на стоящих рядом: так ли с ними все просто?

Ла Вери Гоннистер. Химми Кралик. Дик Одкэтт с женой. Лилия Дээр. Все — безобидные клоуны.

Но что за вымученная улыбка застыла на лице Дика Пула! И двусмысленная, как бы знающая ухмылка Беркли Мелтона!

Ну да, конечно, все это чепуха. Но в первый раз за все время нашего знакомства они предстали передо мной в новом свете. Я подумал, что не знаю, как они проводят время, когда не веселятся на званых вечерах.

Кто из них, играя роль, ловко скрывает свою сущность?

Кто здесь способен верно служить Гекате и приносить этой страшной богине обет на крови?

Даже сам Лестер Бастон может лишь маскироваться под клоуна.

На какой-то миг особое настроение охватило всех нас. В глазах людей, сгрудившихся вокруг центра комнаты, мелькнули те же сомнения.

В центре по-прежнему стоял сэр Гай, и, клянусь вам, он все осознавал и даже упивался атмосферой, которую сумел создать.

У него должна быть какая-то глубинная, подлинная причина такой одержимости, мелькнула у меня мысль. Откуда эта странная мания во что бы то ни стало разыскать Потрошителя? Должно быть, и он что-то скрывает...

Как всегда, атмосферу разрядил Бастон, превратив все в клоуниаду.

— Друзья, Морж ведь не шутит,— сказал он, хлопнул сэра Гая по спине и обнял за плечи, декламируя:— Наш английский дядюшка идет по следу легендарного Джека Потрошителя. Надеюсь, все помнят, кто это? В свое время славился своим умением. Ставил потрошительные рекорды, когда выходил на охоту У Моржа есть идея, что Потрошитель сейчас жив; должно быть, бегаёт по Чикаго с бойскаутским ножиком. Но главное,— Бастон сделал эффектную паузу и объявил театральным шепотом,— главное, он думает, что Потрошитель может быть здесь, сейчас, среди нас!

Бастон добился желаемого эффекта: вокруг заулыбались, захихикали. Он укоризненно посмотрел на Лилию Дзар и прошипел:

— Нечего смеяться, девочки. Потрошитель может быть и женского пола. Что-то вроде Джени Потрошительницы.

— Вы что, и вправду подозреваете кого-то из нас? — взвизгнула Ла Вери Гоннистер, жеманно улыбаясь сэру Холлису.— Но ведь этот ваш Потрошитель давным-давно бесследно исчез? В 1888 году?

— Ага! — вмешался Бастон.— Откуда вы так хорошо осведомлены об этом, юная леди? Звучит подозрительно! Присматривайте за ней, сэр Гай, она может оказаться не такой уж юной! У этих поэтесс темное прошлое.

Все расслабилось, напряжение спало, происшедшая сцена начала вырождаться в обычную застольную шутку. Пианист, исполнявший только что марш, бросал жадные взгляды в сторону пианино, что предвещало новую попытку Прокофьевым. Лилия бросала взгляды в сторону кухни, ожидая удобного момента, чтобы отправиться за выпивкой.

Но Бастон снова приковал к себе внимание.

— Эй, смотрите-ка,— крикнул он,— у Моржа револьвер!

Его рука соскользнула с плеча сэра Холлиса, натолкнулась на жесткие контуры револьвера и быстрохватила револьвер из кармана Холлиса.

Я пристально посмотрел на сэра Гая — не слишком ли далеко зашло дело? Но он подмигнул мне, и я вспомнил, как он предупреждал меня и просил не нервничать.

— Давайте все сделаем честно,— крикнул Бастон.— Наш друг Морж приехал из Англии, преследуя свою заветную цель. Раз никто из вас признаваться не желает, предлагаю дать ему возможность найти Потрошителя самому.

— Что ты задумал? — спросил Джонни Одкэтт.

— Я выключу свет ровно на одну минуту. Сэр Гай будет стоять здесь со своим револьвером. Если кто-нибудь в этой комнате — Потрошитель, он может попытаться завладеть оружием или воспользоваться случаем, чтобы ликвидировать своего преследователя.

Глупее не придумаешь, но затея всем понравилась. Протестующие возгласы сэра Гая потонули в море возбужденных голосов, и Бастон протянул руку к выключателю.

— Всем оставаться на своих местах,— с деланной строгостью объявил он.— Целую минуту мы пробудем в полной темноте и, может быть, во власти убийцы. Когда время истечет, я включу свет и начну считать трупы. Выбирайте себе пару, леди и джентльмены.

Свет погас.

Кто-то хихикнул.

В темноте я услышал шаги. Приглушенный шепот.

Чья-то рука коснулась лица.

Мне казалось, что часы на запястье тикают непереносимо громко. Но эти звуки перекрывали глухие частые удары, как будто рядом звонил колокол. Я слышал биение собственного сердца.

Бред. Стоять так в темноте, в компании пьяных идиотов. Но между нами где-то здесь незримо крался страх, шелестя бархатным покрывалом темноты.

Вот так бродил в темноте Потрошитель, сжимая в руке нож. Джек Потрошитель с безумными мыслями и безумной целью.

Но Джек давно умер и рассыпался в прах. Так должно быть по всем законам человеческой логики.

Но когда погружаешься в темноту и с лица спадает ненужная маска, обнажая все твое существо, законы человеческой логики бессильны.

Сэр Гай Холлис пронзительно вскрикнул.

Раздался приглушенный стук, как будто что-то свалилось на пол.

Бастон зажег свет.

В центре комнаты на полу распластался сэр Гай Холлис. В руке по-прежнему был зажат револьвер.

Я огляделся: какое разнообразие выражений можно увидеть на лицах людей, столкнувшихся с чем-то ужасным.

Никто не покинул пределы комнаты, все оставались на своих местах. И все же на полу лежало тело сэра Холлиса...

Ла Вери Гоннистер, пряча лицо, выла тонким голосом.

— Ну ладно.— Сэр Гай перевернулся и вскочил на ноги.— Просто небольшая проверка, а? Если бы среди вас оказался Потрошитель, он бы чем-нибудь выдал себя. Теперь я убедился в том, что вы невиновны,— все в целом и каждый в отдельности. Небольшой розыгрыш, друзья, только и всего.

Холлис посмотрел на Бастона, застывшего на месте с выпученными глазами, на остальных, сгрудившихся за ним.

— Пойдем, Джон? — окликнул он меня.— Кажется, мы здесь засиделись.

Повернувшись, он направился в прихожую. Я последовал за ним. Никто не произнес ни слова.

После нашего ухода вечеринка проходила на редкость вяло.

3

На следующий вечер, как и договаривались, мы встретились с сэром Гаем на углу 29-й улицы и Южного Халстеда.

После событий прошлой ночи я был готов ко всему. Но сэр

Гай, устало прислонившийся к облупившейся двери, выглядел подчеркнuto буднично.

— У-у-у! — произнес я громко. — Готовы начать охоту?

— Да, — кивнул он. — Я рад, что ты согласился прийти, не задавая вопросов, значит, веришь.

Он взял меня под руку, и мы неторопливо двинулись вперед.

— Какой сегодня туман, Джон, — сказал сэр Холлис. — Как в Лондоне.

Я кивнул.

— И холодно для ноября.

Я поежился, выражая свое полное согласие, и снова кивнул.

— Удивительно, — задумчиво произнес он. — Ноябрьская ночь и туман, как в Лондоне. И место, и время, как тогда.

Я ухмыльнулся.

— Хочу вам напомнить, сэр Гай: это не Лондон, а Чикаго. И сейчас не ноябрь 1888 года. Прошло пятьдесят с лишним лет. Холлис вымученно улыбнулся в ответ.

— Вот в этом я не вполне уверен. Посмотри-ка вокруг. Запутанные проходы, кривые улочки. Точь-в-точь лондонский Ист-Энд. Митр Сквэр. И все это было построено не менее пятидесяти лет назад, если не раньше.

— Это негритянский квартал, — сказал я коротко. — За Саут-Кларк-стрит. Зачем вы затащили меня сюда, не понимаю?

— Интуиция. Просто интуиция, Джон. Я хочу побродить по этим местам. Улицы расположены так же, как те, где выслеживал и убивал свои жертвы Потрошитель. Здесь мы найдем его, Джон. Не на ярко освещенных, нарядных и богатых улицах, а здесь, где темно. Здесь, где, укрытый темнотой, он притаился и ждет...

— И поэтому вы взяли с собой оружие? — спросил я. Вопрос был задан слегка насмешливым тоном, но голос мой звучал напряженно.

— Нам может понадобится оружие, — с мрачной серьезностью произнес сэр Гай. — Ведь сегодня — та самая ночь.

Я вздохнул. Мы брели по закутаным в туман, пустынным улицам. Время от времени сквозь мрак тускло светили огни, указывая вход в бар. Если не считать этого, всюду царил темнота и густые тени. Кажущиеся бесконечными в туманной мгле зияющие дыры проулков плыли мимо нас; мы спускались по петляющей боковой улочке.

— Разве вы не видите — на улице ни души! — произнес я, нетерпеливо дернув сэра Гая за пальто.

— Он непременно должен прийти, — сказал сэр Гай. — Его притянет дух этих мест. Именно то, что я искал. Гениус логи. Зловещее место, неудержимо притягивающее зло. Он всегда убивает только в районах трущоб. Должно быть, это одна из его слабостей. Его манит атмосфера гетто. Кроме того, женщин, которых он приносит в жертву богам зла, легче выследить в грязных дырах и пивнушках огромного города.

Я улыбнулся.

— Что ж, тогда давайте отправимся в одну из таких пивнушек. Я весь продрог. Мне просто необходимо выпить. Проклятый туман пробирает до костей. Вы, островитяне, спокойно переносите сырость, а мне по душе, когда сухо и жарко.

Боковая улочка кончилась; мы стояли в начале длинной узкой улицы.

Сквозь белые клубы тумана я различил тусклый голубой свет: одинокая лампочка под вывеской здешней забегаловки.

— Ну что, рискнем? — спросил я.

— Показывай дорогу, Джон, — ответил сэр Гай, и я повел его вниз по улице. Мы остановились у открытой двери пивнушки.

— Чего ты ждешь?

— Осматриваю место, только и всего, — объяснил я. — Это опасный квартал, сэр Гай. Сильно не хотелось бы попасть в дурную компанию. Тут есть заведения, где сильно не любят белых посетителей.

— Хорошо, что ты подумал об этом.

Я закончил осмотр.

— Кажется, никого нет. Попробуем войти.

Мы переступили порог грязного бара. Слабый свет мерцал над кассой и стойкой, но кабинки для посетителей в глубине были погружены во мрак.

На стойке, положив голову на руки, развалился черный великан с выдающейся челюстью и туловищем гориллы. Когда мы вошли, он даже не шевельнулся, но глаза его широко раскрылись, и я понял, что нас заметили и молча оценивают.

— Привет, — произнес я.

Он не торопился с ответом, все еще оценивая нас, потом широко улыбнулся.

— Привет, джентльмены. Что будем пить?

— Джин. Два раза. Холодная ночь выдалась сегодня.

— Это точно, джентльмены.

Он разлил джин по стаканам; я заплатил и отнес выпивку в одну из кабинок. Огненная жидкость быстро согрела нас.

Я отправился к стойке и купил целую бутылку. Мы налили себе еще по одной. Здоровенный негр снова расслабился; один глаз его оставался полуоткрытым и бдительно следил за происходящим, на случай неожиданного развития событий.

Часы над стойкой назойливо тикали. На улице поднимался ветер, разрывая в клочья плотное покрывало тумана. Сэр Гай и я сидели в теплой кабине и пили свой джин.

Он начал говорить, и, казалось, тени собрались вокруг нас, прислушиваясь к его словам.

Я слушал его очень терпеливо. Налил сэру Гаю еще стакан. И еще...

Алкоголь развязал ему язык. Господи, чего он только не болтал! Ритуальные убийства и продление жизни с помощью магии — снова всплыла вся эта фантастическая история. И, конечно, он твердо верил в то, что где-то рядом сейчас бродит Потрошитель.

Наверное, я виноват в том, что сознательно подталкивал его.

— Ну хорошо, — сказал я, не скрывая нетерпения. — Допу-

стим, твоя теория справедлива несмотря на то, что нам придется отбросить все известные законы природы и принять за истину кучу суеверий, чтобы согласиться с ней.

Джек Потрошитель — человек, открывший способ продления жизни с помощью человеческих жертв. Ты считаешь, что он объездил весь свет. Сейчас Потрошитель в Чикаго и замыслил убийство. Короче говоря, предположим, что все твои предложения — святая правда. Что из этого?

— Как это «что из этого»? — произнес сэр Гай.

— Да вот так, «что из этого!» — ответил я ему. — Если ты прав, это не значит, что, сидя в грязной забегаловке на Южной стороне, мы заставим Потрошителя прийти сюда и спокойно дать себя убить или сдать полиции. Кстати, я ведь даже не знаю, что ты собираешься с ним делать, если умудришься поймать когда-нибудь.

Сэр Гай опрокинул в рот остатки джина.

— Я схвачу эту проклятую свинью, а потом передам правительству вместе со всеми бумагами и сведениями, изобличающими его. Я потратил целое состояние, расследуя его дело, слышишь, целое состояние! Его поимка повлечет за собой разгадку сотен и сотен нераскрытых преступлений, в этом я твердо уверен.

Говорю тебе, по земле безнаказанно ходит обезумевший зверь! Вечно живущий, неподвластный времени зверь, приносящий жертвы Гекате и силам мрака!

Истина в вине. Или вся эта бессвязная болтовня — следствие слишком большого количества джина? Сэр Гай снова потянулся к бутылке. Я сидел и размышлял, что с ним делать. Еще немного, и человек доведет себя до острого припадка пьяной истерики.

— И вот еще что, — сказал я, просто желая поддержать разговор и не особенно надеясь узнать что-нибудь новое. — Ты все-таки не объяснил, откуда у тебя уверенность в том, что ты натолкнешься на Потрошителя?

— Он придет, — произнес сэр Гай. — У меня предчувствие.

Это было не предчувствие. Это был приступ пьяной слезливости.

Мое раздражение постепенно переходило в ярость. Я сидел с ним уже час и все время вынужден был играть роль сиделки и слушать болтовню этого идиота. В конце концов он даже не был моим пациентом.

— Ну хватит, — сказал я, останавливая Холлиса, снова потянувшегося к полупустой бутылке. — Ты выпил достаточно. У меня есть предложение. Давай вызовем такси и уберемся отсюда. Становится поздно; твой неуловимый друг, судя по всему, сегодня уже не появится. А завтра на твоём месте я бы передал все эти бумаги и документы в ФБР. Раз уж ты так уверен в справедливости своей дикой теории, пусть этим занимаются специалисты, способные провести самое тщательное расследование и поймать твоего Потрошителя.

— Нет, — произнес сэр Гай в порыве пьяного упрямства. — Не хочу такси.

— Ладно, так или иначе пойдем отсюда.— Я бросил взгляд на часы.— Уже больше двенадцати.

Он вздохнул, пожал плечами и с трудом встал на ноги.

По пути к выходу он вытащил из кармана револьвер.

— Эй, дай-ка мне эту штуку,— прошептал я.— Нельзя ходить по улицам, размахивая такой игрушкой.

Я взял у него револьвер и сунул себе под пальто. Потом схватил Холлиса за руку и вывел из бара. Негр даже не поднял головы.

Поеживаясь, мы стояли на узкой улице. Туман усилился. С того места, где мы находились, нельзя было различить ни начала, ни конца улицы. Холодно. Сыро. Темно. Несмотря на сгустившийся туман, легкий ветерок нашептывал тайны теням, что толпились у нас за спиной.

Как я и ожидал, свежий воздух ударил в голову сэру Гаю. Пары спиртного и туман — опасная смесь. Он шатался, а я медленно вел его сквозь туманную мглу.

Холлис, несмотря на свое жалкое состояние, все время выжидающе смотрел в глубь улицы, как будто в любой момент ожидал увидеть приближающуюся фигуру.

Мои чувства наконец прорвались наружу.

— Детские игры,— фыркнул я.— Джек Потрошитель, как же! Слишком далеко заходить в своих увлечениях — вот как это называется.

— Увлечениях? — Он повернулся ко мне. Сквозь туман мне было видно его искаженное лицо.— Ты это называешь увлечением?

— А как же еще? — проворчал я.— Как иначе назвать твоё стремление во что бы то ни стало выследить этого мифического злодея?

Я крепко держал его за руку, но как замороженный застыл под его взглядом.

— В Лондоне,— прошептал он.— В 1888 году... одной из тех безымянных нищих потаскушек, жертв Потрошителя... была моя мать.

— Что?

— Позднее меня принял и усыновил отец. Мы дали клятву посвятить всю жизнь поискам Потрошителя. Сначала это делал мой отец. Он погиб в Голливуде в 1926 году, идя по следу Потрошителя. Утверждали, что кто-то ударил его ножом во время драки. Но я знаю, кем был этот кто-то.

И тогда я принял от него эстафету, понимаешь, Джон? Я продолжал поиски. И буду искать, пока в конце концов не найду и не убью его вот этими руками.

Он отнял жизнь у моей матери, лишил жизни сотни людей, чтобы продлить свое гнусное существование. Как вампир, он живет кровью, питается смертью. Как дикий зверь, он рыскает по свету, замышляя убийство. Он хитер, дьявольски хитер! Но я ни за что не успокоюсь, пока не схвачу его!

Я поверил ему. Он не остановится. Передо мной стоял не пьяный болтун, а фанатик, не уступавший своей целеустремленностью и упорством Джеку Потрошителью.

Завтра он протрезвеет. Продолжит поиски. Может быть, передаст свои документы в ФБР. Рано или поздно он добьется успеха.

— Идем,— сказал я, увлекая его вниз по улице.

— Подожди,— ответил сэр Гай.— Отдай мой револьвер. С ним я буду чувствовать себя увереннее.

Он отгеснил меня в укрытую густой тенью маленькую нишу.

Я попытался стряхнуть его с себя, но Холлис был настойчив.

— Дай мне револьвер, Джон,— пробормотал он.

— Хорошо,— сказал я, пошарил под пальто и вытащил руку.

— Но это не револьвер,— возразил он.— Это же нож.

— Я знаю.

Я быстро навалился на него.

— Джон! — крикнул сэр Гай.

— Нет никакого Джона,— прошептал я, поднимая нож.— Я просто... Джек.

**Перевод с английского
РАМИНА ШИДФАРА.**

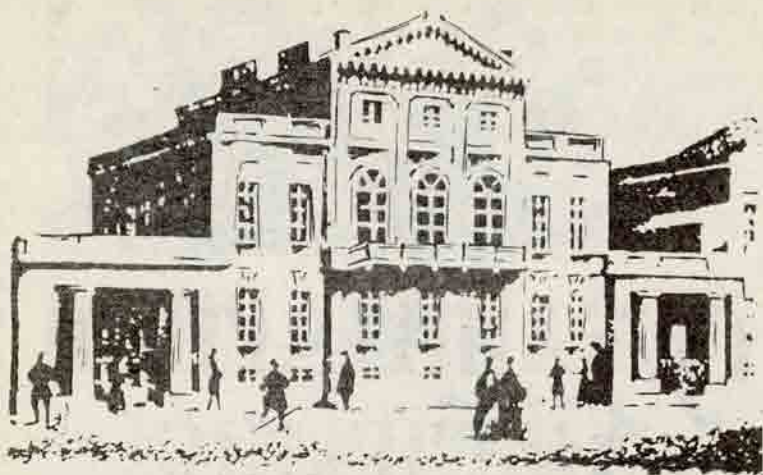
НЕЗАВИСИМАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ

НЕЗАВИСИМАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ —
негосударственное научное и учебное заведение,
объединяющее уникальный
интеллектуальный потенциал Ленинграда, духовные и материальные
ресурсы представителей зарубежных организаций в интересах
развития гуманитарных знаний на благо человека и во имя
прогресса современного демократического общества.

Независимая Гуманитарная Академия предлагает советским и иностранным гражданам обширный набор обучающих курсов различной продолжительности и интенсивности, составленных с учетом последних достижений педагогики, психологии и компьютерной техники. В их числе курсы по практическому русскому языку и филологическим специальностям для студентов, школьников, бизнесменов, специалистов и туристов. Программы курсов составлены с учетом уровня владения языком. Возможны занятия по индивидуальной программе.

Читаются курсы по истории Русского государства, по истории архитектуры, изобразительного, музыкального и театрального искусства,

по истории православной церкви. При этом Независимая Гуманитарная Академия организует также быт, отдых и культурный досуг обучаемых. В научной программе Академии — создание банков данных, проведение международных конференций, симпозиумов, выставок, создание компьютерных обучающих программ, издательская деятельность.

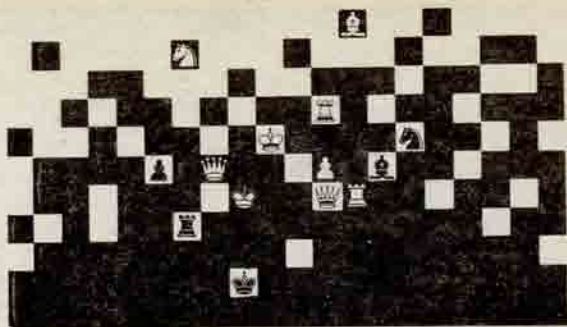
Независимая Гуманитарная Академия оказывает советским и зарубежным заказчикам научно-консультационные, переводческие, издательские услуги, организует обучение советских граждан иностранным языкам, способствует развитию международных контактов самого различного уровня и характера.

В рамках Независимой Гуманитарной Академии работают Институт живых языков, Институт еврейской истории и культуры, Исследовательский центр компьютерных технологий, Учебно-научно-производственный медико-технический центр. Усилия Независимой Гуманитарной Академии, направленные на развитие отечественной культуры, на расширение культурных и научных контактов, встречают поддержку просвещенных людей как в нашей стране, так и за рубежом.

Почтовый адрес
НЕЗАВИСИМОЙ ГУМАНИТАРНОЙ АКАДЕМИИ:

СССР, 197371, Ленинград, а/я 341
Телефон: (812) 218-97-13; 164-69-19; 213-80-03
Телефакс: 314-78-58; 212-13-46

33-я ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией
гроссмейстера
**ВИКТОРА
ЧЕПИЖНОГО**

280

Приглашаем читателей «Смены», любителей древней игры, принять участие в нашей очередной шахматной олимпиаде. В ходе заочного соревнования его участникам предстоит решить шахматные задачи и этюды советских и зарубежных авторов (в том числе и нигде ранее не публиковавшиеся). По традиции наши конкурсные задания будут состоять только из миниатюр, которые столь привлекательны для широкого круга шахматистов самой разной квалификации.

Олимпиада проводится в семь туров, каждый тур состоит из шести заданий. За правильно выполненное задание в зависимости от степени его трудности участник получает от одного до пяти баллов. Максимальная сумма баллов за верные ответы на все задания олимпиады равна ста. В нашем соревновании установлены квалификационные нормы для выполнения спортивных разрядов по шахматам: 32 балла для получения четвертого разряда, 52 — третьего, 92 — второго.

Двадцать пять участников, показавших лучшие результаты, будут объявлены победителями олимпиады и награждены дипломами «Смены» и книжными призами.

Ответы на задания следует посылать на открытках (без конвертов) с пометкой «33-я шахматная олимпиада. 1 тур». На открытке следует указать фамилию, имя и отчество, разряд по шахматам и домашний адрес. Последний срок отсылки ответов — 1 апреля.

Первый тур

I

Белые: Крб1, Фс4, Сд8, Ка4,
п. b6 (5) Черные: Кра5, Лб7 (2)
Мат в 2 хода (1 балл)

II

Белые: Крб5, Фа2, Лф4, Ка7 (4)
Черные: Крб8, Фа8, п. b7 (3)
Мат в 2 хода (1 балл)

III

Белые: Кре2, Лб6, Са3, Ка7 (4)
Черные: Кра1, п. e3 (2)
Мат в 3 хода (2 балла)

IV

Белые: Крг1, Ле4, Лh1, пп. d3,
h2 (5) Черные: Крf3, п. g4 (2)
Мат в 3 хода (2 балла)

V

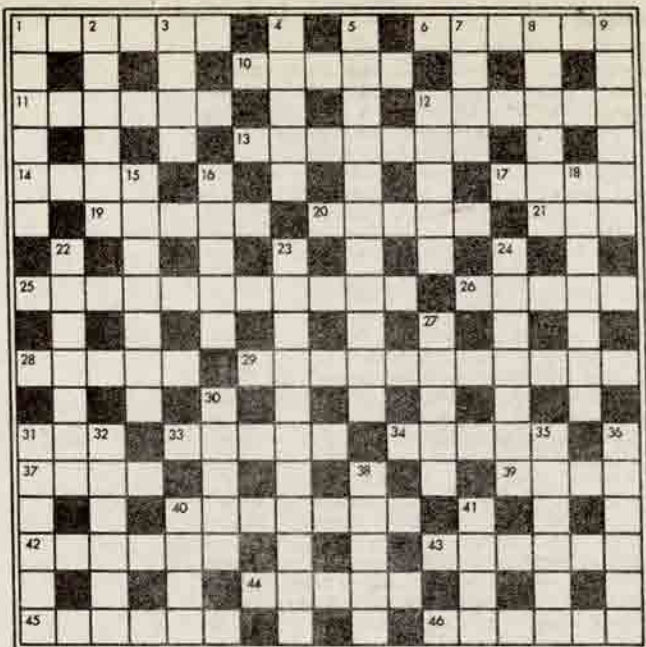

Белые: Кра6, Ла2, Сб6, Ка4,
п. a7 (5) Черные: Кра8, Лс1 (2)
Мат в 3 хода (2 балла)

VI

Белые: Крг2, Фс2, Лg3 (3)
Черные: Кра1, Фб6, пп. a2, c6 (4)
Мат в 3 хода (2 балла)

ЗРУДИТ

По горизонтали:

1. Единственный собеседник и родственная душа Нагульнова в «Поднятой целине» М. Шолохова. 6. Мать улыбок и слез. 10. Старая дева и ... — жительницы Англии, чьи гербы изображали на щитах ромбовидной формы. 11. «Лошадиное снадобье» в спорте. 12. Картина В. Татлина из морской жизни, на которой он изобразил самого себя. 13. Инструмент, передающий рассказ героини в симфонической фантазии П. Чайковского «Франческа да Римини». 14. Касатик. 17. Крапива с полуметровым прядильным волокном. 19. Моральное удушьё. 20. Поэт, чьи сочинения Александр Македонский велел хранить в ларце, захваченном после победы над Дарием. 21. «Самый английский» напиток в Европе. 25. Суп-пустомяс. 26. Испанский поэт, сказавший: «Меня больше интересуют люди на фоне пейзажа, чем сам пейзаж». 28. Наименее благородный из благородных металлов, но самый дорогой. 29. Живописная система, разработанная Ж. Сёра и П. Синьяком. 31. .... молдовеняска, оляндра, сырба, хора. 33. Отец художника П. Филонова — ...., мать — прачка. 34. Ткань, платье из которого фигурирует в повести И. Тургенева «Первая любовь». 37. Между добром и живете. 39. Старинная испанская монета, причем серебряная, была вдвое ценнее медной. 40. Человек, вырубивший самый известный в истории театра вишневый сад. 42. Гайдукартизан. 43. Съедобный для трески «родственник». 44. Одно из деревьев, укорененное монахами на острове Валаам. 45. Человек с тонким вкусом. 46. Инструмент, который лаядор (певец гаучо) разбивал, будучи побежденным в состязании или желая показать, что он достиг высшей степени совершенства.

По вертикали:

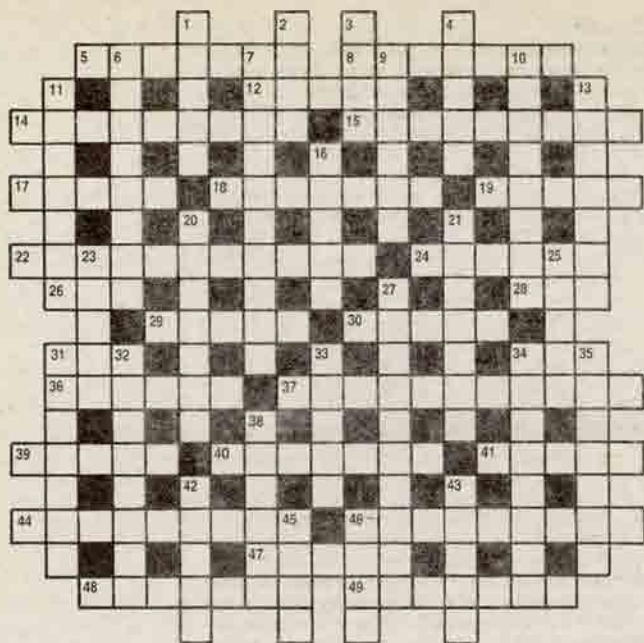
1. Первый экспатриант русской живописи. 2. Музыкальная «прихоть». 3. Место, где после драки кулаками не машут. 4. Свойство не знающей расчета славянской души (В. Сологуб. «Тарантас»). 5. Поэт, по совету которого рассказ А. Солженицына «Не стоит село без праведника» был назван «Матрениным двором». 7. Египетская богиня с пером страуса на голове. 8. Акробат, клоун или притворщик. 9. Физическая единица, названная по имени американского ученого и изобретателя. 12. Героиня греческой мифологии, изображенная на картинах Веронезе, Делакруа, Луссена. 15. Нейтронный фильтр в ядерной технике. 16. «Вода, вода, кругом вода». 18. Титул дю Деффан, которой Вольтер писал, что «по сравнению с клавесином фортепьяно — инструмент торговца кастрюлями». 22. Сын девы Марии. 23. «Стучат колеса на селе. Струятся и хрустят колосья» (прием в стихотворении Б. Пастернака). 24. Собака, которую охотники в Англии не заставляли принести убитую дичь. 27. Оперенный шлем. 30. Застывшая картина русской старины. 31. Самоцвет, хорошо помогающий, по мнению тибетских медиков, при лечении нервной системы и мозга. 32. Человек, которому дьячок в рассказе А. Чехова «Панихида» вынес из алтаря просфору. 35. Единственное, что, по мнению Ласкера, придает шахматной комбинации чарующее своеобразие. 36. Каждый из инструментов, под звуки которых в мае 1527 года ландскнехты Карла V осадили римские дома и убивали всех, кто в них скрывался. 38. Противница обжорства. 40. Одно из деревьев, какие Жанна в романе Ги де Мопассана «Жизнь» видела в Тополях из окна своей спальни. 41. Имя, под которым А. Пушкин воспел Е. Вревскую, сестру А. Вульфа.

**ОТВЕТЫ
НА «ЗРУДИТ»
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 12****По горизонтали:**

1. Памир. 5. Баламут. 9. Идеал. 10. Шурка. 11. Алжирки. 12. Спорт. 15. Хряк. 18. Изюм. 20. Жуковский. 21. Орф. 24. Верлибр. 25. Лицеист. 27. Фес. 29. Бангладеш. 32. Арто. 33. Цата. 35. Эрнст (Планк). 38. Цимбекс. 39. Лукач. 40. Сауле (теперь Шяуляй). 41. ...явление... 42. Нерей.

По вертикали:

1. Пищуха. 2. Марьяж. 3. Риас. 4. Чело. 5. Блат. 6. Лыжи. 7. Моризо. 8. Триумф. 13. Прообраз. 14. Риск. 16. Кукла (для демонстрации парижских мод). 17. Дилижанс. 19. Юрист. 22. Гебер. 23. Песец. 26. Угар. 27. Факция. 28. Стимул. 30. Шалкар. 31. Заячий. 34. Верн. 35. Эссе. 36. Науз. 37. ...тлен...

КРОССВОРД
Составил
М. Акулич,
Омск

По горизонтали:

5. Одна из геометрических фигур, изображенных на надгробье могилы Архимеда согласно его завещанию. 8. Наш... везде послел (поговорка). 12. Болотная трава, из которой раньше делали ткань и шили непромокаемые плащи для пастухов. 14. Царевич из греческих мифов, разрезавший по земле на колеснице и засевавший ее пшеницей, которую ему дала Деметра. 15. Пустынный зверек, съедающий саранчу, находясь в белой позе. 17. «Дитя» бенгальского огня. 18. Приспособление к бураву, метчику. 19. Богатство, вещи. 22. Цирковой номер, которому с детства учится каждый житель аула Цовкра в Дагестане. 24. Сан Кирика, автора наставления «Как человеку познать счисление лет». 26. Одна из крупнейших рек мира. 28. Дедушка, дядя у татар. 29. Наездник на скачках. 30. Арабское население Испании, первым осветившее улицы своих городов. 31. Брань, ругань. 34. Латышский поэт. 36. Ранний возраст. 37. Висмут, медь или свинец по отношению к одному из их физических свойств. 39. Лад. 40. Внутренний «контролер» нормального человека. 41. Крупнейший металлургический центр Японии, который в 1963 году вошел в состав города Китакою. 44. Птица с массивной головой, способная нырнуть в полынью за добычей. 46. Водяной знак на почтовой марке. 47. Аллеманда, жига или куранта. 48. Передаваемая во Вьетнаме из поколения в поколение профессия, чреватая смертью от яда. 49. Деталь токарного станка.

По вертикали:

1. Соцветие тысячелистника. 2. Особо выделанная кожа. 3. Ведущий жанр литературы до XVIII века. 4. Вожди оленьей упряжки у хантов. 6. Экипаж в рассказе В. Вересаева «Ванька», который «был густо засажен людьми». 7. Вредящая лесу бабочка, гусеница которой пахнет спиртом. 9. Поэт, в 1804—1808 годах один из самых знаменитых людей в России. 10. Шлем Вяземского перед поединком с боярином Морозовым в «Князе Серебряном» А. К. Толстого. 11. Немецкий математик, физик и филолог, составивший словарь к гимнам «Риг-веды». 13. Место, ставшее ненужным во многих наших магазинах. 16. Хоровое произведение. 20. Покрывало для ног в экипаже. 21. Основная народная характеристика лисы. 23. Жаркий месяц в Ершалаиме (М. Булгаков «Мастер и Маргарита»). 25. Отступление. 27. Личная вещь для игры английского короля Карла V, на которой было начертано: «С этими подданными и их властелином идет бескровное сражение». 31. Тонкая блестящая ткань. 32. Сильно пахнущее кристаллическое вещество, антисептик. 33. Украшение, в переводе с арабского означающее «поддельный жемчуг». 34. Русская мера сыпучих тел (26,24 литра). 35. Русское холодное оружие. 38. Металл. В Царь-колоколе его семьдесят два килограмма. 42. Аквариумная «рыбка-барометр». 43. Животное, подаренное в 1827 году французскому королю Карлу X турецким султаном. Подарок вызвал новую моду на галстуки, шляпы, кушаки. 45. Опьяняющий напиток из дикого перца в Океании. 46. Центр эгейской культуры на юге Крита, дважды разрушенный землетрясением.

**ОТВЕТЫ
НА
КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 12**

По горизонтали:

7. Частное. 10. Шиповки. 13. Давос. 14. Нотис. 16. Яркость. 17. Волосок. 20. Нравы. 23. Дагир. 25. Мул. 26. Позирование. 28. Ров. 29. Бакелит. 30. ...здравие. 31. Кан. 32. Баккара. 36. Воз. 37. «Хористка». 38. Мандарин. 39. Лансада. 40. Угол. 41. «Ромб». 44. Апокопа. 47. Эндокорд. 49. Нестеров. 51. Тар. 52. Адамант. 56. Нар. 57. Негатив. 59. Диподия. 60. Рей. 61. Ясновидение. 62. Тис. 63. Ферма. 65. Майор. 66. Арболит. 69. Адвокат. 72. Мелос. 73. Напор. 74. Жировик. 75. Миланка.

По вертикали:

1. Кадры. 2. Отворот. 3. Кострика. 4. Минотавр. 5. Фототиз. 6. Эксод. 8. Сак. 9. Нос. 11. Пол (Морфи). 12. Вис. 15. Ермаков. 16. Явление. 18. Караван. 19. Дивизия. 21. Аукар. 22. Йорк. 24. Говор. 26. Пиктография. 27. Единомыслие. 32. Баллада. 33. Контора. 34. Анафора. 35. Амарант. 42. Интерес. 43. Рорайма. 45. Денотат. 46. Борисов. 48. Дагер. 50. Радий. 53. Дионисий. 54. Муин. 55. Наездник. 58. Всполох. 59. Дикопас. 64. Армия. 65. Марка. 67. Бер. 68. Лов. 70. Вал. 71. Кон.

В 1989 году
19-летняя
студентка
Грузинского
института
физкультуры
Христина
Фаласинили
стала
первой
советской
чемпионкой
Европы
по синхронному
плаванию
среди солисток.

Соло на воде и под водой

АНДРЕЙ БАТАШЕВ

Фото **АНДРЕЯ ГОЛОВАНОВА**

Синхронное плавание фрагментарно. Спортсменки вычерчивают композиции то руками, то ногами, лишь изредка всем телом показываясь на зеркале водной поверхности. Программы смонтированы по принципу видеоклипа: по отдельным деталям зритель должен создать в своем воображении образ единого целого.

Так же и с характером Христины: не любит в разговоре «раскрывать душу», приходится «подключать» воображение.

На чемпионате Европы в Бонне она исполняла произвольную композицию на музыку «Спейс». Христина удачно решила не только чисто спортивные задачи — особенно хороши были ее высокие и мощные выходы из воды. — она ярко выразила контрастные настроения музыки, вобравшей в себя «земные» и «космические» мотивы.

— Контрастность — то, что ей необходимо, — говорит тренер Наталья Машук. — Ведь Христина —

это средоточие крайностей. С одной стороны, она вроде бы абсолютно уверена в себе, с другой — очень ранима. Поражения переживает болезненно, и, чтобы вывести ее из такого состояния, необходимо чуть ли не санаторное лечение...

Христина любит веселые компании, однако трудно сходится с людьми: с удовольствием тренируется в бассейне, но боится купаться в море; до сих пор не может поверить в реальность того, что она чемпионка Европы, и в то же время не сомневается, что находится под защитой некой высшей силы...

У Христины Фаласиниди (рост 172 см, вес 54,5 килограмма) немало достоинств — пластичность и гибкость, резкость и быстрота, выносливость и сила. Но, пожалуй, главная ее особенность — это умение всякий раз безошибочно выбирать в воде такое положение, из которого можно продол-

жать двигаться с максимальной скоростью.

А вот в жизни Христина не спешит, полагаясь на естественный ход событий...

Гречанка по национальности, она родилась и выросла в Тбилиси. Ее отец (он умер восемь лет назад, оставив трех дочерей) был автослесарем, мать — портниха...

Каким было детство?

— Веселым, — улыбается Христина. — Мы с утра до ночи играли во дворе, катались на велосипедах, лазали по деревьям... Одна игра превращалась в другую, и это продолжалось до тех пор, пока я не начала заниматься спортом. Сначала гимнастикой, а потом синхронным плаванием. Правда, я довольно быстро поняла, что спорт мало похож на детские игры, когда сталкивалась с людьми, которые, не веря в меня, закрывали мне путь наверх. Не обращали внимания на мои результаты.

И все же в 16 лет Фаласиниди, «случайно» попавшая на чемпио-

нат Европы среди девушек, чужданно для многих стала серебряным призером, выступая соло. Затем — вместе с подругами по команде — первенствовала в соревнованиях групп.

Синхронное плавание — вид спорта художественный. Поэтому здесь, чтобы завоевать зрительские симпатии, нужно еще быть красивой и обаятельной или хотя бы не сомневаться, что это именно так...

Христина не в восторге от своей внешности. Однако почти не употребляет косметики, поскольку считает: «Нужно быть такой, какой создала тебя природа, и не пытаться кого-то обманывать с помощью макияжа».

Не мешает ли ей слишком критическое отношение к себе? Не сковывает ли оно во время выступлений?

— Я только в последние годы начала над этим задумываться, — говорит Наталья Машук. — За шесть лет занятий с Христиной я привыкла, что она на редкость уверенно и последовательно овладевает техникой синхронного плавания. Мне казалось, я всегда могу предсказать, какой будет моя ученица завтра. Но, оказывается, ошибалась.

На сборах в Эшерах, на берегу Черного моря, вместе с советскими тренировались кубинские спортсмены. Как-то к Машук подошла тренер-кубинка и спросила разрешения поставить Фаласиниди кое-какие движения.

Та согласилась... Помогая ей постичь новое, кубинский тренер старалась внушить Христине, что та по-настоящему красива и талантлива, и ей для того, чтобы побеждать, нужно обязательно довериться своему внутреннему чувству и, забыв обо всем, испытать счастье самораскрытия...

Присутствуя на этом уроке артистизма, Наталья Машук поняла, что тренер всегда должен заботиться еще и о том, чтобы пробудить и укрепить в ученице чувство

собственного достоинства, освободив ее от страха перед зрителями и судьями...

— Правда, в последнее время, — улыбается Машук, — у Христины и без моей помощи здорово повысилась самооценка: она вышла замуж, почувствовала себя любящей и любимой.

...Несколько лет назад Наки Фаласиниди увидел в газете портрет Христины Фаласиниди и понял, что должен обязательно разыскать ее. Совпадение фамилий он воспринял, как подсказку судьбы.

— Наки играет на клавишных, ударных и на бузуки — национальном греческом инструменте, — рассказывает Христина. — Сам пишет музыку. Возможно, я смогу использовать его мелодии в своих программах...

В 1985 году Христина Фаласиниди впервые вошла в число восьми сильнейших синхронисток страны. Сегодня она семикратная чемпионка СССР в различных видах синхронного плавания. Причем в течение последних лет неизменно побеждает в состязаниях солисток. Однако и успехи, и золотая медаль чемпионки Европы не мешают ей реально оценивать свои возможности.

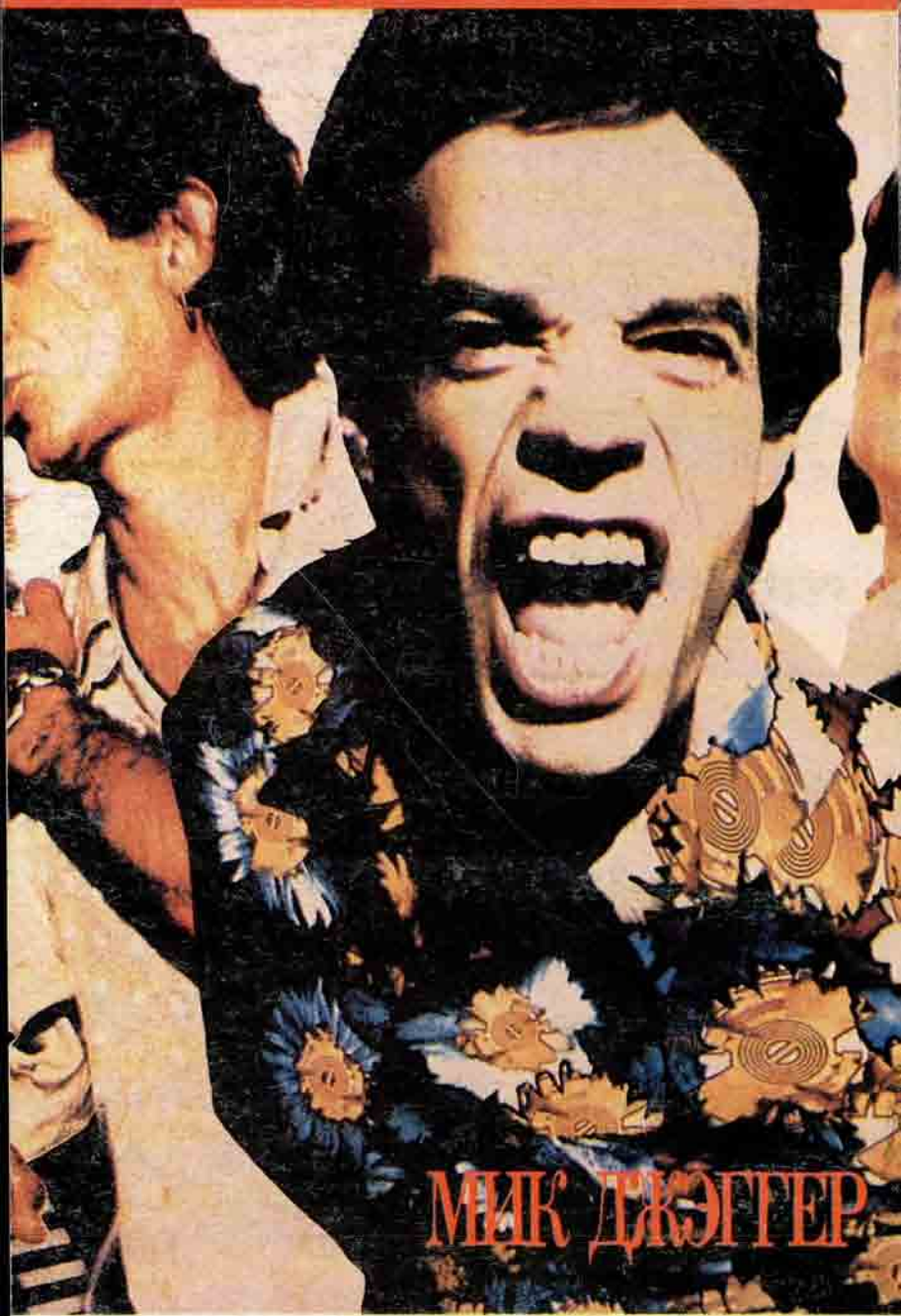
— Сегодня лидеры мирового синхронного плавания — американки, канадки и японки, — говорит Христина. — Они выполняют свои совершенные по хореографии и оригинальные по рисунку композиции почти со сверхъестественной резкостью и точностью. И вряд ли кто-либо из европейских спортсменок сможет в ближайшие годы на равных соперничать с ними...

Все верно. Но есть еще и вдохновение. Христине оно хорошо знакомо. Ведь она наверняка не забыла тот урок, который когда-то дала ей тренер-кубинка, сумевшая убедить Христину: она красива и талантлива, и ей для того, чтобы побеждать, нужно обязательно довериться своему внутреннему чувству.

И — быть счастливой...

ИНДЕКС 70820. 1 р. 65 коп.

МИК ДЖЭГГЕР

МУЗЫКАЛЬНАЯ АНТЕННА ПРЕДСТАВЛЯЕТ: